This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

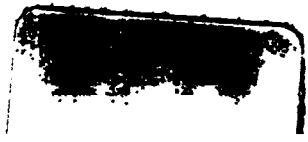
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

STAT 3493.11

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER



I-2

"OPISANIE ZEMLI VOISKA DONSKAGO"

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ЗЕМЛИ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Войсковаго Статистическаго Комитета.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
В. Г. Д[illegible]

НОВОЧЕРКАСКЪ.
1869.

Slav 3445.71 (1-2)

✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 10 1966

Keller fd

ВСТУПЛЕНІЕ.

Пространство земли, занимаемое нынѣ Войскомъ Донскимъ, принадлежало къ странѣ называемой въ древности нѣкоторыми Греческими писателями иногда *Гипербореемъ*, т. е. за сѣверомъ, а иногда *Скиѳіею*.

Издревле обитали здѣсь народы, но погруженные въ невѣжество и покрытые мракомъ временъ баснословныхъ(1). Токмо среднихъ временъ Греческіе историки даютъ гораздо достовѣрнѣйшее и яснѣйшее понятіе о народахъ, въ то время здѣсь обитавшихъ. Ибо тогда только начали они имѣть сообщеніе съ ними, прежде же писали почти единственно по слухамъ и неосновательнымъ разсказамъ выходцевъ(2).

По ихъ преданіямъ знаемъ мы, что Скиѳы или Сколотты, обитатели восточныхъ окрестностей Каспійскаго моря, вытесненные оттуда Массагетами, перешли Волгу и утвердились между Дунаемъ и Дономъ. Много было ордъ ихъ, но часть земли Войска Донскаго, правую сторону Дона и окрестности Азовскаго моря, занимала главная или царственная орда. За Дономъ, къ степямъ астраханскимъ, жили Сарматы или Савроматы. Они наступили на Скиѳовъ, побѣдили ихъ, присоединили къ своему народу и съ того времени исчезло особенное бытіе Скиѳовъ Въ первомъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія явились Алане, они скитались по степямъ Азіи, до самой Индіи, грабили по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей и вытѣснили Сарматовъ. Къ нимъ принадлежали, вѣроятно, Аорсы и Сираки, жившіе между Кавказомъ и Дономъ. На сихъ Аланъ, въ концѣ IV вѣка, напали Гунны,

(1) Истор. Госуд. Рос. т. I, стр. 3 и 4. Описаніе Воронежск. губ. стр. 2.

(2) Опис. Ворон. губерн. стр. 3. Ист. Госуд. Рос. т. I, стр. 5.

народъ свирѣпый и ужасный видомъ. Они отъ полуночныхъ китайскихъ областей перешли чрезъ Донъ, предавая все огню и мечу; но ихъ могущество упало съ смертію грознаго Аттиллы, въ половинѣ V вѣка; только слѣды ихъ шествія означались самымъ гибильнымъ разрушеніемъ, между прочимъ и часть земли, занимаемая нынѣ Войскомъ Донскимъ, представляла въ то время пустыню, гдѣ весьма изрѣдка скитались иногда бѣдные остатки народовъ. Греческіе писатели, полагая *Танаисъ* въ числѣ знатнѣйшихъ рѣкъ, считали его предѣломъ между Европейскою и Азіатскою Скиѳіею. Другіе же, назначая предѣломъ Азіи Волгу, раздѣляли Танаисомъ Азіатскую Сарматію отъ Европейской.

Уже Геродотъ, имѣвшій связи съ знатнѣйшими Скиѳами зналъ, что рѣка сія вытекаетъ изъ какого-то озера. Байеръ говоритъ, что Донъ у Арабскихъ народовъ и до нынѣ называется *Танъ и Тана*. Турки называютъ его—*Тенъ-Дуга* или рѣкою *Тенъ*, какъ и Дунай. Татары называютъ его *Тенъ* и *Тинъ* Славянскіе же народы всѣ вообще называютъ его *Дономъ*.

Въ Россійской Исторіи, мѣста нынѣшней Донской области и нѣкоторыя другія украинскія издревле именовались *Полемъ* (3), попричинѣ ихъ ненаселенности. Тутъ обитали попеременно: *Козары Печенеги и Половцы*.

Козары, народъ могущественный и сильный, имѣвшій уже гражданскіе обычаи, распространили въ VII вѣкѣ владѣнія свои отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго и господствовали тутъ до X столѣтія. Прельщенные выгодами торговли, они держали во власти своей Донъ болѣе трехъ вѣковъ, и на берегу его искусными греческими художниками построили крѣпость Саркелъ(4) для защиты жилищъ сво-

(3) Нест. лѣт. Описан. Воронежск. губ. стр. 5.

(4) Знаменитый Россійской Исторіографъ Карамзинъ первый утвердительно опредѣляетъ мѣсто Саркела, основываясь на путешествіи митрополита Пимена, плывшаго Дономъ къ Азовскому морю въ 1389 году. Сей митрополитъ миновавъ въ воскресенье устье Медвѣдицы, во вторникъ достигъ до городища *Серкіи*, ко-

ихъ отъ нападенія Печенеговъ. Въ землѣ Донскихъ казаковъ(*)было еще нѣсколько городовъ Козарскихъ: лѣтописцы упоминаютъ объ ,Осѣневѣ, Сугровѣ(5) и другихъ.—Хотя большая часть Козаръ жили домами, но имѣли и кочевья; строенія ихъ были кирпичныя и мазанки(6). Племена славянскія

торое Карамзинъ признаетъ за Саркелъ и полагаетъ, его около Качалинской станицы, гдѣ Волга сближается съ Дономъ и гдѣ Козары должны были наиболѣе опасаться Печенеговъ. Но при внимательномъ разсматриваніи мѣстъ, въ окрестности Качалинской станицы верстъ на сто, не примѣтно однакожъ и слѣдовъ, какого либо древняго укрѣпленія; да и въ памяти у жителей тамошнихъ не сохранилось о томъ никакого преданія. Близъ же Цымлянской станицы, по лѣвую сторону Дона, видны и по нынѣ развалины какого-то древняго, великолѣпнаго и укрѣпленнаго жилища. Надъ самымъ Дономъ, гдѣ нѣкогда протекалъ онъ, было самое укрѣпленіе, какъ видно, обведенное кирпичными стѣпами и окруженное водою, съ одной стороны самымъ Дономъ, а съ другой—широкимъ и глубокимъ каналомъ. Строенія въ немъ всѣ были кирпичныя. Жители станицы брали и берутъ еще нынѣ отсюда множество кирпича, прежде на поверхности, а теперь отрываютъ въ землѣ иногда цѣлыя стѣны. Кирпичъ квадратный, болѣе четверти въ каждую сторону, но есть и точно такого вида, какъ нынѣ дѣлаютъ. Болѣе нежели за 20 лѣтъ до сего, нашли въ здѣшнихъ развалинахъ три обломка мраморныхъ колоннъ, кои въ поперечникѣ болѣе двухъ четвертей; въ прошедшемъ же году найденъ тутъ(**) небольшой янтарный крестъ, безъ всякой надписи; также находили и находятъ иногда на семъ мѣстѣ монеты и много разныхъ другихъ мелочныхъ вещей. Противу городища сего надъ Дономъ, съ правой стороны, на самой возвышенной горѣ, находятся развалины какого-то храма, или замка, величественнаго, который, вѣроятно, былъ весь изъ бѣлаго камня. На полугорѣ, по теченію рѣки Дона выше сего зданія, выходитъ изъ земли огромный камень, на коемъ высеченъ крестъ. Судоходцы утверждаютъ, что при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ и при быстротѣ вешней воды, отъ Медвѣдицы до Цымлянской станицы, можно стать на третьи сутки, если въ пути нигдѣ неостанавливаться.

(*) Здѣсь пишется *казакъ*, а не козакъ, какъ въ нѣкоторыхъ Исторіяхъ, ибо во всѣхъ Россійскихъ Лѣтописяхъ слово сіе удерживаетъ въ первомъ слогѣ букву *а*.

(5) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 135.

(6) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 135.

(**) Въ рукописи позднѣйшаго времени вмѣсто: „за 20 лѣтъ,“ какъ здѣсь, говорится: „за 30 лѣтъ,“ а вмѣсто слова: „*въ прошедшемъ*,“ говорится: „въ 1825 году.“ Слѣдовательно, печатающаяся нынѣ рукопись относится къ 1824 году.

не могли противустоять силѣ оружія сего могущественнаго народа, платили имъ дань, пока наконецъ въ 965 г. мужественный и храбрый Святославъ побѣдивъ ихъ, взялъ городъ Бѣлую Вежу или Саркелъ, и уничтожилъ власть ихъ Но конечное паденіе Козаровъ совершилось въ первой половинѣ XI вѣка (въ 1021 году). Съ одной стороны Россіяне, а съ другой—Узы, Печенеги, Команы, Ясы, говоритъ Карамзинъ, ослабили и сокрушили сіе, нѣкогда знаменитое царство, которое отъ устья Волги простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки.

Въ 1117 году, какъ лѣтописецъ упоминаетъ, Бѣловежцы, пришедъ въ Русь, охотно приняты Владиміромъ Мономахомъ и тутъ даны имъ земли для поселенія.

Печенеги, въ землѣ Войска Донскаго, кажется, не имѣли своихъ жилищъ,—они только проходили здѣсь временно.

Болтинъ(7) утверждая, что они жили по Дону, Донцу и Днѣпру, вѣроятно разумѣетъ верховья Дона и Донца. Тѣснимые сосѣдами своими Узами, они въ первый разъ въ 915 году, проходили мѣстами сими изъ степей саратовскихъ къ Дунаю(8). Послѣ многихъ гибильныхъ для Россіи набѣговъ ихъ, въ 1036 году, побѣжденные Половцами, они ворвались въ Южную Россію, но прогнанные Ярославомъ, многіе ушли къ товарищамъ своимъ на Дунай, а нѣкоторые остались еще между Волгою и Днѣпромъ, гдѣ жили уже Половцы (9). Еще въ 1114 году, въ лѣтописяхъ нашихъ упоминается о сраженіи Половцевъ съ Торками и Печенегами, двое сутокъ продолжавшемся; оно было у рѣки Дона. Послѣ сего Печенеги пришли къ великому князю Владиміру и поселены въ Руси, по разнымъ городамъ(10). За симъ нигдѣ уже неупоминаются Печенеги, какъ особый народъ.

Половцы, или *Команы*, народъ дикой и жестокой полагав-

(7) Примѣч. на Исторію Леклерка т. I, стр. 38.
(8) Истор. Госуд. Рос. т. I стр. 145.
(9) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 321 и 374.
(10) Татищ. Истор. т. II, стр. 218. Описаніе Воронежск. губ. стр. 7.

шій забаву въ грабежахъ и кровопролитіи, питавшійся нерѣдко сырымъ мясомъ и кровью животныхъ, единоплеменный съ Печенегами и, какъ полагаютъ, съ нынѣшними Киргизами, вышелъ изъ окрестностей Каспійскаго моря, выгналъ Казаръ, Печенеговъ, Узовъ и занялъ мѣста отъ Дона до Молдавіи. Въ половинѣ XI вѣка(11) завладѣвъ устроенными городами козарскими, онъ основалъ въ нихъ жилище свои и привыкъ къ домамъ. Такимъ образомъ города, воздвигнутые на берегахъ Дона Козарами, стали принадлежать Половцамъ и, можетъ быть, отъ нихъ уже названы тѣми именами, подъ коими извѣстны въ лѣтописяхъ(12). Въ землѣ Донскихъ казаковъ были города ихъ: *Балинъ*, *Чевшлюевъ*, *Осѣневъ*, *Сугровъ*(13) и другіе,—всѣ на берегахъ Дона; также многіе вежи и кочевья. Ихъ же жилища простирались по рѣкѣ Салу, и словомъ вся теперешняя земля Донскихъ казаковъ ими (Половцами) была занята. Новые варвары сіи ища добычъ, безпрестанно разоряли Россію; опустѣли многіе города и селы отъ грабежей ихъ. Россіяне, чувствуя всю тягость сосѣдства сего, тронутые страданіемъ отечества, въ 1101 году соединились, пошли въ землю половецкую и одержали надъ многочисленнымъ, гордымъ непріятелемъ знаменитую побѣду. Чрезъ десять лѣтъ, соединенная Русская рать снова явилась въ землѣ сихъ злобныхъ враговъ и прошла гораздо далѣе къ Дону. Городъ Осѣневъ встрѣтилъ ихъ съ хлѣбомъ и дарами и потому пощаженъ; Сугровъ обращенъ въ пепелъ. Войска русскія прошли къ Салу и тамъ имѣли самую отчаянную и кровопролитную битву, увѣнчавшую ихъ новою славою. Въ 1116 году, какъ пишется у Нестора, третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, ходилъ на половецкую землю къ Дону и взялъ три города ихъ Балинъ Чевшлюевъ и Сугровъ (вѣроятно возобновленный).

Въ 1120 году «*онъ же ходилъ на Половцевъ за Донъ и необрете ихъ возвратился*». Въ 1127 году войско Мстисла-

(11) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 67 и 68. Описаніе Воронеж. губ.
(12) Истор. Госуд. Рос. т. II. стр. 135.
(13) Описаніе Воронежск. губ. стр. 7.

ново загнало Половцевъ нетолько за Донъ, но и за Волгу. Такимъ образомъ власть ихъ въ теперешней землѣ Донскихъ казаковъ мало-помалу исчезала; но они все еще скитались тутъ до появленія татаръ, ибо еще въ 1198 году великій князь владимірскій (что на Клязьмѣ) *Всеволодъ*, какъ пишетъ лѣтописецъ(14), «ходи на Половцы съ сыномъ своимъ Константиномъ, Половцы же слыша походъ его, бѣжаша и съ вежами прочь; князь же великій ходивъ по становищамъ ихъ, иде прочь возлѣ Дона». Въ сіе время русскими разорены и сожжены зимовья ихъ. Нашествіе Татаръ совершенно искоренило Половцевъ. «Ими до основанія разорены твердыни, грады и селенія половецкія»,—какъ говоритъ Лызловъ(15). Многіе Половцы, пришедши въ Русь, крестились и разселились по городамъ(16).

Въ 1224 году явился въ предѣлахъ Россіи новый, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстный намъ народъ *Татары*, или Монголы, народъ страшный наружностію, свирѣпый и искусный на войнѣ; они въ сіе время прошли только часть земли, занимаемую теперь Войскомъ Донскимъ и исчезли. А въ 1237 году подъ предводительствомъ Батыя вновь явились, покорили подъ власть свою Россію и съ того времени страна, теперь Войскомъ Донскимъ занимаемая, сдѣлалась, между многими другими, мѣстомъ кочевья ихъ; наиболѣе же умножились въ оной жилища татарскія въ 1348 году, когда необыкновенный моръ, свирѣпствовавшій въ волжскихъ городахъ, принудилъ Татаръ бѣжать въ степи(17).

Такимъ образомъ распространились жилища ихъ въ теперешней землѣ Войска Донскаго по всему Дону, Донцу,

---

(14) Нест. лѣт. стр. 293. Описаніе Воронежск. губ. стр. 8.

(15) Скиѳск. его Истор. стр. 23.

(16) Истор. Татищ. ч. III, стр. 441. Описаніе Воронежск. губ. стр. 8. Истор. о Тавріи Сестренцев. Багуш. т. II, стр. 145 и 153. Записк. Кас. Р. И. т. I, стр. 43 и 389 и ч. III т. III стр. 380 и 389.

(17) Скиѳск. Истор. Лызлова стр. 49. Истор. о Тавріи Сестренц. Богуша т. II, стр 228.

Медвѣдицѣ и частію по Хопру; свидѣтельствуютъ то оставшіеся и до нынѣ слѣды ихъ пребыванія—развалины кирпичныхъ зданій и прочее.

На берегахъ Дона ихъ было менѣе, а большею частію они углублялись въ степи; потому-то можетъ быть и митрополитъ Пименъ, плывшій Дономъ въ 1389 г. невидалъ, какъ пишетъ, и слѣда человѣческаго, начиная отъ устья Хопра и до городища *Сержіи* (до Качалинской станицы, какъ полагаетъ Карамзинъ); ниже же по Дону встрѣчалъ вездѣ множество Татаръ—«*яко же листъ и яко же песокъ*».

Но что дѣйствительно жили они и въ сей верхней части Дона, въ томъ удостовѣряютъ оставшіеся отъ нихъ памятники. На стенахъ медвѣдицкихъ видны еще и теперь въ четырехъ или пяти мѣстахъ, развалины ихъ мечетей кирпичныхъ. Тутъ также близъ Глазуновской станицы было какое-то зданіе, коего внутреннія стены состоятъ изъ поливанныхъ разноцвѣтныхъ кахлей, сохранившихъ и донынѣ яркой цвѣтъ свой(18). Противу сихъ степей медвѣдицкихъ, съ правой стороны Дона къ рѣчкамъ Чиру, Сускану, Куртлаку и Царицѣ вездѣ видны слѣды жилищъ татарскихъ, кажется и три первыя рѣчки отъ нихъ получили названіе(19). Далѣе по Иловлѣ, по Шеряю и по Салу занимали они почти всѣ мѣста(20). Съ другой стороны, когда усилилась

(18) Зданіе сіе, сколько изъ развалинъ заключить можно, имѣетъ въ длину 90 саж., а въ ширину 30, и стены, изъ цвѣтныхъ кахлей состоящія, углубляются въ землю аршина на три.

(19) По симъ рѣчкамъ, во многихъ мѣстахъ видны небольшія ямы, съ рыхлою землею, въ такихъ пространствахъ, какъ аудомъ большимъ или меньшимъ занять можно, въ ямахъ на поверхности множество черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, кои гораздо толще нашихъ. Утверждаютъ, что рѣчка Сусканъ получила названіе отъ татарскаго владѣльца Сусъ, который кочевалъ тутъ съ улусомъ своимъ, равно какъ и Чиръ отъ другаго владѣльца Чира.

(20) По Иловлѣ и по Шеряю есть мечети татарскія, кои совершенно разрушены и только на мѣстахъ ихъ изъ земли вырываютъ еще множество кирпича. Тутъ въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ есть также остатки отъ тѣхъ зданій, коихъ внутреннія

Крымская орда, то кочевья ея распространялись почти по всему нынѣшнему Міускому округу и частію по Донцу([21]).

стены украшены были разноцвѣтными кахлями.

([21]) Съ правой стороны Донца, выше Каменской станицы, верстахъ въ трехъ, при балкѣ *Рыгиной*, явственно видны слѣды бывшаго вала и рва со всѣми ихъ поворотами. Валъ сей имѣетъ въ окружности двѣ съ половиною версты и простирается по лѣвой сторонѣ Рыгиной, начинаясь отъ устья ея, гдѣ она впадаетъ въ Донецъ, разстояніемъ на полторы версты; онъ обоими флангами примыкаетъ къ балкѣ сей, которая въ прежнее время всегда была съ водою и очень глубока, такъ, что еще лѣтъ за 30 предъ симъ, не было на ней нигдѣ бродовъ, нынѣ же течетъ самымъ тонкимъ ручейкомъ.

Съ южной стороны примыкаетъ къ главному валу еще небольшая крѣпостца, которая оканчивается скалою, почти совершенно неприступною. Все пространство, внутри главнаго вала заключающееся, представляетъ слѣды бывшихъ жилищъ постоянныхъ: бугры, ямы, совершенно съ рыхлою землею и въ нѣкоторомъ порядкѣ разбросанные, различной величины и вида. На каждомъ изъ нихъ множество черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ— горшковъ, кувшиновъ и другихъ, кои однакожъ необыкновенной толстоты, и какъ изъ частей заключать можно, были весьма велики и искусно сдѣланы. За валомъ также предполагать должно жилища; входъ ихъ со стороны западной. За нѣсколько предъ симъ лѣтъ выпаханъ изъ земли лемешъ, (недалеко отъ онаго мѣста), который отличенъ отъ нашего тѣмъ, что до половины остръ съ обѣихъ сторонъ. Около сихъ же мѣстъ находили мѣдные оконечники стрѣлъ, весьма красиво и искусно сдѣланные; сіе ведетъ къ догадкамъ, что здѣсь упражнялись даже въ хлѣбопашествѣ и знали ремесла.

Въ юрту Каменской же станицы съ лѣвой стороны Донца, въ разныхъ мѣстахъ, около берега, находятся остатки отъ подобныхъ жилищъ, но только несравненно въ меньшихъ пространствахъ, безъ укрѣпленій, и даже можетъ быть кочевья; между ими то сходство, что такіе же точно черепки вездѣ и тутъ разсѣяны и находятъ здѣсь такіе-жъ оконечники стрѣлъ. Въ одномъ изъ сихъ мѣстъ, разстояніемъ отъ станицы верстахъ въ пяти, вверхъ по Донцу, недавно нашли болѣе пятнадцати скелетовъ костей человѣческихъ, лежащихъ въ порядкѣ, (вѣроятно кладбище). Всѣ они обращены головами къ югу и у праваго плеча каждаго стоялъ горшокъ. На одной ручной кости нашли мѣдную наручню. (Въ землѣ Донскихъ казаковъ онѣ называются бѣлезиками и прежде женщины всегда ихъ носили).

Подобные небольшіе слѣды жилищъ находятся и въ другихъ

Гибельное нашествіе Тамерлана, внутренніе раздоры и въ особенности постепенное могущество Россіянъ, мало по малу разрушили владычество Татаръ. Они стали бояться жить близко къ русскимъ владѣніямъ и подавались далѣе въ задонскія степи и къ Волгѣ, оставляя теперешнюю часть земли занимаемую Войскомъ Донскимъ, пока наконецъ сильная рука Іоанна нанесла рѣшительный ударъ магометанской гордости и поставила грань владѣній своихъ за предѣлами царствъ *Казанскаго* и *Астраханскаго*.

Сіи-то народы были прежніе обитатели страны, теперь Войскомъ Донскимъ занимаемой; два первые исчезли прежде, нежели имя Войска Донскаго было извѣстно; послѣдніе-жъ, въ особенности татары Крымскіе, долго были Войску Донскому сосѣдями и нерѣдко испытывали силу оружія онаго, какъ впослѣдствіи увидимъ.

мѣстахъ по Донцу, только такого большаго и укрѣпленнаго мѣста, какъ первое, нигдѣ нѣтъ: его безъ сомнѣнія почесть должно городомъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ появленія казаковъ на берегахъ Дона до воцаренія въ Россіи Михаила Ѳеодоровича, въ теченіи 70 лѣтъ.

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія. —Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ Полемъ.—Жалобы двора Московскаго царю Крымскому и Турецкому султану на разбои, производимые на Полѣ.—Знаменованіе слова казакъ. Разныя наименованія казаковъ. Первыя упоминанія о Донскихъ казакахъ, явившихся на Дону.

Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія. Угнетенное и обезсиленное Монголами царство Русское получило новую жизнь въ періодѣ царствованій Великихъ Князей Василія Іоанновича и Іоанна Грознаго. Сверженіе ига варваровъ, коимъ Россія болѣе двухъ столѣтій платила дань и коихъ повелители возводили на престолъ московскій Царей-потомковъ Рюриковыхъ и вновь низводили по своей волѣ—было то великое событіе, которое воскресило въ сердцѣ каждаго россіянина духъ мужества и самоотверженія. Но крымскіе и ногайскіе Татары все еще не переставали, время отъ времени, опустошать южные предѣлы Россіи и даже вторгаться во внутреннія ея провинціи, гдѣ они грабили города, сожигали селенія, уводили много людей въ плѣнъ, и самое сердце Россіи—Москва, не рѣдко содрагалось, видя опустошенія и пожары окрестностей своихъ, производимые этими варварами.

Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ Полемъ. Болѣе другихъ мѣстъ подвергались неистовству ихъ предѣлы Княженія Рязанскаго и Сѣверія (1). Эти области рус-

(1) Есть много достовѣрности, что русскія Княженія Сѣверское и Рязанское примыкали къ землямъ Тмутараканн, когда область сія состояла подъ владычествомъ русскихъ князей (988—1094 г.); доказательства на сіе представлены, хотя и мимоходомъ, въ статьѣ Будкова въ слову о полку Игоревѣ, напечат. въ № № 21 и 22 „Вѣстн. Европы“ 1821 года.

скія отдѣлялись отъ обиталища Татаръ пустою, пространною степью, которая шла отъ южныхъ береговъ Волги чрезъ Донъ, почти до Днѣпра и которая тогда извѣстна была въ лѣтописяхъ подъ названіемъ Поля. Произведя внезапный набѣгъ, Татары всякій разъ легко могли укрываться въ глухой пустынѣ, гдѣ преслѣдованіе было гибельнѣе самыхъ набѣговъ ихъ. Эта пустыня скоро сдѣлалась пріютомъ разбойниковъ: постоянныя торговыя дороги, здѣсь пролегавшія, и извѣстные перевозы на рѣкахъ, манили сюда отважныхъ храбрецовъ искать добычъ и опасностей.

Жалобы двора нашего царю Крымскому и Турецкому султану на разбои, производимые на Полѣ.[2] Еще въ послѣдней половинѣ XV столѣтія начали обнаруживаться на Полѣ грабежи и убійства, производимые разными самовольными толпами: въ 1489 году на Донцѣ, на устьѣ Оскола, крымскіе Татары напали на нашихъ гостей, изъ Крыма возвращавшихся, перебили ихъ и пограбили. Услышавъ объ этомъ, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ поручилъ Грибцу Клементьеву, отправлявшемуся въ Крымъ съ грамотою, просить крымскаго царя о розысканіи грабителей, о наказаніи ихъ и о возвращеніи россіянамъ взятыхъ у нихъ вещей (2).

Въ началѣ XVI столѣтія буйныя толпы на Полѣ до того умножились, что изъ Украинныхъ россійскихъ мѣстъ посылаемы были партіи для развѣдыванія, дабы предотвращать внезапныя нападенія. Чаще всего производили набѣги Азовскіе казаки; почему Великій Князь Василій Іоанновичъ, въ 1523 году, чрезъ посла своего, дворянина Ивана Морозова, жаловался на нихъ Турецкому Султану, просилъ его под-

(2) Посольскихъ дѣлъ двора Крымскаго книга №1 стр. 190. Въ памяти нѣкоему Грибцу Клементьеву, отправленному отъ Великаго Князя Іоанна III Васильевича къ крымскому царю Менгли-Гирею съ грамотою, между прочимъ сказано: „Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: гости наши „шли изъ твоей орды: Степанъ, Васильевъ сынъ, съ товарищи,—и пришедъ „на нихъ Татарове на Донцѣ Усть-Оскола, да ихъ перебили и перегра„били, а слухъ намъ таковъ, что—де и тѣхъ нашихъ гостей и твоихъ „люди грабили, и ты бы того обыскалъ, да взятое велѣлъ бы еси отдати, „а лихихъ бы еси велѣлъ казнити."

твердить Азовскимъ градоначальникамъ о прекращеніи таковыхъ злодѣйствъ. Послу приказано говорить такъ: наши украинные люди ходятъ по Украинѣ, иные по своей волѣ, иныхъ намѣстники посылаютъ на Полѣ для соглядания злыхъ людей. И твои Азовскіе казаки емлютъ нашихъ людей на Полѣ, отводятъ въ Азовъ и продаютъ; окупы же беруть съ нихъ великіе и вообще твои казаки Азовскіе людемъ нашимъ много зла причиняютъ“ (3).

На Полѣ годъ отъ году умножались разноплеменныя толпы, и грабежъ такъ сдѣлался силенъ, что въ 1528 году почти не было уже возможности посламъ проходить безопасно чрезъ Поле. Въ дѣлахъ сего года и въ предшествовавшихъ годахъ весьма не рѣдко говорится, что на Полѣ люди многіе и проѣхать нельзя (4). Такъ происходило на Полѣ со стороны крымской.

Но въ тоже самое время подобныя толпы вольницы скитались по Полю и съ ногайской стороны,— Татары и Русскіе. Въ 1538 году на жалобу Ногайскаго Мирзы Келмагмеда о разореніяхъ, нанесенныхъ подданнымъ его Городецкими казаками, Царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣтствовалъ: „И вамъ гораздо вѣдомо лихихъ гдѣ нѣтъ? на Полѣ ходятъ казаки многіе: Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные баловни казаки;

(3) Дѣла Турецкія, книга № 1, листъ 233. Въ Наказѣ дворянину Ивану Морозову, посланному въ Константинополь къ Турецкому Султану сказано: „Государь нашъ велѣлъ тебѣ (Султану) говорити: которыи наши „украинные люди ходятъ по Украинѣ свои ухожаи, а иныхъ нашихъ людей „украинные наши намѣстники посылаютъ отвѣдывати людей на Полѣ, „нѣчто которые люди наши недруга, похотятъ придти на наши украин„ныя мѣста и лихо хотятъ учинити, и онибъ безвѣстно не пришли, и „твои казаки Азовскіе нашихъ людей имаютъ на Полѣ, да водятъ въ „Азовъ, да ихъ продаютъ; а емлютъ съ нихъ окупы великіе и лиха „нашимъ людемъ отъ твоихъ казаковъ Азовскихъ много чинится!“...

(4) Истор. Р. Г. Карамзина стр. 290 примѣч. 236.—Дѣла Крымскія книг. № 6 листъ 198 на оборотѣ и 199. Наказъ Борису Плудову, отправленному въ Путивль съ посломъ Крымскимъ Дивлетъ—Кильдеемъ, изъ Москвы возвращавшимся..... „Князю Ивану Шемякѣ, да и ко Князю „къ Микитѣ ему тогды о томъ послати, чтобы послали на Поле сына „боярскаго, учиня голову, да съ тѣмъ же Севрюковъ Путивльцовъ, а ве„лѣти про тѣхъ людей довѣдатися, въ которыхъ мѣстахъ тѣ люди [и „многіе ли люди: да скажутъ имъ тѣ люди пріѣхавъ, что на Полѣ люди „многіе и проѣхати имъ нельзя. И Борису тогды поговоривъ съ Дивлетъ— „Кильдеемъ отпустити къ Царю въ Крымъ Великаго Князя Татарина Са„баку съ товарищи съ грамотою“...

а и нашихъ Украинъ казаки съ ними смѣшавшись ходятъ и тѣ люди, какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники (5). Чрезъ восемь лѣтъ послѣ сего начали уже стекаться на Полѣ казаковать; изъ всѣхъ украинъ, многочисленныя толпы вольницы и распространяли страхъ во всѣхъ украинскихъ городахъ и селеніяхъ. Князь Михайло Троекуровъ, бывшій воеводою въ Путивлѣ, въ 1546 году, извѣщая Великаго Князя о произшествіяхъ того края, писалъ: „Нынѣ, Государь, казаковъ на Полѣ много и Черкасцовъ и Кіянъ и твоихъ Государевыхъ; вышли, Государь, на Поле изъ всѣхъ Украинъ (6)."

Около сего времени и еще гораздо прежде, по лѣтописямъ и другимъ историческимъ актамъ, встрѣчаются разные казаки, а именно: въ Крымской ордѣ съ 1474 (7), въ Волжской съ 1492 и царствѣ Казанскомъ съ 1491 (8), въ царствѣ Астраханскомъ съ 1502 (9), въ Азовѣ съ 1499 (10), въ Аккерманѣ и Бѣлгородѣ 1515 г. (11), впослѣдствіи времени были казаки въ Очаковѣ, у Чувашъ, Черемисъ и Мордвы (12).

Знаменованіе слова: *казакъ*. Слово *казакъ* извѣстно было въ Россіи гораздо прежде этого времени: оно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на языкѣ Монгольскомъ означало пограничнаго стража и вообще военнаго человѣка (13); но разсматривая лѣтописи наши тогдашняго времени, видно, что казаками назывались и такіе люди, кои не только вовсе не составляли стражи, но даже разоряли Украину, (каковы были Донскіе казаки въ первой половинѣ XVI вѣка). По смыслу словъ, въ лѣтописяхъ и современныхъ актахъ встрѣчающихся: „на Полѣ ходятъ *баловни казаки*" или такой-то „*казакуетъ*", нельзя полагать, чтобы имя казакъ значило пограничнаго стража. Присоединя къ сему выраженія, встрѣчающіяся въ актахъ XVI и XVII вѣка „*живутъ своимъ каза-*

(5) Дѣла Ногайскія книга №2 листъ 230.
(6) Дѣла Крымскія книга № 9.
(7) Истор. Р. Г. Карамзина т. VI примѣч. 124.
(8) Дѣла Крымскія книга № 1 стр. 216.
(9) Тамъ же ————„————— 885.
(10) Тамъ же ————„————— 679—680.
(11) Дѣла Турецкія книг. № 1 листъ 63.
(12) Исторія Р. Г. т. VIII прим. 232.
(13) „Вѣстникъ Европы" 1822 г. № 23,

чьимъ обычаемъ" (кочевнымъ) и т. п., нельзя не согласиться, что имя казакъ, въ отношеніи къ зависимости людей, онымъ называвшихся, принималось однозначительно разбойнику, но въ отношеніи ремесла, оно не было столько поноснымъ и преступнымъ, какъ разбойникъ; ибо этотъ родъ жизни и поведенія были въ духѣ тогдашняго времени. Такимъ образомъ думать надобно, что слово казакъ означало отважнаго наѣздника, живущаго набѣгами и войною, непривязаннаго къ землѣ и домовности.

Разныя наименованія казаковъ. Надлежитъ вѣрить Татищеву и Болтину, что имя казакъ стало извѣстно въ Россіи отъ Монгольскихъ Баскаковъ, кои, начальствуя въ нѣкоторыхъ россійскихъ городахъ, имѣли при себѣ казаковъ для охраненія своего и для другихъ надобностей. Первое упоминаніе о нашихъ казакахъ находимъ 1444 года въ Рязани, когда еще страна сія составляла особое Княженіе (14), а 1468 г. были казаки и въ Москвѣ (15). Въ древнемъ Княженіи Сѣверскомъ обрѣтались свои казаки, которыхъ называли *Съверскими, Украинскими* и *Севрюками* (16). Они поселены были въ городахъ: Черниговѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ, Стародубѣ, Путивлѣ, Рыльскѣ и другихъ. Сіи же казаки упоминаются въ россійскихъ ополченіяхъ 1531 года вмѣстѣ съ прочими казаками Русскими и Мещерскими (17).

Казаки, находившіеся въ Украинскихъ Россійскихъ городахъ, по Волгѣ стоявшихъ, назывались *Волжскими*, особливо тѣ, кои отъ начатія Казанскихъ походовъ, съ 1547 года, располагались по Волгѣ, дабы не допускать къ Казани Крымцовъ и Ногаевъ и кои, по присоединеніи къ Россіи Казани и Астрахани, стояли на Волгѣ, охраняя переправы, большею частію у *переволоки* и дѣлая разъѣзды по степямъ (кавказскимъ), для развѣдыванія о предпріятіяхъ Крым-

(14) Царственная лѣтопись стр. 261.— Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. V. 192 и Истор. Р. Г. Татищева Т. IV, 552.
(15) Царств. лѣтоп. стр. 385 и Русс. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. VI.
(16) Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. VIII стр. 176 и 215 Истор. Р. Г. Щерб. Т. VIII стр. 23 и 75.
(17) Истор. Р. Г. Карамз. Т. VII примѣч. 301.

ских (18).

Въ тѣ времена было въ обычаѣ учреждать казаковъ, по роду ихъ службы, для стороже, при всѣхъ пограничныхъ и даже при внутреннихъ Русскихъ городахъ, вмѣстѣ со стрѣльцами, воротниками, затинщиками, пушкарями и другихъ званій служивыми людьми (19). Сихъ казаковъ называли *городовыми* и *помѣстными*; они имѣли своихъ головъ и атамановъ (20). Головы стрѣлецкіе изъ городовъ и головы казачьи призываемы были въ одинаковой степени (21). Казачій Приказъ управлялъ атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, т. е. *кормовымъ* и *бѣлопомѣстнымъ*, (владѣвшимъ землями безъ платежа податей), служившимъ въ Москвѣ и въ городахъ. Объ этомъ Приказѣ упоминается отъ 1628 до 1646 г. (22). Въ казаки Украинскихъ городовъ Сѣвска и Курска помѣщаемы были, по судебнымъ приговорамъ, ябедники и преступники (23).

Мещерскіе казаки суть породою Монголы; ибо въ Мещеру, страну, принадлежащую частію Московскимъ, частію Рязанскимъ Князьямъ, принимаемы были на поселеніе выходцы ордынскіе, гораздо ранѣе 1364 г. и употреблялись на службу Россіи (24). Главное селеніе въ Мещерѣ называлось Касимовъ и просто Городокъ, основанный около 1446 г, потому Монгольскимъ обитателямъ Мещеры присвоили имена Мещерскихъ и Городецкихъ казаковъ (25).

Въ первый разъ встрѣчается здѣсь (въ Мещерѣ) слово казакъ 1493 г. Въ это время Мещерскіе казаки приходили

(18) Доказательства на сіе въ Никоновской лѣтоп. и въ прод. древней Россійской Вивліоѳики VIII въ описаніи Правл. Цар. Ив. Васильевича и сверхъ того въ Русск. лѣтописи по Никоновскому списку т. VII, 65.

(19) Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку VIII 167, 170, 176, 215. Указъ 29 Мая 1624 г. въ указателѣ Рос. зак.

(20) Указъ 8 Марта 1627 г., 26 Октября 1652 и 29 Сентября 1681.

(21) Указъ 8 Марта 1627 тамъ-же.

(22) Указатель Россійск. зак. ст. XXIV.

(23) Судеб. стат. 161 и 162 подъ 1582 годомъ. Въ Указателѣ Россійск. зак. 1, 105, 106;—улож. глав. 10 и 24.

(24) Договорн. грам. В. К. Дмитрія Ивановича см. собр. госуд. грамотъ и договоровъ 1,—235.

(25) Продолж. древн. Рос. Вивліоѳики VII, 247, 257, 340; см. собр. государств. грам. и договоровъ 11—32.

къ Азову для взятія языковъ ([26]). 1551 г., выступило изъ Мещеры къ Казани въ россійскомъ ополченіи казаковъ 5/т. конныхъ и пѣшихъ ([27]).

Днѣпровскіе казаки, по происхожденію своему, безъ всякаго сомнѣнія, суть древнѣйшіе изъ всѣхъ; начало ихъ отнести можно къ Берендеямъ—Черкасамъ, кои въ сообществѣ съ Торками и Печенѣгами называемы были съ 1146 года Черными Клобуками, или по Татарски Кара—Калпаками ([28]).

Торки, Печенѣги и Берендеи еще въ 1103 г. являются на правой сторонѣ Днѣпра въ предѣлахъ Кіевскаго княженія ([29]).

Народъ этотъ, впослѣдствіи времени составилъ изъ себя для Польши легкое полевое пограничное ополченіе, каковое, Черные Клобуки составляли для Кіевскаго княженія еще до нашествія Монголовъ. Король Польскій, давши этимъ людямъ преимущества, поставилъ надъ ними гетманомъ полякa Ландцкоронскаго.

Около 1515 г., полякъ Евстафій Дашковичъ былъ поставленъ отъ короля Сигизмунда гетманомъ или атаманомъ того же ополченія, и получивъ во власть свою города Каневъ и Черкасы, образовалъ оное и ввелъ въ употребленіе слово *казакъ*, которое съ 1515 г. стало быть тамъ извѣстно ([30]). Городъ Черкасы и народъ, его основавшій, дали поводъ къ наименованію Черкасами казаковъ Малороссійскихъ, Запорожскихъ, Слободскихъ-Украинскихъ и вообще всѣхъ Малороссійскихъ ([31]). Еще въ XVI вѣкѣ Ногаи называли короля Польскаго царемъ Черкасскимъ, потому, что Малороссія состояла тогда въ зависимости отъ Поляковъ ([32]).

([26]) Посольскія дѣла Двора Крымск. № 1 стр. 368.
([27]) Ист. Рос. Гос. Караиз. Т. VIII примѣч. 228.
([28]) Ист. Росс. Госуд. Караиз. Т. II листъ 195 примѣч. 347 Рос. лѣт. съ Воскр. спис. 11,21.
([29]) Тамъ же, Т. II. прим. 201.
([30]) Истор. Р. Г. Кар. Т. V стр. 386 примѣч. 411, VII стр. 70, 71, 106, VIII стр. 27,—Кратк. истор. Рос. стр. 32. Ежемѣсячникъ 1760 года.
([31]) Дворц. запис. ч. 2. стр. 119,—грамот. царя Алекс. Михайл. 1668 г., напечатанная въ топографическомъ описаніи Харьковск. Намѣстничества.—Въ рукописяхъ: грамоты Петра Великаго Слободскому Острогожскому полку 1700, 1709 и 1710 годовъ.
([32]) Продолж. Р. Виблioѳики VIII стр. 44, 48 и 63.

Первыя упоминанія о Донскихъ казакахъ явившихся на Дону. Собственно о Донскихъ казакахъ упоминается въ первый разъ въ 1549 г. Мы видѣли уже, что рѣка Донъ еще никѣмъ не была постоянно обитаема, что по обширному пространству, лежащему между Волгою и предѣлами бывшаго царства Крымскаго, скитались толпы разныхъ народовъ для разбоевъ, не исключая и Россіянъ. Но какимъ образомъ и въ какое время, эти бродившіе на Полѣ люди соединились въ одно общество и избрали постоянныя мѣста для пребыванія своего, мы не знаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ начальномъ ихъ соединеніи вовсе не было намѣренія составить отдѣльный народъ или основать гражданское общество; но сходились они для того, чтобы сдѣлать какой нибудь набѣгъ совокупными силами, разорить улусъ или селеніе и получить добычу.

Впослѣдствіи же времени, видя, что дѣйствіе сходбищемъ удачнѣе и прибыльнѣе, нежели разбои по одиночкѣ, они продолжали соединяться, и мало по малу привыкли къ общественности.

Столь же мало достовѣрнаго извѣстно намъ, какимъ образомъ и когда составившіе общество казаки вошли подъ вліяніе Россіи. Еще въ 1520 годахъ вся рѣка Донъ отъ устья ея до Воронежа оставалась пустою, и царь дѣлалъ соглашенія съ турецкимъ правительствомъ объ учрежденіи становъ для препровожденія посланниковъ (33). Въ 1530 годахъ

(33) Дѣла турецкія книга № 1 листъ 159—161 см. Наказъ Третьяку Губину, посыланому въ 1521 г. къ Турецкому Султану.

„А учнуть говорити (въ Царьградѣ) посламъ и гостемъ ходити по обѣ стороны межъ насъ, и на Дону многіе люди Астораханцы ино посламъ и гостемъ ходити нельзе; ино какъ того беречи?

„И Третьяку говорити: коли межъ государей учнуть послы ходити, и Государь нашъ устроить своихъ людей въ судехъ, а велитъ имъ на Дону быти; а салтанъ бы также устроилъ людей въ судехъ, колькихъ пригоже, на Дону же; да учинять мѣсто на Дону, гдѣ тѣмъ людемъ сходитеся; пойдетъ посолъ отъ салтана къ государю нашему; а салтановы люди проводятъ его посла до государя нашего людей; а государя нашего люди его вземъ, да проводятъ его до государя нашего, украйны, а пойдетъ государя нашего посолъ къ салтану, ино его проводятъ до салтановыхъ людей государя нашего люди, гдѣ приговорите урочище салтановымъ людемъ быти, и оттоль вземъ посла салтановы люди, да проводятъ его до Азова. Да кто съ Третьякомъ о томъ учнетъ говорити и Третьяку о

все еще продолжаются жалобы Турокъ, Ногайцевъ и Крымцевъ на людей бродящихъ въ Полѣ; въ 1538 г. Царь Іоаннъ Васильевичъ, на жалобу Ногайскаго владѣльца Кельмагмеда, будто казаки Городецкіе причиняютъ разореніе подданнымъ его, отвѣчалъ какъ видѣли мы выше: на Полѣ ходятъ казаки многіе—Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные баловни казаки" и проч. (84). Слѣдовательно, ни въ какой сторонѣ еще не указывали на особенное общество казаковъ. Объ укрощеніи ихъ давали обѣщанія и даже клятвы и великій князь Московскій и царь Крымскій и князья Ногайскіе (85), что учи-

томъ приговаривати, какъ тѣмъ людемъ быти—салтановымъ и въ которомъ имъ мѣстѣ—встрѣчатися, и колькимъ людемъ салтановымъ быти и въ которомъ мѣстѣ и гдѣ на Дону—урочищу быти, о томъ бы салтанъ приказалъ съ своимъ посломъ и съ Третьякомъ и о всемъ . . . . . А здѣсь казаки великаго князя оказывали, что Дономъ половина отъ Азова до украйны великаго князя переволока, ино на переволокѣ, прибой людемъ Астороханскимъ, и тутъ сходитеся людемъ нельзѣ, ино бы быти съѣзду на Медвѣдицѣ, а на Медвѣдицѣ ближе къ велику князя украйнѣ, а крѣпко мѣсто добрѣ Хоперъ, а ближе Медвѣдицы къ великому князю украинны.—Да говорити, чтобы съѣзду быти на Хопрѣ и нѣчто отговорятъ Хоперъ, что онъ отъ Азова далече, ино бы съѣзду быти на Медвѣдицѣ . . . . . Да какъ мочно, такъ приговаривати, чтобы съѣзду быти на Хопрѣ или на Медвѣдицѣ, а больше приговаривати—чтобъ на Хопрѣ съѣзду быти; а о всемъ говорити по великаго князя Наказу . . . . . Да не приговорятся, что судномъ проводомъ отбыти нѣльзе ино о томъ говорити, чтобы посла салтанова и великаго князя посла, которые пойдутъ отъ салтаная къ великому князю, или отъ великаго князя къ салтану пойдутъ салтановъ посолъ и великаго князя, ино бы ихъ провожали изъ Азова коньми до великаго князя украины салтановы люди; а великаго князя бы людемъ провожати коньми до Азова."

(84) Дѣла Ногайскія книга № 2 листъ 230 и на оборотѣ.

(85) Дѣла Ногайскія № 3 листъ 54 и на оборотѣ.

Для примѣра тогдашняго дипломатическаго слога здѣсь представляется выписка изъ *шертной* записи или шертной грамоты, по которой послы: Шихмамаевъ—Сары-Мирза, Юсуфовъ—Ельбуддуй, Касаевъ—Девлетюзя и иныхъ мурзъ послы дали вел. князю присягу, что . . . . . „Которыхъ пословъ царь и вел. князь пошлетъ къ которому государю и гостей съ ними Дономъ, или отъ котораго государя пойдутъ послы и гости съ ними къ царю и вел. князю, Дономъ, и государя нашего Шихмамаевымъ людямъ и иныхъ мурзъ людемъ, тѣхъ пословъ и гостей на Дону не стеречь, и неимѣти тѣхъ пословъ и гостей и неграбити и лиха никакого нечинити. А которые Государя моего Шихмамаевы люди и братьи ихъ люди, иныхъ мурзъ люди, безъ ихъ вѣдома доспѣютъ какова лиха царя и вел. князя украинамъ или которыхъ царя и вел. князя людей и пословъ и гостей на Полѣ и на Волгѣ и на Дону пограбятъ, и головы поемлютъ; и государю моему Шихмамаю князю и ихъ братьемъ и инымъ мурзамъ тѣхъ своихъ людей доискатись. Да которыхъ Царь Вел. Князь поемлютъ, и имъ головы сыскавъ безъ окупу, а грабежъ весь сыскавъ велѣти отдати, а ихъ велѣти наказнити: чтобъ впредъ отъ нихъ Царя и

нили въ 1549 г. Ногайскіе послы: Сары-Мирза, Ельбулдуй и Дивлеткозя.

Выше сказано, что въ началѣ 1549 г. въ первый разъ упоминается о Донскихъ казакахъ; но и здѣсь еще именемъ этимъ названы тѣ казаки, кои служили въ городахъ по верховьямъ Дона и по рѣкамъ, которыя въ Донъ текутъ. Вотъ случай, въ которомъ казаки, именуемые Городецкими, названы Донскими: великій князь Іоаннъ Васильевичъ, желая склонить въ то время Ногайскихъ князей къ войнѣ противъ Крымцевъ, велѣлъ послу своему Ивану Боршовичу наединѣ сказать Юсуфу князю: „Дошелъ до насъ слухъ, что Крымскій царь не доброжелательствуетъ вамъ..... Астраханскому царю пушки и людей прислалъ на помощь. Я же, по дружбѣ вашей ко мнѣ, повелѣлъ моимъ Путивльскимъ и Донскимъ казакамъ крымскіе улусы воевать:“ (36). Явная была бы ошибка, если бы принять сихъ послѣднихъ казаковъ за Донскихъ собственно, о коихъ вскорѣ за симъ становится извѣстно по современнымъ актамъ. Къ числу Украинскихъ городовъ, въ коихъ поселенные казаки именовались въ то время Городецкими и Донскими, слѣдуетъ причислить: Пронскъ, Ряжскъ, Козловъ, Лебедянь, Епифань, Сапожковъ, Михайловъ, Воронежъ, Елецъ, Ливны, Чернявскъ, Донковъ, Чернь, Новосиль; ибо изъ нихъ выплывали на судахъ въ Донъ (37).

Вскорѣ, по отправленіи посла сего, и именно въ іюнѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Москву отъ Юсуфа князя гонецъ къ великому князю съ жалобою на казаковъ, которые стоятъ на Дону, называя ихъ Севрюками. Въ первой грамотѣ изъясняется такъ: „въ нынѣшнемъ году наши люди въ Москву шли для торгу, а осенью, какъ шли они назадъ, ваши ка-

вел. князя украйнамъ и царя и вел. князя людемъ на Полѣ и на Волгѣ, и на Дону лиха никакого не было, а нѣчто коли Государь мой Шихмамай князь и иные мирзы и ихъ братья, и ихъ дѣти прикочуютъ близко Царя и Вел. князя украйнѣ и отъ государя моего Шихмамая князя и отъ ихъ братьи, и отъ ихъ дѣтей и ихъ всѣхъ мирзъ Ногайскихъ, и отъ ихъ людей царя и вел. князя украинымъ людемъ лиху никакъ не быти:“

(36) Дѣла Ногайск. книга № 3 лист. 85, 87.

(37) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ III 227, 233.

заки Севрюки, которые на Дону стоятъ, пришли на нихъ..... и куны ихъ взяли“ (38). Во второй грамотѣ, Юсуфъ, повторяя свои жалобы, писалъ: „при нашемъ времени съ тобою слово наше то было, чтобъ намъ съ тобою въ дружбѣ и въ братствѣ быти и ссуда межъ себя чинити, и ссылатися людьми, такъ были есмя говорили..... И нынѣ дороги не походило на то; и нынѣ только похочемъ братства и братству знамя то, которые разбойники живутъ на Дону и только ихъ къ намъ пришлешъ, и ты намъ братъ будешъ“ (39).

Нѣтъ сомнѣнія, что эти жалобы Ногайцевъ относятся уже на тѣхъ Донскихъ казаковъ, кои вскорѣ послѣ этого являются столь страшными врагамъ Россіи. Мнѣніе это подтверждается наиболѣе тѣмъ, что великій князъ на жалобы Юсуфовы отвѣчалъ такъ: „тѣ разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, а отъ насъ бѣгаютъ (40).

Наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, Юсуфъ опять прислалъ въ Москву гонца своего съ грамотою, которая ясно обнаруживаетъ, что эти Донскіе казаки, неимѣвшіе доселѣ постоянныхъ жилищъ, утвердились на Дону и въ трехъ или четырехъ мѣстахъ построили городки; ибо Юсуфъ писалъ къ великому князю слѣдующее: „холопи твои, нѣкто Сары-Азманъ словетъ, на Дону въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ города подѣлали..... Да нашихъословъ..... и людей стерегутъ, да разбиваютъ“ (41). И всѣ грамоты князей Ногайскихъ въ этомъ году наполнены подобными жалобами на Сары-Аз-

---

Дѣла Крымскія въ столбц. 1645 г. № 15.
Дѣла Донскія 1646 г. Наказъ Ждану Кондыреву.
Исторія Р. Г. Карамз. Т. IV, примѣч. 268, 253.
Разряды въ древней Вивліоѳикѣ XIV. 298, 306, 366.

(38) Дѣла Ногайск. книга № 3 листъ 113.
Въ 1549 году Юсуфъ князь Ногайскій прислалъ царю Ивану Васильевичу грамоту, въ которой между прочимъ жалуясь на обиды причиняемыя подданнымъ его (Донскими казаками) писалъ:
„Осей жо годъ наши люди ходили къ Москвѣ съ торгомъ, да осенье, „какъ шли назадъ, тѣ ваши казаки Севрюки, которые на Дону стоятъ, „пришли на тѣхъ нашихъ людей, да иныхъ побили и куны ихъ взяли, „а иныхъ де и къ тебѣ повели“.....
(39) Тамъ же листъ 114 и на оборотѣ.
(40) Тамъ же листъ 118—119.
(41) Тамъ же листъ 135 и на оборотѣ 137 и 144.

Lina F2

„OPISANIE ZEMLI VOISKA DONSKAGO"

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ЗЕМЛИ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Войсковаго Статистическаго Комитета.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
В. Г. [illegible]

НОВОЧЕРКАСКЪ.
1869.

Крымскій и князь Ногайскій безпрерывно жаловались на казаковъ великому князю Московскому; но онъ отрицаясь отъ нихъ, отвѣчалъ: „на Дону живутъ разбойники безъ „нашего вѣдома . . . . мы и прежде сего посылывали истре„бить ихъ, но люди наши достать ихъ не могутъ“ (44).

Таковыя жалобы на Донскихъ казаковъ и отрицательство отъ нихъ двора Россійскаго продолжались почти до 1550 г. Ясное доказательство, что они еще не были въ зависимости отъ Россіи и еще менѣе отъ непріязненныхъ ей Турокъ и Татаръ.

Но чрезъ два года Донскіе казаки уже служатъ царю Русскому, ибо Султанъ Турецкій въ 1551 году убѣждалъ Исмаилъ-Мурзу Ногайскаго князя къ войнѣ противъ Россіи дѣйствовать съ нимъ за одно, писалъ: „Русскаго царя Ивана ѣта пришли, рука его надъ бусурманы высока, ужъ и мнѣ отъ него обида великая, поле все, да и рѣки у меня поотыскалъ, да и Донъ у меня отнялъ, да и Азовъ городъ упустъ у меня доспѣлъ, поотымалъ всю волю] въ Азовѣ, казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пить не дадутъ“..... „Да ты же бы Исмаилъ Мирза пособилъ моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ“ (45).

(44) Дѣла Ногайскія книга № 3 лист. 118, 119.

(45) Дѣла Ногайскія книга № 4 листъ 39—41.

Петръ Тургеневъ, бывшій въ 1551 году посланникомъ у Ногайскихъ князей отъ Россійскаго двора, донося о дѣйствіяхъ своихъ, между прочимъ писалъ, что султанъ Турецкій прислалъ къ Ногайскому князю Исмаилу посла своего, чрезъ коего увѣдомляя его о худомъ состояніи поклонниковъ Магометовыхъ, просилъ отъ него помощи Азову противъ казаковъ. Вотъ слова Тургенева:

„Да прислалъ, государь, Турецкой царь къ Смаилъ Мирзѣ посла своего, Чевушемъ зовутъ, сее весны, а сказываютъ, государь, съ тѣмъ прислалъ: въ нашихъ де бусурманскихъ книгахъ пишетца, что тѣ лѣта пришли, что Русскаго царя Ивана лѣта пришли, рука его надъ бусурманы высока, ужъ де и мнѣ отъ нево обида великая: поле де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отъ меня отнялъ, да и Азовъ городъ упустъ меня доспѣлъ, поотымалъ всю волю въ Азовѣ, казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пить не дадутъ. А Крымскому де царю потому же обиды чинятъ великія; какую де соромоту казаки его Крыскому царю учинили, пришедъ Перекопъ воевали; да ево же де казаки Астрахань взяли, и какую грубость учинили; да царя же де Ивана казаки у васъ Волге оби берега отняли, и волю у васъ отняли, и ваши улусы воюютъ. Да у васъ же де пришедъ Городецкіе казаки въ улусы ваши воевали, да и Дервиша царя Астороханскаго полонили, и

Политика Россіи въ отношеніи Донскихъ казаковъ. Сами ли казаки нарѣклись слугами Россіи, или получили къ тому призваніе, заподлинно неизвѣстно. Впрочемъ, послѣднее кажется вѣроятнѣе. Россія, бывъ тогда въ непрерывной борьбѣ съ Ногайцами и Крымцами, защищаясь отъ набѣговъ ихъ пограничными острогами, конечно не безъ удовольствія смотрѣла какъ бѣглые ея люди сами собою сдѣлались страшными для враговъ ея, поставивъ грудью своею и крѣпостцами стѣну у самыхъ улусовъ ихъ. Можно думать, что Дворъ нашъ чрезъ нарочитыхъ посланниковъ своихъ объявилъ имъ прощеніе, покровительство, предложилъ деньги и свободу жить въ избранныхъ мѣстахъ, съ условіемъ вредить непріятелю, удерживать его отъ набѣговъ и подавать вѣсти. Такимъ точно образомъ Россія склоняла на службу себѣ какихъ-то Запорожцевъ, кочевавшихъ за Донцомъ, чрезъ посланника своего, отправленнаго въ Крымъ, которому даны были и подарки для Запорожцевъ (46).

то де вамъ несаромоту-ли учинили? какъ де зато стать неумѣете? А Казань де какъ нынѣ воюютъ? Авѣдь де наша вѣра бусурманская и станемъ отъ нево борониться за одинъ. Вѣдь де вѣдаете, что нынѣ на Крымѣ мой посаженъ царь, какъ ему велю такъ дѣлаетъ. Изъ Асторохани присылали же ко мнѣ царя просить, и язь того часа посылаю на Асторохань; которые люди полонены были въ Крымъ изъ Асторохани, и язь тѣхъ людей въ Асторохань поотпускалъ, а иныхъ часа того отпущаю. Да и казаки (вѣроятно *изъ Казани*, а и казаки написано въ подлинникѣ ошибочно) ко мнѣ присылали же царя просить, и язь изъ Крыма однолично царя посылаю; и тыбъ Смаилъ Мирза дружбу мнѣ свою учинилъ великую, чтобы еси поберегъ Казани: людей своихъ послалъ на помочь Казани, да куды язь царя пришлю; да ты же бы Смаилъ Мирза пособилъ моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ, и станешь пособлять и язь де тебя на Азовѣ царемъ учиню; а мнѣ своему городу Азову пособить немочно—стоитъ отъ меня далече".

(46) Дѣла Крымскія книга № 17 листъ 239—243.

Выписка изъ наказа гонцу Петру Зиновьеву, отправленному въ Крымъ въ 1589 году.

....„ И какъ Петръ пойдетъ съ Ливенъ, а вѣсть будетъ Петру учинится, что пришли на Донецъ съ Днѣпра Черкасы, Матвѣй Ѳедоровъ съ товарищи, которые изъ Запорожья пришли, а стоять будетъ, и государевымъ людемъ станичникамъ и Севрюкамъ отъ нихъ зацѣпки нѣтъ никоторыя и Петру послати предъ собою станицу къ Запорожскимъ Черкасамъ и съ провожатымъ къ отоману къ Матвѣю Ѳедорову съ товарищи, а велѣть про себя сказати, что есть съ нимъ отъ государя къ нимъ ко всѣмъ грамота и рѣчь, и Матвѣй бы Ѳедоровъ съ товарищи съ нимъ видѣлся ..... Да какъ съ ними атаманы и молодцы запорожскіе сойдутца, и Петру отъ государя и царя и великаго князя поклонъ имъ исправити и грамоту отъ государя подати; и говорити имъ отъ госуда-

вредъ и нерѣдко истребляли оныя.

Быстрое умноженіе числа казаковъ и распространеніе жилищъ ихъ по Дону и Волгѣ. Молва о сихъ удалыхъ подвигахъ, мужествѣ и единодушіи и о привольной жизни распространилась по всей Россіи, въ жилищахъ казаковъ Запорожскихъ и въ Польшѣ; многіе удальцы, алкавшіе войны и корысти, искали убѣжища и братства среди общества Донцовъ: сюда приходили не только изъ украинныхъ, но и изъ внутреннихъ россійскихъ городовъ, изъ Запороговъ, Польши, изъ крымскихъ и ногайскихъ улусовъ. Такими случаями число Донскихъ казаковъ въ продолженіи немногихъ лѣтъ быстро умножилось; изъ четырехъ городковъ, построенныхъ Сары-Азманомъ, они уже распространили жилища свои далѣе по Дону и по Волгѣ.

Участіе ихъ въ покореніи царства Астраханскаго. Когда Іоаннъ, пользуясь ослабленіемъ племенъ татарскихъ, рѣшился покорить царство Астраханское, Донскіе казаки, свѣдавъ объ этомъ и пламенѣя доказать усердіе свое къ государю, приговорили въ кругу своемъ вспомоществовать ему. Почему знатная ихъ часть, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ Павлова и Лянуна, пошли къ Переволокѣ и дождавшись тутъ царскихъ войскъ, присоединились къ онымъ. Отсюда въ отрядѣ князя Вяземскаго они посланы были впередъ, и близъ Чернаго острова, встрѣтившись съ толпою астраханскихъ Татаръ, высланныхъ для развѣдыванія,—сразились съ ними, разбили и обратили въ бѣгство. Сіе пораженіе было столь важно, что устрашенный Ямгурчей, царь астраханскій, бросилъ городъ и расположился станомъ въ 5 верстахъ ниже онаго, а вскорѣ потомъ бѣжалъ, спѣша укрыться отъ пораженія. Князь Вяземскій, безпрепятственно овладѣвъ городомъ, послалъ въ своихъ отрядахъ казаковъ сухимъ путемъ и водою, для преслѣдованія бѣгущихъ Татаръ. Атаманъ Павловъ настигъ въ Базцыжъ-Мачакѣ женъ и дочерей царскихъ, забралъ ихъ въ плѣнъ, бывшихъ съ ними людей всѣхъ побилъ, самъ Ямгурчей едва

ускакалъ въ Азовъ съ 20 человѣками воиновъ (47).

Въ Астраханѣ возведенъ на царство Дербышъ-Алей и для охраненія его оставленъ дворянинъ Тургеневъ съ казаками. Однакожъ недолго Астрахань оставалась въ покоѣ: изгнанный Ямгурчей, вспомоществуемый крымскими и ногайскими Татарами въ 1555 году, снова явился въ ея улусахъ, и снова былъ разбитъ и прогнанъ казаками, бывшими при Дербышѣ-Алеѣ; но въ то же время сей неблагодарный царь самъ замыслилъ измѣну.

Весною слѣдующаго года двинулось Россійское войско усмирить мятежника; но прежде нежели достигло оно Астрахани, явился подъ стѣнами ея Донской атаманъ Ляпунъ съ храбрыми своими товарищами. Измѣнники устрашились, бросили городъ и спѣшили укрыться въ улусахъ. Казаки всюду преслѣдовали бѣгущихъ, погромили бунтовавшіе улусы, взяли множество Татаръ въ плѣнъ и открыли россійскому войску путь къ истребленію мятежниковъ (48).

Поиски ихъ надъ Крымцами. Между тѣмъ какъ часть Донскихъ казаковъ подвизалась подъ Астраханью, другіе товарищи ихъ бдительно наблюдали за движеніями и намѣреніями Крымцевъ. Ханъ крымскій Девлетъ-Гирей, два или три раза пытался подходить къ предѣламъ Россіи; но казаки всякій разъ предваряли о томъ Іоанна, и мусульманинъ, всякій разъ, встрѣчая войско, готовое отразить его, терялъ лучшихъ людей своихъ и обозы, пылалъ злобою и выдумывалъ мщеніе (49). Въ 1556 г. Ханъ снова ополчился на Россію; но Іоаннъ, благовременно предувѣдомленный о замыслахъ его, собиралъ на Окѣ рать, а между тѣмъ дьяка Ржевскаго съ Донскими казаками поставилъ между Днѣпромъ и Дономъ, наблюдать движеніе Крымцевъ. Едва Ханъ выступилъ въ походъ, какъ Ржевскій съ отважною своею дружиною явился въ самой Тавридѣ, напалъ на Исламъ-Кермень и Ачаковъ, разогналъ жителей и захватилъ табуны

(47) Исторія Р. Г. Т. VIII примѣчан. 408.
(48) Тамъ же, примѣч. 412.
(49) Тамъ же, стр. 239—243.

ихъ. Паши Ачаковскій и Таганскій, собрали Татаръ сколько могли и преслѣдовали Ржевскаго; но воевода хитро навелъ ихъ на засаду и разбитъ наголову. Ханскій Калга, узнавъ о вторженіи русскихъ войскъ, вооружилъ весь Крымъ, спѣшилъ на помощь Исламъ-Керменю, встрѣтилъ храбраго Ржевскаго съ казаками, сразился съ ними, и, по шестидневной упорной битвѣ, потерявъ надежду побѣдить, умолялъ хана спасти Тавриду, который, получа о семъ вѣсть на Мiусѣ, не могъ уже и думать о походѣ на Россію, а поспѣшилъ назадъ для защищенія собственной своей земли (50).

Зимою 1558 года, Девлетъ-Гирей опять поднялъ оружіе на Россію, но едва выступилъ въ полѣ съ 100/т. своихъ и Ногайскихъ Татаръ, какъ Донскіе казаки не выпускавшіе изъ виду нималѣйшихъ его движеній, сами ворвались въ Тавриду, напали близъ Перекопа на улусы Ногаевъ, ушедшихъ туда отъ своего князя Ислама, разграбили оные и отогнали 15/т. коней. Ханъ, услыша объ этомъ и узнавъ сверхъ того, что и впереди Русское войско ждетъ его на предѣлахъ своихъ, бѣжалъ въ великомъ страхѣ, бросая на пути воиновъ своихъ и обозы (51). Но и въ собственной землѣ не нашелъ покоя: съ одной стороны извѣстный мужествомъ смѣлый Адашевъ съ 8/т. Россіянъ поплылъ Днѣпромъ, взялъ на морѣ два непріятельскихъ корабля, приставъ къ Тавридѣ и болѣе двухъ недѣль свободно громилъ западную часть полуострова и наполнивъ ладьи добычею, съ торжествомъ поплылъ обратно (52); а съ другой стороны витязь Вишневецкій, посланный великимъ княземъ, явился на Дону и угрожая Тавридѣ нападеніемъ со стороны Азова, совокупно съ Донскими казаками разбилъ партію Крымцевъ, посланную для освѣдомленія о состояніи Казани (53). Вскорѣ Вишневецкій и Адашевъ отозваны были въ Москву, но положеніе Девлетъ-Гирея нимало не облегчилось, ибо путь въ Тавриду былъ

(50) Истор. Р. Г. Т. VIII прим. 467, 468 и 469.
(51) Тамъ же, стр. 294.
(52) Тамъ же, стр. 295 и прим. 561.
(53) Тамъ же, примѣч. 559.

уже извѣстенъ Донскимъ казакамъ и союзнымъ съ Россіею Ногайцамъ и Черкасамъ. Князья и мурзы ногайскіе (бывшіе въ дружбѣ съ великимъ княземъ), желая нанести чувствительный ударъ хану, просили помощи у Россіи, и Донскимъ казакамъ велѣно было соединиться съ ними. Весною совокупныя ихъ силы двинулись къ Крыму; они шли до самаго Перекопа, не встрѣтивъ ни одного улуса татарскаго, (ибо послѣднія побѣды Русскихъ заставили ихъ укрываться за Днѣпромъ къ сторонѣ Литвы). Устрашенные жители Перекопа затворились, а казаки и Ногайцы, не останавливаясь, продолжали путь свой далѣе, во внутренность владѣній крымскаго хана. На пути около Бога и Ингула нашли они нѣкоторые улусы, разорили ихъ, побили толпы Татаръ, множество взяли въ плѣнъ, а особливо женъ и дѣтей; потомъ подходили подъ Бѣлгородъ и Ачаковъ, встрѣчая вездѣ не храбрыхъ защитниковъ, но робкихъ и трепещущихъ бѣглецовъ, и отягченные знатнымъ плѣномъ и добычею, съ торжествомъ прошли назадъ мимо Перекопа, въ виду устрашенныхъ непріятелей, которые не смѣли имъ показаться, просидѣвъ всю зиму въ этомъ городѣ, какъ осажденные. Такимъ образомъ Донскіе казаки, малые числомъ, но страшные своею дѣятельностію, показали и крымскимъ Татарамъ сколь опасно водвореніе ихъ на Дону. Ногайцы послали отъ себя мурзъ, а Донскіе казаки избранныхъ атамановъ въ Москву съ извѣстіемъ о успѣхахъ своего оружія и съ плѣномъ. Царь одарилъ щедро и ногайскихъ мурзъ и атамана съ товарищи и отпустивъ ихъ, повелѣлъ совокупными силами дѣйствовать противъ общихъ непріятелей. Сверхъ того казакамъ прислалъ жалованье и дозволилъ свободную торговлю во всѣхъ россійскихъ городахъ, а Ногайцамъ, согласно съ ихъ просьбою, далъ позволеніе кочевать между Дономъ и Волгою (54).

Между тѣмъ главныя силы казаковъ при каждомъ новомъ удобномъ случаѣ являли новые опыты истинной своей вѣрности къ Россіи. Умножаясь время отъ времени новыми

(54) Ист. Р. Г. Т. VIII, примѣч. 564. Скифск. ист. Лызлова ч. II стр. 60

пришельцами, они старались еще болѣе утвердиться на Дону и устрояли новые городки, какъ по этой рѣкѣ, такъ и по Волгѣ (55).

Выше упомянуто, что Азовъ платилъ уже дань казакамъ; но это было недолго. Казаки добровольно-ли по договору какому, или по необходимости утративъ власть надъ этимъ городомъ никогда не оставляли Азовцевъ въ покоѣ, безпрестанно ихъ тѣснили, или давали перемирія только изъ снисхожденія, если видѣли въ этомъ свою пользу, словомъ, содержали Азовъ во всегдашнемъ страхѣ и старались привести его въ такое состояніе, чтобы въ случаѣ нужды безъ затрудненія онъ могъ быть покоренъ, и открылъ-бы имъ путь въ Тавриду. Ханъ крымскій хотя увѣрялъ великаго князя въ готовности своей быть въ миру съ Россіею, но все еще оставался для ней опасенъ, ибо изъ хищности, онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать. Іоаннъ не полагался на его увѣренія, но писалъ Донскимъ казакамъ, дабы они безпрерывно разъѣзжали по степямъ донскимъ и наблюдали бы за всѣми движеніями Крымцевъ. Таковая осторожность была ненапрасна; ханъ будучи подкупленъ литовскимъ золотомъ, въ 1556 г. собиралъ войско на Россію, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ перешелъ Донецъ. Казаки тайно извѣстивъ о томъ царя, дали ему время и возможность въ украинскихъ городахъ и на Окѣ устроить войско такъ, что ханъ, послѣ безполезныхъ приступовъ къ Болхову, находя вездѣ сильное сопротивленіе, бѣжалъ ночью октября 19 (56).

Бѣгство Донскихъ казаковъ съ береговъ Дона въ степи. Доселѣ видѣли мы Донскихъ казаковъ всегда отважными и неустрашимыми, но ниже описанный случай, непонятно заставилъ ихъ предаться трусости и въ бѣгствѣ отъ своихъ жилищъ искать мнимаго спасенія.

Съ давняго времени Турки завистливо смотрѣли на возрастающее могущество Россіи. Султанъ Селимъ, желая по-

(55) Истор. Р. Г. Карамз. Т. IX. прим. 245.
(56) Тамъ же, примѣч. 212.

казать себя дѣятельнѣе своихъ предшественниковъ, вознамѣрился привести въ исполненіе замыслы отца своего: соединить Донъ съ Волгою, на берегахъ обѣихъ этихъ рѣкъ устроить крѣпости, завоевать Астрахань и чрезъ то стѣснить Россію. Для исполненія такого предпріятія, въ 1569 году, послалъ онъ до 70/т. Турокъ и Татаръ сухимъ путемъ, и изъ Азова рѣкою Дономъ до ста судовъ, съ тяжелыми снарядами и богатою казною, приказавъ войскамъ своимъ соединиться у Переволоки, въ нынѣшней Качалинской станицѣ. На Дону пронесся слухъ, что Турки идутъ для конечнаго истребленія казаковъ. И эти, всегда отважные ратоборцы, испугались одной молвы, разбѣжались по отдаленнымъ степямъ тогда, какъ турецкія суда, имѣя для своей защиты только 500 воиновъ и 2,500 гребцовъ, бо́льшою частію христіанскихъ плѣнниковъ, шли трепеща на каждомъ шагу, встрѣчали мѣли, на коихъ принуждены были останавливаться и перегружать тяжести, ждали всякій часъ гибели *и отчаяли животъ свой*, какъ говоритъ очевидецъ,—россійскій царскій сановникъ Мальцовъ, бывшій на тѣхъ судахъ въ числѣ плѣнниковъ. Нужно было только показаться Русскимъ, чтобы завладѣть всѣми судами, снарядами и казною; но никто не являлся и сами Турки не могли довольно надивиться этой странности, а особливо тому, что казаки, постоянные обитатели страны этой, нигдѣ имъ не встрѣчались. Такимъ образомъ суда дошли до назначеннаго мѣста благополучно. Сего мало: тяжелые снаряды турецкіе нашлись неудобными для перевоза въ Астрахани и будучи отправлены обратно тѣмъ же путемъ до Азова, плыли Дономъ безъ всякаго препятствія. Но слѣпое счастіе не столько благопріятствовало сухопутному войску султана: оно послѣ тщетныхъ приступовъ къ Астрахани погибло въ безводныхъ задонскихъ степяхъ, коими велъ оное ханъ (57).

Коль скоро миновалась мнимая опасность, Донскіе казаки собрались снова въ прежнія свои жилища, снова начали

(57) Дѣла Крымскія № 13, лист. 287—300.

разъѣзды, отъ стороны Крымцевъ и Ногаевъ и къ величайшему удовольствію своему нашли, что Азовская крѣпость взорвана на воздухъ со всѣми пороховыми запасами и орудіями, городская стѣна и большая часть дворовъ, также суда, въ пристани находившіяся, и множество людей погибли: поджогъ сей сдѣланъ былъ, какъ думали, русскими (58).

Набѣги казаковъ на Тавриду и вторичное покореніе Азова. Іоаннъ искалъ у султана мира, но гордый Селимъ, не смотря на неудачный походъ его войскъ и на несчастіе, Азову приключившееся, замышлялъ новую войну съ Россіею, и возбудилъ Крымскаго хана къ нападенію на предѣлы оной съ многочисленною ратью. Казаки усугубили разъѣзды свои по степямъ крымскимъ, и свѣдавъ о намѣреніи хана идти съ огнемъ и мечемъ на Россію, извѣстили объ этомъ Іоанна и воеводъ его, но не могли спасти Москвы, которая весною 1571 г. обращена хищнымъ Дивлетъ-Гиреемъ въ пепелъ, будучи оставлена царемъ почти безъ всякой защиты (59). Чрезъ два или три года послѣ того Іоаннъ послалъ въ Азовъ казачьяго атамана Никиту Мамина съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ и извѣщая о томъ донскихъ казаковъ (августа 17 1571 г.) писалъ: „когда Маминъ пріѣдетъ на Донъ и объявитъ вамъ (казакамъ) *дѣло наше*, то соединитесь съ нимъ, *помышляйте* единодушно о пользахъ нашихъ и будьте увѣрены въ нашей къ вамъ милости и жалованьи“ (60). Настоящая цѣль сего посольства и въ

(58) Дѣла крымскія № 13 листъ 258. Въ 20 день сентября 1569 г. Мангупской Ага Магмутъ посламъ россійскимъ, находившимся въ то время въ Крыму, говорилъ: язь де пріѣхалъ изъ Кафы и пришла де въ Кафу вѣсть, зажгли де и въ Азовѣ въ ночи зелье и отъ того де у города стѣну вырвало, а дворы де въ городѣ и люди многіе погорѣли, и нарядъ и запасъ и суды погорѣли и говорятъ де, что зажгли ваши русскіе люди. Истор. Р. Г. Карамз. Томъ IX примѣч. 252.

(59) Истор. Р. Г. Т. IX стр. 180—183.

(60) Вѣрющая грамота государя царя Іоанна Васильевича, отправленная на Донъ донскимъ атаманамъ и казакамъ съ казачьимъ атаманомъ Никитою Маминымъ и Молчаномъ Яковлевымъ. Писана 1571 г. августа 17. „Отъ царя и великаго князя всея Руссіи на Донъ къ донскимъ атаманамъ и казакамъ послали есмя для своего дѣла, подъ Азовъ казачьяго атамана Микиту Мамина да Молчана Яковлева съ товарищи и какъ они

чемъ состояло порученіе неизвѣстно; впрочемъ съ вѣроятностію заключать можно, что Іоаннъ, опасаясь еще сильнѣйшаго удара отъ двухъ могущественныхъ властителей магометанскихъ, поручалъ казакамъ предпринять какія-либо мѣры для удержанія непріятельскихъ набѣговъ, или для изысканія способовъ къ защищенію и Россіи; ибо донскіе казаки, съ сего времени, не ограничивались уже одними разъѣздами на степяхъ между Крымомъ Россіею; но безпрестанно вторгались во внутренность самой Тавриды, опустошали улусы ея, брали плѣнныхъ, исчезали, появлялись снова въ другихъ мѣстахъ, и тѣмъ содержали хана во всегдашнемъ безпокойствѣ и тревогѣ, а наконецъ, въ 1576 г., приступили къ Азову, взяли оный, и таковою смѣлостію, изумивъ султана, заставили его писать о семъ къ хану Крымскому, вѣроятно для того, чтобы тотъ унялъ дерзость казаковъ (61).

Жалобы на казаковъ Крымскаго хана. Ханъ жаловался Іоанну, что казаки разоряютъ его области и Азовъ взяли. Государь отвѣтствовалъ: „казаки живутъ на Дону не по моей волѣ; бываютъ въ войнѣ и въ мирѣ съ Азовомъ безъ моего вѣдома; они бѣглецы изъ моего государства и собравшись для разбоевъ неоднократно грабили и мою казну на Дону и на Волгѣ, за что многіе казнены были. Моихъ же людей я нетокмо не посылалъ къ Азову, но даже свѣдавъ о нынѣш-

на Донъ пріѣдутъ и о которыхъ нашихъ дѣлѣхъ Микита Маминъ вамъ учнетъ говорити, и вы съ нимъ о нашихъ дѣлѣхъ промышляли за одинъ, а какъ намъ послужите и съ Микитою нашими дѣлы учнете промышляти, и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ.“ Писана въ Москвѣ 7079 г. августа въ 17 день. См. грам. сію въ собр. госуд. грамотъ и договоровъ и у Карамз. Т. IX примѣч. 348.

(61) Дѣла крымскія книга № 14 листъ 236 и на оборотѣ. См. отписку находившагося въ Крыму посланника нашего Ивана Мясоѣдова, привезенную въ Москву служилымъ татариномъ Кадышемъ Кудиновымъ:.... „Да говорилъ государь царь про казаки про Донскіе, про что де казаки Донскіе воюютъ Азовъ, Мы де и съ братомъ своимъ въ братствѣ и любви будемъ; а казаки де воюютъ Азовъ. И мнѣ де и Турскаго царя отстать какъ? Да царь же, государь, молилъ; да то де есмя слышалъ же, что братъ нашъ, которые казаки воровали безъ его вѣдома, и онъ де велѣлъ ихъ переимати, да въ тюрьму посажати; а царь государь говорилъ про Азовъ потому, что писалъ къ нему Турской царь, про что де ты казнилъ Мишкина сына Черкашенина; и нынѣ де и у меня казаки Азовъ взяли“..... О семъ повторяется также въ той же книгѣ на листахъ 269, 305 и 311.“

немъ набѣгѣ казаковъ на оный, приказалъ по всѣмъ украинным городамъ казнить всякаго казака, бывшаго подъ Азовомъ, коль скоро который изъ нихъ явится туда (62).

Такимъ образомъ, жалобы крымскаго хана и султана турецкаго оставались безъ всякихъ послѣдствій и не мало не могли ограничить донскихъ казаковъ въ смѣлыхъ ихъ предпріятіяхъ. Великій князь, называя казаковъ бѣглецами и разбойниками, хотѣлъ только оправдать себя предъ ханомъ, въ самомъ же дѣлѣ разумѣлъ людей сихъ, какъ полезныхъ воиновъ (исключая Волжскихъ хищниковъ, ибо между этими послѣдними отчасти находились и донскіе казаки), ибо самъ поощрялъ ихъ къ новымъ подвигамъ и награждалъ жалованіемъ. Однакожъ казаки, вѣроятно видя, что не въ силахъ были долго держаться въ Азовѣ, оставили его произвольно во власть Турокъ, дабы имѣть свободу заниматься по обычаю своему наблюденіемъ за движеніями Крымцевъ и снова драться съ Азовцами. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ сіе время казаками изъ Азова, находились: шуринъ Турецкаго султана и 20 человѣкъ лучшихъ Азовцевъ (63).

Служба казаковъ въ составѣ Россійскихъ войскъ. Казаки, кромѣ собственныхъ дѣйствій противъ хищныхъ Россіи сосѣдовъ Азовцевъ, Крымцевъ и Татаръ Ногайскихъ, входили иногда и въ составъ русскихъ войскъ:

(62) Дѣла крымскія книги № 14 лист. 338—340.
„..... „А что де еси братъ намъ писалъ, что казаки Донскіе приходили на Азовъ, и Азову много лиха починили и казаки Донскіе потому же не по нашему велѣнью на Дону живуть, бѣгая изъ нашего государства, а не по нашему наказу и много лѣтъ живутъ подъ Азовомъ, много на Дону живеть того иногда въ миру, а иногда не въ миру; да только всякія такія дѣла у нихъ межъ ихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома, а Донскіе казаки на Дону и на Волгѣ и наши казны грабливали; и мы сыскавъ за то ихъ казнивали. А про то намъ слышать лучилось и сталось Азовскимъ людемъ съ Донскими казаки межъ ихъ рознь и война и Донскіе казаки собрався приходили къ Азову, да только всякія дѣла межъ Азовскихъ людей и Донскихъ казаковъ дѣлаются, и мирныя и бранныя, безъ нашего вѣдома."

Сверхъ того см. истор. Р. Г. Карамз. Т. IX примѣч. 407.

(63) Дѣла Крымскія ин. № 14 лис. 269 вѣстовой списокъ бывшаго въ Крыму посланникомъ Ивана Мясоѣдова.... „Нынѣче де у меня казаки Донскіе... Азовъ... взяли, и лучшихъ людей у меня изъ Азова взяли двадцать человѣкъ, да и шурина моего Сеина, опричь черныхъ людей.

такъ отчасти вспомоществовали они взятію Исламъ—Керменя и покоренію царства Астраханскаго и участвовали въ извѣстной *судовой рати*. Іоаннъ, готовясь начать войну съ Баторіемъ, старался обезопасить юговосточные и западные предѣлы государства своего; для этого, умноживъ въ крѣпостяхъ войска, онъ учредилъ на Волгѣ особую *судовую рать*, въ которой, по его повелѣнію, были и донскіе казаки въ двухъ полкахъ въ большомъ и передовомъ; прочимъ же донскимъ казакамъ приказано было дѣйствовать противъ самой Тавриды, требуя въ нужныхъ случаяхъ пособій отъ судовой рати (64). Но Іоаннъ, желая болѣе успокоить себя со стороны Крыма, искалъ мира съ Ханомъ и, не получивъ отъ Дивлетъ-Гирея, умершаго въ 1577 году, настоятельно домогался у сына и преемника его Магметъ-Гирея, который былъ къ тому еще непреклоннѣе отца, ибо за дружбу свою требовалъ нетолько Астрахани, но чтобы еще государь свелъ казаковъ съ Днѣпра и съ Дона (65).

Ханъ Магметъ-Гирей требуетъ свесть казаковъ съ Дону. Таковое требованіе (которое и сама Порта вскорѣ послѣ этого стала постоянно включать въ число главныхъ условій, при переговорахъ своихъ съ дворомъ Россійскимъ) подъ благовидными предлогами было отклонено. Ханскому послу, бывшему въ Москвѣ въ 1578 году, отвѣчали, что ни днѣпровскіе, ни донскіе казаки независятъ

(64) Истор. Р. Г. Карамзина Т. IX стр. 250 примѣч. 452 „Въ судовой рати (въ 1576 г.), въ больш. полку, въ плавной, К Н. Тюфякинъ, да голова Б. Нарышкинъ.... а съ ними Пермичи, Двиняне, Кинешемцы, Балаховцы, Гороховчане, Юрьевчане, да Михайлова города головы, да *Донскіе* атаманы и казаки.... Галичане, Каряновцы... въ перед. полку Метюжане, Толмичи, да Донскіе атаманы... Въ сторожевомъ Бѣлозерцы...

(65) Тамъ же, стр. 280 и дѣла крымск. № 15, лист. 166, 215, 247, 368, 418 и 419. Грамоты привезенныя въ Москву крымскими послами Арасланъ-Мурзою съ товарищи: „да только-жъ ты братъ нашъ съ нами, съ другомъ своимъ, похочешь въ любви и въ мирѣ быти и между ду юртовъ добра хотѣти, и которые казаки у тебя на Дону, и ты бы тѣхъ казаковъ велѣлъ свести, чтобы брата нашего Хандыкерева величества городу Азову отъ нихъ докуки не было, потому что Хандыкерева земля наша, а наша земля Хандыкерева, и что его городу Азову твои казаки докуку чинятъ, такъ бы еси вѣдалъ, ежегодъ твои казаки Дономъ приходя, Азову шкоду чинятъ, и сего лѣта казаки твои двожды пришедъ подъ Азовъ и шкоду учинивъ пошли:“ лист. 368—369.

отъ великаго князя: первые состоятъ отъ Баторія, а послѣдніе суть бѣглецы изъ Литвы и Россіи, и что государь Россійскій не признаетъ ихъ за своихъ подданныхъ, но велитъ казнить, если они явятся въ его предѣлахъ; касательно же Астрахани объявили, что оружіе и вѣра на вѣки утвердили этотъ городъ за Россіею. Магметъ-Гирей, не получивъ отъ Россіи удовлетворенія въ столь неумѣренныхъ требованіяхъ своихъ, склонился къ Баторію, который охотно закупилъ его дружество, нанимая вездѣ войска противъ Россіи.

Участіе казаковъ въ войнѣ Ливанской. Число донскихъ казаковъ въ это время было уже довольно значительно и кругъ военныхъ дѣйствій ихъ сталъ гораздо обширнѣе; ибо тогда какъ одна часть ихъ оставлена была на Дону дѣйствовать противъ Крыма, другая на Волгѣ въ *судовой рати*,—третья участвовала въ войнѣ Ливонской.

Въ первый разъ въ 1577 году донскіе атаманы и казаки пришли подъ знамена воеводо Русскихъ въ Псковъ, гдѣ соединялись тогда военныя силы, дабы рѣшить судьбу Ливоніи (66). Въ сей войнѣ невидно подвиговъ казаковъ въ особенности, но вѣроятно они дѣйствовали совокупно въ составѣ всего войска. Когда же въ 1579 г. возгорѣлась новая неудачная война съ Баторіемъ, Іоаннъ подвинулъ всѣ полки къ западу, тогда донскіе казаки снова явились въ станѣ русскомъ, и какъ бы для того, чтобъ присутствіе свое запечатлѣть постыднымъ своевольствомъ и нарушеніемъ порядка воинской подчиненности. Баторій осадилъ Полоцкъ, который защищала дружина, малая числомъ, но сильная мужествомъ и вѣрностію къ своему государю, болѣе 3-хъ недѣль; воинство полоцкое храбро отражало непріятельскія нападенія, но примѣтно изнемогло. Іоаннъ, узнавъ объ опасности сего города, послалъ боярина Шеина съ тремя другими воеводами и донскими казаками на помощь къ оному. Шеинъ былъ недалеко отъ польскаго стана, видѣлъ пожаръ, битву и слышалъ кликъ осажденныхъ, просившихъ помощи у своихъ собратій; но

(66) Исторія Р. Г. Т. IX стр. 253.

боясь вступить въ сраженіе, занялъ крѣпость Соколы и неоказалъ пособія. Непріятель, видя робость воеводъ русскихъ, въ тотъ же день сдѣлалъ рѣшительный приступъ къ городу, вломился въ горящія стѣны, поражалъ и ниспровергалъ все и, по упорномъ сопротивленіи, взялъ городъ. Когда Шеинъ стоялъ въ *Соколахъ*, не подавая помощи погибающему Полоцку, въ то время донскіе казаки, или наскучивъ бездѣйствіемъ, или оставшись недовольны воеводами, забыли честь и отечество, бросили станъ и, по словамъ лѣтописца, пошли *на Донъ безъ отпуска* (67).

ГЛАВА III.

Разбой казаковъ по Волгѣ.— Жалобы Ногайцевъ.— Древняя исторія Сибирскаго царства. — Извѣстія о Сибири между Русскими.— Начальная зависимость Сибирскаго царства отъ Россіи.— Преимущества, данныя Строгоновымъ. — Призваніе казаковъ къ Строгоновымъ.— Походъ въ Сибирь.— Набѣгъ Пелымскаго князя. — Первая битва Ермака.— Сраженіе съ Маметкуломъ.— Разореніе улуса Карачи и взятіе города Атикъ Мурзы. — Кругъ казаковъ для совѣта.— Рѣшительная побѣда. — Занятіе столицы Сибирскаго царства.— Благоразумныя распоряженія Ермака.— Посольство въ Москву съ извѣстіемъ о покореніи Сибирскаго царства.— Голодъ въ Искерѣ. — Убіеніе Ивана Кольца съ отрядомъ казаковъ. — Бунтъ въ улусахъ Сибиряковъ.— Смерть Ермака.

Разбой казаковъ по Волгѣ. Выше упомянули мы, что донскіе казаки, отдѣляясь разновременно большими и малыми толпами на Волгу и присоединяя къ себѣ удальцовъ изъ пограничныхъ россійскихъ казаковъ, составили многія шайки, которыя, кочуя при переправахъ рѣки, служили государю, наводили страхъ на улусы Ногаевъ, громили ихъ, а всего чаще грабили рыболововъ, проѣзжихъ купцовъ и посланниковъ татарскихъ. Союзники Іоанна, князья Юсуфъ и

(67) Тамъ же—стр. 298 и примѣч. 525.
Въ Розрядн. кн. „въ тѣ поры Донскіе казаки измѣнили, пошли изъ Сокола безъ отпуску на Донъ.“

Измаилъ—Мирза, многократно приносили царю жалобы, въ удовлетвореніе коихъ поймавъ нѣсколько казаковъ, Іоаннъ велѣлъ повѣсить ихъ въ присутствіи Ногайскихъ пословъ, и къ князьямъ, въ 1553 году, отписалъ, что изъ дружбы къ нимъ Волгу отъ разбойниковъ казаковъ очистилъ, а другимъ далъ *крѣпкую заповѣдь* жить смирно. (68).

Но поведеніе казаковъ не перемѣнилось, и по новымъ жалобамъ мирзъ и князей ногайскихъ Іоаннъ послалъ въ слѣдующемъ году боярскаго сына Григорія Жолобова съ ратію для наказанія на Волгѣ неспокойныхъ людей (69); въ тоже время чрезъ посла своего старался увѣрить татарскихъ владѣтелей, что всѣ злые казаки казнены, а на мѣсто ихъ поставлены казаки добрые, въ которыхъ воровства нѣтъ (70).

Но спустя два или три года, эти добрые казаки ограбили и побили русскихъ людей, шедшихъ въ Астрахань. Для усмиренія ихъ царь велѣлъ весною 1557 г. выслать изъ Казани небольшой отрядъ войска и поставить на Волгѣ въ судахъ подъ начальствомъ боярскихъ дѣтей: Степана Кобелева (противъ Самарскаго устья) и Ляпуна Филимонова (на Переволокѣ). Цѣлое лѣто оберегали они всѣхъ проѣзжавшихъ и давали имъ

---

(68) Дѣла Ногайскія книга № 4 стр. 209 на оборотѣ.
Въ наказѣ послу Николаю Бровцыну, между прочимъ написано: „А которые казаки на Волгѣ гостей вашихъ грабили и били и мы тѣхъ казаковъ предъ вашими послы велѣли казнити, а которые впередъ учнуть на Волгѣ стояти и посламъ и гостемъ лихо дѣлати, и мы тѣхъ также велимъ казнити; а которые казаки нынѣ отъ насъ бѣгаютъ и хоронятся на Волгѣ, и какъ ледъ пройдетъ и мы на тѣхъ посылаемъ многихъ своихъ людей и велимъ ихъ тамъ побити, чтобъ лихихъ людей межъ нашихъ земель не было."

(69) Дѣла Ногайскія кн. № 4 см. наказъ послу Тимофею Загряжскому, стр. 269 и на оборотѣ:
„А которые наши изъ нашей земли выбѣжали и стоятъ на Волгѣ, а у васъ лошадей крадутъ и гостей побиваютъ, и нашихъ рыболововъ грабятъ и побиваютъ же, и мы на тѣхъ послали своего сына боярскаго Григорья Жолобова."

(70) Тамъ же, см. наказъ Андрею Третьякову, лис. 325 на оборотѣ:
.... И Андрею говорити государь нашъ господине, заповѣдь великую казакамъ учинилъ, чтобы улусамъ вашимъ лиха никакъ не дѣлали. А которые казаки воровали, пословъ и гостей грабили, и лошади у васъ крали и людей были, и государь нашъ тѣхъ казаковъ всѣхъ казнилъ, а нынѣ поставилъ на Волгу казаковъ добрыхъ вамъ на бережье, въ которыхъ воровства нѣтъ."

проводниковъ ([71]).

Эти осторожности не много приносили пользы для Ногаевъ; ибо число казачьихъ партій на Волгѣ, Самарѣ и Яикѣ, въ 1570 годахъ, до того умножилось, что Ногаи пришли въ ужасъ, не знали гдѣ дѣваться, боялись потерять женъ и дѣтей своихъ, ожидая неминуемой гибели ([72]).

Жалобы на это Ногайцевъ. Урмаметъ мурза присылалъ къ государю жалобу за жалобою; но Ногаи въ то время сами жили не смирно и нападали на наши украйны, почему холодно и сухо отвѣтствовано было татарскому владѣтелю, что виновныхъ казаковъ государь велитъ согнать съ Волги, а невиновныхъ не тронетъ; дерзость же самыхъ Ногайцевъ жестоко бы наказалъ онъ, но оставляетъ это единственно изъ дружбы къ покойному отцу его Исмаилу, доброму своему пріятелю и союзнику ([73]). Казаки сами отомстили за

([71]) Дѣла Ногайскія книга № 5 см. наказъ нѣкоему Мокею Лачикову, лис. 7 и на оборотѣ:

.... „А нынѣ, господине, горударь сею весною въ судѣхъ послалъ на Волгу своихъ дѣтей боярскихъ Степана Кобелева, да Ляпуна Филимонова со многими людьми, а велѣлъ съ Волги казаковъ всѣхъ сослать:“

([72]) Тамъ же, № 9, распросныя рѣчи возвратившихся изъ ногайскихъ улусовъ дѣтей боярскихъ Петра Дѣвочкина, Третьяка Аристова и Григорья Исленьева:

... „Урусъ де князь негораздо чинитъ отъ государя отставаетъ и хочетъ съ государемъ завоеватся и пословъ государскихъ переграбилъ, а только государь велитъ де казакамъ у насъ Волгу и Самару и Яикъ отняти, и намъ де на семъ отъ казаковъ пропасти, улусы наши и женъ и дѣтей поемлютъ и намъ де гдѣ ся дѣти:“ лис. 157 и на оборотѣ.

([73]) Дѣла ногайскія кн. № 9, см. лис. 167 на оборотѣ:

... „И только меня собе братомъ назовешъ, а тыбъ съ Волги велѣлъ свесть казаковъ всѣхъ, то братству и знама, и только казаковъ съ Волги невелишъсносить и то братства и дружба не будетъ:“

Тамъ же, лис. 173 и на оборотѣ.

... „Государь сыскавъ виноватыхъ съ Волги казаковъ сбить велитъ и жить имъ впредъ не велитъ на Волгѣ, а которые невиноватые и тѣхъ съ Волги за што сводить.. А ихъ (Ногайскихъ мурзъ) люди перевозившися за Волгу, да вмѣстѣ съ крымскими людьми ежегодъ приходятъ на государеву украйну войною да и сего лѣта ихъ Ногайскіе люди вмѣстѣ съ крымскими людьми и съ Дивеевыми дѣтьми и неедино приходили на государевы украйны войною и многіе убытки подѣлали, и онибъ впередъ людей своихъ уймали“...

Тамъ же, № 10 лис. 22 и на оборотѣ, см. грамоту великаго князя:

... „А то намъ вѣдомо украйны: Кадомскія, и Темниковскія, и Шацкія, и Алаторскія, и Арземаскія, и Курмышинскія, и Свіяжскія, и Тетюжскія всее горнія стороны и Казанскія люди, и донскіе и волжскіе и астороханскіе казаки, за свои досады намъ безпрестанно бьютъ челомъ, чтобъ намъ ослободить ваши улусы, противъ востать, что имъ

отечество: напали на столицу Ногаевъ—Сарайчикъ, выжгли его до основанія и разрыли даже гробы мусульманъ (74).

Почти въ тоже время удалые атаманы сихъ шаекъ: Иванъ Кольцовъ, Богданъ Борбоша, Микита Пань и другіе ограбили нашего посла Василія Пелепелицына, ѣхавшаго вмѣстѣ съ Ногайскими послами, на перевозѣ близъ Сосноваго острова. Огорченный государь приказалъ переловить разбойниковъ, казнить ихъ, и послалъ объ этомъ грамоты въ Казань, въ Астрахань и во всѣ украинные города (75). Но судьба готовила этихъ буйныхъ людей на дѣла славныя въ обширномъ и богатомъ царствѣ Сибирскомъ.

Древняя исторія Сибирскаго царства. Основаніе Татарскаго царства на берегахъ Иртыша, которое русскіе называли Сибирскимъ, относится ко временамъ Монголо-Татарскаго владычества въ средней Азіи и восточной Европѣ. Когда огромная имперія Монголовъ раздѣлилась на многія независимыя владѣнія, тогда произошло и это отдѣльное на сѣверѣ царство. Но когда именно совершилось его

отъ нашихъ ногайскихъ людей и многіе тѣсноты и убытки составляются, и мы своихъ досадъ такихъ отъ нашихъ ногайскихъ людей непамятуя, а помня къ себѣ крѣпкую любовь и дружбу отца вашего Исмаила князя, тѣмъ всѣмъ людемъ заказъ свой царской крѣпкой учинили и на ваши улусы приходити не велѣли:"

(74) Дѣла Ногайскія книга № 10, листъ 140 на оборотѣ. Распросныя рѣчи пріѣхавшаго изъ ногайскихъ улусовъ татарина Байкеша.

.... „Да урусъ же князь говорилъ, приходили де государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ воевали и сожгли, нетолько что людей живыхъ сѣкли, и мертвыхъ изъ земли вырывали и гробы ихъ разоряли; и намъ то стало за великую досаду; а то Урусъ князь не сказывалъ, откуда на Сарайчикъ казаки приходили и многіе-ли люди и о кую пору:"

(75) Дѣла Ногайскія книга № 10, наказъ послу Петру Ѳедорову, бывшему въ то время въ ногайскихъ улусахъ, лис. 258—261.

.... „Приходили де на алаторскія мѣста съ азовскими людьми вмѣстѣ и воевавъ пошли въ Ногай назадъ, и на Волгѣ волжскіе атаманы Ивашко Кольцо, да Борбоша съ товарищи, на Волгѣ своровали твоихъ урусовыхъ пословъ и иныхъ мурзъ пословъ и нашихъ дѣтей боярскихъ Василья Пелепелицина съ товарищи, перебили и переграбили, да иныхъ казаковъ сыскали Митю Бритоусова съ товарищи, которые на Волгѣ были и нашихъ дѣтей боярскихъ и вашихъ пословъ перебили, и мы на тѣхъ казаковъ опалу свою положили, казнити ихъ велѣли смертью предъ твоимъ человѣкомъ Урмагметомъ:"....

.... „А для атамана Ивана Кольца, да Борбоша, съ товарищи, и для нашихъ казаковъ послалъ государь въ Казань и въ Асторохань и во всѣ украинскіе городы, и велѣлъ тѣхъ волжскихъ атамановъ и казаковъ имая, казнити смертію:"

основаніе—намъ неизвѣстно по совершенному недостатку источниковъ; ибо собственныхъ историковъ царство Сибирское не имѣло, чужеземцы о немъ не знали, и русскіе стали любопытствовать о древнихъ происшествіяхъ онаго, уже по совершенномъ покореніи его, не прежде XVII вѣка, и, изъ оставшихся тогда темныхъ изустныхъ преданій, составили многія повѣсти, весьма смѣшанныя, одна другой противорѣчащія. Въ этихъ повѣстяхъ даже линію хановъ сибирскихъ почти каждый слагатай изъяснялъ по своему—сбивчиво, ложно. Немногія достовѣрныя свѣдѣнія о именахъ хановъ сихъ сохранились въ одномъ, дошедшемъ до насъ, весьма важномъ дипломатическомъ актѣ, именно, въ грамотѣ царя Ѳедора Ивановича къ Сибирскому хану Кучуму, 1587 г. писанной (76).

Изъ ней видно, что въ царствѣ Сибирскомъ были двѣ различныя династіи хановъ: а) Тайбучина и б) предковъ Кучума. Престолъ Сибири замѣщался то тѣмъ, то другимъ поколѣніемъ, безъ сомнѣнія при сильныхъ переворотахъ, о которыхъ, впрочемъ, исторія не сохранила никакихъ свѣдѣній. Изъ рода Тайбугина извѣстенъ только родоначальникъ этого племени, и знатные потомки его: Магметъ Кулъ, Казый и Едигеръ. О родѣ Кучума, татарскій историкъ Абулхазій, въ своей родословной исторіи даетъ гораздо яснѣйшія понятія, производя оный по прямой линіи отъ Чучи, сына грознаго завоевателя Чангисъ-Хана; онъ высчитываетъ со всею подробностію его потомковъ, полагая въ одинадцатомъ колѣнѣ двухъ братьевъ Ибана и Ма-амбуна, изъ коихъ о первомъ говорится и въ упомянутой грамотѣ царя Ѳедора: и онъ былъ двоюродный дѣдъ Кучума; слѣдственно, этотъ послѣдній занималъ 13-ю степень въ цѣпи потомковъ Чингисова сына Чучи.

Извѣстія между Русскими о Сибири. Начало извѣстій въ Россіи вообще о Сибири, или о странахъ за-

(76) Сія грамота напечатана во 2 части государственныхъ грамотъ и договоровъ.

уральскихъ, относится къ временамъ довольно отдаленнымъ. Страна, за Каменнымъ поясомъ лежащая, до половины XIII столѣтія отдѣлялась отъ россійскихъ княженій обширными землями волжскихъ и камскихъ Болгаръ, а послѣ татарскими жилищами. Далѣе къ сѣверовостоку были жилища народовъ Финскаго поколѣнія: Пермяковъ, Зырянъ, Угровъ и другихъ, подъ общимъ названіемъ Перміи и Угріи. Новгородцы первые въ XI или покрайней мѣрѣ въ концѣ XII вѣка ходили войною въ Угру, а въ 1365 г. доходили даже до рѣки Оби; но впрочемъ они знали одну только сѣверную и самую бѣднѣйшую часть Сибири, населенную Уграми, Самоѣдью и Вогулами; а собственно сибирское царство, татарами основанное, было имъ или вовсе неизвѣстно или они знали его въ превратномъ видѣ; дѣйствительное же открытіе онаго принадлежитъ къ послѣдующимъ столѣтіямъ.

Едва блеснулъ лучь надежды къ освобожденію Россіи отъ ужаснаго ига татаръ, какъ великіе князья наши обратились къ новымъ завоеваніямъ: предпринятый въ 1459 г. походъ въ Вятку (77), неважный успѣхами, былъ приступомъ къ ужасному впослѣдствіи распространенію предѣловъ Россіи къ сторонѣ восточнаго сѣвера.—При великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1472 г. приведена въ подданство Россіи вся Пермія; а въ 1483 г. покорены Вогулы и Остяки, и русскіе впервые проникли тогда до рѣки Оби (78). Таковое разширеніе предѣловъ Россійской монархіи отъ границъ Вятки до хребта горъ Уральскихъ, познакомило русскихъ съ сибирскимъ царствомъ и наконецъ было поводомъ къ приведенію онаго въ зависимость отъ Россіи.

Начальная зависимость Сибирскаго царства отъ Россіи. Сибирскіе татары, видя блистательный успѣхъ россійскаго оружія, даже по ту сторону хребта Уральскаго, и чувствуя собственную слабость, не замедлили признать надъ собою власть Россійскихъ вѣнценосцевъ и сдѣ-

(77) Никоновск. лѣтопись Т. V стр. 285.
(78) Исторія князя Щербатова Т. IV часть II.

латься ихъ данниками. Точнаго времени этой эпохи мы не знаемъ; но вѣрно то, что сіе совершилось въ первыхъ годахъ XVI столѣтія. Сибирскій Ханъ Ибанъ, современникъ великаго князя Василья Іоанновича, первый билъ ему челомъ о подданствѣ и принесъ дань; преемники его: Магметъ Кулъ, Казый и Едигеръ продолжали платить эту дань, прерывая оную иногда по своевольству и другимъ причинамъ (79). Послы наши и сборщики податей ходили въ Сибирь и обратно и хорошо знали путь на берега Иртыша.

Ханъ Кучумъ, припявъ престолъ сибирскій, при самомъ началѣ сдѣлался, нѣкоторымъ образомъ, непріязненнымъ Россіи, причиняя набѣгами своими пограничнымъ областямъ нашимъ немалое разореніе; но вскорѣ склонился на поведеніе мирное и вошелъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ переговоры съ царемъ Іоанномъ Грознымъ. Въ мартѣ 1569 г. царь отправилъ къ нему грамоту, побуждая къ заплатѣ подати (80). Кучумъ, упрямый характеромъ и счастливый въ войнѣ съ Киргизъ-Кайсацкимъ царемъ, котораго онъ тогда взялъ въ плѣнъ, отвѣчалъ Іоанну (въ 1570 г.), что собираетъ для него дань и пришлетъ ее когда окончитъ войну съ Киргизами, что гстовъ сохранить къ Русскому царю доброе расположеніе, но не отвергаетъ и войны, если царь расположенъ вести ее (81). Но въ 1572 г. Кучумъ прислалъ въ Москву посольство, прося Іоанна принять его *подъ свою руку и свое обереганье* (82). Царь согласился, положилъ на Хана ежегодную дань, послалъ къ нему грамоту и получилъ шертную запись. Безпокойный ханъ вскорѣ измѣнилъ своему слову: пересталъ платить дань, воевалъ пермскія владѣнія наши и подстрекалъ всѣхъ окрестныхъ улусниковъ къ набѣгамъ на русскія области. Но едва прошло одно десятилѣтіе отъ послѣдняго подписанія Кучумомъ шертной записи на подданство, какъ царство его рушилось и, потерявъ само-

(79) Грамота царя Ѳедора Іоанновича 1587 года.
(80) Титул. № 3 лис. 8 на оборотѣ
(81) Дѣла Сибирск. столб. 2 и 3.
(82) Титулъ № 3 лис. 8 на оборотѣ.

бытность свою, содѣлались россійскою провинціею.

Преимущества, данныя Строгоновымъ. Выше упомянули мы, что настоящія русскія владѣнія на сѣверовостокѣ оканчивались великою Перміею. Страна эта, богатая всѣми привольями, разнообразіемъ природы, и выгодная прибыточною торговлею съ полудикими сосѣдями, привлекала къ себѣ многихъ поселенцевъ, въ числѣ которыхъ была фамилія купцовъ Строгоновыхъ. Нѣкто Аника Строгоновъ, заведя на Вычегдѣ соляныя варницы, дѣятельностію своею нажилъ огромное богатство и оставилъ оное двумъ сынамъ своимъ Якову и Григорію. Ведя обширную торговлю съ сосѣдами и обладая дальновиднымъ предпріимчивымъ умомъ, братья Строгоновы знали хорошо положеніе окрестныхъ народовъ по обѣ стороны Каменнаго пояса и извѣстны были въ семъ отношеніи въ Москвѣ.

Іоаннъ, видя, что сибирскіе народы всегда могутъ нарушить спокойствіе пограничныхъ областей нашихъ, и особенно, при самомъ вступленіи на сибирскій престолъ Кучума, замѣтивъ въ немъ поступки дерзкіе, искалъ вѣрнѣйшихъ средствъ оградить восточные предѣлы своего государства и для того велѣлъ *поставить предъ себя* Якова и Григорія Строгоновыхъ; бесѣдовалъ съ ними долго о положеніи дѣлъ сибирскихъ и пермскихъ. Замѣтя твердый умъ и предпріимчивый духъ этихъ русскихъ купцовъ, царь поручилъ имъ защиту Перміи, предоставя преимущества великія и важныя, каковыми дотолѣ едва ли кто нибудь изъ частныхъ людей могъ пользоваться (83). Вслѣдствіе сего даны имъ были три жалованныя грамоты: первая 1558 г. апрѣля 4, коею Государь пожаловалъ Григорію Строгонову во владѣніе земли по рѣкѣ Камѣ съ лѣвой стороны отъ устья рѣки Лысвы, а съ правой отъ Ныскорской Курьи до рѣки Чусовой. Въ сихъ пустыняхъ

(83) Все предлагаемое здѣсь повѣствованіе заимствовано изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) Рукопись, имѣющая названіе: О взятіи сибирской земли.

б) Другая рукописная лѣтопись подъ названіемъ: описаніе о сибирской землѣ. Обѣ сіи рукописи заслуживаютъ особенное вниманіе, будучи согласны съ дипломатическими актами.

предоставлено ему заводить селенія, наполнять ихъ людьми *охочими, вольными не тяглыми* (неплатящими податей), строить въ приличныхъ мѣстахъ крѣпости, содержать въ нихъ собственное войско: пушкарей, затынщиковъ, пищальниковъ, воротниковъ, имѣть огнестрѣльный снарядъ и всякое оружіе. Пользуясь сими преимуществами, Григорій въ тоже время построилъ въ пыскорскомъ мысу городокъ Канкоръ. Вторая Грамота 1564 г. генваря 2 распространила еще на нѣсколько верстъ владѣнія Григорія, съ тѣми же преимуществами, и вслѣдствіе того въ 20 верстахъ отъ Конкора построенъ былъ имъ городокъ Орловъ на Орловскомъ волокѣ. Третья Грамота 1568 г. марта 25 предоставляла Якову Строгонову во владѣніе всѣ земли по рѣкѣ Чусовой отъ устья ея и до вершинъ, со всѣми привиллегіями, какія даны брату его. Яковъ на сибирскомъ пути по рѣкамъ Сылвѣ и Яйвѣ поставивъ нѣсколько остроговъ, наполнилъ ихъ войскомъ и оружіемъ.

Такимъ образомъ двое дѣятельныхъ купцовъ, съ правами князей владѣтельныхъ, укрѣпили границы Перміи и устроили собственное войско. Въ такомъ положеніи вещей произошелъ случай, впослѣдствіи времени, подавшій поводъ къ великому перевороту въ Сибири.

Царевичь Маметкулъ племянникъ извѣстнаго Кучума, собравъ довольную силу, въ іюлѣ 1573 г. явился на Чусовой съ огнемъ и мечемъ безъ малѣйшаго повода со стороны русскихъ, разорилъ нѣсколько подвластныхъ намъ остяцкихъ селеній, убилъ царскаго посланника Третьяка Чубонова, ѣхавшаго въ Киргизъ—Кайсаки; но убоясь собраннаго Строгоновыми новаго войска, поспѣшно бѣжалъ назадъ. Умные Строгоновы, желая оградить себя отъ подобныхъ набѣговъ на будущее время, донесли объ этомъ происшестіи государю и просили у него дозволенія построить еще нѣсколько городковъ, гораздо ближе къ границамъ сибирскимъ и дѣлать поиски надъ самыми врагами. Они получили желаемое: 30-го мая 1574 г. дана имъ грамота, коею дозволялось имъ строить крѣпости даже за Каменнымъ поясомъ на Тоболѣ, Иртышѣ,

Объ *для береженія и охочимъ людямъ на опочивъ* (сказано въ грамотѣ), проводить въ повиновеніе и подданство всѣхъ безпокойныхъ данниковъ нашихъ, мстить съ оружіемъ въ рукахъ непокорнымъ и буйнымъ сосѣдамъ и проч. Получивъ права эти, Яковъ и Григорій Строгоновы ждали удобнаго случая, къ новымъ предпріятіямъ, и померли, оставя окончаніе важнѣйшихъ подвиговъ меньшему брату своему Семену и племянникамъ Никитѣ Григорьеву и Максиму Яковлеву.

Призваніе казаковъ къ Строгоновымъ. Эти наслѣдники богатства и предпріимчивости славныхъ купцовъ нашихъ, искали только воиновъ, чтобы привести въ исполненіе обширный планъ покойныхъ. У нихъ въ острогахъ были уже нѣкоторые вольные казаки, которые составляли, какъ видно, лучшее ихъ ополченіе: слыша, что по Волгѣ кочуютъ многіе шайки Донскихъ и Волжскихъ казаковъ, славныхъ *по буйству и храбрости*, какъ сказано въ лѣтописи, Строгоновы обратились къ нимъ 5 апрѣля 1579 г.; они послали къ нимъ нарочныхъ пословъ съ грамотою и съ дарами многими, звали удалыхъ наѣздниковъ въ свои Чусовскіе городки на помоганіе противъ невѣрныхъ супостатовъ, на подвиги доблести и славы. Посланные, нашедъ главныхъ атамановъ казацкихъ: Ермака Тимофеева, Ивана Кольца, Якова Михайлова, Никиту Пана, Матвѣя Мещеряка, вручили имъ описаніе и дары Строгоновыхъ, обѣщали милость и покровительство этихъ сильныхъ при Дворѣ купцовъ—вельможъ, плѣняли воображенія ихъ обширнымъ полемъ дѣятельности славной богатствомъ странъ зауральскихъ. Атаманы возрадовались видя, по словамъ лѣтописи, *пришествіе пословъ съ толикою честію отъ мужей славныхъ*. На крутомъ берегу при устьѣ Самары собрался кругъ (всѣ атаманы *съ предоблею дружиною*) *думать думу важную съ цѣла ума*, по выраженію современниковъ; атаманъ Ермакъ, первый храбрецъ между удальцами, первый умникъ между атаманами, говорилъ въ кругу сильно и много о безславіи и опасности не достойнаго ремесла ихъ: „Слывя ворами, мы скоро не найдемъ убѣжища въ землѣ нашей и отринутые

Богомъ, не узримъ царства небеснаго; смоемъ пятно наше или службою честною, или смертію славною; послѣдуемъ призыванію честныхъ мужей Строгоновыхъ." Иванъ Кольцо первый возгласилъ: „пойдемъ на помощь къ Строгоновымъ." Весь кругъ прогремѣлъ: „пойдемъ",—и атаманы, поднявъ знамя, 29 іюня явились въ Чусовыхъ городкахъ числомъ съ дружиною 540 человѣкъ. Они пришли на радость. Строгоновы приняли ихъ съ отличною честію, *усладили брашкомъ и питіемъ изобильно*, одарили всѣхъ щедро и ввѣрили имъ защиту городковъ своихъ.

Два года оставались они въ этихъ городкахъ, обороняя владѣнія Строгоновыхъ отъ всѣхъ нападеній, какъ вдругъ неожиданный случай подалъ поводъ къ предпріятію важнѣйшему: вогульскій князь Бегбелій 22-го іюля 1581 года съ большими силами, сдѣлалъ внезапное нападеніе на Чусовскія мѣста и произвелъ въ нихъ страшное опустошеніе; но тутъ же былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Строгоновы, желая наказать вѣроломцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на всегда унять другихъ сосѣдей отъ подобныхъ нечаянныхъ набѣговъ, рѣшились перенести оружіе свое за Уральскій хребетъ и утвердить тамъ грань своихъ владѣній.

Походъ въ Сибирь. Въ одинъ мѣсяцъ снарядили они призванную дружину казаковъ: устроили имъ легкія ладьи, дали всякаго оружія съ избыткомъ, пушекъ, пищалей семипядныхъ, всѣхъ припасовъ огнестрѣльныхъ, снабдили изобильно провизіею всякаго рода, теплою одеждою, *удовольствовали мздою*; присоединили къ нимъ 300 охотниковъ изъ стараго своего войска: литовскихъ, нѣмецкихъ и татарскихъ выходцевъ—*буйственныхъ, храбрыхъ, предобрыхъ воиновъ*, по выраженію лѣтописи, вождей знающихъ сибирскій путь, переводчиковъ бусурманскаго языка, священниковъ; угостили всѣхъ въ послѣдній разъ, и атаманы 1 сентября въ день Семеона Столпника, отпѣвъ соборне-молебное пѣніе и отдавъ послѣднее прощаніе Строгоновымъ, пустились въ путь съ *миромъ и радостію*. Ермакъ принялъ главное начальство

надъ войскомъ, состоявшимъ изъ 840 человѣкъ, подъ нимъ былъ Иванъ Кольцо, учредили есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, устроили порядокъ твердый, строгій по общему согласію.

Плывя по Чусовой вверхъ до устья рѣки Серебрянки четыре дня, и два дня этою рѣкою, они 6 сентября достигли такъ называемаго сибирскаго пути. Здѣсь, желая на всякій случай оградить себя, построили наскоро *Кокуй городокъ* и перевезлись чрезъ волокъ, изъ 25 поприщъ состоящій, на рѣку Журавлю, плыли этою рѣкою внизъ до Тагила, потомъ сею послѣднею вошли въ Туру и здѣсь вступили уже собственно въ Сибирское царство, еще не обнаживъ меча.

Набѣгъ Пелымскаго князя. Но только что атаманы отплыли отъ селеній Строгоновыхъ, Пелымскій князь (имя его неизвѣстно) подговорилъ съ собою мурзъ и улановъ сибирскихъ съ полчищами ихъ, также Остяковъ, Вогуловъ, Вотяковъ и Башкирцевъ, пришелъ съ большимъ воинствомъ на Пермскую землю, пожегъ множество селеній по Камѣ близъ Чердыня и Усолья, въ быстромъ и сильномъ приступѣ едва не взялъ самаго Чердыня, опустошивъ огнемъ и мечемъ всѣ деревни и посады около крѣпостей Конкора, Кергедени и по Чусовой, побилъ и плѣнилъ множество христіанъ и вообще причинилъ Перміи разорѣнія ужаснѣйшія.—Казаковъ не было на пораженіи враговъ, а оставшіеся въ городкахъ и острожкахъ воины столько были утѣснены, что по словамъ лѣтописи, *едва избыли смерти, и то не своею силою, но помощію Божіею.* Но враги свѣдавъ, что казаки пошли громить собственныя ихъ владѣнія, поспѣшно бѣжали во свояси. Чердынскій воевода Василій Пелепелицынъ, желая ли оправдать себя, или изъ ненависти къ Строгоновымъ, въ донесеніи своемъ къ Іоанну, сложилъ на нихъ всю вину этого несчастія, жалуясь, что они не только не содѣйствовали ему къ отраженію непріятелей, но напротивъ услали бывшихъ у нихъ казаковъ для воинскихъ предпріятій въ Сибирь. Разгнѣванный царь въ грамотѣ своей отъ 16-го ноября объявилъ

Строгоновымъ жестокій выговоръ: „Пермія опустошена вашею *измѣною*—писалъ онъ—вы сами задирая Пелымцевъ и другихъ сосѣдей раздражили ихъ *и отвели отъ нашего жалованья, безъ нашего указу*, призвали къ себѣ Волжскихъ разбойниковъ, опальныхъ воиновъ, которые буйствомъ своимъ ссорили насъ съ Ногайскою ордою, погромили нашу казну, убили посла, и незная чѣмъ покрыть вину свою, пришли къ вамъ для подобныхъ разбоевъ. Измѣна ваша очевидна: ибо въ тотъ самый день какъ Ермакъ отплылъ отъ васъ въ Сибирь, Пелымцы какъ будто по условію напали на Пермь и Чердынь.“ Далѣе государь предписываетъ воротить всѣхъ казаковъ изъ Сибири и отослать ихъ въ пермскія пограничныя мѣста для защиты оныхъ отъ могущихъ произойти набѣговъ, а у себя оставить неболѣе 100 человѣкъ съ которымъ нибудь атаманомъ. „А если вы“—писалъ Іоаннъ въ концѣ грамоты—„вопреки воли моей удержите у себя казаковъ, *положу на васъ великій гнѣвъ и опалу большую*, а атамановъ и казаковъ, которые васъ послушаютъ, перевѣшаю.“—Но когда Строгоновы получили эту грамоту, казаки уже покорили царство Сибирское, какъ увидимъ.

Первая битва Ермака. Ермакъ, вступившій въ предѣлы Сибирскаго царства на рѣкѣ Турѣ, встрѣтилъ первое сопротивленіе: здѣсь властвовалъ Татарскій князь Епанча, который собравъ сколько могъ людей своихъ, думалъ остановить Ермаково воинство и смѣло пускалъ тучи стрѣлъ въ ладьи казачьи, но испугавшись пушечныхъ выстрѣловъ бѣжалъ, оставивъ на произволъ непріятеля беззащитные улусы свои. Ермакъ разорилъ Епанчинъ городокъ, многіе улусы и селенія по Турѣ, плылъ безпрепятственно и на устьѣ Тавды рѣки поймалъ татарина Таузана, изъ двора Кучумова. Онъ сообщилъ Ермаку все, что ему нужно было знать о царѣ и царствѣ Сибирскомъ. Казаки же высказавъ предъ нимъ всѣ ужасы своего оружія, отпустили малодушнаго къ Кучуму, да повѣдаетъ владыкѣ своему о пришествіи смертоносныхъ русскихъ воиновъ и объ ихъ *мочи и силѣ*. Желаніе казаковъ сбылось

Таузанъ съ трепетомъ разсказывалъ, что когда страшные пришельцы стрѣляютъ изъ *луковъ* своихъ, то пышетъ изъ нихъ пламя, исходитъ дымъ и раздается ужасный громъ, а стрѣлы вылетающія изъ сихъ оружій бываютъ невидимы, но убиваютъ въ смерть и отъ нихъ не спасаютъ ни панцыри, ни кольчуги. Кучумъ, твердый духомъ, но испуганный внезапнымъ пришествіемъ страшныхъ силъ, терялся въ недоумѣніи: непріятель шелъ къ его столицѣ, войскъ въ собраніи не было; изъ подданныхъ же его узнавшіе о приходѣ чуждыхъ воиновъ были уже въ страхѣ, а незнавшихъ ожидалъ подобный ужасъ. Время для Кучума было дорого: онъ немедленно приказывалъ во всѣхъ городахъ и улусахъ своихъ собрать ополченіе изъ всѣхъ жителей на защиту отечества и домовъ ихъ,—вся земля повиновалась: въ короткое время многіе князья, мурзы, уланы съ подвластными имъ народами собрались подъ знамена царя своего. Кучумъ отрядилъ племянника своего Маметкула въ поле противъ русскихъ воиновъ, а самъ съ остальнымъ ополченіемъ, сдѣлавъ засѣку на берегу Иртыша подъ Чувашевымъ, ожидалъ дальнѣйшихъ слѣдствій и думалъ отнять у казаковъ путь къ столицѣ своей.

Сраженіе съ Маметкуломъ. Ермакъ ожидая непріятелей, сдѣлалъ окопы при устьѣ Тобола, у нѣкоего урочища именуемаго *Басанъ*. Маметкулъ не замедлилъ явиться: ободривъ воиновъ своихъ, онъ съ многочисленною конницею несся во всю прыть затоптать лошадьми малую дружину Ермака; но нѣсколько залповъ изъ пушекъ и пищалей остановили стремленіе непріятеля, который послѣ кратковременной битвы обратился въ бѣгство, потерявъ множество людей убитыми. Этою побѣдою Ермакъ открылъ себѣ путь въ рѣку Тоболъ; непріятель занялъ крутой берегъ сей рѣки; но Донской вождь, не желая тратить времени въ маловажныхъ сшибкахъ, приказалъ грести внизъ рѣки не смотря на тучи стрѣлъ, которыми татары съ берега осыпали его; онъ плылъ спокойно даже не отстрѣливался и былъ провожаемъ стрѣлами непріятельскими до улуса Карачи, находившагося въ 16 верстахъ

отъ Иртыша, гдѣ казаки остановились, для новой побѣды.

Раззореніе улуса Карачи и взятіе городка Атинъ—Мурзы. Карача, думный вельможа Кучумова двора, болѣе хитрый и лукавый, нежели мужественный и великодушный, выступивъ противу казаковъ, бѣжалъ постыдно, едвали не отъ первыхъ выстрѣловъ, оставя на разграбленіе улусъ свой, въ которомъ витязи наши получили знатную добычу и поплыли далѣе. Но едва достигли Иртыша, какъ новыя полчища Татаръ пѣшихъ и конныхъ преградили имъ путь; Ермакъ съ дружиною своею вышелъ на берегъ и встрѣтилъ неробкихъ враговъ, но бодрыхъ упорныхъ воиновъ, которые отважно вступили съ нимъ въ бой; сѣча была кровопролитная: непріятели, защищаясь съ удивительною твердостію, падали кучами, казаковъ много изранено, было нѣсколько и убитыхъ, наконецъ, при наступленіи вечера, сибиряки уступили побѣду нашимъ. Но Кучумъ, чтобы преградить дальнѣйшій путь казакамъ, вышелъ изъ засѣки, расположился на Чувашьей горѣ, а воинство Маметкула, утружденное прежними битвами, заняло засѣку. Ермакъ въ сей же вечеръ, поднявшись немного вверхъ по рѣкѣ, занялъ городокъ Атинъ—Мурзы и провелъ въ немъ ночь, въ виду непріятельскаго стана, не смыкая глазъ. Это было 22 октября.

Кругъ казаковъ для совѣта. Многочисленное воинство непріятеля (ибо Кучумъ имѣлъ болѣе мѣсяца времени усилить себя людьми), грозно стоявшее предъ глазами казаковъ, заставляло ихъ думать о будущихъ опасностяхъ и колебаться въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Толки, переходя изъ устъ въ уста, обратили вниманіе всѣхъ на одно дѣло, и въ безмолвіи сей достопамятной ночи казаки совокупно съ достойными своими сподвижниками составили кругъ, для общаго совѣта. Многіе товарищи ихъ были побиты, еще болѣе нашлось раненыхъ и изнеможенныхъ отъ непрерывныхъ воинскихъ трудовъ; а непріятель безпрестанно укрѣплялся новыми силами. Поэтому нѣкоторые изъ дружины Ермаковой предложили идти назадъ: „невозможно,—говорили они—

одному биться съ десятью, двадцатью и болѣе, да не сами себя убійцы будемъ:“ Но атаманы возгласили: куда бѣжать намъ, храбрые товарищи? Скоро замерзнутъ рѣки и намъ не будетъ пути,—хотите-ли положимъ на себя стыдъ и поношеніе? Хотите-ли быть поруганіемъ невѣрныхъ, посмѣшищемъ своихъ собратій? Нѣтъ! Станемъ надѣяться на Бога, побѣда въ Его рукѣхъ, Онъ отмститъ невѣрнымъ за кровь христіанскую, а мы не измѣнимъ обѣту нашему, данному предъ Богомъ мужамъ Строгоновымъ, не посрамимъ себя побѣгомъ, помремъ всѣ, но врагамъ не уступимъ; если же побѣдимъ, память наша въ странахъ сихъ и слава въ мірѣ будутъ вѣчны:“ Закипѣли сердца мужествомъ и храбростію: „не измѣнимъ обѣту нашему,—кричали всѣ—станемъ единодушно на семъ словѣ“—и разошлись ждать утра для новой славы.

Рѣшительная побѣда. Разсвѣтъ слѣдующаго дня (23 октября) явилъ дружину Ермакову бодрствующею; заботливый вождь обтекъ всѣхъ воиновъ, укрѣпилъ души ихъ надеждою на Бога и вмѣстѣ съ восходящимъ солнцемъ вывелъ изъ города. Воскликая: „съ нами Богъ!“ вся дружина Ермакова стройными рядами пошла на приступъ къ засѣкѣ, весело, бодро, мужественно; Маметкулъ ожидалъ съ безстрашнымъ спокойствіемъ, встрѣтилъ тучею стрѣлъ, и прежде испытавъ невыгоду перестрѣлки, разломалъ въ трехъ мѣстахъ засѣку, чтобы напасть на самыхъ противниковъ; Татары сцѣпились съ казаками, закипѣлъ рукопашный бой. Маметкуловы полчища дрались съ яростію, остервенѣніемъ, падали кучами и смѣнялись новыми толпами, которыя шли на смерть, съ тѣмъ же великодушіемъ, съ тою же неустрашимостію за отечество и боговъ своихъ; падали также и казаки раненые, мертвые; упорная сѣча продолжалась далѣе полудня; непріятель сталъ ослабѣвать, но все еще не уступалъ ни шагу нашимъ, какъ вдругъ Татары увидѣли Маметкула тяжело раненаго и оставшись безъ предводителя, потеряли и бодрость и мужество и бѣжали съ поля; казаки преслѣдовали

ихъ и побивая въ великомъ множествѣ, наконецъ водрузили знамена свои на самой засѣкѣ. Сраженіе это было столь гибельно для несчастныхъ сибиряковъ, что — по словамъ лѣтописи — окрестныя поля *очервленились ихъ кровію, устлались трупіемъ мертвыхъ и во многихъ мѣстахъ стояла кровь блатами.* Слѣпый Кучумъ во все время стоялъ на занятыхъ имъ высотахъ и съ муллами своими тщетно молилъ боговъ о побѣдѣ; между тѣмъ бывшіе съ нимъ Остяцкіе князья, видя разбитіе Маметкула, бросили царя своего и пошли въ свои улусы; Кучумъ, пораженный ужаснымъ несчастіемъ, воскликнулъ: „все погибло; сильные изнемогли, храбрые избіенны, я теперь изгнанникъ въ моемъ царствѣ; уйду сокрыть срамъ свой!“ И взявъ въ Искерѣ — престольномъ городѣ своемъ — *нѣчто отъ сокровищъ* своихъ, бѣжалъ въ Ишимскіе улусы. Славная побѣда сія, стоившая Ермаку 107 его сподвижниковъ, рѣшила навсегда участь царства сибирскаго: оно покорено оружіемъ славнаго атамана и никогда уже не возвращало своей самобытности.

Занятіе столицы Сибирскаго царства. Отдохнувъ ночь съ крѣпкою стражею, дружина Ермака на утро отпѣла молебенъ и двинулась къ Искеру; тамъ царствовала глубокая тишина, не было слышно, какъ говоритъ лѣтопись, ни гласа ни послушанія. Осторожный Ермакъ старался развѣдать не скрываетъ-ли непріятель какой-нибудь хитрости, но удостовѣрившись совершенно, что городъ пустъ, 26 октября, въ день великомученика Димитрія, вошелъ въ столицу сибирскаго царства съ радостію и торжествомъ, принесъ благодареніе Богу и нашедъ несмѣтныя сокровища Кучума, раздѣлилъ ихъ между воинами своими.

Благоразумныя распоряженія Ермака. На четвертый день послѣ занятія Искера, Остяцкій князь Бояръ, съ подвластными ему народами, принесъ Ермаку дары и билъ челомъ о принятіи подъ свою руку. Благоразумный вождь обласкалъ новаго данника и отпустилъ съ честію, да живетъ покойно съ своими улусами во всемъ по прежнему. Посту-

покъ сей ободрилъ боязливыхъ Татаръ, они толпами шли въ Искеръ съ своими семействами, заняли дома свои и скоро городъ наполнился жителями, которые въ Ермакѣ нашли правителя мудраго, кроткаго, справедливаго. Атаманъ занялся земскими учрежденіями; но едва минулъ мѣсяцъ, какъ онъ долженъ былъ испытать горькую непріятность: враги его Маметкулъ и Кучумъ бодрствовали въ полѣ.

Не имѣя объ нихъ никакого слуха, русскіе воины безпечно ходили въ окрестностяхъ города, занимались охотою, рыбными ловлями. Однажды, 5 декабря, ловя рыбу у нѣкоего урочища именуемаго Ябалакъ, уснули они числомъ 20 человѣкъ, безъ всякой стражи; царевичъ Маметкулъ, скитавшійся подлѣ, внезапно напалъ на станъ ихъ и перерѣзалъ всѣхъ сонныхъ. Ермакъ скорбя сердцемъ и дыша гнѣвомъ, приказалъ воинамъ своимъ перепоясать мечи и не теряя времени, полетѣлъ мстить врагу своему, настигъ его на станѣ близъ Ябалака, напалъ мужественно, побилъ толпы Татаръ, прочихъ разсѣялъ и взялъ тѣла убіенныхъ сподвижниковъ своихъ, съ честію предалъ ихъ погребенію, возвратясь въ Искеръ.

Плѣненіе Маметкула. Остальную часть зимы Ермакъ провелъ въ покоѣ, распространивъ владѣнія свои добровольною покорностію многихъ улусовъ; эти мирные жители: Татары, Остяки, Вогулы пришли *подъ высокую царскую руку*, присягнули быть вѣрными Россіи *до вѣка, покамѣстъ изволитъ Богъ вселенной стоять*, на русскихъ никакого зла не мыслить, быть друзьями нашимъ друзьямъ, и недругами врагамъ нашимъ. Ермакъ положилъ на нихъ легкую дань, справедливостію ко всѣмъ и строгостію къ своимъ, вселилъ онъ довѣріе къ себѣ во всѣхъ жителяхъ и наслаждался мирно плодами трудовъ своихъ, какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ явился въ Искеръ татаринъ Секбахта и объявилъ, что Маметкулъ стоитъ на Вагаѣ во 100 верстахъ отъ Искера съ малочисленною ратію. Закипѣло сердце Атамана: выбравъ 60 молодцовъ *юныхъ, искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ*, онъ послалъ

ихъ со всею тайностію и поспѣшеніемъ на дерзкаго врага; воины наши напали на станъ Маметкула ночью, неожиданно, когда почти всѣ татары покоились въ глубокомъ снѣ, окружили шатры непріятельскіе, многихъ побили, другихъ разсѣяли, а самаго Маметкула взяли въ плѣнъ и представили Ермаку, къ величайшей радости всѣхъ русскихъ: ибо они избавлялись тѣмъ отъ самаго дѣятельнаго врага. Умный атаманъ уважилъ въ немъ санъ и мужество: принялъ и держалъ его съ отличною честію. Но несчастный Кучумъ сраженъ былъ участію племянника — единственнаго пособника его въ горькомъ положеніи — скорбѣлъ, плакалъ и долженъ былъ испытать еще новыя бѣдствія. Сейдякъ, сынъ князя Бекбулата, собравъ въ Бухаріи толпы воиновъ, шелъ истребить Кучума; а первый думный царедворецъ его, первый любимецъ, извѣстный Карача, видя изнеможеніе царя своего, былъ столько неблагодаренъ, что собравши всѣхъ своихъ Татаръ и Вагуловъ, бросилъ своего государя и благодѣтеля и удалился въ Пелымскую землю, къ рѣкѣ Турѣ — для новыхъ безчестныхъ дѣлъ. Великодушный Кучумъ въ слезахъ воскликнулъ: „кому не помогаютъ боги, тотъ не полагайся на любимцевъ, — они первые ввергнуть его въ бездну!“

Новыя завоеванія. Ермакъ, пользуясь безсиліемъ и стѣсненнымъ положеніемъ врага своего, обнажилъ мечь на новыя завоеванія. Оставивъ въ Искерѣ нужное число дружины, онъ съ остальными воинами обратился къ сѣверу по Иртышу, повоевалъ и привелъ къ шерти многіе улусы и городки, находившіеся по этой рѣкѣ. Милуя и лаская покорныхъ, громя и истребляя противящихся, онъ достигъ великой рѣки Оби, завоевалъ тамъ главный остяцкій городъ Назымъ, и многія иныя крѣпостцы, плѣнилъ ихъ князя, но на приступѣ потерялъ самъ храбраго атамана Никиту Пана. Оплакавъ кончину достойнаго сподвижника своего, Ермакъ не хотѣлъ идти далѣе: „ибо видѣлъ, говоритъ Карамзинъ — передъ собою однѣ хладныя пустыни, гдѣ месистая кора болотъ и лѣтомъ едва теплѣетъ отъ жаркихъ лучей солнца „и

гдѣ среди мерзлыхъ тундръ, усѣянныхъ мамонтовыми костями, представляется глазамъ образъ ужаснаго кладбища природы.“ Утвердивъ такимъ образомъ власть свою отъ предѣловъ Березовскихъ до Тобола, онъ возвратился въ Искеръ съ новою славою.

Посольство въ Москву съ извѣстіемъ о покореніи Сибирскаго царства. Ермакъ, удостовѣренный уже, что побѣды его совершенно упрочили власть русскихъ въ Сибири, извѣстилъ Строгоновыхъ о своихъ успѣхахъ и послалъ въ Москву перваго сподвижника своего, Ивана Кольца, съ повинною и съ донесеніемъ, что счастіемъ государя Господь помогъ имъ одолѣть Кучума, плѣнить его племянника, покорить все царство его. Строгоновы возрадовались о великомъ неожиданномъ событіи, благодарили Бога, славили казаковъ и чествли посланныхъ ихъ. Немедленно отправили они въ Москву извѣстить о всемъ государя, куда прибылъ и Иванъ Кольцо съ своими товарищами; эти послы храброй дружины, били челомъ Іоанну новымъ царствомъ, просили его принять отъ нихъ покоренную державу и съ ними поступить какъ ему угодно: „Давно—пишетъ нашъ Исторіографъ—по словамъ лѣтописи не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой.“ Государь и народъ воспрянули духомъ. Слова: „новое царство послалъ Богъ Россіи!“—съ живѣйшею радостію повторялись во дворцѣ и на красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена Іоанновой юности, завоеваній царствъ Казанскаго и Астраханскаго.... Казалось, что Сибирь упала тогда съ неба для Россіи; забыли ея давнишнюю извѣстность и самое подданство, чтобы тѣмъ болѣе славить Ермака. Строгоновымъ государь пожаловалъ: „за ихъ службу и радѣніе:“ Семену два города на Волгѣ—Большую и Малую соль, а Максиму и Никитѣ право торговать во всѣхъ своихъ городахъ безпошлинно. Атамана Ивана Кольца и пословъ сибирскихъ приняли въ Москвѣ съ отличною честію, хвалили подвиги ихъ и славу; государь, забывъ прежній гнѣвъ свой, допустилъ ихъ къ рукѣ,

жаловалъ деньгами, сукнами, кафтанами и отпустилъ въ Сибирь къ ихъ товарищамъ съ большимъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ, а Ермаку особо послалъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча своего царскаго. Приказалъ немедленно отправить въ Сибирь воеводу князя Семена Болховскаго и чиновника Ивана Глухова съ ратными людьми на помощь Ермаку и предписалъ атаманамъ царевича Маметкула прислать въ Москву.

Иванъ Кольцо и воевода Болховскій прибыли въ Сибирь уже предъ наступленіемъ зимы. Нельзя описать радости Ермака и дружины его, когда отважные витязи эти услышали милость къ себѣ государя: принявъ дары царскіе и грамоту, они честили новыхъ гостей своихъ, дарили воеводу и воиновъ его лисицами, соболями, бобрами и всѣмъ, чѣмъ только могли; всѣ были полны радости и веселія, но не на долго.

Голодъ въ Искерѣ. Воины князя Болховскаго, не привыкшіе къ суровому климату, скоро заразились цынготною болѣзнью, которая перешла отъ нихъ къ казакамъ, а вслѣдъ затѣмъ открылся и голодъ, ибо казаки, не зная о приходѣ изъ Москвы войска, запаслись провіантомъ только на себя, а подвозовъ нельзя было имѣть никакихъ, по причинѣ глубокихъ снѣговъ. Сдѣлалось въ городѣ столь великое *оскудѣніе въ пѣстныхъ запасахъ*, что почти половина людей погибла голодною смертію; самъ воевода Болховскій былъ жертвою этого несчастія. Наконецъ весна принесла отраду нашимъ воинамъ; открылось рыболовство, налетѣло множество птицъ; сосѣдніе Татары, Остяки и Вогуличи начали привозить съѣстные припасы по прежнему изобильно. Успокоенный Ермакъ, исполняя волю царя, послалъ въ Москву Маметкула съ его людьми, и доносилъ государю, что несчастія миновались.

Убіеніе Ивана Кольцо съ отрядомъ казаковъ. Но судьба готовила Ермаку новый ударъ: извѣстный царевичъ Карача, измѣнникъ своему государю, замышляя овладѣть Сибирью, искалъ средства губить казаковъ; онъ ласкался

у Ермака, прислгнулъ въ подданство Россіи и притворясь утѣсненнымъ отъ Ногаевъ, прислалъ къ атаману дары иословъ съ просьбою дать ему помощь противу враговъ. Обольщенный Ермакъ послалъ къ нему 40 добрыхъ воиновъ съ первымъ товарищемъ и достойнымъ витяземъ своимъ Иваномъ Кольцомъ. Эта горсть людей отважныхъ въ станѣ мнимыхъ друзей своихъ нашла лютыхъ враговъ: по повелѣнію Карачи всѣ они были измѣнически перебиты. Ермакъ, горько оплакивая легковѣріе свое, жаждалъ мести и испыталъ новый ударъ потерею добраго атамана Якова Михайлова, который посланъ былъ въ разъѣздъ для узнанія о положеніи Карачи и былъ убитъ его шайками.

Бунтъ въ улусахъ Сибиряковъ. Карача, пользуясь успѣхомъ своего коварства, старался чрезъ лазутчиковъ внушить всѣмъ жителямъ, что грозные пришельцы въ землю ихъ равно смертны и побѣдимы и равно гибнутъ отъ руки храбрыхъ: нужно единодушіе и мужество. Хитрецъ успѣлъ: всѣ мирные улусы возмутились и шли толпами подъ его знамена. Собравъ многочисленныя полчища, онъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, окружилъ Искеръ длинными рядами обозовъ, расположивъ главный станъ свой въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ что выстрѣлы не могли никому вредить: не надѣясь побѣдить казаковъ силою, онъ былъ увѣренъ, что погубитъ ихъ голодомъ. Дѣйствительно, Ермакъ вдругъ увидѣлъ себя заключеннымъ въ стѣнахъ города, не имѣя уже ни царства, ни подданныхъ и почти не видя средствъ къ побѣдѣ: ибо сколько они не стрѣляли со стѣнъ города, непріятель оставался въ покоѣ, а успѣхъ всякой вылазки былъ совершенно сомнителенъ, когда одному приходилось сражаться съ сотнями. Прошло болѣе 3-хъ мѣсяцевъ и осада продолжалась съ одинаковымъ упорствомъ. Казаки, видя неминуемую гибель, рѣшились на дѣло отважное: 12 іюня, ночью, съ храбрымъ атаманомъ Матвѣемъ Мещеряком, они вышли изъ города, оставивъ Ермака для защиты онаго; тихо прокравшись къ самымъ шатрамъ Карачи, они внезапно напали на спящихъ, произ-

вели тамъ ужасъ и гибель: умертвили множество враговъ и двухъ сыновей Карачиновыхъ, гнали бѣгущихъ во всѣ стороны; Татары въ темнотѣ ночной рубили другъ друга. Самъ же князь съ малымъ числомъ людей едва спасся уже на другомъ берегу озера. Наступившее утро ободрило непріятелей: увидя малочисленность казаковъ, они стеклися изъ другихъ становъ, удержали бѣгущихъ и храбро напали на нашихъ; но казаки, засѣвъ въ обозѣ княжескомъ, отстрѣливались мужественно; сраженіе продолжалось до полудня; отъ каждаго выстрѣла падали толпы враговъ, которые, наконецъ, потерявъ всю храбрость, съ страхомъ обратились въ бѣгство и Карача со стыдомъ ушелъ въ свои улусы.

Смерть Ермака. Послѣ несчастій завоевателю Сибири суждено было умереть отъ своей оплошности, „изъясняемой —говоритъ Карамзинъ — единственно неодолимымъ дѣйствіемъ рока!“ Ермакъ, въ два года обладанія Сибирью, завелъ обширную торговлю съ азіатцами и дѣятельно поощрялъ ее. 5 августа (1584 г.) явились къ нему коварные вѣстники отъ бухарскихъ купцовъ съ жалобою, что толпы Кучума, шатающіяся по Вагаю, не пропускаютъ ихъ каравановъ въ Искеръ. Ермакъ, взявъ не большую дружину казаковъ (50 человѣкъ), отправился самъ на помощь къ нимъ; онъ ходилъ по Иртышу до Вагая и далѣе цѣлый день, но не встрѣтивъ нигдѣ ни каравановъ бухарскихъ, ни Кучумовыхъ воиновъ, даже и слуху объ нихъ не имѣя, воротился назадъ и остановился у нѣкоего урочища, называемаго Перекопъ, на Иртышѣ, при устьѣ Вагая, гдѣ застигла его ночь темная, бурная, съ проливнымъ дождемъ. Утружденный дневнымъ походомъ, Ермакъ, забывъ осторожность, уснулъ со всѣми воинами своими крѣпкимъ сномъ безъ всякой стражи;—и эта была послѣдняя ночь его въ покоренномъ имъ царствѣ. Хитрые враги шли по его слѣдамъ; сынъ Кучума, Алей, пользуясь темнотою ночи послалъ подсмотрщиковъ въ станъ Ермаковъ; эти лазутчики, съ удивленіемъ ходили даже между шатрами казачьими, видя всѣхъ въ непробудномъ снѣ и подробно донесли о всемъ

Кучуму. Воспрянулъ отъ радости непримиримый врагъ Ермака, обнажилъ мечь, полетѣлъ съ толпами своими на спящихъ и погубилъ ихъ, перерѣзавъ сонныхъ. Отъ звука мечей и стона умирающихъ воиновъ Ермакъ пробудился, но спасенія не было; онъ побѣжалъ отъ шатра, достигъ берега, прыгнулъ въ лодку; но имѣя на себѣ тяжелую броню—даръ царя, сдѣлалъ роковой прыжокъ этотъ столь не удачно, что ступилъ ногой только на край лодки, лодка покачнулась и герой нашъ поглощенъ бурными волнами Иртыша. Изъ всей дружины его спасся только одинъ воинъ, для того, чтобы принести въ Искеръ страшную вѣсть о смерти товарищей своихъ и начальника, наставника, вождя храбраго и велеумнаго, къ ужасу живыхъ, ибо съ смертію Ермака кончилось и ихъ счастіе: всѣ они плакали горько, неутѣшно, отдали избіеннымъ послѣдній долгъ поминовеніемъ съ подобающею честію и предвидя грозу въ будущемъ, собрали кругъ для совѣта. Изъ всѣхъ храбрыхъ атамановъ, пришедшихъ въ Сибирь, остался одинъ Мещерякъ; воиновъ также было самое малое число, но и тѣ, потерявъ съ вождемъ своимъ бодрость духа, не могли уже быть столь страшны врагамъ ихъ. Въ кругу положено было, оставя Сибирь, возвратится въ Россію, донести о всемъ царю и отдать покоренное царство его могучей волѣ. Такъ они и исполнили: поплыли вверхъ Тоболомъ, не бывъ тревожимы Татарами, которые все еще страшились непобѣдимыхъ воиновъ; но дошедъ до рѣки Туры, встрѣтили царскаго воеводу Ивана Мансурова, съ многими воинскими людьми, посланнаго на помощь нашимъ въ Сибирь. Мещерякъ и его дружина не помнили себя отъ радости, забыли о минувшихъ опасностяхъ, забыли о Россіи и пошли съ воеводою назадъ въ тѣ мѣста, гдѣ они оставили кости своихъ сподвижниковъ.

Остальныя событія въ Сибири не принадлежатъ къ нашей исторіи; окончимъ повѣсть о Ермакѣ словами нашего безсмертнаго историографа: „сей герой — ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника предъ Ермаковымъ,

— сей герой погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучумъ, зарѣзавъ 49 сонныхъ казаковъ, уже не могъ отнять Сибирскаго царства у великой державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести его завоеванія; великая доблесть его не только въ лѣтописяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ имя сего витязя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ изустныхъ; тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *атамана князя*. Онъ былъ видомъ благороденъ, сановитъ, росту средняго, крѣпокъ мышцами, широкъ плечами; имѣлъ лицо плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые,— зерцало души пылкой, сильной, ума проницательнаго.

ГЛАВА IV.

Изъ Волжскихъ разбойниковъ и изъ остатковъ Ермаковской дружины образуются новыя воинскія общества на берегахъ Урала и Терека, подъ наименованіемъ Уральскихъ и Терскихъ казаковъ. Переговоры Россійскаго двора съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и князьями ногайскими о Донскихъ казакахъ; всѣ они настоятъ о непремѣнномъ удаленіи людей сихъ съ Дону.— Посольство Благова въ Константинополь.— Грамота къ Донскимъ казакамъ, посланная съ Борисомъ Благимъ. —Требованія султана о усмиреніи и о сводѣ казаковъ съ Дону и обѣщаніе за то совершеннаго спокойствія русскимъ украйнамъ отъ крымцевъ и ногайцевъ.—Переговоры турецкаго посланника Ибрагима въ Москвѣ съ Россійскимъ дворомъ.—Продолженіе военныхъ дѣйствій Донскихъ казаковъ противъ Крымцевъ, Ногайцевъ и Азовцевъ.—Союзъ Донскихъ казаковъ съ Запорожцами, изъ коихъ многіе, избѣгая притѣсненій, удалились на Донъ.—Отправленіе въ Константинополь посланника Нащекина. —Непріятности встрѣченныя на Дону Нащекинымъ.—Новая война казаковъ съ Азовцами.—Переговоры Нащекина съ турецкими сановниками. —Возвращеніе его въ Россію съ турецкимъ посломъ.— Переговоры двора нашего съ турецкимъ посломъ.— Отправленіе въ Константинополь посланника Исленьева.—Поиски казаковъ надъ Крымцами и Азовцами.—Переговоры Россійскаго двора съ ханомъ крымскимъ о казакахъ.

Изъ Волжскихъ разбойниковъ и изъ остатковъ Ермаковой дружины образуются новыя

воинскія общества на берегахъ Урала и Терека, подъ наименованіемъ Уральскихъ и Терскихъ казаковъ. Громкая слава о подвигахъ Ермака съ дружиною его въ Сибири, о завоеваніи имъ сего обширнаго царства, о богатствѣ сей дотолѣ неизвѣстной земли, пронеслась по всему пространству обширнаго царства русскаго, и многіе изъ волжскихъ казаковъ разбойниковъ, ожидавшихъ ежечасно за грабежи свои отъ гнѣвнаго царя казни постыдной, оставивъ гнусное ремесло, въ числѣ 6 или 7 сотъ человѣкъ пошли къ р. Уралу и недалеко отъ устьевъ онаго, въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли, около 1584 года построили городъ и содержали Ногайцевъ во всегдашнемъ страхѣ, нападали на улусы, разоряли и уводили плѣнныхъ. Князь ногайскій Урусъ, жалуясь великому князю на обиды принесенныя яицкими казаками, писалъ: „на Яикъ пришли казаки, числомъ отъ 6 до 7 сотъ человѣкъ, построили городъ большой и намъ много зла причинили (84)." Но Дворъ нашъ, какъ и отъ Донскихъ казаковъ, отрекся отъ нихъ; Урусу отвѣчали: „казаки—воры бѣглые, тѣ кои жили на Волгѣ и людей нашихъ на судахъ грабили и убивали, за что мы велѣли ихъ ловить и казнить смертію, но они отъ войскъ нашихъ ушли на Яикъ.... вамъ издавна извѣстно, что казаки дѣлаютъ сіе безъ вѣдома нашего, грабятъ и убиваютъ до смерти какъ вашихъ, такъ и нашихъ людей (85)."

Россія еще въ концѣ предшествовавшаго столѣтія имѣла на Терекѣ свой городокъ, но въ 1570 году, въ угодность

(84) Дѣла Ногайскія связка 1-я 1586 г. іюня 29, тетрадь № 8, грамота князя Уруса къ великому князю Ѳеодору Іоанновичу.

.... „Въ тѣ поры пришедъ на Яикъ казаковъ съ 6 сотъ и съ 7 сотъ, поставили городъ большой и съ того города намъ много лиха починили, и Иванъ Хлоновъ то видѣлъ."

(85) Дѣла Ногайскія связка № 1,1586 г. сентября 20. Тетрадь № 10, грамота великаго князя къ Арасланъ Мирзѣ, Урусову сыну, въ коей великій князь выговаривая за удержаніе нашихъ пословъ, писалъ: „А слухъ намъ дошелъ, будто за то ихъ не отпустили, что бѣглые казаки воры, которые ушли на Волгу и нашихъ людей судовыхъ били и грабили, и мы ихъ велѣли переимать и переказнить, и они сбѣжавъ отъ нашей рати на Яикъ, да Урусовы улусы погромили и людей побили, и то вамъ издавна и всѣмъ вѣдомо, что казаки воры такъ чинять безъ нашего вѣдома, какъ вашихъ громятъ, такъ и нашихъ судовыхъ людей бьютъ и до смерти убиваютъ."

султану турецкому, крѣпостца эта нѣсколько времени служила пристанищемъ для однихъ вольныхъ казаковъ, большею частію Русскихъ.—Когда царь Грузіи Александръ въ 1586 г. прислалъ въ Москву посла своего, просилъ покровительства Россіи и называлъ себя *холопомъ царя Московскаго*, въ то время городокъ Терскій немедленно исправленъ и занятъ дружинами стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князя Андрея Хворостина (86). Нѣтъ сомнѣнія, что стрѣльцы находились тутъ временно; но дабы утвердить власть Россіи надъ Черкесами и Кабардинцами, присяжниками ея со временъ Іоанновыхъ, надлежало имѣть въ ономъ постоянную стражу; для сего должно было дозволить селиться здѣсь всякому свободно и съ сего-то времени надлежитъ полагать начало Терскихъ казаковъ. Султанъ снова требовалъ уничтожить этотъ новый городокъ и казаковъ оттуда свесть, и наконецъ въ 1593 г. вознамѣрился было идти сперва на Россійскую украйну и потомъ на Терекъ (87).

Такимъ образомъ Донскіе казаки годъ отъ году быстро умножались въ числѣ, въ три десятилѣтія историческаго существованія своего содѣлали славнымъ и страшнымъ имя свое отъ береговъ Понта Евксинскаго до хребтовъ горъ Рифейскихъ и отъ предѣловъ Ливоніи до древней Иверіи.— „Замѣтимъ—говоритъ Карамзинъ—что тогдашнее время было самымъ цвѣтущимъ въ исторіи донскихъ и волжскихъ казаковъ—витязей. Отъ Азова до Искера гремѣла слава ихъ удальства, раздражая султана, грозя хану, смиряя Ногаевъ, утверждая власть Московскихъ вѣнценосцевъ надъ сѣверомъ Азіи (88). Они готовились на новые важнѣйшіе подвиги.

(86) Истор. Р. Г. Карамзина Т. X стр. 65.

(87) Дѣла Крымскія книга № 20, л. 9 и 10, статейный списокъ Россійскаго посланника Семена Безобразова, бывшаго въ Крыму въ 1593г.

.... „Да чтобъ ты государь унялъ Терскихъ казаковъ, что они чинятъ царя Турскаго людямъ обиду великую, приходили де къ городу Темрюку и посады пожгли; и буде ты государь казаковъ Терскихъ неуймешь и несведешь и миру до вѣка нельзя остаться“.... и далѣе: „да Ямгурчей же, государъ, сказывалъ, что единоконечно на зиму Турской, хочетъ идти къ Теркѣ и снарядъ весь готовъ въ Кафѣ, а идти, государь, сказываетъ ему на Ливны, и съ Ливны поворотить къ Асторохани и къ Теркѣ“

(88) Ист. Р. Г. Карамзина Т. X. стр. 71.

Взглянемъ на отношенія, какія возродили тогда казаки между Россіею и сосѣдними ея народами.

Переговоры Россійскаго двора съ Турецкимъ султаномъ, Крымскимъ ханомъ и князьями Ногайскими о Донскихъ казакахъ; всѣ они настоятъ о непремѣнномъ удаленіи людей сихъ съ Дону. Переговоры двора нашего съ князьями ногайскими о Донскихъ казакахъ, о ихъ своевольствахъ, грабежахъ и разореніяхъ, наносимыхъ Ногайцамъ нетолько въ степяхъ между Волгою и Дономъ, но иногда и въ ихъ улусахъ начались вскорѣ по появленіи казаковъ на Дону, подъ собственнымъ названіемъ Донскихъ. Еще въ исходѣ 1549 г. ногайскій князь Юсуфъ писалъ къ великому князю: „нѣкто Сарыазманъ, холопъ твой, на Дону въ трехъ или четырехъ мѣстахъ города построилъ и нашихъ пословъ, которые къ тебѣ ходятъ и отъ тебя возвращаются, стережетъ и убиваетъ. Если желаешь съ нами быть въ братскомъ согласіи и дружбѣ, то сведи ихъ оттуда (89)!“ Дворъ нашъ отвѣчалъ князю Юсуфу: „люди, которыхъ ты называешь нашими холопами, и въ нашемъ государствѣ много зла причинили, за что мы велѣли надъ ними промышлять и ихъ казнити.... а вы пошлите для того своихъ людей и ихъ, переловя, пришлите къ намъ, а мы ихъ будемъ казнити смертію (90).

(89) Дѣла Ногайскія кн. № 3, лис. 135, грамота Юсуфа къ царю Ивану Васильевичу.

.... „Холопи твои, нѣхто Сарыазманъ словетъ, на Дону въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ городы подѣлали, да нашихъ пословъ и людей нашихъ, которые къ тебѣ ходятъ и назадъ коли они идутъ къ намъ, и тѣхъ людей стерегутъ да разбиваютъ, а иныхъ де до смерти убиваютъ!“ .... „И похочишъ съ нами дружбы и братства, и ты тѣхъ своихъ холоповъ оттоле сведи!“...

(90) Дѣла Ногайскія книга № 3, лис. 171.—Грамота царя и в. к. Ивана Васильевича къ Юсуфу князю... „А къ вамъ хотимъ дружбу свою крѣпкую держати!“... а что еси писалъ къ намъ, что наши холопи Сарыазманъ вашихъ гостей побили, и тѣ наши холопи въ нашей землѣ многое лихо учинили, и мы ихъ про то велѣ .... „убѣжали на Поле, да .... на Поле, а вашихъ людей и .... вали никого, и мы нынѣ посылаемъ ... добывати, а выбъ отъ себя велѣли ихъ добыватижъ, и нѣчто которыхъ тѣхъ холопей добудете, и выбъ ихъ къ намъ прислали, и мы ихъ про тѣ дѣла велимъ казнити. А мы нѣчто ихъ добудемъ, и мы ихъ велимъ казнитижъ, а нынѣ есмя по твоему прошенію послали къ тебѣ шубу!“

Подобныя жалобы погайскихъ владѣтелей на Донскихъ казаковъ продолжались почти ежегодно; ибо казаки покровительствуемые Россіею, нетолько не унимались, но еще съ большею дѣятельностію набѣгами своими старалися вредить слабымъ остаткамъ нѣкогда страшныхъ Монголовъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ, отправляя въ Ногаи посланника своего Еліазара Мальцова съ извѣстіемъ о войнѣ начатой имъ съ ханомъ крымскимъ и съ порученіемъ склонять князей погайскихъ къ совокупному дѣйствію противъ Крымцевъ, зналъ, что его будутъ упрекать своевольствами Донскихъ казаковъ и для того въ наставленіи Мальцову, между прочимъ, приказано было на эти упреки отвѣтствовать такъ: „Государь нашъ тѣхъ казаковъ, кои воровали, гостей вашихъ грабили и убивали, казнилъ многихъ, а иные, боясь опалы его, бѣжали съ Дону въ Азовъ и Крымъ (91)." Впрочемъ изъ актовъ сего времени не видно: дѣйствительно ли великій князь посылалъ на Донъ рать свою для наказанія и унятія казаковъ отъ своевольства и грабежей, или такимъ отвѣтомъ хотѣлъ только показать, что казаки дѣлаютъ обиды Ногайцамъ безъ его вѣдома и повелѣнія.

Но что Донскіе казаки были тогда въ зависимости отъ Россіи и покорялись велѣніямъ ея государей, это доказывается грамотою великаго князя къ Урусу, въ коей жалуясь на обиды причиняемыя Русскимъ Ногайцами, ясно обнаруживаетъ онъ власть свою надъ казаками. „Извѣстноль вамъ—пишетъ Іоаннъ въ сей грамотѣ—что наши люди украинные Кадомцы, Темниковцы, Донскіе, Волжскіе и Астраханскіе казаки бьютъ намъ челомъ, дозволить имъ воевать противъ улусовъ вашихъ за то, что терпятъ отъ вашихъ людей притѣсненія и убытки..... но мы памятуя доброе согласіе и дружбу къ намъ отца вашего Исмаила, запретили имъ на-

(91) Дѣла Ногайск. книга № 5, см. наказъ Еліазару Мальцеву, посланному въ 1558 г. къ Исмаилу князю, лис. 65 на оборотѣ.

.... „А которые казаки воровали пословъ и гостей грабили, и лошадей у васъ крали, и людей били, и государь нашъ тѣхъ казаковъ многихъ казнилъ, а иные отъ государя нашего опалы, збѣжали въ Азовъ и Крымъ."—То же и на оборотѣ л. 144 той же книги.

падать на улусы ваши (92)." Когда же часть Донскихъ казаковъ, отдѣлясь отъ собратій своихъ, присоединилась къ волжскимъ разбойникамъ и усугубила страхъ въ князьяхъ ногайскихъ: въ то время и жалобы этихъ владѣльцевъ на Донцовъ умножились. Царь Іоаннъ Васильевичъ приказывалъ отвѣчать на оныя, что Донскіе казаки на Волгѣ дѣлаютъ грабежи и убійства не однимъ Ногайскимъ людямъ, но равно и Россіянамъ, и что такихъ своевольныхъ велѣно ловить и казнить. (93).

Наконецъ въ 1587 г., когда Царь Ѳедоръ Іоанновичъ убѣждалъ князей ногайскихъ, соединясь съ россійскимъ войскомъ на Дону у Донецкихъ Раздоръ, единодушно дѣйствовать противъ Крымцевъ, тогда одинъ изъ ногайскихъ владѣльцевъ Ханъ Мирза, давши клятву во всемъ доброжелатель-

(92) Дѣла Ногайск. кн. № 10, грамота царя Ивана Васильевича, отправленная къ Урусу князю съ посланникомъ Иваномъ Милославскимъ. См. л. 22 и на оборотѣ.

..... „А что вамъ вѣдомоль, что наши люди украйные Кадомскія и Темниковскія и Шацкія и Алаторскія и Арзамаскія и Курмышскіяи Свіяжскія и Тетюшскія всее горніе стороны и Казанскія люди и Донскіе и Волскіе и Астороханскіе казаки за свои досады намъ безпрестанно бьютъ челомъ, чтобъ намъ ослободить ваши улусы противъ воевать, что имъ отъ вашихъ ногайскихъ людей и многія тѣсноты и убытки ставаются, и мы своихъ досадъ такихъ отъ вашихъ отъ Ногайскихъ людей непамятуя, а помня къ себѣ крѣпкую любовъ и дружбу отца вашего Исмаила князя, тѣмъ всѣмъ людемъ заказъ свой царской крѣпкой учинили и на ваши улусы приходити не велѣли:" ... Далѣе лис. 23 ... „а неучнете уймати людей своихъ и намъ впередъ противъ своихъ украинныхъ людей и волскихъ и донскихъ и астороханскихъ казаковъ потому же унять нельзя:"

(93) Дѣла Ногайскія книга № 10, шертная запись Уруса князя 1582 г. см. л. 206 на оборотѣ и 207.

.... „А что казаки Волскіе и Донскіе на Волгѣ воруютъ, нашихъ людей и пословъ и государевыхъ пословъ громятъ и грабятъ и побиваютъ, государю царю и в. к. велѣти тѣхъ воровъ Волскихъ [и Донскихъ казаковъ сыскивая казнити, а намъ потомужъ съ государскими людьми вмѣстѣ надъ тѣми воры надъ Волскими и надъ Донскими казаками промышляти за одинъ:"

То же повторяется и въ шертныхъ запискахъ, данныхъ Урамметъ-Мирзою и Сендъ-Ахметомъ-Мирвою л. 219, 220 и 236, л. 247 на оборотѣ, Наказъ князю Василію Бахтеярову Ростовскому съ товарищи— (въ Астрахань).

. . . „А будетъ отпишетъ къ вамъ Урусъ, что наши казаки у него Сарайчикъ сожгли, и на Волгѣ пословъ его побили, и онъ былъ послалъ къ намъ, и выбъ отписали, что наши казаки на Сарайчикъ нехаживали, а воровали будетъ бѣглые казаки, которые бѣгая отъ насъ, живутъ на Теркѣ, и на морѣ, на Яикѣ и на Волгѣ казаки Донскіе пришедъ съ Дону своровали и нашихъ дѣтей боярскихъ и ихъ пословъ перебили и перограбили и мы тѣхъ воровъ сыскивать велѣли, а сыскавъ ихъ велѣли казнити:"

ствовать великому князю, присовокупилъ, чтобы и царь Ѳедоръ Іоанновичь передъ его послами далъ клятву свесть казаковъ съ Волги, Яика и съ Дону (94).

Въ тоже самое время, когда Ногайцы изъявляли неудовольствіе свое на сосѣдство Донскихъ казаковъ и на обиды отъ нихъ притерпѣваемыя, ханъ крымскій и султанъ турецкій несравненно съ большимъ жаромъ и настойчивостію писали и безпрестанно говорили послам нашимъ о разореніяхъ дѣлаемыхъ казаками подданнымъ ихъ, а всего болѣе Азовцамъ.—Такъ въ 1576 г. посолъ россійскій Мясоѣдовъ, находясь въ Крыму, писалъ къ Іоанну, что крымскій царь выговаривалъ ему: „Мы съ братомъ Іоанномъ въ добромъ согласіи, а Донскіе казаки Азовъ воюютъ (95)." Поводомъ къ симъ упрекамъ—продолжаетъ Мясоѣдовъ—было то, что султанъ турецкій въ 1574 г. посылалъ къ хану Чеуша своего съ выговоромъ, что имъ казненъ былъ нѣкто *Данилка* (Мишкинъ сынъ) Черкашенинъ и что за это Донскіе казаки Азовъ взяли, захватили въ немъ 20 челов. лучшихъ, кромѣ черныхъ людей и султанскаго шурина Сеина: „Нынѣ—писалъ султанъ хану—ты межъ казаковъ великую вражду учинилъ; впередъ отъ нихъ нельзя устоять мосму Азову; а вѣдь Азовъ казаками и жилъ, а казаки Азовомъ жили, отъ чего и было между ними мирно. А мнѣ твой крымскій юртъ не судитъ одного Азовскаго человѣка (96)." Потомъ ханъ въ томъ же

(94) Дѣла Ногайскія въ столбцѣ связка 1-я 1587 г. іюля мѣсяца.

(95) Дѣла Крымскія книга № 14 отписка Россійскаго посланника Ивана Мясоѣдова, находившагося въ Крыму въ 1576 г., см. л. 236.

.... „Да говорилъ, государь, царь про казаки про Донскіе, про что де казаки Донскіе воюютъ Азовъ? Мы де съ братомъ своимъ в. к. въ братствѣ и въ любви будемъ, а казаки де воюютъ Азовъ, и мнѣ де и турскаго царя отстать какъ? Да царь же, государь, молвилъ: да то де есмя слышалъ же, что братъ нашъ, которые казаки воровали безъ его вѣдома, и онъ де велѣлъ ихъ перенимати, да въ тюрму посажати, а царь, государь, говорилъ про Азовъ потому, что писалъ къ нему турской царь про что де ты казнилъ Мишкина сына Черкашенина и нынѣ де у меня казаки Азовъ взяли!"....

(96) Тамъ же другая, отписка того же посланника см. л. 269.

.... „іюня въ 29 д. (1574 г.) прислалъ турской царь Чеуша къ крымскому царю; а писалъ къ нему о Данилкѣ Мишкинѣ сынѣ, про што де и ты Мишкина сына Черкашенина казнилъ. Нынѣче де и у меня казаки Донскіе за Мишкина сына Азовъ съ отцомъ взяли, и лучшихъ людей у меня

году писалъ къ великому князю: „ты приказалъ султанскаго величества городъ Азовъ воевать и жечь, и ты поступилъ неосторожно, простирая руку свою на землю султанову; трудно тебѣ стоять противъ султана (97)." Іоаннъ на эти упреки, чрезъ посланника своего Елизарія Ржевскаго, отвѣтствовалъ: „казаки Донскіе живутъ на Дону не по указу нашему, но самовольно. Нѣсколько уже лѣтъ попеременно бываетъ у нихъ съ Азовцами миръ и война, и сверхъ того они неоднократно грабили нашу казну и на Дону и на Волгѣ.—На Азовъ мы никого непосылали, а свѣдавъ о войнѣ казаковъ съ Азовцами и убыткахъ причиненныхъ ими Азову, еще гораздо прежде полученія твоей грамоты, дали позелѣніе всѣмъ воеводамъ украинныхъ городовъ, брать казаковъ подъ стражу и казнить, если который изъ нихъ гдѣ появится (98).

взяли изъ Азова 20 чел., да шурина моего Сенна, опричь черныхъ людей; и нынѣче де казаки къ Азову тѣхъ 20 челов. и шурина моего приводили, а просили Мишкина сына, а нихъ всѣхъ хотѣли отдати, а нынѣче де и ты межъ казаковъ и Азова великую кровь учинилъ, впредъ де нельзя Азову моему и пробыти отъ нихъ, а вѣдь де и Азовъ казаки и жилъ, а казаки де и Азовомъ жили, о чемъ де и у нихъ по ся мѣсто все было мирно, а меня и твой крымской юртъ не судить одного Азовскаго человѣка."

(97) Дѣла Крымскія книга № 14 грамота крымскаго хана къ вел. кн. см. л. 305 на оборотѣ.

.... „А Хандыкерева величества славнаго города Азова велѣлъ есп воевать и жечь и ты то негораздо сдѣлалъ, что руку свою протянулъ на Хандыкереву землю, и ты то учинилъ на себя, и Божіею милостью, которые и по рѣкѣ и по сухѣ живутъ, и тѣхъ всѣхъ недруговъ взялъ онъ подъ свои руки; но ся мѣста ты не умѣешь стояти противъ меня, а противъ его какъ тебѣ стояти?"

(98) Дѣла Крымскія кн. № 14, отвѣтная грамота в. к. къ крымскому царю, л. 338—340.

.... „А что де есп братъ намъ писалъ, что казаки Донскіе приходили на Азовъ и Азову много лиха починили, и казаки донскіе потому же не по нашему велѣнью на Дону живутъ, бѣгая изъ нашего государства, а не по нашему наказу. И много лѣтъ живутъ подъ Азовомъ, и много на Дону живетъ того: иногды въ миру, а иногды не въ миру, да только всякія такія дѣла у нихъ межъ ихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома; а донскіе казаки, на Дону и на Волгѣ и наши казны грабивали, и мы сыскавъ за то ихъ казнивали. А про то намъ слышеть лучилось сталось людемъ съ донскими казаки межъ ихъ розни и война, и казаки донскіе собрався приходили къ Азову; да только всякія дѣла межъ азовскихъ людей и донскихъ казаковъ дѣлаются и мирныя и бранныя безъ нашего вѣдома, а мы къ Азову николи людей своихъ не посылывали и впередъ посылати не хотимъ, и мы свѣдавъ про то тогдыжъ и безъ твоей, брата нашего, приписки, которые казаки воровали къ Азову приходили, по всѣмъ своимъ украйнамъ заказали, которой казакъ донской впридетъ

Набѣги казаковъ на Азовъ съ сего времени продолжались ежегодно(99). Слѣдовательно и жалобы крымскаго хана и султана турецкаго нетолько непрекращались, но дотого распространились, что въ 1578 г. они настаивали уже дабы казаковъ съ Дону свесть (100). Дворъ нашъ избѣгая явнаго разрыва съ ханомъ крымскимъ и султаномъ турецкимъ, оправдывалъ себя, говоря, что на Дону живутъ бѣглые люди разныхъ государствъ и царь далъ обѣщаніе стараться ихъ унимать и за своевольства ихъ казнить смертію (101). Казаки однакожъ непереставали громить Азовъ, избирая для того удобное время и тѣмъ заставляли Азовцевъ, немогшихъ побѣждать ихъ, приносить на нихъ частыя жалобы Амуратъ султану, котораго негодованіе на Россію еще болѣе усилили казаки Уральскіе и Терскіе: послѣдніе особливо непереставали нападать на владѣнія его по Тереку и много вредили турецкой арміи, воевавшей тогда съ Персіею.

на украинной городъ нашъ, которые *катопраковъ* (такъ въ подлинникѣ), велѣли тѣхъ имая казнити, и которые пришли на которую украйну и мы ихъ имали и казнили, и впредъ хотимъ такихъ воровъ унимати:"....

Тоже повторяется и въ другой грамотѣ, которую писалъ в. к. съ посломъ Еліазаромъ Ржевскимъ къ калгѣ Магметъ Гирею царевичу. См. тамъ же. л. 350.

(99) Дѣла Крымскія книга № 15 л. 382 на оборотѣ см. гратоту калги Адылъ Гирея къ в. к.

.... „Хандыкерева величества земля наша, а наша земля Хандыкерева величества земля. Что его городу Азову твои казаки убытки чинятъ, кабы надъ нами они чинятъ, чтобъ еси такъ вѣдалъ, ежегодъ твои казаки по Дону приходя, Азову шкоды чинятъ и нынѣшняго году казаки твои дважды приходили, шкоду учинивъ отошли.

(100) Тамъ же, л. 368 на оборотѣ и 369, грамота царя крымскаго къ в. к. въ коей, между прочимъ, писалъ.

.... „И которые казаки у тебя на Дону, и тыбъ тѣхъ казаковъ велѣлъ свести, чтобъ брата нашего Хандыкерева величества городу Азову отъ нихъ докуки не было:"

(101) Дѣла Крымск. книга № 15 л. 418 на оборотѣ, см. наказъ посланнику Василію Зузину и дьякамъ Андрею и Василью Щеркаловымъ.

.... „А что братъ нашъ Магметъ Кирей царь писалъ къ намъ въ своей грамотѣ, чтобъ намъ съ Дону казаковъ свести, чтобъ Азову убытки нечинили, и нашихъ казаковъ на Дону нѣтъ, и не посылаемъ никого, а живутъ на Дону всякихъ земель бѣглые люди нашего государства и литовскіе земли; а на нашихъ украйнахъ, воеводамъ именной нашъ приказъ, что не велѣно никого на Донъ пропущать и съ Дону казака никакова пущать не велѣно на украйны. А кого изымутъ на украйнѣ и тѣхъ казнять смертью:"

То же повторяется и въ грамотахъ в. к. къ царю крымскому л. 146 на оборотѣ и 147 и къ Калгѣ царевичу Адылъ Гирею л. 462 и 470.

Посольство Благова въ Константинополь. Грамота къ Донскимъ казакамъ, посланная съ Борисомъ Благимъ. Дабы уничтожить всѣ неудовольствія султана и упрочить миръ между Россіею и Оттоманскою портою, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ въ 1584 г. отправилъ въ Константинополь посланника своего *Благова*. Послу этому велѣно было ѣхать до Азова Дономъ и поручено вручить казакамъ государеву извѣстительную о его посольствѣ грамоту, въ которой повелѣвалось имъ прекратить всѣ ссоры съ Азовцами: „живите— писалъ къ нимъ царь—съ Азовцами *смирно* и недавайте никакого повода къ раздорамъ, дабы не попрепятствовать добрымъ нашимъ намѣреніямъ; дозвольте имъ *ходить на Донъ для рыбныхъ ловель, для дровъ и для иныхъ запасовъ безпрепятственно*.“ Сверхъ этого Благому поручено было употребить посредство свое въ примиреніи казаковъ съ Азовцами, склонить пашу азовскаго къ выгоднымъ условіямъ; а казакамъ въ той же грамотѣ присовокуплено: „и коль скоро Борисъ (изъ Азова) извѣститъ васъ о семъ; то пошлите въ Азовъ для договоровъ своихъ атамановъ и увѣрте пашу, что все сіе дѣлаете вы по моему приказанію, что я запретилъ вамъ тревожить и азовскія и крымскія области.“ Наконецъ государь повелѣвалъ казакамъ, дождавшись на Дону (разумѣется въ нижней части Дона) обратнаго возвращенія посланника изъ Константинополя проводить какъ его, такъ и посла турецкаго до Рязанской области: „будьте на Дону до тѣхъ поръ, пока Борисъ Благой возвратится изъ Константинополя въ Азовъ;.... а какіе именно низовые атаманы останутся *отъ Азова до Раздоръ* дожидать нашего посланника, о тѣхъ пришлите къ намъ списокъ, и мы наградимъ ихъ нашимъ жалованьемъ (*) .... Если же султанъ съ посланникомъ нашимъ пошлетъ и своего посла, то проводите обоихъ ихъ съ подобающею честію.“ Въ началѣ грамоты сей

(*) Примѣчаніе. Обстоятельство сіе подаетъ поводъ думать, что въ'сіе время ниже Раздоровъ на Дону до самаго Азова не было еще казачьихъ городковъ.

написано: къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ *старымъ и новымъ*: смыслъ этихъ словъ показываетъ, что въ то время были на Дону какіе-то новые пришельцы, и вѣроятно запорожскіе Черкасы, бѣжавшіе на Донъ отъ притѣсненій вельможъ литовскихъ. Дѣйствительно, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ малороссійскіе казаки, угнетенные Польшею, желая сохранить свою независимость, оставили жилища днѣпровскія, пришли на Донъ и бывъ ласково *приняты Донцами*, незахотѣли уже возвратиться назадъ. Можетъ быть этотъ самый случай былъ поводомъ двору нашему неоднократно слагать на сихъ казаковъ вину Донскихъ. Но эти новые пришельцы, оставшись на Дону, безъ сомнѣнія признали надъ собою власть Россіи и вступили во всѣ обязанности, лежавшія на Донскихъ казакахъ; слѣдовательно повелѣнія государей о сохраненіи мира съ Азовцами, равномѣрно относились къ тѣмъ и къ другимъ казакамъ.

Хотя царь и обнадеживалъ казаковъ въ своей милости, требовалъ службы вѣрной; но въ наставленіи данномъ Благому, велѣлъ сказать султану, въ случаѣ его жалобъ на Донскихъ казаковъ: „что люди сіи суть опальные бѣглецы изъ Россіи и иныхъ государствъ, изъ коихъ нѣкоторые и состарѣлись на Дону; живутъ близъ Азова самовольно, а не по государеву велѣнью и ссора у нихъ съ Азовцами и Крымцами происходитъ болѣе за то, что Азовцы, Крымцы Казыева улуса и Дивеевыхъ дѣтей люди ходятъ войною на украйны государевы, берутъ въ плѣнъ жителей и въ Азовъ отводятъ, и что казаки немогши терпѣть сего, нападаютъ на Азовцевъ и Крымцевъ, хотя государь и подтверждаетъ имъ, чтобы они съ Азовцами жили смирно и на крымскіе улусы не приходили ([102]).

([102]) Дѣла Турецкія кн. № 2 л.288—291. см. наказъ посланнику Россійскому Борису Благому, отправленному въ Царьградъ въ 1584 г. .... „Да память Борису: будетъ ему учнетъ въ Азовѣ Мустуфа княязговорить о казакахъ, что живутъ близко Азова и многіе убытки азовскимъ людемъ дѣлаютъ и на улусы крымскіе приходятъ, и Борису говорити, что на Дону и близко Азова живутъ казаки всѣ бѣглые люди, иные казаки тутъ и постарѣлись живучи, а межъ ихъ ссора ставится

Требованія султана о усмиреніи и сводѣ казаковъ съ Дону и обѣщанія за то совершеннаго спокойствія Русскимъ украйнамъ отъ Крымцевъ и Ногайцевъ. Посланникъ приплывъ до Азова Дономъ, охраняемый Донскими казаками, водворилъ между сими послѣдними и Азовцами доброе согласіе и достигъ потомъ Константинополя благополучно. Еще въ Кафѣ замѣчали ему, что Порта весьма не довольна поведеніемъ Уральскихъ, Терскихъ, а наболѣе Донскихъ казаковъ, за ихъ частые набѣги на области турецкія; въ Константинополѣ ему твердили то же; даже самъ султанъ, изъявляя Ѳеодору Іоанновичу благодарность за желанія быть въ дружбѣ съ Оттоманскою Портою, требовалъ между прочимъ, чтобы царь немедленно унялъ Донскаго атамана Кишкина, который незадолго предъ этимъ, ставши подъ самымъ Азовомъ, нанесъ великія разоренія жителямъ онаго (103), присовокупляя къ тому, что если государь московскій съ Терека и съ Дону отъ Азова казаковъ сведетъ, то и султанъ даетъ обѣщаніе унять отъ нападенія на россійскія украйны Азовцевъ, Крымцевъ, Ногайцевъ, Бѣлгородцевъ и Казыевъ улусъ (104). Но Благой, по данному ему наставленію, оправдывалъ и государя и казаковъ.

Между тѣмъ, когда посланникъ этотъ отправлялся изъ Москвы на Донъ, въ то время атаманъ волжскихъ разбой-

оттого, что азовскіе люди и Казыева улуса и Дивеевыхъ дѣтей съ крымскими и ногайскими людьми ходятъ на государевы украйны войною и многихъ русскихъ людей емлютъ въ полонъ и возятъ въ Азовъ, и казаки того немога терпѣти на нихъ приходятъ; а государевъ заказъ къ тѣмъ казакамъ есть, чтобъ они подъ Азовъ не приходили и азовскимъ людемъ убытковъ никакихъ нечинили, а жили съ азовскими людьми смирно и на крымскіе бы улусы не приходили!!...

(103) Дѣла Турецкія, кн. № 2, л. 481. См. грамоту турецкаго султана. ..... „Да казаки ваши Кишкинъ съ товарищи живутъ подъ нашимъ городомъ Азовомъ, и подазовскимъ урочищамъ людей нашихъ тѣснятъ, и многіе убытки чинятъ, и ихъ грабятъ и побиваютъ,—и то дѣлается не по прежнему обычаю, и вамъ бы тѣхъ людей надо де унимати!"

(104) Тамъ же, л. 326, см. донесеніе Благова. ..... „Да тебѣ же бы, государю, велѣти съ Терки и съ Дону отъ Азова, казаковъ всѣхъ свести, а турской противъ того хочетъ унять крымскаго царя и Казыевъ улусъ и азовскихъ и бѣлогородскихъ людей всѣхъ, чтобы не ходили на твои государевы украйны войною ни одинъ человѣкъ;

никовъ нѣкто Юшко Несвитаевъ (разграбившій на Волгѣ Армянъ и гостей англійскихъ), свѣдавъ о томъ, оставилъ Волгу и съ единомышленниками своими Донскими казаками перешелъ на Донъ въ намѣреніи разграбить посольство. Въ Москвѣ узнали о намѣреніи сего атамана и въ то же время писали на Донъ атаману Ивану Кишкину; но грамота сія вѣроятно не получена въ войскѣ; ибо Юшко Несвитаевъ дождавшись посольства, напалъ на оное, захватилъ суда, всѣ запасы отнялъ, и самаго посланника безчестилъ. Посему поручено было Василію Биркину, отправленному изъ Москвы на Донъ, для встрѣчи возвращавшагося Благова, совокупно съ атаманомъ Иваномъ Кишкинымъ, вѣрнымъ царю, развѣдавъ о семъ и переловя виновныхъ трехъ или четырехъ человѣкъ, привести съ собою въ Москву, другихъ виновнѣйшихъ пять или шесть человѣкъ бить кнутомъ на Дону; а награбленное все доставить къ государю; если же атаманъ Юшко Несвитаевъ будетъ на Дону и принесетъ государю повинную, то дѣло сіе оставить ([105]). Но чѣмъ это кончено и какъ безчестіе сдѣлано посланнику сими разбойниками, въ актахъ того времени неупоминается.

На возвратномъ пути въ, Кафѣ, іюня въ 22 день на зарѣ собрались къ посланнику на дворъ съ великимъ шумомъ черкаскія князья и Черкасы и упрекали его, что Донскіе казаки въ турецкихъ владѣніяхъ, между Керчи и Бакчиса-

([105]) Дѣла Тур., кн. № 2, л. 321. См. наказъ Василію Биркину, посланному на Донъ для встрѣчи возвращавшагося изъ Константинополя Благова.

„Да память Василію Биркину: какъ шолъ отъ государя къ турскому султану посланникъ Борисъ Благой, и на Дону на него приходили Донскіе казаки и Бориса безчестили, и суды у Бориса отымали, и запасъ поймали многой сильно, и Василью пріѣхавъ на Донъ, вмѣстѣ съ атаманомъ съ Иваномъ Кишкинымъ и съ иными атаманы и казаки, которые государю служатъ, да тѣхъ бы казаковъ, которые воровали, и Бориса безчестили, и запасъ имали, сыскали и переимали, а переимавъ, лучшихъ трехъ, четырехъ привести къ государю съ собою вмѣстѣ; а иныхъ пущихъ выбравъ пяти, шти, за воровство бити кнутьемъ на Дону..... А что писано напередъ сего отъ государя къ Ивану, что перешелъ съ Волги атаманъ Юшко Несвитаевъ, съ товарищи, на Донъ, и хотятъ воровати, приходить на Бориса Благово, и Ивану Кишкину съ товарищи велѣно того Юшка съ товарищи переимати и привестихъ къ Москвѣ, и будетъ Юшко Несвитаевъ съ товарищи нынѣ на Дону и предъ государемъ исправится, и учнетъ служити и прямити во всемъ, и Василію и Ивану Кишкину надъ нимъ ничего не дѣлати и его не имати!!.....

рая на морѣ переловили множество Черкасъ, рыболововъ и нѣсколькихъ человѣкъ умертвили. Буйные хотѣли убить посла. Благой едва убѣдилъ ихъ отвѣсть его къ пашѣ; но и тутъ слышалъ тѣ же упреки: „прежде никогда не бывало—говорилъ паша—чтобы Донскіе казаки приходили для грабежей въ столь отдаленныя отъ Дона мѣста, а нынѣ изъ турецкихъ городовъ людей въ плѣнъ берутъ и убиваютъ“.... Князья совѣтовали пашѣ увѣдомить о томъ султана, а посланника задержать; но Благой отозывался невѣденіемъ Донскіе-ли или литовскіе то были казаки.

Прибывъ въ Азовъ, Благой извѣстился, что Донскіе атаманы Гаврила Глумовъ съ товарищи 500 челов. на Дону его дожидаютъ и хотятъ громить; слухъ сей дошелъ и до азовскаго князя. Посолъ турецкій, боялся съ Благимъ идти далѣе и сей принужденъ былъ послать къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ, Донскаго же атамана, бывшаго тогда въ Азовѣ въ плѣну и поручить ему сказать казакамъ, чтобы они его Благова и посла турецкаго проводили до государевыхъ украинныхъ городовъ цѣлостно по государеву указу (106).

О этихъ приключеніяхъ Благой донесъ государю, и въ слѣдствіе того посланъ былъ еще на встрѣчу ему воевода Юрій Булгаковъ, а къ казакамъ отправлена грамота (отъ 30

(106) Дѣла Турецкія, кн. № 2, л. 329 донесеніе Благово.

.... „Да прибѣжалъ, государь, съ Дону отъ казаковъ изъ Иванова юрта Ртищева бусурманъ, Магметомъ зовуть, а бывалъ Донской же казакъ, и сказывалъ, государь, талмачу Байгильдею Исенееву, что на Дону вѣсть учинилася про меня, холопа твоего, что я ѣду назадъ къ тебѣ къ государю, а со мною идутъ Арменья, и отобрались де, государь, на Дону Донскіе атаманы Гаврило Глумовъ, да Лука Царевъ казакъ, а съ ними 500 челов. казаковъ дожидаются, государь, меня холопа твоего, а хотятъ громити. Да и азовскому князю тотъ бусурманъ сказывалъ же, и Чаушъ, государь, по тѣмъ рѣчемъ, со мною холопомъ твоимъ, изъ Азова идти блюдется и живетъ въ Азовѣ, а меня, холопа твоего, изъ Азова не пустятъ же.... а велитъ, государь, азовской князь и Чаушъ съ казаки ссылатца, чтобы Донскіе казаки, всѣ дали мнѣ холопу твоему правду передъ нами, что имъ мнѣ пропустить и проводити къ тебѣ, государю, безъ всякія зацѣпки..... и я, холопъ твой, посылалъ на Донъ, къ Донскимъ атаманамъ, Донскаго атамана, которой былъ взятъ въ плѣнъ Михайла Елкина, да Ивана Пологовскаго, и велѣлъ имъ говорити, чтобъ они однолично по твоей государевой грамотѣ, которая къ нимъ прислана со мною, меня холопа твоего и турскаго посланника до тебя до государя проводили со всѣмъ здорово!“...

сентября 1585 г.), которою обѣщали имъ дать помѣстья если въ точности исполнятъ волю царя ([107]). Наконецъ послы въ сопровожденіи Донскихъ казаковъ, 24 ноября прибыли благополучно въ Москву. (*)

Переговоры турецкаго посла Ибрагима въ Москвѣ съ Россійскимъ дворомъ. Взаимное это посольство открыло намъ, что система Константинопольскаго двора въ отношеніи къ Россіи не измѣнилась, что султанъ не думалъ о заключеніи дружественнаго съ нею договора, желая единственно свободной торговли между обѣими державами и въ октябрѣ 1586 г. Ибрагимъ Чаушъ изъ Москвы отпущенъ съ такимъ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе казаки литовскіе, что Донской атаманъ Кишкинъ съ товариши отозванъ въ Москву, что оставшимся на Дону его товарищамъ запрещено тревожить Азовцевъ, и что изъ Россійскихъ украинныхъ городовъ никому на Донъ ходить невелѣно; если же Донскіе казаки и за симъ станутъ воевать съ Азовцами, то ихъ приказано казнить смертію ([108]).

Продолженіе военныхъ дѣйствій Донскихъ казаковъ противъ Крымцевъ, Ногайцевъ и Азовцевъ. Вскорѣ и крымскія области снова почувствовали силу воинственныхъ сосѣдей своихъ Донскихъ казаковъ. Междоусобная война хана крымскаго Исламъ Гирея съ племянниками его Магметовыми сыновьями, кажется была поводомъ къ тому. Ханъ вспомоществуемый Турками, разбилъ царевичей и принудилъ ихъ искать убѣжища у заволжскихъ ногайскихъ Татаръ. Россія, видѣвшая въ этомъ случаѣ надежное средство къ обузданію хана, приняла бѣглецовъ подъ свое покровительство. Еще въ 1585 г. одинъ изъ нихъ

([107]) Дѣла Тур. кн. № 2. л. 344 и 345 грамота, на Донъ 30 сентября 1585 г.

(*) Примѣч. было-ли сдѣлано какое распоряженіе о дачѣ казакамъ въ 1585 г. помѣстій и были-ли оныя кому раздаваемы, изъ актовъ ничего не видно.

([108]) Дѣла Турецк., кн.№ 2, л. 495, см. грамоту царя къ султану октября 1586 г.

Саидъ-Гирей, склонилъ Донскихъ казаковъ воевать Тавриду; вслѣдствіе сего, но вѣроятно безъ соизволенія и даже безъ вѣдома государева, собрались они на берегахъ Дона въ значительномъ числѣ, вступили съ Саидъ-Гиреемъ въ Крымъ и, разоривъ нѣсколько улусовъ, возвратились назадъ безъ дальнихъ успѣховъ.

Ногайцы, неблагопріятствовавшіе изгнанникамъ притерпѣвали отъ Донскихъ казаковъ за это бо́льшія еще разоренія, нежели Крымцы: около 1587 г. вторгнулись они въ улусы князей Екписата и Кайбулы,— которые избѣгая обидъ отъ Черкасъ пятигорскихъ прикочевали въ сіе время къ Дону—разорили оные, взяли въ плѣнъ Екписатову замужнюю дочь съ дѣтьми и заставили сихъ князей умолять Исламъ-Гирея о помощи. Но ханъ находясь и самъ въ ненадежномъ положеніи, боялся послать войска свои въ пустыя степи, гдѣ казаки легко могли разсѣять и истребить оныя, а совѣтовалъ Екписату и брату его перейти съ своими улусами въ области крымскія, обѣщая дать имъ земли (109).

Неменѣе того Донскіе казаки нападали на окрестности Азова и содержали этотъ городъ во всегдашнемъ страхѣ (110).

Союзъ Донскихъ казаковъ съ Запорожцами, изъ коихъ многіе избѣгая притѣсненій польскихъ вельможъ удалились на Донъ. Еще

(109) Дѣла Крымскія, кн. № 17, см. вѣстовой списокъ возвратившагося изъ Крыма Ивана Судакова—Мясново, л. 37 и на оборотѣ.

.... „Іюля въ 27 день сказывалъ Ивану Сенчюра Байкешедъ, а сказывалъ ему въ разговорѣ Имейшихъ: пріѣхалъ къ царю Кайбула мурза ногайской, Екписатовъ братъ, прислалъ его Екписатъ ко царю бити челомъ, чтобы царь пожаловалъ, послалъ царевича съ людьми беречь его отъ Черкасъ пятигорскихъ и отъ Ногай отъ Заволжскихъ и отъ казаковъ Донскихъ; тѣснота Екписату со всѣхъ сторонъ: Черкасы пятигорскіе отогнали у нихъ лошади сего лѣта и Екписатъ подкочевалъ къ Дону, и казаки Донскіе его громили и понимали у него улусы многіе и взяли у Екписата дочерь замужнюю съ дѣтьми, и казаки Донскіе шкоты добре починили много!"...

(110) Дѣла Крымскія, № 18, грамота крымскаго царя Казы-Гирея къ боярину Борису Ѳедоровичу Годунову, л. 105.

„Да казаки ваши Донскіе Азову городу досаду чинятъ, и вамъ-бы для турковъ тѣхъ казаковъ уняти, да ваши жъ казаки съ Дону и Самары къ Овечьимъ водамъ приходя украдомъ къ нашимъ ко многимъ улусамъ, воруютъ, животъ емлютъ."

И донесеніе посла Бибикова, тѣхъ же дѣлъ № 19, л. 150.

А отъ Донскихъ казаковъ Азову тѣснота чинится, а Терскіе казаки ходили къ Темрюку городу.

за нѣсколько лѣтъ Запорожцы, или такъ называемые Запорожскіе Черкасы, по склонности-ли и по любви къ вольной и независимой жизни и грабежамъ, или прельщаемые славою Донцовъ, или наконецъ, избѣгая притѣсненій и обидъ, претерпѣваемыхъ ими отъ польскихъ вельможъ, сперва небольшими партіями человѣкъ по 20 и по 30, уходили на Донъ, принимаемы были здѣсь братски и наравнѣ съ Донцами дѣлили опасности и добычи. Но около 1588 г. Запорожцы отдѣлясь отъ собратій своихъ въ знатномъ числѣ, подъ начальствомъ атамана своего Матвѣя Ѳедорова, пошли съ береговъ Днѣпра къ Дону, вѣроятно для соединенія и сожительства съ Донскими казаками и недошедши къ нимъ, остановились у Сѣвернаго Донца на дорогѣ Ливенской, по коей проѣзжали послы въ Крымъ и въ Москву изъ Крыма; здѣсь они разбивали и грабили всѣхъ проѣзжающихъ и до того распространили страхъ по всей здѣшней украйнѣ, что гонцу нашему Петру Зиновьеву, отправленному въ Крымъ въ 1589 г., съ крымскими гонцами, въ Москвѣ находившимися, дано было для охраненія 150 человѣкъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, а въ наказѣ его между прочимъ предписано было: идти съ большою осторожностію, и если Запорожцы дѣйствительно стоятъ на Донцѣ, то послать къ нимъ сперва отъ себя станицу и сказать, что есть государева грамота къ нимъ *и слово* и просить, чтобы атаманъ Ѳедоровъ видѣлся съ нимъ Зиновьевымъ, а при свиданіи сказать всѣмъ атаманамъ и молодцамъ поклонъ отъ государя, уговорить, чтобы его и крымскихъ гонцовъ пропустили безъ всякаго вреда и проводили-бы ихъ честно; сверхъ того склонять ихъ служить усердно государю и за вѣрную службу обнадежить ихъ государевою милостію и жалованьемъ ([111]).

Отсюда вѣроятно эти Черкасы пошли прямо на Донъ и, соединившись съ Донскими казаками, весною 1589 г. пошли на Азовъ, разграбили посадъ сего города и взяли въ плѣнъ

([111]) Дѣла Крымскія, кн. № 17, л. 239—243, см. примѣч. 46.

300 человѣкъ ([112]).

Невзирая на это дворъ московскій дружескими сношеніями и подарками, посылаемыми хану и его ближнимъ людямъ, всячески старался удерживать Крымцевъ отъ набѣговъ на Россію. Они ласкалиословъ нашихъ только для подарковъ, и всегда искали удобнаго случая нанести вредъ Россіянамъ; думали, что каждый добрый ханъ обязанъ (въ исполненіе древняго обычая) хотя единожды видѣть берега Оки, для снисканія славы воинской. Полагаясь на увѣреніе недоброжелателей Россіи, что войско наше занято войною съ королемъ шведскимъ, ханъ крымскій Казы—Гирей сбросилъ личину дружества: весною 1591 г. собралъ многочисленную рать и соединивъ съ толпами Крымцевъ нолки ногайскіе, Казыева улуса, султанскіе, Азовскихъ и Бѣлогородскихъ Татаръ всего 150/т. челов. съ огнестрѣльнымъ снарядомъ, двинулся на Россію по дорогѣ къ Тулѣ, обходя всѣ крѣпости, нигдѣ немедля и неразсыпаясь для грабежа, въ намѣреніи неожиданно явиться предъ Москвою и предать все огню и мечу. Но казаки на степяхъ—далеко отъ предѣловъ россійскихъ—взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ Татаръ изъ ханской рати и свѣдавъ отъ нихъ, что ханъ съ сильною ратію и съ надменнымъ хвастовствомъ, по повелѣнію султанскому, идетъ въ Россію, извѣстили о томъ заблаговременно царя и воеводъ его ([113]). По симъ свѣдѣніямъ приняты были предосторожности; съ удивительною скоростію укрѣпили Москву, обратили монастыри въ крѣпости и собравъ сильное войско на лугахъ московскихъ, ждали непріятеля. Ханъ шелъ осторожно и приближившись къ россійскому войску ударилъ на оное; сражался упорно и долго, много потерялъ убитыми, ранеными и плѣнными; но увидѣвъ, что Россія, невзирая на

([112]) Тамъ же, л. 320, см. вѣстовой списокъ Петра Зиновьева.
…. „А съ литовскимъ королемъ турской султанъ воюетца: литовскіе люди кругъ Бѣлогорода всѣ посады пожгли. Да Черкасы же литовскіе воевали, сее весны, въ Азовѣ посадъ, мѣсяца мая въ 8 день, а взяли де въ Азовѣ на посадѣ Черкасы всякихъ людей человѣкъ съ 300.“

([113]) Грамота царя Ѳедора Ивановича къ польскому королю. Сигизмунд 1591 г.

войну съ Швеціею, довольно имѣетъ войскъ для своей защиты, бѣжалъ со стыдомъ и страхомъ преслѣдуемый царскими воеводами. ([114]).

Отправленіе въ Константинополь посланника Нащокина. Султанъ оказывалъ явное негодованіе противу Россіи, но царь желалъ мира, и потому признано было необходимымъ возобновить съ Турціею, хотя наружно, дружественныя сношенія, для чего въ 1592 г. Григорій Афонасьевичъ Нащокинъ назначенъ былъ посломъ въ Константинополь ([115]).

Государь, увѣряя султана въ своемъ дружествѣ, жаловался на азовскихъ, крымскихъ и бѣлогородскихъ Татаръ, просилъ удержать ихъ отъ набѣговъ на россійскія украйны; а о казакахъ писалъ такъ: „на Донъ приходили литовскіе Черкасы и соединясь съ измѣнниками нашими Донскими казаками, людьми бѣглыми, жили тамъ и препятствовали проѣхать посланнику нашему..... Но если ты уймешь Азовцевъ, Бѣлогородцевъ и Крымцевъ, то и я пошлю нарочитую рать мою на Донъ и казаковъ велю казнать ([116])." Давая обѣщанія сіи, великій князь едвали когда располагалъ исполнить оныя, ибо зналъ вредъ, могущій отъ сего произойти государству; но вручивъ Нащокину грамоту къ султану и давъ нужныя наставленія, 6 апрѣля отправилъ его изъ Москвы. Въ этихъ обстоятельствахъ необходимо было склонить казаковъ жить мирно съ Азовомъ и со всѣми областями турецкими и крымскими, покрайней мѣрѣ въ продолженіи того времени, какъ происходить будутъ переговоры съ Портою и

([114]) Истор. Р. Г. Карамзина, Т. X, стр. 144—153.
([115]) Тамъ же, стр. 173.
([116]) Дѣла Турецк., кн. № 3, грамота вел. кн. къ турецк. султану. л. 5. .... „А по Дону были литовскіе Черкасы многіе и сложася съ нашими измѣнниками съ Донскими казаками, которые отъ насъ бѣгаютъ, жили на Дону и потому нашему посланнику и Дономъ проѣхати было нельзе. Л. 8. А которые воры Донскіе казаки впередъ будучи на Дону, Азову и Томани и Темрюку убытки почнутъ чинити, и мы на Донъ пошлемъ впередъ рать свою, и тѣхъ воровъ Донскихъ казаковъ перенмати и казнити велимъ, а вамъ бы, брату нашему, Муратъ султану, заказъ учинити, чтобъ впередъ азовскіе и бѣлогородскіе и крымскіе люди на наши украйны войною не приходили."

пока посолъ возвратится въ Россію. По сей причинѣ Нащокину поручено было доставить къ Донскимъ казакамъ грамоту, въ которой государь повелѣвалъ имъ проводить посла до Азова, дожидаться тамъ его возвращенія и до того времени заключить миръ съ Азовцами; прекратить набѣги на турецкія области и отдать Нащокину всѣхъ находившихся у нихъ турецкихъ плѣнныхъ, за коихъ самъ государь обѣщался заплатить имъ. Въ случаѣ же ослушанія, царь угрожалъ казакамъ опалою, отправленіемъ на нихъ сильной рати и построеніемъ на Дону (на Раздорахъ) города (117). Съ симъ же послан-

(117) Дѣла Турецкія, кн. № 3, л. 79—81, грамота на Донъ марта 21 $\frac{7100}{1592}$ г.

„Отъ царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Руссіи, на Донъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ. которые нынѣ на Дону вверху и которые на низу близко Азова. Посылали есмя во Царь-городъ къ Турскому Мурать Салтану въ посланникѣхъ Григорья Афонасьевича Нащокина, а идти велѣли есмя Григорью на Азовъ, да на Кафу, и какъ Григорій пойдетъ Дономъ къ Азову, и выбъ однолично съ азовскими людьми жили смирно и задору ни котораго азовскимъ людемъ не чинили, и чтобъ въ томъ нашему дѣлу порухи не было и нашему посланнику задержанья не было у турскова салтана, а которые будетъ азовскіе люди учнуть ходити на Донъ по прежнему, какъ съ Азовомъ въ миру живете, а мы Григорью съ азовскимъ санчакомъ велѣли о томъ договоритись, чтобъ азовскіе люди съ вами жили въ миру и задорубъ межъ васъ ни въ чемъ не было, покамѣстъ Григорей сходитъ, а которые у васъ въ рукахъ полоненники турскова и Черкасы, которыхъ вы поимали, и выбъ тѣхъ достальныхъ однолично съ Григорьемъ въ Азовъ отпустили безъ окупу, а мы васъ за то пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ, и тотъ окупъ за нихъ заплатити велимъ, а какъ Григорій Нащокинъ пойдетъ въ Азовъ, и выбъ его провожали; а послѣ Григорья, какъ Азовъ пройдетъ Григорій, и выбъ были съ нашимъ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Хрущовымъ на Дону въ Раздорехъ, въ которыхъ мѣстѣхъ пригоже и нашимъ дѣломъ промышляли съ Петромъ Хрущовымъ; а того бы есте берегли накрѣпко: будетъ воинскіе люди крымскіе и Казыева улуса Ногаи пойдуть войною на нашн украины, или которые воинскіе люди пойдуть съ полономъ съ нашихъ украинъ, и выбъ въ тѣ поры, съ Петромъ Хрущовымъ, на тѣхъ людей на перевозѣхъ по Дону приходили и надъ ними промышляли, чтобъ надъ ними поискъ учинити и намъ бы свою службу показали, а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ, и нынѣ есмя къ вамъ свое жалованье послали съ Григорьемъ Нащокинымъ, селитру и свинецъ, а впередъ васъ своимъ жалованьемъ великимъ хотимъ жаловати, и были бы есте на Дону до тѣхъ мѣстъ, какъ придетъ изъ Царя-города Григорій назадъ въ Азовъ, а какъ Григорей придетъ назадъ въ Азовъ, и выбъ его отъ Азова проводили до Рязскаго города, межъ себя городъ отъ города. А которые останутся низовые атаманы отъ Азова до Раздоровъ, и выбъ ихъ имена, кто именемъ атаманъ, и сколько съ которымъ атаманомъ казаковъ останетца тобы есте именно переписавъ, дали письмо посланнику нашему Григорью Нащокину, а мы велѣли тѣхъ имена прислати къ намъ въ Москвѣ, и мы къ нимъ впередъ свое жалованье пришлемъ, которые

никомъ отправлено къ нимъ въ жалованьѣ нѣсколько кусковъ суконъ, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ,

атаманы и казаки почнуть дожидатися нашего посланника Григорья на Дону, одноличнобъ естя Григорья дожидались и того провѣдовали какъ Григорей въ Азовъ придетъ, а какъ придетъ, и выбъ его проводили, чтобы ему отъ Казыева улуса и отъ крымскихъ людей пройти здорово и безстрашно. А будетъ салтанъ турской пошлетъ къ намъ съ нашимъ посланникомъ съ Григорьемъ Нащокинымъ своего посланника, и выбъ его посланника потомужъ провожали честно, вмѣстѣ съ Григорьемъ. Писана на Москвѣ лѣта 7100 марта въ 21 день."

Л. 134—136, грамота на Донъ апрѣля 20 $\frac{7101}{1593}$ года.

„Отъ царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Руссіи, на Донъ Донскимъ, аѣаманомъ верховымъ и низовымъ, Степану Ершову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ верховымъ и низовымъ. Послали есмя на Донъ для нашего дѣла и въ встрѣчу турскаго Чеуша, воеводу нашего князя Григорья Константиновича Волконскова, и какъ князь Григорей къ вамъ на Донъ пріѣдетъ, и выбъ съ нимъ вмѣстѣ дожидались и съ азовскимъ есте княземъ и съ азовскими людьми съ Азовомъ однолично нынѣ помирились вскорѣ, покамѣста еще посланникъ нашъ Григорій и турской Чеушъ въ Азовъ не придутъ, и выбъ съ нимъ однолично, до ихъ приходу' были въ миру и на море подъ города не ходили и ихъ однолично нынѣ не задирали, хотя вамъ и досада отъ Азова была, и выбъ имъ задору никакого ни дѣлали, и съ турскимъ салтаномъ насъ не ссорили; а не помиритесь вы нынѣ съ азовскимъ княземъ до турскаго посланника и со всѣми азовскими людьми не почнете миру держати по сему нашему указу, и насъ не послушаете и взочнете какой задоръ, а межъ насъ нынѣ съ турскимъ учините тѣмъ не дружбу а ссору и нашему доброму дѣлу съ турскимъ поруху учините, и вамъ отъ насъ быти въ опалѣ и въ казни и въ предъ вамъ . . . . . и пошлемъ на васъ Домомъ большую свою рать и поставить велимъ городъ на Раздорѣхъ, и выбъ однолично съ азовскими людьми помирились и передъ нами службу свою совершенную показали и отъ насъ опалы на себя не наводили. А какъ турсковъ Чеушъ и посланникъ нашъ Григорей въ Азовъ придутъ, и выбъ ихъ встрѣтили урядно по прежнему обычаю и приняли ихъ честно и турскова Чеуша и нашего посланника . . . . однолично проводили со всякою честью, перебрався человѣкъ до двусотъ или до трехсотъ вмѣстѣ съ княземъ Григорьемъ проводили, чтобъ отъ воровъ казаковъ и отъ Черкасъ нашему посланнику и салтанову Турскову Чеушу притти здорово, а мы свое жалованье со княземъ Григорьемъ Волконскимъ послали есмя къ вамъ: къ лутчимъ сукна и зелье и свинцу и запасу не отъ велика. А будетъ князь Григорій Волконскій придетъ къ вамъ на Донъ, а про турскова Чеуша и про нашего посланника въ Азовъ о приходѣ ихъ вести не будетъ, а царь будетъ и царевичи и азовскіе люди пойдуть на наши украйны, и выбъ конные подъ ними шли на перевозы и на шляхи, на Донецъ на Сѣверской, и надъ ними нашимъдѣломъ промышляли, а гдѣ сойдетесь на Донцѣ съ нашими людьми съ путивльскими и запорожскими Черкасы, которые изъ Днѣпра придутъ по нашему указу, подъ царя на Донецъ,—а велѣно Черкасамъ запорожскимъ Гетману Христову Конинскому и всѣмъ атаманомъ и черкасомъ быти на Дону на шляхѣхъ и за царемъ итти, и нашимъ украйнамъ помогати,—и выбъ съ ними сослався съ нашимъ сыномъ боярскимъ, которой съ ними будетъ, и промышляти съ ними сопча за одинъ, да велѣли есмя на Казыевъ улусъ по Азовъ и за Донъ итти на Калміусъ на Арасланаевы улусы Дивѣева ногайскимъ заволжскимъ мурзамъ со многими людьми, и дѣти боярскіе

30 четвертей толокна, 25 пудовъ селитры, сѣры и свинцу, по указу (118).

Но между тѣмъ Донскіе казаки при всей злобѣ противу нихъ Турокъ и Татаръ, продолжали обыкновенныя свои набѣги на ихъ селенія, за что подвергали иногда разорѣнію и собственные свои городки.

Такимъ образомъ зимою 1592 г., еще до отправленія Нащокина изъ Москвы, Азовцы, соединясь съ Черкасами приходили на казачьи городки произвели, опустошенія и взяли въ плѣнъ болѣе 100 человѣкъ (119). Казаки въ отмщеніе за сіе пошли подъ Азовъ: тамъ болѣе 130 человѣкъ убили, взяли нѣсколько въ плѣнъ и на страхъ варварамъ подъ самымъ Азовомъ, на одномъ изъ Донскихъ устьевъ, поставили крѣпостцу (120). Потомъ весною того же года, въ то самое время,

наши съ ними Леонтей Пановъ, да Никита Башинъ съ ними придутъ съ Волги, и какъ они къ вамъ къ Дону придутъ и вы съ ними сопча промышляли и на крымскіе и ногайскіе улусы на Арасланаевы и на Казыевъ улусъ съ ними шли и за Донъ ихъ перевозили и убытка имъ ни котораго не чинили, и нашимъ дѣломъ съ ними съ нашими дѣтьми боярскими промышляли сопча за одинъ, и намъ службу свою показали, а почнете нашего указу слушать воеводу нашего князя . . . . . Волконскаго и головъ почнете слушати и нашимъ дѣломъ промышлять почнете сопча, и вамъ отъ насъ будетъ великое жалованье. Писана на Москвѣ лѣта 7101 апрѣля въ 20 день."

(118) Дѣла Турскія кн. № 3, л. 82.

(119) Дѣла Турецкія кн., № 3, л. 89—98, см. прим. 128.

(120) Тамъ же - - - - - - - - - грам. Синанъ паши къ великому князю, л. 277—279.

„А се переводъ съ Синанъ пашины грамоты ко государю царю и в. к. Ѳедору Ивановичу всеа Руссіи.

„Въ великихъ величайшему Мессійскаго закона правителю, и крестьянскую вѣру прославляющему, и крестьянскихъ странъ обладателю, и многіе войска направляя, и государства мужественно исправляющему, Московскому царю и в. к. въ добромъ прибываньe быти во вѣки и молитвы и моленія къ дружбѣ подобны возсылаю, и потомъ отъ любовнаго отца вѣдомое се: присылали есте къ счастливаго и величайшаго государя нашего къ высочайшимъ дверемъ посла Григорья, чтобъ грамоты ходили безъ урыва, какъ отца вашего нестало, и по благословенью отца своего сѣли есте на королевствѣ, и вы присылали къ счастливаго и честнѣйшаго государя нашего къ счастливымъ дверемъ, посла своего о дружбѣ, чтобъ на обѣ стороны ходили безъ задержанія и съ нимъ прикошевавъ посылали отъ высочайшихъ дверей изъ Чеушъ Ибраимъ

когда посланникъ находился уже на пути къ Азову, значительная ихъ партія, предводительствуемая походнымъ атаманомъ Василіемъ Жигулинымъ, на малыхъ лодкахъ пустилась въ морѣ Азовское, для пораженія невѣрныхъ.

Чеуша, и его тогды позадержали затѣмъ, что литовскіе люди до роги не дали, и ходили есте на Литву и нѣсколько городовъ поимали, и послѣ того присылалъ шахъ Аббасъ человѣка своего Гадибека, и вы ему отказали, и вскорѣ опять присылали Бутакбека просячи того, что ему дали стрѣльцовъ пѣшихъ, и съ снарядомъ огненново бою, и для того, что изъ начала будучи счастливымъ государемъ нашимъ въ дружбѣ и впередъ похотя быти и его непочтивъ наряду не давъ вскорѣ съ отказною грамотою отворотили, а на Теркѣ и въ Астрахани воеводамъ своимъ заказалиесте, которая мусульманская рать живетъ въ Дербенѣ и въ Шемахѣ и въ Бакѣ, чтобъ съ ними не вдружилися. До великаго мѣста достигшаго,— отъ крымскаго отъ Казы Гирея царя посланъ былъ посломъ Усеинъ мурза, и его взяли Волскіе казаки и тѣмъ прежнюю дружбу порушили; да прежъ сево какъ положили есми опалу на царевича Муратъ Гирея, и онъ отъѣхалъ въ вашу сторону, и какъ его просили, и онъ въ то время не приключился отъѣзжалъ въ Шевкалы, и какъ пріѣдетъ и его хотѣли есте прислати и его нестало, и та дружба вѣдома, а которые казаки живутъ и они Азову и инымъ мѣстомъ только учнуть тѣсноту чинить, и на нихъ пришлютъ рать и ихъ велятъ побить, крымскому царю и азовскимъ и бѣлогородскимъ князьямъ велять на нихъ идти, что отъ нихъ украиннымъ людямъ тѣснота чинится; и они приходя извѣщаютъ, и о томъ грамота государя нашего счастливаго и высочайшаго . . . . послана. А что писали есте въ грамотѣ,—что желательною мыслью въ дружбѣ быть хотите, и отъ вашіе страны только дружба утвердится, и здѣшніе люди въ покоѣ пребывающіе, только потому жъ въ покоѣ учнуть пребывать и отъ нашее страны потому жъ дружба и соединенные будетъ. Да въ прежніе лѣта, какъ Асманъ паша шелъ съ Дербена, и въ то время на бою взяли въ полонъ отъ дворянскаго причету Асаномъ зовутъ и нынѣ онъ въ Астрахани въ крѣпости да ѣхали въ дорогѣ два капычея добрыхъ, одного зовуть Мустафою, и ихъ взяли жъ казаки, и отъ вашіе страны опричь полоненья нѣтъ добра. Да казаки жъ ваши пришедъ подъ Азовъ, воевали, и взяли больше 130 челов. побили, а иныхъ въ полонъ поимали, и оную многую тѣсноту починили, а подъ счастливомъ государствомъ подъ Азовомъ, и на устьѣ Дону подъ посадомъ, се где словетъ; да въ вѣдомомъ мѣстѣ на рѣчкѣ Черкаской князь живетъ да на Маночи, да подъ посадомъ подъ Бузукомъ, да наТерекѣ, да на Сунышѣ рѣкѣ остроги подѣлали, да близко Дербени на Каизумскомъ морѣ городы

Нащокинъ плылъ Дономъ до (нижн.) Раздоровъ спокойно и съ приличными званію его почестями; тутъ собралось тогда множество казаковъ, для встрѣчи товарищей своихъ, отправлявшихся съ атаманомъ *Жигулинымъ на поиски* по Азовскому морю.—Не дошедъ до Раздоровъ за три версты, посолъ остановился на Гостиномъ (Гостинѣ) островѣ и на другой день, т. е. мая въ 31 день, послалъ въ Войско атамана верховыхъ казаковъ Вишату Васильева съ товарищи звать атамановъ и казаковъ для выслушанія государевой грамоты. Три дня они упорствовали, не хотѣли ѣхать и намѣревались посадить Вишату въ воду; но на четвертый день прибыло въ станъ посланниковъ до 300 казаковъ съ атаманомъ *Семеномъ Воейковымъ*.

Непріятности встрѣченныя на Дону Нащокинымъ. Выслушавъ государеву грамоту и рѣчь Нащокина, говоренную по наказу, они въ войсковомъ кругу по общему приговору отвѣтствовали: „безчестно для насъ искать самимъ мира у Азовцевъ. Мы только по просьбѣ враговъ

подѣлали, да на усть рѣки Сунши, гдѣ впала Сунша въ Терку, тутъ остроги подѣлали, и подъ счастливыми государствы подъ Дербенью нѣсколько временъ казаки ваши стоять и въ Дербень и въ иные мѣста тое страны, которые ходятъ туды и сюды, и тѣмъ людемъ шкоту чинять и побиваютъ, то подлинно вѣдомо: и по государя нашего величества гумаюновѣ грамоте тѣхъ дворянъ и капычеевъ и которые мусульмане у казаковъ въ рукахъ, сыскали, а наплующихъ казаковъ извели, и со всѣхъ свѣдомыхъ мѣстъ остроги и городы поспяли и были въ дружбѣ; а отъ здѣшніе страны опричь добра ни котораго лиха не будетъ, и государство ваше и земля отъ мусульманской рати, въ покоѣ здравы учнуть пребывати. И какъ уже даетъ Богъ впередъ, которой больши вамъ посолъ будетъ, и въ томъ мы, что у насъ всякіе дѣла подѣлавъ къ вамъ поѣдетъ, такъ подлинно, а только тѣхъ поймашныхъ въ дружелюбное время не пришлите, и дорогѣ и тѣхъ городовъ и остроговъ, дороги не отворите нашимъ людемъ, и отъ насъ дружбы не будетъ и царю Крымскому ходить на ваши земли, и съ гамаюновыми грамотами, посланными отъ высочайшихъ дверей Резванъ Чеушъ и отъ старыхъ гостей Магмутъ, и какъ они у васъ будуть и вамъ бы ихъ въ той странѣ не задержавъ вскорѣ со всѣмъ къ счастливымъ дверемъ отпустити порадѣти. Писана грамота въ мѣсяцѣ Шабанѣ.

нашихъ даемъ имъ пощаду, но сами оной никогда не просимъ; и если измѣнимъ теперь сему постоянному нашему правилу, то дадимъ поводъ почитать насъ слабыми, безсильными; тогда непріятели сдѣлаются дерзновеннѣе и самихъ насъ не оставятъ въ покоѣ; при томъ же безъ совѣта товарищей нашихъ, находящихся на морѣ, мы не смѣемъ начинать никакихъ переговоровъ. Не можемъ отдать и плѣнниковъ; мы купили ихъ своею кровію: не мы на нихъ нападали, а они сами искали головъ нашихъ и пришедъ съ оружіемъ, хотѣли разорить наши городки, но за свою дерзость наказаны постыднымъ плѣномъ; желаемъ отмстить врагамъ нашимъ Азовцамъ, которые собратій нашихъ попадающихся имъ въ плѣнъ, всѣхъ мучительски убиваютъ, *или сажаютъ на каторги*, а намъ не только даромъ, но даже и на выкупъ не отдаютъ ихъ.“

Посланникъ былъ огорченъ своевольствомъ казаковъ и рѣшительными требованіями своими еще болѣе усилилъ ихъ упорство; онъ удержалъ (знатную) часть присланныхъ къ нимъ отъ государя даровъ и тѣмъ возбудилъ недовѣрчивость до того, что заставилъ ихъ отважиться на самый дерзкій и предосудительный поступокъ.—Въ сіе время прибыли съ моря ожидаемые товарищи ихъ; сдѣлали совѣтъ и въ общемъ собраніи положили требовать отъ посланника царскіе дары и тутъ же приговорили посадать въ воду Вишату Васильева, который казался имъ подозрительнымъ; но сей спасся бѣгствомъ въ станъ посланника. Послѣ сего казаки вооруженные пошли всею толпою къ Нащокину, требовали прочесть данный ему царскій наказъ и сдѣлать выдачу даровъ, отъ государя имъ присланныхъ; но посланникъ отвѣтствовалъ, что наказъ есть тайна государственная, а дары онъ раздѣлитъ самъ между верховыми и низовыми атаманами и казаками: „мы всѣ равны, всѣ одинаково служимъ“—кричали разгоряченныя головы и, бросившись въ станъ посольскій, силою отняли всѣ дары, а Вишату, поймавъ, били предъ шатромъ Нащокина и посадили въ воду. Буйные своевольцы эти

скоро опомнились и старались преклонить на милость посла государева, соглашались на миръ съ Азовцами, просили его о посредствѣ, и 15 іюня съ честію проводили въ Азовъ (121).

Въ сіе время Донскіе казаки стояли подъ Азовомъ въ большомъ собраніи; Нащокинъ взялъ съ собою въ Азовъ двухъ Донскихъ атамановъ Семена Воейкова и Ѳедора Смирнаго для переговоровъ о мирѣ; сіи довѣренные утвердили всѣ условія мира съ Азовцами и цѣловали крестъ за все войско.—Посланникъ, довольный примиреніемъ казаковъ съ Азовцами, готовился уже къ отплытію въ Кафу и приказалъ

(121.) Дѣла Турецк. кн. №3-й л. 89,—98, Отписка посланника Григорія Нащокина къ великому князю, полученная въ Москвѣ іюня 22.

„ Государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу холопи твои Гришка Нащокинъ, да Андрюшка Ивановъ челомъ бьютъ. Писали есмя къ тебѣ къ государю напередъ сего съ Дону про крымскаго и про ногайскія вѣсти мая въ 16 д., что сказывали Донскіе казаки, которые ѣхали съ низу и полоненники выходцы изъ Азова про крымскихъ же царевичей походъ на твои государевы укрыйны и про Ногаи Казыева улуса и про азовскихъ людей и воронежскихъ казаковъ всѣхъ отпустили есмя вверхъ къ Воронежу съ Усть-Цымлы рѣки; а далѣ, государь, того воронежскихъ казаковъ имати съ собою не смѣли по твоей государевой грамотѣ, а станичники, государь, Михайло Любавской съ товарищи ѣхали отъ Воронежа по Ногайской сторонѣ до усть-Елани, а съ Усть-Елани велѣли есмя имъ ѣхати по кромской сторонѣ прямо къ Раздорымъ, для того, что бы на насъ Черкасы или Татаровя безвѣстно не пришли. И мая въ 29 д. на Каменномъ перевозѣ ниже Переволоки пять днищь приходили, государь, на насъ на походѣ въ крымскую сторону литовскіе черкасы берегомъ конные, а иные въ судѣхъ и взяли было у насъ заднею ладью съ рухлядью служилыхъ Татаръ и съ кречетниковою рухлядью и привезли къ берегу, почали рухлядь выметывать, и мы, государь, пристали къ берегу къ ихъ сторонѣ и вышедъ изъ судовъ съ ними бились и Божію милостію и твоимъ государевымъ счастьемъ многихъ людей у нихъ побили и переранили и лодки ихъ отбили, а рухляди и лодьи нечего имъ недали и ихъ многую рухлядь отшибли, и Черкасы, государь, бьючися съ нами, пошли въ степь и отшедъ отъ насъ съ полверсты стали въ терну у боярака, и мы, государь, ихъ изъ терну выбили и тутъ въ бояракѣ отполонили у нихъ станичниковъ Михайла Любавскаго съ товарищи 9 челов., которые были посланы отъ насъ степью къ Раздорамъ, да дву челов. Донскихъ казаковъ; а въ

грузить корабль.—Между тѣмъ князья Али и Али Азовскіе, для большей твердости мира послали изъ Азова въ войско греческаго попа (вѣроятно для того, чтобы привесть къ крестному цѣлованію и всѣхъ казаковъ); но атаманы и казаки, всѣхъ условій этого мира, кои приняты товарищами ихъ, утвердить не согласились. Онымъ полагалось между прочимъ, чтобы Азовцы немедленно заплатили опредѣленный выкупъ за плѣнныхъ. Они за одного турецкаго Чеуша и за 6 горскихъ князей, бывшихъ у нихъ въ плѣну, требовали выкупу 17/т. золотыхъ. Азовцы не хотѣли дать такой платы и медлили. Раздраженные казаки, почитая сіе нарушеніемъ договора, отрубили руку одному плѣнному князю, и съ симъ знакомъ безчестья послали его въ Азовъ, угражая, что ежели

распросѣ, государь, станичники сказали, что громили ихъ и взяли Черкасы у верхнихъ Раздоровъ и взявъ де, государь, ихъ спрашивали про твоихъ государевыхъ людей сколько съ ними въ провожанье людей и нѣтъ ли конныя рати берегомъ, и довѣдовся, что конныя рати нѣтъ, потому на насъ и приходили и на томъ дѣлѣ дѣти боярскіе и сотники и казаки и Донскіе атаманы, которые посланы съ нами, тебѣ государю служили: да въ тоже, государь, время, какъ у насъ было дѣло съ Черкасы, шли съ низу Донскіе атаманы и казаки верховые, Афонасій Кузнецъ съ товарищи 30 челов. и на томъ дѣлѣ съ нами былижъ, и тебѣ государю служили и провожали насъ до низу. А въ нижніе государь юрты, гдѣ стоятъ въ сборѣ Донскіе атаманы и казаки, пришли есмя мая въ 30 день, и стали на Гостинѣ острову, недошедъ войска версты съ три. И на завтре, государь, мая въ 31 день, посылали есмя въ войско къ атаманомъ и казакамъ, чтобъ къ намъ пріѣхали для твоего государева дѣла и изъ войска, государь, атаманы и казаки не ѣхали къ намъ три дни, и отъ насъ къ себѣ дѣтемъ боярскимъ и атаманомъ и казакомъ ѣздить не велѣли, а своимъ казакомъ въ наши станы ѣздить заказали. А которые, государь, атаманы посланы съ ними три человѣка Вишата Васильевъ, Оноха Долгая Пола, Ѳедоръ Хорошей, и Ѳедоръ, государь, Хорошей съ послѣдняго стану поѣхалъ отъ насъ тайно къ нимъ въ войско и почалъ стояти съ ними вмѣстѣ; а Вишата, государь, Васильевъ ѣздилъ въ войско для твоего государева дѣла и въ войску атаманы и казаки хотѣли его въ воду посадить, и онъ у нихъ ушелъ, а говорили де государь ему, что онъ тебѣ государю служитъ, а имъ недоброхотаетъ и будто онъ извязался у нихъ полоняниковъ взявъ, намъ отдатъ, а полоняниковъ де, государь, у нихъ турскаго Чеуша, да

назначенный выкупъ не будетъ присланъ въ скорости, то они казнятъ всѣхъ плѣнниковъ. Снова возникла вражда, и злоба мусульманъ обратилась на невиннаго посланника; но

черкасскихъ князей Кабанъ съ товарищи 6 человѣкъ. И іюня въ 4 день были, государь, у насъ на стану Донскіе атаманы Семенъ Воейковъ съ товарищи, а съ ними казаковъ человѣкъ съ 300, и язъ холопъ твой Гриша, по твоему, государеву, наказу говорилъ атаманомъ, чтобъ они съ азовскими людьми жили въ миру и задору ни котораго не чинили, а которые у нихъ полоняники, турской Чеушъ и черкасы на окупъ не отданы, и онибъ тѣхъ отдали, а ты, государь, ихъ за то пожалуешь своимъ великимъ жалованьемъ и тотъ окупъ, что было имъ взяти, заплатить велишь, и насъ бы до Азова проводили, а проводябъ насъ, были съ Петромъ съ Хрущовымъ въ Раздорехъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и твоимъ государевымъ дѣломъ промышляли надъ крымскими и ногайскими надъ воинскими людьми, а ты, государь, ихъ пожаловалъ, для тое службы прислалъ къ нимъ свое, государево, жалованье, запасъ и селитру и свинецъ, и грамоты твои, государевы, имъ далъ: и они, государь, грамоты твои взявъ говорили, что меня холопа твоего провожать и тебѣ, государю, служить готовы, а полонянниковъ де и намъ отдати немочно, взяли де ихъ своею кровью, а ходили тѣ черкасы за нами сами и нашихъ головъ искали, а не мы на нихъ ходили, а которыхъ де и нашу братью атамановъ и казаковъ емлютъ азовскіе люди, и тѣхъ мечутъ на уды и на каторги сажаютъ, а нетокмо отдать даромъ и на окупъ не даютъ, а засадили де въ миру казаковъ 24 челов. и на каторги посажали, а сее зимы больше 100 челов. по городкамъ азовскіе люди съ Черкасы понимали и на каторги распродавали, и то де къ намъ государево не жалованье, что которыхъ мы полоняниковъ взяли своею кровью, а государь тѣхъ хочетъ у насъ взяти. И отшедши, государь, отъ насъ въ кругъ, чли твои государевы грамоты всѣмъ атаманомъ и казакомъ въ слухъ; и вычетчи грамоты, всѣ атаманы и казаки говорили межъ себя шумно, что имъ полоняниковъ не отдавать; а къ намъ, государь, пришедъ немногіе, говорили: прежде сего государь насъ жаловалъ и посылывалъ къ намъ грамоты низовымъ атаманомъ лутчимъ имяны и всѣмъ атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, а нынѣ писано на передъ атаманомъ и казакомъ де верховымъ, да опослѣ намъ низовымъ, и то не имянно, а верховые жъ казаки государевы службы и не знаютъ. И мы, государь, имъ говорили, что писаны грамоты по прежнему, а напередъ писаны верховые для того, чтобъ насъ провожали съ верху до низу; да говорили, государь, имъ о полонянникехъ, чтобъ они тѣмъ тебѣ государю службу свою показали, турскихъ полоняниковъ, которые у нихъ есть, отдали намъ, а ты, государь, ихъ пожалуешъ и окупъ

Нащокинъ опять успѣлъ убѣдить азовскаго князя Али возобновить переговоры съ казаками о мирѣ. Послали для того изъ Азова въ войско Татаръ; казаки согласились утвер-

за нихъ заплатить велишъ. И атаманы, государь, и казаки говорили, что полоняниковъ у нихъ турскаго Чеушъ, да черкаскихъ 6 князей Кабанъ съ товарищи, оцѣнилися сами дати имъ за себя Чеушу 6/т. золотыхъ, а Кабану 3 т. зол., а достальные пять князей цѣнились по 4/т. золотыхъ, да на нихъ же поручныхъ окуповъ, которыхъ безъ денегъ отпускали, а въ окупу они ручались 3/т. золотыхъ и всего на нихъ окупу 32/т. золотыхъ; и будетъ де, государь, нынѣ съ вами тотъ окупъ прислалъ и мы ихъ отдадимъ, а безъ окупу отдавати намъ ихъ немочно, что де намъ за тѣхъ полоняниковъ взяти окупу и тѣ пан у насъ давно въ расходѣ; надѣясь на тѣ окупы займали и стали въ великихъ долгехъ; а только де намъ нынѣ отдать ихъ безъ окупу, и намъ тѣхъ окуповъ невидать и въ 10 лѣтъ, а къ Москвѣ намъ по тѣ окупы не ѣзживати. И говорили есми, государь, о томъ много и разводя атамановъ порознь, всякими обычаи имъ разсуждали, чтобы они тебя тѣмъ, государя, непрогнѣвали и службу свою прямую показали, тѣхъ полоняниковъ намъ отдали и кабалы на себя имъ давали, да уговорить, государь, ихъ отнюдь не могли, а отказали, что имъ не безъ одное деньги тѣхъ полоняниковъ не отдавати; а будетъ де вамъ велѣлъ, государь, тѣхъ полоняниковъ взяти у насъ сильно, и вы де у насъ возмите изъ крови, а мы де ихъ пересѣкши, пойдемъ куды очи несуть, ужъ то де у насъ готово пропало. И мы, государь, имъ говорили: государь у васъ тѣхъ полоняниковъ силою отымать не велѣлъ, а писалъ къ вамъ въ своей, государевѣ, грамотѣ свое жалованное слово, чтобы вы ихъ отдали для нынѣшняго дѣла, а отъѣздомъ вамъ государю грозить не пригоже, холопи вы государевы и живете на государевой вотчинѣ. И они, государь, отказали: коли де къ намъ государево не жалованье, и намъ впередъ какъ на Дону жить, что ужъ впередъ у насъ полоняниковъ окупать нестануть: кого не возмемъ, а турской учнетъ писати къ государю, а государь у насъ учнетъ даромъ имать и къ турскому отсылать, и намъ на Дону чѣмъ жить? И поѣхали, государь, къ себѣ въ войско всѣ, а которые было остались, и тѣхъ ясаулы выбили, и изъ войска къ намъ и отъ насъ къ себѣ никому ѣздить не велѣли; и не были, государь, у насъ три дни. Іюня въ 3 день были у насъ Донскіе атаманы Семенъ Воейковъ съ товарищи, а съ ними казаковъ человѣкъ со сто, и мы, государь, имъ говорили по твоему, государеву, наказу о полоняникехъ же и о миру съ Азовомъ и о твоей государевѣ службѣ, и атаманы, государь, о полоняникехъ отказали, что ни одного волоса безъ окупу не отдавать, а о миру съ Азовомъ говорили:

дить миръ, но требовали, чтобы за знатныхъ плѣнниковъ заплатили имъ назначенный выкупъ. Когда же посланные объявили имъ, что окупу прислано за одного только Чауша

прежде сего, о миру напередъ присылывали изъ Азова къ намъ, и намъ нынѣ чрезъ прежніе обычаи самимъ о миру задерать не пригоже, а се де наши товарищи на морѣ Василей Жегулинъ съ товарищи триста человѣкъ, и намъ де тѣхъ не выждавъ какъ миритися? Да и вамъ де вскорѣ въ Азовъ ходить не пригоже, и мы, государь, имъ говорили: коли вы съ Азовомъ мириться не хотите, то вы не слушаете государева указу; а мы идемъ въ Азовъ по государеву наказу и безъ вашего миру, и они, государь, рѣклись о томъ поговорить въ войску какъ имъ о миру съ Азовомъ сослаться. Да говорили намъ, государь, атаманы и казаки, чтобъ мы имъ дали твой государевъ наказъ, что съ нами прислано къ нимъ твоего государева жалованья суконъ и селитры и свинцу и запасовъ, да и то де намъ скажите, по которыя мѣста намъ, государево жалованье селитры и свинецъ прислано. И мы, государь, имъ отказали, что наказъ твой государевъ далъ намъ и въ томъ наказѣ многіе твои государевы дѣла, и имъ наказу у насъ просити не пригоже, а что съ нами прислано твоего, государева, жалованья, и мы то имъ и отдадамъ. И сказали, государь, имъ, что прислано твоего государева жалованья поставъ сукна настрафилю, да 5 половинокъ еренку, да 21 половинка рославскаго; а велѣно дать лутчимъ атаманомъ по сукну по доброму, а инымъ по сукну по середнему, а достальнымъ всѣмъ въ раздѣлъ сукна рославскіе; да къ нимъ же прислано 20 пудъ селитры, да 20 пудъ свинцу, а велѣно ту селитру и свинецъ дати атаманомъ и казакомъ всѣмъ въ раздѣлъ низовымъ и верховымъ. И они, государь, говорили: прежде сего присылывана къ намъ селитра по верхніе Раздоры, а верховыхъ атамановъ и казаковъ, которые выше Раздоровъ, съ нами не мѣшивали. И мы, государь, имъ дали на одни низовые атаманы и казаки по верхніе Раздоры 15 пудъ селитры, да 15 п. свинцу и сѣры по указу, а 5 пудъ, государь, селитры, да 5 пудъ свинцу оставили на верховыхъ атамановъ и казаковъ, для того, что многіе атаманы и казаки верховые пришли къ намъ, а хотѣли идти на твою государеву службу съ Петромъ Хрущовымъ, а иные насъ, государь, провожали отъ верхнихъ Раздоровъ до низу и тѣмъ, государь, мы хотѣли дати твоего государева жалованья 5 пудъ селитры, да 5 пудъ свинцу; а 5 пудъ селитры, да 5 пудъ свинцу по твоему, государеву, наказу оставили у Петра въ запасѣ. А сукны, государь, хотѣли всѣмъ раздать по твоему государеву наказу, разверставъ, лутчимъ добрые, а рядовымъ середніе, а инымъ рославскіе, и они, государь, говорили, что у нихъ бо́льшихъ нѣтъ никого, всѣ равны, и раздѣлять сами на все войско почему достанетца. И

3/т. золотыхъ, то казаки, въ присутствіи ихъ, Чауша и плѣнныхъ князей били плѣтьми и писали къ азовскому князю,

---

мы, государь, имъ сукна дали всѣмъ вмѣстѣ не въ раздѣлъ, поставъ настрафилю, да 5 половинокъ шебендинскаго, да 21 половинку рославскаго, а у Петра, государь, оставили по твоему государеву наказу, половинку середняго сукна, да три половинки рославскихъ, а что въ твоемъ государевѣ наказѣ написано давать сукна за полоняниковъ въ окупъ и они, государь, отъ полоняниковъ отказывались, что ни безъ деньги не отдавать, а окупу 32/т. золотыхъ. И мы, государь, потому въ тотъ окупъ тѣхъ суконъ.... и дали ихъ по твоему жъ государеву наказу.... атаманомъ и казакомъ и неодиножды, чтобъ они проводя насъ были съ Петромъ Хрущовымъ въ Раздорехъ нижнехъ и тебѣ послужили на Дону, и по Донцу надъ воинскими людьми промышляли. И они, государь, отказали: прежде сево мы служили государю, а головъ у насъ не бывало, служивали своими головами, и нынѣ де ради государю служить своими жъ головами, а не съ Петромъ. А іюня въ 9 день послали есмя, государь, въ Азовъ къ азовскимъ князю съ грамотою сына боярскаго Андрея Невзорова да толмача Исеня Уразова про себя обвѣстить, а сами хотѣли идти къ Азову назавтре; и пріѣзжали, государь, къ намъ атаманы и казаки, а говорили, чтобъ намъ въ Азовъ ходить не спѣшить, покамѣста они о миру сослався, договоръ учинятъ, и своихъ товарищевъ съ моря сождуть, а пойдете де, и намъ васъ не пропустить. И іюня въ 11 день съ моря атаманы и казаки, Василей Жегулинъ съ товарищи, въ войско пришли, и тогожъ дни были, государь, у насъ на стану атаманъ Василей Жегулинъ, Иванъ Носъ, Иванъ Ѳедоровъ—Трубецкихъ, Василей Кабанъ, Прокофей Трубчанинъ, а съ ними многіе атаманы и казаки, человѣкъ съ шестьсотъ, и пришли, государь, нарядным дѣломъ, съ саблями и съ ручницами, и поставили всѣхъ людей у моего Гришкина стану, а къ намъ къ шатришку пришло атамановъ и казаковъ человѣкъ съ 30 и говорили намъ, чтобъ мы имъ показали твой государевъ наказъ, что къ намъ прислано твоего государева жалованья, сукно и селитры и свинцу и запасу, и намъ де вѣдомо есть, что государева жалованья пришло не столько, сколько вы намъ дали. И мы, государь, имъ отказали, что наказъ твой государевъ данъ намъ о многихъ твоихъ государевыхъ дѣлехъ, и имъ наказу просить не пригоже, а что къ намъ прислано твоего государева жалованья, то имъ и отдано, а запасъ присланъ съ Петромъ съ Хрущовымъ и наказъ государевъ у Петра, какъ его давати? И они, государь, почали говорить съ великимъ шумомъ: только де не дадите намъ государева наказу, и намъ съ вами дѣлить все по волосу, а что де вамъ прислано, то возмемъ и не въ жалованье; а то де мы вѣдаемъ, что прислано селитры

что они согласны взять выкупу 17/т. золотыхъ. Благоразумный Нащокинъ снова умѣлъ успокоить обѣ стороны, 5 іюля возобновилъ миръ и скоро отправился въ Кафу ([122]).

полтретьядцать пудъ, а свинцу тожъ, а намъ дано только пятнадцать селитры, а сукна де даны не всѣ же. И мы, государь, имъ говорили, будетъ вы пришли грабить государевы казны, и въ томъ государь воленъ, а мы готовы помереть за государеву казну, а селитры послано съ нами полтретьядцать пудъ и велѣно дать 20 пудъ всѣмъ атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, а у Петра велѣно оставить 5 пудъ на запасъ, и мы вамъ дали 15 пудъ, съ вашими жъ товарищи, говоря, на однихъ низовыхъ, а на верховыхъ оставили 5 пудъ, а верховыхъ здѣсе, которые съ вами въ войску, человѣкъ съ 200, а иные пришли съ нами на Воронежъ и съ Черкасы за государеву казну . . . . и тѣмъ какъ не дать селитры? И они, государь, отходя отъ насъ шумѣли много и пришедъ, государь, достальную селитру всю и свинецъ и запасъ твой, государь, взяли сильно, да у насъ же, государь, въ стану взяли донскаго атамана Вишату Васильева, которой посланъ съ нами съ Москвы и бивъ его ослопы передъ нашимъ шатришкомъ, посадили въ воду, а говорятъ, что онъ всему войску измѣнникъ, а вся, государь, смута стала отъ атамана Ѳедора Хорошаго, которой посланъ изъ Донкова, а мы холопи твои пошли къ Азову іюня въ 12 день, а атаманы и казаки хотятъ насъ провожать до Азова, а какъ насъ проводятъ, и мы къ тебѣ, государю, изъ Азова отпишемъ."

([122]) Тамъ же, л. 112—116, донесеніе посланника Григорія Нащокина, привезенное въ Москву 7 августа.

..... „Писали есмя, на передъ сего какъ мы пришли въ Азовъ, въ войско, гдѣ стоятъ въ сборѣ донскіе атаманы и казаки, ... а отъ Донскихъ, государь, атамановъ и казаковъ пріѣзжали въ Азовъ для миру два атамана Семенъ Воейковъ. да Смирной Ѳедоровъ, и по твоему государеву указу о миру договоръ учинили и крестъ цѣловали за всѣхъ атамановъ и казаковъ, и послѣ, государь, того азовской Али князь и Аги посылали къ атаманомъ и казакомъ азовскихъ людей, да греческаго попа, того миру закрѣплять по прежнему обычаю, и атаманъ, государь, и казаки того миру, что учинили атаманы Семенъ Воейковъ, да Смирной Ѳедоровъ, не закрѣпили, и съ азовскими людьми миритца не хотѣли, да атаманы жъ, государь, и казаки казнили у себя въ войску одного черкаскаго князя, изъ тѣхъ, которые у нихъ, въполону, отсѣкши руку и прислали его въ Азовъ, а приказывали, государь, къ азовскому князю о окупу, чтобъ за полоняниковъ, которые у нихъ въ полону, за Чеуша царева и за черкаскихъ князей за Кабана съ товарищи прислали окупу вскорѣ, а не при-

Новая война казаковъ съ азовцами. Едва только посланникъ отъѣхалъ, Турки отмщая казакамъ за обиды свои, заперли въ Азовѣ 130 человѣкъ, провожавшихъ посланника, одного ихъ *толмача* (переводчика) казнили, другаго посадили на каторгу, а многихъ порѣзали, заключили въ темницы и тоже посадили на каторги. Видя коварство азовцевъ и гибель товарищей своихъ, казаки закипѣли яростію: храбрые атаманы, созвавъ дружину, нанесли опустошеніе и смерть въ стѣнахъ Азова, заплатили кровію за кровь; освободили своихъ плѣнныхъ, взяли непріятельскихъ 130 челов. и съ торжествомъ возвратились на Донъ и немедлен-

---

шлютъ окупу вскорѣ, и имъ всѣхъ казнити..... и азовской, государь, князь и Аги помирясь съ казаки, насъ не отпустили, а обсылались съ атаманы и съ казаки трожды, о которыхъ дѣлехъ у нихъ споръ былъ, а мы, государь, къ атаманомъ и къ казакомъ отъ себя писали и неодиножды и толмоча служилаго татарина къ нимъ посылали, чтобъ однолично по твоему государеву указу съ азовскими людьми помирились, и едва, государь, ихъ на то привели, што съ азовскими людьми миръ укрѣпили, іюля въ 5 день, а насъ, государь, въ Азовѣ затѣмъ и держали, што казаки съ ними не помирились, и корму, государь, намъ не давали пять день, а отказывали: пришли де вы не съ добрымъ дѣломъ съ войною и корму вамъ давать не за што, а иные, государь, казаки миръ учинили, а впередъ чаемъ и несдержать по ихъ воровству. А азовской, государь, князь добрѣ крѣпитъ и къ нимъ приказываетъ, чтобъ казаки тотъ миръ держали крѣпко ничѣмъ не порушили. А которой, государь, Чеушъ и черкаскіе князи въ полону у казаковъ, и за Чеуша, государь, прислано въ Азовъ окупу 3/т. золотыхъ дали, а больше де того за него окупу собрать немочно; а атаманы де, государь, и казаки передъ азовскими татары, которые ѣздили въ войско, Чеуша и черкаскихъ князей, изъ окупу.... били плѣтьми, розны ставъ, да прислали ко князю о окупу ихъ память, а князь тожъ память къ намъ прислалъ, а писали, государь, казаки къ князю, что взяти было окупу за Чеуша шесть тысячь золотыхъ и они нынѣ збавили съ него тысячю, а взяти имъ за него пять тысячъ золотыхъ, за черкаскаго князя Кабана взяти было три тысячи золотыхъ и они збавили тысячю, а взяти нынѣ двѣ тысячи золотыхъ; за черкаскихъ же князей за Алея да за Өергата взяти было четыри тысячи золотыхъ, и они збавили съ нихъ тысячю, а взяти три тысячи золотыхъ, за черкаскихъ же князей за дву братовъ, а третьему изъ нихъ руку отсѣкли, взяти четыре тысячи золотыхъ, а меньше де того окупу не будетъ“.....

по послали къ государю атамана *Степана Ванюкова* въ легкой станицѣ, съ донесеніемъ о всемъ случившемся (123). Азовскій паша, желая скрыть вѣроломный поступокъ Турковъ, немедленно донесъ султану о семъ произшествіи, слагая всю вину на казаковъ, что они безъ всякой причины нарушили миръ, напали на Азовъ, ограбили оный, многихъ побили и 130 человѣкъ Турокъ взяли въ плѣнъ (124). Въ Константинополѣ говорили Нащовину, что Россійскій дворъ самъ побуждаетъ Донцовъ къ таковымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, потому что съ посланникомъ присланы къ нимъ военные запасы порохъ и свинецъ, также дары и жалованье царское.

Переговоры Нащокина съ турецкими сановниками. Между тѣмъ россійскій посланникъ склонилъ султана къ заключенію дружественнаго съ царемъ Россіи союза и на весну назначенъ уже былъ съ нимъ въ Москву особый турецкій посолъ, какъ вдругъ извѣстіе паши азовскаго о враждѣ казаковъ съ азовцами разрушило столь благопріятное начало. Посланнику стали оказывать холодность и тре-

(123) Дѣла Тур., кн. № 3, *л.* 121—125. См. грамоту в. к. на Донъ 1593 г. марта 20 дня.

..... „И нынѣ намъ слухъ дошелъ, что вы какъ проводя нашего посланника Григорья, съ азовскимъ княземъ и со всѣми азовскими людьми розмирье учинили, а вы къ намъ писали какъ есмя проводили посланника нашего Григорья до Азова, и у васъ де азовцы заперли у себя въ Азовѣ, отпуста посланника Григорья, товарищей вашихъ, атамановъ и казаковъ сто тридцать человѣкъ, да дву толмачей, одного казнили, а другово посадили на каторгу, да иныхъ многихъ казаковъ казнили и на каторги посажали; а къ намъ нынѣ посланникъ нашъ Григорей писалъ изъ Царьгорода, что Григорью въ томъ великое было истязанье въ вашемъ розмирьи“.....

(124) Тамъ же, *л.* 120. Отписка посланника Григорья Нащокина и подъячаго Андрея Иванова отъ 20 февраля 1593 г. отъ Константинополя.

..... „Пріѣхали во Царьгородъ азовскіе люди, а сказываютъ Донскіе казаки миръ порушили, взяли азовскихъ людей сто тридцать челов. и азовскіе люди бьютъ челомъ пашамъ на нихъ, что казаки при нихъ помирились, и они вѣря имъ, отъ казаковъ не береглись, и впередъ де отъ нихъ чаютъ воровства“.....

бовали отвѣта. Нащокинъ отзывался съ твердостію: „мнѣ неизвѣстно отъ чего произошла ссора между азовцами и казаками и за своевольство послѣднихъ я отвѣтствовать не могу; что же касается до государя Россійскаго, то онъ непосылалъ къ нимъ ни пороху, ни свинцу, а они силою отняли у проводника моего, взятый на случай опасности въ пути, равно и царскаго жалованья я къ нимъ не привозилъ ([125]). Сверхъ сего послу говорили, что крымскій ханъ, жалуясь на Донскихъ казаковъ султану, писалъ къ нему, что государь Россійскій построилъ четыре новыхъ города близъ Азова на Манычи, въ Черкаской и въ Раздорехъ ([126]). Но благоразуміе Нащокина остановило гнѣвъ султана; онъ увѣрялъ, что на Дону живутъ люди бѣглые, безъ вѣдома государева и что близъ Азова новыхъ городовъ нѣтъ, и султанъ опять согласился отпустить своего посланника въ Россію; Нащокинъ же извѣщая обо всемъ государя, просилъ его заставить казаковъ жить смирно, по крайней мѣрѣ до пріѣзда его въ Азовъ съ турецкимъ посломъ.

([125]) Тамъ же, см. статейный списокъ Нащокина, поданный имъ по возвращеніи изъ Царьграда въ Москву.

Л. 220, „Да говорилъ наша о Донскихъ казакахъ: съ государя съ вашего вѣдома живутъ на Дону и на Днѣпрѣ казаки и государя нашего украинными людемъ убытки чинять, и Григорей и Андрюша говорили: на Дону живутъ воры бѣглые люди, безъ государя нашего вѣдома“.....

Л. 230.... „А что говоришь о казакехъ, будто мы къ нимъ привезли государево жалованье, селитру и свинецъ и сукна, и мы къ нимъ ничего не приваживали, а которой сынъ боярской провожалъ насъ Дономъ, и съ тѣмъ была селитра и запасъ, на тѣхъ людей, которые съ нимъ были въ провожанье, чѣмъ бы имъ дойти до украйны, и тое селитру и запасъ Донскіе казаки взяли у него сильно.“

([126]) Тамъ же, л. 239.

.... „Приставъ Сулейманъ Чеушъ говорилъ: въ грамотѣ къ государю нашему крымской царь писалъ, что ему тѣснота великая отъ государя вашего казаковъ, многіе убытки ему починили, а поставилъ де государь вашъ новыхъ четыре города близко Азова, на Манычи да въ Черкаской и въ Раздорехъ, и изъ тѣхъ городковъ казаки приходя, Азову тѣсноту чинятъ.“

Оеодоръ Іоанновичъ, имѣя уже въ сіе время донесеніе отъ Донскихъ атамановъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1593 года отправилъ обратно ихъ станицу съ атаманомъ Ванюковымъ, послалъ казакамъ жалованье и писалъ къ нимъ грамоту ласковую и вмѣстѣ грозную: „Ссоры ваши съ Азовцами препятствуютъ старанію нашему имѣть союзъ съ Турками и нашъ посланникъ претерпѣлъ чрезъ то въ Константинополѣ многія непріятности; по благоразуміемъ своимъ успѣлъ склонить султана отправить къ намъ посла своего. Покажите теперь вѣрную службу вашу, заключите союзъ съ Азовцами и лучше терпѣливо сносите отъ нихъ обиды, но ихъ не трогайте, по крайней мѣрѣ дотолѣ, пока пріѣдетъ къ намъ турецкій посланникъ. Если не послушаетесь, паложу на васъ мою опалу; не дозволю бывать въ Москвѣ и пошлю на низъ *Дономъ къ Раздорамъ* большую мою рать, на Раздорехъ велю поставить мой городъ и васъ сгоню съ Дону!“ Сею же грамотою государь приказывалъ казакамъ встрѣтивъ въ Азовѣ обоихъ посланниковъ (Нащокина и съ нимъ посла турецкаго), проводить ихъ до украйны лучшими людьми отъ 200 до 300 челов. и собственно для сего обѣщалъ въ слѣдъ затѣмъ прислать дворянина Ивана Измайлова и съ нимъ жалованье ([127]).

Возвращеніе Пащокина въ Россію съ турецкимъ посломъ. Уже Нащокинъ вмѣстѣ съ турецкимъ посломъ возвращался изъ Константинополя и для встрѣчи ихъ посланъ былъ князь Григорій Волконскій. Въ наказѣ Волконскому повелѣвалось говорить казакамъ, чтобы они содѣйствовали Черкаскому (запорожскому) гетману Косицкому и Ногаямъ волжскимъ въ поискахъ надъ Крымцами и провожали бы съ честію ([128]). Но Донскіе казаки, извѣстясь отъ нѣкоего *Нехорошка Карпаваго* (бѣжавшаго на Донъ изъ Серпухова), что товарищи ихъ въ Москвѣ терпятъ великую ну-

([127]) Дѣла Турецк. грамота Оеодора Іоанновича 1593 г. марта 20, см. примѣч. 131.

([128]) Тамъ же, въ наказѣ князю Григорію Волконскому, см. листъ 131-й, грамота царя Оеодора Іоанновича на Донъ отъ 20 апрѣля 1593 г. см. л. 134—136, см. также примѣч. 117-е.

жду, что имъ не даютъ жалованья, а иныхъ въ холопи берутъ, —отказались было провожать Волконскаго и запретили тогда же охотникамъ (129). Впрочемъ казаки исполняя велѣнія царя, терпѣли миръ съ Азовцами, дожидались посланниковъ и проводили ихъ съ честію до предѣловъ Рязанскихъ.

Переговоры Двора нашего съ турецкимъ посломъ. Весьма очевидно было, что Оттоманская порта никакъ не желала отвергать дружественнаго союза съ Россіею. Правда, Россія сдѣлала Портѣ самыя лестныя обѣщанія: дать свободу на Терекѣ, не мѣшаться въ дѣла грузинскія и черкескія и свести казаковъ съ Дону, но едва ли и помышляла что нибудь исполнить изъ обѣщаній сихъ. Турція понимала сіе, но надѣялась и страхомъ своего могущества, и дружественнымъ расположеніемъ побудить Россійскій дворъ къ согласію на свои требованія. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ употребляли одни хитрые изгороты. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1593 г. турецкій посолъ представилъ царю Ѳеодору Іоанновичу грамоту, въ которой гордый султанъ изчислялъ всѣ обиды притерпѣнныя областями его отъ Россіянъ, жаловался на Донскихъ казаковъ и требовалъ, чтобы государь непремѣнно свелъ ихъ съ Дону, какъ обѣщано было въ грамотѣ и между прочимъ, писалъ: „Если сдержишь слово свое, то будешь мнѣ искренній другъ, и любовь моя къ тебѣ со дня на день возрастать будетъ; если же станешь дѣйствовать въ противность сему, то я буду тебѣ недругъ и ханъ крым-

(129) Тамъ же, листъ 167, отписка князя Волконскаго, привезенная 19 августа 1593 г.

.... „А Донскіе государь атаманы и казаки о провожаньѣ намъ отказали, что имъ въ неволѣ послать провожать никакъ немочно, а которые охотники похотятъ ѣхать и они тѣмъ запрещаютъ. А охотниковъ, государь, съ нами идетъ донскихъ атамановъ и казаковъ только человѣкъ съ 30; а хотѣли, государь, съ нами идти въ провожанье атаманы и казаки многіе, да какъ пріѣхалъ съ украйны назадъ въ войско казакъ Нехорошко Картавой, которой сбѣжалъ съ твоей государевой службы изъ Серпухова и сказывалъ де атаманомъ и казакомъ, что на Москвѣ ихъ товарищемъ нужа великая: твоего государева жалованья имъ не даютъ, а на Донъ не пускаютъ, а служатъ на своихъ конехъ и кормуимъ не даютъ, а иныхъ въ холопи отдаютъ, и атаманы и казаки слыша то, многіе ѣхать размышляли; а которые государь охотники съ нами ѣдуть и мы и тѣмъ не вѣримъ.

скій имѣетъ уже повелѣніе воевать твои земли (130).

Отправленіе въ Константинополь посланника Исленьева. Россія не могла удовлетворить желаніямъ султана, но только льстила его гордости наружнымъ видомъ искренности и уваженія. Посланникъ его принимаемъ былъ въ Москвѣ со всѣми возможными почестями, съ намѣреніемъ удержанъ 9-ть мѣсяцевъ и уже въ концѣ іюля 1594 года отправленъ обратно вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ Данилою Исленьевымъ. Государь въ отвѣтной грамотѣ своей и чрезъ посланника своего словесно увѣрялъ султана, что Россія всегда готова оказывать Портѣ всѣ знаки дружелюбія и что многіе изъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, кои воевали турецкія области, пойманы и казнены, почему требовалъ и съ его стороны дружества и запрещенія Крымцамъ нападать на россійскія области (131). Донскимъ же казакамъ послано съ Исленьевымъ царское жалованье по прежнему и грамота, коею царь подтверждалъ, чтобы они жили смирно до возвращенія посланника изъ Константинополя и приказывалъ провожать обоихъ пословъ туда и обратно съ честію (132).

Поиски казаковъ надъ Крымцами и Азовцами. Выше сего видѣли мы, что казаки, исполняя волю царскую, содержали миръ съ Азовцами; но въ то же самое время служили недремлемою стражею и наблюдали всѣ ихъ непріязненныя для Россіи намѣренія и движенія и извѣщали обо всемъ государя, нападали на Казыевы и крымскіе улусы, брали языковъ, а весною 1594 г. извѣстясь, что Азовцы пошли на россійскую украйну, встрѣтили ихъ на возвратномъ пути, разбили, отняли болѣе 600 русскихъ плѣнныхъ (133).

Переговоры Россійскаго двора съ ханомъ крымскимъ о казакахъ. Ханъ крымскій, въ переговорахъ своихъ съ Россійскими посланниками, укорялъ дворъ

(130) Дѣла турецкія, книга № 3-й, л. 272—275, грамота султана Турецкаго.
(131) Дѣла турецк. наказъ данный Исленьеву № 302, 303 и 318.
(132) Двѣ грамоты на Донъ 1594 г. іюля 31-го.
(133) Тамъ же.

нашъ потворствомъ, дѣлаемымъ казакамъ и безпрерывно твердилъ и въ грамотахъ и чрезъ пословъ своихъ о дерзостяхъ и обидахъ, причиняемыхъ ими крымцамъ и азовцамъ и требовалъ казаковъ съ Дону свесть. На сіи нелѣпыя требованія отвѣчали по прежнему, что на Дону живутъ люди вольные, россійскіе бѣглецы, на коихъ лежитъ опала государева (134).

Съ сего времени до отправленія съ Дону пословъ къ Лжедимитрію въ Польшу, о дѣйствіяхъ Донскихъ казаковъ ничего неизвѣстно.

ГЛАВА V.

Милостивое расположеніе царей Іоанна Васильевича Грознаго и Ѳеодора Іоанновича къ Донскому войску.— Перемѣны расположенія Россійскаго двора къ Донскимъ казакамъ при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ. — Появленіе Лжедимитрія въ Польшѣ. — Гонецъ отъ него на Дону. — Отправленіе въ Польшу казачьихъ пословъ, для развѣданія о Лжедимитріѣ.—Послы сіи, а потомъ и все войско Донское принимаютъ сторону сего самозванца.—Безполезное посольство Годунова на Донъ.—Походъ ихъ съ Дону на службу самозванцу.—Военныя дѣйствія казаковъ при Лжедимитріѣ и поведеніе ихъ.—Они принимаютъ новаго самозванца, явившагося у Терскихъ казаковъ.—Предаются третьему самозванцу, названному въ лѣтописяхъ Тушинскимъ.—Примѣръ неограниченнаго ихъ усердія къ вѣрѣ.—Послѣднія буйства.—Обращеніе на службу отечественную.—1598—1612.

По смерти кроткаго царя Ѳеодора Іоанновича, вскорѣ настало время ужасныхъ бѣдствій для Россіи, время, въ которое слава Донскихъ казаковъ омрачилась дѣлами мятежными. Несчастное ли легковѣріе, или злая измѣна вовлекла ихъ въ бездну крамолъ и заставила быть сообщниками Лжедимитрія,—ни изъ современныхъ актовъ, ни изъ лѣтописей, достовѣрно неизвѣстно; но тѣмъ неменѣе горестно воспоминаніе о сихъ событіяхъ.

Милостивое расположеніе царей Іоанна Васильевича Грознаго и Ѳеодора Іоанновича къ Донскому войску. Повелителя Россіи часто бывали недовольны неповиновеніемъ и разбоями Донскихъ казаковъ;

(134) Дѣла Турецк., кн. № 20, л. 189—193, 317—319.

но всегда уважали мужество ихъ. Грозный Іоаннъ различалъ преступленія и заслуги, наказывалъ виновныхъ, но награждалъ храбрыхъ воиновъ. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ часто посылалъ казакамъ дары и ежегодно жалованье, принимая милостиво посланцовъ ихъ въ Москвѣ, видѣлъ въ послѣдніе годы своего царствованія отъ Донцовъ болѣе послушанія и болѣе зависимости ихъ отъ Россіи.

Перемѣна расположенія Россійскаго двора къ Донскимъ казакамъ при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ рѣшился принять совсѣмъ иную систему: содѣлавшись царемъ Россіи, онъ думалъ твердою строгостію укротить между казаками своеволіе; но это не совершилось. Въ началѣ царствованія его казаки по прежнему обыкновенію желали приносить пользу государю сторожевыми разъѣздами своими въ степяхъ крымскихъ: въ 1598 году имѣли они стычку съ татарами, взяли плѣнъ и узнавъ о намѣреніи хана идти на Россію съ своими войсками и съ 7/т. султанскихъ воиновъ, извѣстили о томъ немедленно ближайшаго воеводу въ Новомъ Осколѣ (135). Но Годуновъ начиналъ уже оказывать къ казакамъ свою немилость. Въ томъ же году, построивъ на Донцѣ городъ Царевъ—Борисовъ, онъ отвѣтствовалъ крымскому хану, негодовавшему на столь близкое къ областямъ его поселеніе, что Царевъ—Борисовъ воздвигнутъ собственно для обузданія Донскихъ казаковъ. Такъ дѣйствовалъ Борисъ Годуновъ и такъ говорилъ для оправданія себя предъ Крымцами. Скоро послѣ сего онъ запретилъ казакамъ пріѣзжать въ Москву; безъ сомнѣнія тогда же прекратилъ имъ жалованье, опредѣленное прежними государями Россіи и дары, которыми они всегда награждали сихъ воиновъ за службы; затѣмъ казакамъ строжайше воспрещенъ былъ въѣздъ во всѣ россійскіе города.

Появленіе Лжедимитрія въ Польшѣ. Въ такомъ положеніи находились Донскіе казаки когда явился въ Польшѣ самозванецъ, подъ именемъ царевича Димитрія и

(135) Ист. Г. Р. Карамз.,Т. XI стр. 12.

объявилъ притязаніе свое на престолъ Россійскій. Польша по ненависти и видамъ чисголюбія, принявшая сторону самозванца, коварнымъ образомъ чествла злодѣя и пособствовала его видамъ. Собирались подъ знамена его толпы бродягъ польскихъ, въ надеждѣ знатной добычи на стогнахъ опустошенныхъ городовъ россійскихъ. Но для замысловъ Лжедимитрія нужно было войско гораздо лучшее; онъ искалъ его въ умѣ своемъ, и зная о строгости принятой Годуновымъ надъ Донскими казаками, рѣшился испытать въ нихъ своего счастія.

Гонецъ отъ него на Дону. Въ семъ намѣреніи Лжедимитрій послалъ на Донъ гонца своего Литвина Свирскаго съ грамотою ([136]), въ которой писалъ, что онъ истинный сынъ перваго царя бѣлаго, коему сіи вольные христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности, что у него измѣною и злодѣйствомъ Годунова похищенъ престолъ; звалъ ихъ свергнуть сего недостойнаго раба съ отеческаго трона.“ Радость и изумленіе потрясли сердца воиновъ Донскихъ. Измѣнникъ Годунову, они спѣшили предложить вѣрноподданническую помощь тому, кто называлъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола. Но опасаясь быть орудіемъ обманщика въ столь важномъ дѣлѣ, хотѣли на мѣстѣ развѣдать обо всемъ и съ сею цѣлію нарядили къ мнимому спасенному царевичу послами самаго войсковаго атамана Андрея Кореллу и старѣйшину Михайлу Нѣжакова, которые (въ 1603 г.) и отправились въ Польшу. Прибывъ въ Краковъ, гдѣ воевода Сендомирскій представлялъ самозванца Сейму, Корелла прежде всего старался развѣдать не ложно ли кто нибудь называетъ себя царевичемъ ([137]); но видя отъ всѣхъ польскихъ вельможъ и отъ самаго короля Сигизмунда отличный пріемъ и царскіе почести, оказываемыя Лжедимитрію, и самъ призналъ его истиннымъ сыномъ царя Русскаго, не желалъ искать другихъ удостовѣреній и въ гибельномъ заблужденіи своемъ, именемъ всѣхъ собратовъ билъ ему челомъ, какъ законному

([136]) Тамъ же, стр. 141, прим. 222.
([137]) Тамъ же, стр. 141, прим. 223.

государю, обнадеживалъ въ вѣрности и преданности всѣхъ казаковъ ([138]). Самозванецъ восхищенный столь успѣшнымъ началомъ злаго своего намѣренія, наилучшимъ образомъ чествовалъ сихъ пословъ, а отпуская на Донъ, поручилъ всѣмъ казакамъ ласковое слово свое и обѣщалъ щедрыя царскія милости.

Едва послы казачьи объявили собратамъ своимъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими въ Польшѣ, какъ нѣкоторыя толпы ихъ, скитавшіяся на берегахъ Волги, напали на посланнаго отъ государя въ Астрахань окольничаго Семена Годунова, ограбили его и захвативъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: „объявите гонителю нашему Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ царевичемъ Димитріемъ ([139])."

Безполезное посольство Годунова на Донъ. Вѣсть сія потрясла душу Бориса Годунова; и безъ того страшившійся самозванца, онъ видѣлъ всю бездну своего положенія, но неменѣе старался казаться твердымъ; отправилъ къ казакамъ на Донъ дворянина Петра Хрущова, знавшаго подлинно о смерти царевича Димитрія, для удостовѣренія ихъ въ злодѣйскомъ обманѣ самозванца; вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣждая казаковъ оставить пагубное заблужденіе свое, онъ склонялъ ихъ на слуыбу себѣ и отечеству.— Но можно ли было вывести изъ заблужденія людей убѣдившихся въ несчастномъ мнѣніи очевиднымъ свидѣтельствомъ своихъ собратовъ, возвратившихся изъ Польши. Признательные къ милостямъ мнимаго царевича, искренно ему усердствующіе казаки, заключили Хрущова въ оковы и съ новыми послами отправили въ Лжедимитрію. Самозванецъ былъ уже на пути въ Россію, и казацкіе посланцы, встрѣтивъ его въ Сокольникахъ 3 сентября (по новому стилю 1604 г.), представили своего плѣнника, подтверждая о готовности всего войска къ походу ([140]).

([138]) Тамъ же, стр. 141.
([139]) Тамъ же, стр., 142.
([140]) Тамъ же, стр. 144, прим. 234; собр. госуд. грамотъ, II, стр. 173.

Походъ ихъ съ Дону на службу самозванцу. Въ то время дѣйствительно войсковой атаманъ Корелла съ 6,000 казаковъ выступилъ къ украинскимъ городамъ на встрѣчу самозванцу. Хрущовъ будучи приведенъ къ Лжедимитрію, палъ на колѣна и безъ сомнѣнія изъ трусости для спасенія жизни своей возопилъ, что видитъ въ немъ истинное подобіе царя Іоанна. Сей низкій поступокъ чиновнаго измѣнника, довершилъ заблужденіе казаковъ. Соединясь съ толпами самозванца, стали они грудью за мнимую отрасль древняго царскаго рода, и составляли лучшее ополченіе его, на которое онъ во всемъ полагался столько же несомнѣнно, какъ и на войска иностранныя.

Военныя дѣйствія казаковъ при Лжедимитріѣ и поведеніе ихъ. Уже Лжедимитрій съ войскомъ своимъ вступилъ въ предѣлы нашего отечества, прошелъ съ мечемъ и манифестомъ о чудесномъ своемъ спасеніи до Новогорода Сѣверскаго, будучи встрѣчаемъ на пути радостными восклицаніями народа. Здѣсь нашелъ онъ первое неожиданное и непреклонное сопротивленіе въ витязѣ Басмановѣ; но другія области отъ Камарницкой волости до Ельца, Воронежа и Ливновъ поддалися самозванцу и вся южная Россія возмутилась. Въ декабрѣ мѣсяцѣ была первая битва самозванцова полчища съ войсками русскими, которая хотя кончилась удачею на его сторону, но доказала, что въ станѣ вѣрныхъ воиновъ еще сильна была преданность царю. 21 генваря была вторая битва въ Добрыничахъ, окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ самозванца: казаки, составлявшіе въ сіе время вторую линію войскъ Лжедимитрія, обманутые мнимою удачею первой линіи, неслись довершить побѣду, какъ вдругъ сія послѣдняя линія, будучи опрокинута, въ отчаянномъ бѣгствѣ своемъ смяла казаковъ; на пространствѣ осьми верстъ россійскія войска разили бѣгущихъ и устлали трупами ихъ поле битвы. Самозванецъ укрылся въ Рыльскѣ съ преданными ему Донцами и отвергъ Запорожцевъ, какъ

трусовъ или предателей; оттуда перешелъ онъ въ Путивль, городъ болѣе укрѣпленный и наполненный измѣнниками отечества. Сюда Донскіе казаки пришли къ самозванцу еще въ числѣ 4,000 человѣкъ (141). Между тѣмъ другіе, разсѣянные пораженіемъ въ Добрыничахъ, засѣли въ городахъ и клялись защищать ихъ до послѣдняго издыханія. Россійскія войска осадили Путивль; но Лжедимитрій выслалъ противъ нихъ 500 Донскихъ казаковъ и 1000 Россіянъ; они разбили сторожевое Московское войско, убили 3000 человѣкъ, взяли много плѣнныхъ и заставили воеводъ русскихъ отступить въ Комарницкую волость (142). Московское войско обратилось къ Кромамъ, гдѣ кромѣ жителей сидѣло 600 мужественныхъ Донцовъ съ храбрымъ атаманомъ Кореллою (143). Какъ изъяснить невѣроятное событіе сіе? Болѣе 80 т. ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, не могли одолѣть деревяннаго городка не имѣвшаго въ защиту свою и тысячи воиновъ! Они даже сожгли ночью городъ, запяли пепелище и валъ, но никакъ не могли взять острога, до котораго казаки не допускали ихъ мѣткою своею стрѣльбою. Войска отступили, и думая взять крѣпость голодомъ, стрѣляли изъ пушекъ; но нимало не вредили осажденнымъ, которые безопасно укрывались за валомъ въ выкопанныхъ землянкахъ и даже иногда дѣлали вылазки, всегда гибельныя для осаждающихъ. Въ войскѣ московскомъ открылись еще повальныя болѣзни, и до того умножили нерадивость осады, что среди дня 100 возовъ хлѣба и 500 казаковъ изъ Путивля прошли въ осажденныя Кромы (144).

Отрепьевъ съ каждымъ днемъ усиливался болѣе и болѣе: народъ сначала сомнѣвался, послѣ начиналъ вѣрить чудесному спасенію царевича Димитрія; въ войскѣ умножалось бездѣйствіе, въ воеводахъ нерадивость и наконецъ явилась и самая измѣна. Но совершенный успѣхъ Лжедимитрія рѣшила

(141) Тамъ же, стр. 173.
(142) Тамъ же, стр. 293.
(143) Лѣтоп. Никоновск. о мятеж., также Петрея, см. примѣч. къ Исторіи Г. Р. Карамз,. 296.
(144) Бера.— См. Истор. Г. Р. Т. XI стр. 176.

внезапная кончина Годунова. Юный преемникъ его, Ѳеодоръ, хотя твердый душою и исполненный ума, не могъ отнять смѣлости у предателей. Первые воеводы, начальствовавшіе войскомъ подъ Кромами, сдѣлали заговоръ и тайно извинясь измѣну свою разными предлогами, громогласно объявили въ войскѣ Димитрія царемъ московскимъ, хотя совершенно увѣрены были, что отдаютъ скипетръ бродягѣ. Никто изъ воиновъ не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знатнѣйшіе воеводы признали въ немъ сына Іоаннова.

Войско присягнуло мнимому Димитрію и дало знать атаману Кореллѣ, что они служатъ одному государю. Война кончилась, казаки торжественно явились на валу крѣпости и братски обнимались съ бывшими непріятелями. (145).

Счастливый обманщикъ, съ удивительнымъ притворствомъ принявъ поздравленіе и исполнивъ другія обязанности по новому высокому сану, выѣхалъ осмотрѣть Кромы, прославленные мужествомъ Донцовъ, изъявлялъ свое удивленіе, благодарилъ небо и храбрыхъ защитниковъ и распорядилъ походъ къ Москвѣ, куда и самъ пошелъ тихо, сопровождаемый Донцами, которые съ сей поры составляли его охранное войско, и остановился въ Тулѣ, гдѣ довершалось безпримѣрное его счастіе.

Доселѣ въ Москвѣ царствовала тишина; но обольщенный народъ волновался, свелъ добродѣтельнаго Ѳеодора съ престола въ могилу и отдалъ тронъ гнусному злодѣю.

Знаменитые московскіе бояре явились къ нему въ Тулу бить челомъ отъ имени Москвы; въ тоже время прибылъ и съ Дону походный атаманъ Смага Черкенскій съ нѣкоторою частію казаковъ. Довольный вѣрностію сихъ послѣднихъ, самозванецъ оказывалъ имъ всѣ возможныя ласки, отдавалъ преимущество предъ московскими воеводами, допустилъ прежде къ рукѣ и съ веселостію выхвалялъ ихъ службы; для большей противоположности, призвавъ московскихъ бояръ, обошелся съ ними грубо и презрительно, упрекая за долгое

(145) Ист. Г. Р. Карамз. Т. XI стр. 187—195.

упорство, и какъ говорятъ лѣтописцы, отдалъ на поруганіе своимъ любимцамъ казакамъ, которые одного изъ нихъ, князя Телятевскаго, въ буйствѣ своемъ едва не умертвили(146).

Столь низкими ласкательствами самозванецъ утверждалъ къ себѣ привязанность Донскихъ казаковъ, которые вездѣ жертвуя за него жизнію, даже и тогда, какъ злодѣй обагренный еще дымящеюся кровію царя, вельможъ и вѣрнаго народа Русскаго, сѣлъ на Московскій престолъ, наравнѣ съ Нѣмцами и Ляхами, составляли твердѣйшую его ограду, хотя большая часть ихъ и возвратилась на Донъ; они раздражали москвитянъ: величаясь предъ ними своею услугою, оказывали имъ явное презрѣніе и называли, въ ругательство, *жидами*. Но счастье недолго пособствовало самозванцу: не прошло года, какъ Москва удостовѣрилась въ пагубномъ заблужденіи своемъ и разсѣяла прахъ злодѣя.

Они принимаютъ новаго самозванца, явившагося у терскихъ казаковъ. Еще при жизни Лжедимитрія нѣкоторыя толпы Волжскихъ и Терскихъ казаковъ, разбойничавшія въ окрестностяхъ Каспійскаго моря, выставили новаго самозванца, одного изъ товарищей своихъ, нѣкоего казака Илейку, котораго назвали сыномъ государя Ѳеодора Іоановича, Петромъ, объявляя, что Годуновъ подмѣнилъ его у царицы Ирины дѣвочкою въ самый день рожденія его. Ихъ собралось уже 4000 на берегахъ Волги, грабили всѣхъ путешественниковъ и купцовъ, сказывая, что идутъ съ законнымъ царемъ къ Москвѣ. Лжедимитрій, вѣроятно съ намѣреніемъ низвести сего смѣльчака, не мѣшалъ злодѣйствовать ему и писалъ къ мнимому Петру ласково, что если онъ дѣйствительно сынъ царя Ѳеодора, то поспѣшалъ бы въ Москву, гдѣ принятъ будетъ съ подобающею честію. Пишутъ, что Илейка дѣйствительно располагалъ идти къ Москвѣ, но извѣстясь въ Свіяжскѣ о смерти ложнаго дяди своего, обратился съ частію толпы своей зимовать на Дону.

(146) Тамъ же, стр. 209; то же отвѣтъ Сигизмунд. пословъ, см. лѣтоп Никон. л. 68.

По смерти Лжедимитрія, по волѣ и происками вельможъ, возведенъ на царство Василій Ивановичъ Шуйскій; царствованіе его есть цѣпь несчастій для него и Россіи. Видя новаго царя, нѣкоторая часть казаковъ обласканная его милостями, осталась на Дону спокойною, но большая ихъ часть, бывшая собственно въ верхнихъ городкахъ и въ полчищихъ Разстриги, буйствовать не переставала.

Приведеннаго ихъ единородцами Терскими казаками ложнаго царевича приняли въ верхнихъ городкахъ Дона ласково и въ слѣдующемъ году явясь съ нимъ въ украинныхъ городахъ, скоро усилили себя вездѣ готовыми послѣдователями, прошли до Тулы, обагрили себя кровію соотечественниковъ, кровію многихъ знатныхъ воеводъ и постоянно держали сторону новаго самозванца, пока онъ, побѣжденный царемъ Василіемъ, погибъ на висилицѣ (147).

Продаются третьему самозванцу, названному въ лѣтописяхъ Тушинскимъ. Показался третій злодѣй, названный въ лѣтописяхъ Тушинскимъ, и принявъ имя убіеннаго Лжедимитрія, свирѣпствовалъ на сѣверѣ, какъ въ тоже время явился въ Донскихъ городкахъ и четвертый, подъ именемъ сына царя Ѳеодора Іоанновича, Іоанна. Казаки, схвативъ скитавшагося у нихъ самозванца, представили къ Тушинскоту въ Брянскъ и принявъ его сторону, съ тою же преступною приверженностію какъи перваго самозванца, ополчились противу вѣрныхъ Россіянъ(148) Не одни казаки Донскіе, но и большая часть Россіи, волнуемая духомъ измѣны и заблужденій, присягнула сему второму Лжедимитрію, который два года лилъ неповинную кровь несчастнаго народа.

Примѣръ неограниченнаго ихъ усердія къ вѣрѣ. Среди сихъ всеобщихъ ужасовъ и лютаго ожесточенія, одна только святая вѣра укрощала ослѣпленныхъ и направляла разгоряченные умы на путь истины и добродѣтели.— Донскіе казаки при всемъ буйствѣ, всегда благоговѣли къ

(147) Лѣтопись о мятежахъ.
(148) Тамъ же.

православной вѣрѣ своихъ праотцевъ и въ самыхъ мятежахъ явили сему блистательный примѣръ. Самозванецъ, по совѣту Поляковъ, послалъ 30-ти тысячную рать осаждать Троицкій монастырь—святилище, прославленное именемъ чудотворца Сергія; въ сей толпѣ святотатцевъ находились и Донскіе казаки. Обитель непоколебимо противостояла порывамъ безбожнаго скопища, многія разительныя видѣнія и сны представлялись изступленнымъ измѣнникамъ. Тронутый однимъ изъ таковыхъ сновидѣній, Донской атаманъ Степанъ Епифановъ предсталъ предъ военачальниковъ и говорилъ имъ: „Вразумитесь! Богъ ищетъ нашего раскаянія, или бойтесь праведнаго гнѣва Его,—гибель наша неизбѣжна:“ Поляки и нѣкоторые изъ русскихъ изувѣровъ, приписывая измѣнѣ этотъ поступокъ атамана, въ ожесточеніи своемъ хотѣли убить его съ 500 казаками, но Епифановъ искренно раскаявшись и соболѣзнуя о прежнихъ заблужденіяхъ, ночью, со всѣми своими товарищами, бросилъ станъ злодѣевъ (149).

Послѣднія буйства. Не стало и втораго Лжедимитрія, а и измѣна и буйство не прекращались, но только дѣйствовали уже безъ опредѣленной цѣли. По словамъ современниковъ, Московское царство волновалось тогда подобно бурному морю, кровь лилась какъ вода, опустѣли села, города и святыя обители; до того ожесточились сердца народа, что никто не видѣлъ, что дѣлалось предъ глазами, не слышалъ, что грѣмѣло въ ушахъ; всѣ объяты были какимъ-то гибельнымъ очарованіемъ (150). И казаки не отставали полчищами помогать смятенію. Наконецъ одушевилъ Богъ Русскихъ на защиту вѣры и отечества: полчища, преданныя дотолѣ самозванцамъ, стали за Москву; отвсюду стекались новыя войска къ престольному граду, занятому Литовцами.

Обращеніе на службу отечественную. Въ сіе время и Донскіе казаки явили себя столько же усердными и ноборствующими сынами Россіи, какъ прежде того возму-

(149) Сказаніе Палицина.
(150) Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ.

тителями; они находились въ станѣ освободителей порабощеннаго отечества, которые, призывая землю русскую къ единодушію, обратились и къ Донскимъ воинамъ, обѣщая имъ почести и жалованье (151).

Во всѣхъ почти битвахъ съ Поляками и Литовцами казаки явили отважную храбрость, неодолимое мужество и искреннее усердіе къ вѣрѣ.

ГЛАВА VI.

Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ. — Жилища ихъ. — Юрты. — Правленіе. — Военное устройство. — Нравственность казаковъ. —

Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ. Донскіе казаки, почти отъ самаго начала водворенія ихъ на Дону, какъ изъ актовъ видно, раздѣлились на *Верховыхъ и Низовыхъ:* первые жили въ верхней части рѣки Дона, послѣдніе—въ нижней, начиная отъ Цымлянскаго городка.— Казаки низовые были отважнѣе, нежели верховые, всегда считали себя старшими предъ ними, долго, что когда одинъ разъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ въ грамотѣ своей (1592 г. марта 21) наименовалъ напередъ верховыхъ, то они съ прискорбіемъ говорили объ этомъ посланнику Нащокину. Въ Нижнихъ юртахъ находилось и главное управленіе Донскихъ казаковъ. Впрочемъ, въ образѣ жизни какъ тѣ, такъ и другіе казаки были сходны между собою.

Жилища ихъ. Въ концѣ XVI вѣка по берегамъ Дона, отъ устья рѣки Хопра внизъ до р. Аксая, на протяженіи 800 верстъ, разсѣяны были казачьи городки и зимовища въ различномъ между собою разстояніи. Нѣсколько подобныхъ поселеній находилось еще и по р. Донцу. Прочее же пространство, лежащее между этими двумя рѣками, оставалось пустымъ.

Городки и зимовища имѣли различіе между собою: первые были жилища постоянныя, а послѣднія составляли временный и преимущественно зимній пріютъ, гдѣ бездомовные казаки

(151) Лѣтоп. о взятіяхъ.

проводили зиму въ шалашахъ или землянкахъ, а съ наступленіемъ весны уходили на военные поиски, или на добычи. Городки были обведены кругомъ стѣною изъ двойного плетня, или двойнаго полисадника, внутри набитаго землею. Осторожность противу набѣговъ непріятельскихъ требовала такихъ укрѣпленій. При городкахъ жили общества казаковъ *въ избахъ или земляпкахъ.*

Сколько было всѣхъ зимовищъ, даже сколько было самыхъ городковъ казачьихъ въ XVI столѣтіи, опредѣлить невозможно; еще менѣе можно знать число казаковъ каждаго городка: ибо оное число измѣнялось и присоединеніемъ новыхъ людей и непрерывными переходами самыхъ казаковъ изъ одного городка въ другой.

Раздоры былъ самый нижній городокъ на Дону въ XVI вѣкѣ, и находился близъ нынѣшней Раздорской станицы, на островѣ, образуемомъ рукавомъ Донца и рѣкою Дономъ; онъ былъ тогда главнымъ мѣстомъ въ казачьихъ владѣніяхъ, и въ немъ имѣлъ пребываніе войсковой атаманъ.

Городки казачьи всегда были малолюдны, потому что казаки, любя военныя тревоги, скучали жить дома и безпрерывно уходили искать опасностей и добычи въ землѣ непріятельской. Верховые большею частію бродили по Волгѣ и въ улусахъ ногайскихъ; а низовые собирались всегда въ Раздоры, и отсюда партіями и въ совокупности, отправлялись воевать Азовъ и разъѣзжали по морямъ Азовскому и Черному. Раздоры были главнымъ сборнымъ мѣстомъ казаковъ и тутъ всегда можно было найти многолюдство.

Юрты. Въ значеніи поселеній еще встрѣчается въ актахъ XVI вѣка слово: *юрты.* Подъ нимъ разумѣлись тогда въ буквальномъ смыслѣ самыя жилища, т. е. избы, землянки, шалаши, слѣдственно это названіе могли употреблять говоря и о городкахъ и о зимовникахъ: *юрты нижніе, юрты черкаскіе.*

Правленіе. Казаки, соединясь въ одно общество изъ разноплеменной вольницы, не могли иначе распоряжать общественные предметы и дѣла, какъ только общимъ совѣтомъ.

Предметы таковыхъ совѣщаній были просты и почти всегда одинаковы: идти на войну или поискъ, раздѣлить добычу, или наказать измѣнника. По всегдашней возможности собираться въ одно мѣсто и по тѣмъ случайностямъ, которыя сопровождали воинственную жизнь казаковъ, скоро утвердилось въ обществѣ ихъ народное правленіе: въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка оно получило нѣкоторое опредѣлительное образованіе, было въ полномъ смыслѣ общественное и самое простое. Особенныхъ властей распоряжающихъ, равно какъ и старшинства лицъ у нихъ вовсе не было; къ властямъ части исполнительной принадлежали *Войсковой Атаманъ и Войсковые Есаулы.* Письменныя дѣла отправлялъ *Войсковой Дьякъ.*

Главное народное собраніе, которому принадлежала вся власть управленія и суда, называлось *Войсковымъ Кругомъ.* Названіе это было дано, безъ сомнѣнія, по наружному виду, какой имѣли эти общественныя сходбища, происходившія обыкновенно на открытой площади, гдѣ казаки дѣйствительно составляли изъ себя кругъ, стоя на ногахъ и безъ шапокъ, въ знакъ почтенія къ мѣсту и случаю. Всякій казакъ имѣлъ здѣсь свободный голосъ. Дѣла на судъ народа предлагалъ побольшей части Войсковой Атаманъ, который для того съ своими есаулами выходилъ на средину Круга; также еслибы идругой кто имѣлъ что либо предложить народу, то былъ обязанъ выступить на средину. Оканчивалось все большинствомъ голосовъ.

Дѣла обыкновенныя могли рѣшаться одними тѣми казаками, кои были въ сборѣ въ юртахъ Раздорскихъ; но въ важнѣйшихъ случаяхъ всегда дожидали товарищей изъ походовъ и звали всѣхъ изъ городковъ. Всякій изъ казаковъ считалъ себя участникомъ дѣла общаго, и Войсковые Круги были очень шумны, а нерѣдко происходили въ нихъ и буйныя ссоры. Въ Кругахъ рѣшалось все безотчетно: набѣги, пресѣченіе военныхъ поисковъ, смертная казнь и проч.

Войсковой атаманъ лично не имѣлъ особенной власти. Онъ былъ только блюститель порядка и исполнитель при-

говоровъ народа. Въ Войсковомъ кругу, голосъ его былъ равенъ голосу всякаго казака и все преимущество его въ этомъ случаѣ состояло, кажется, въ томъ, что представленіе и доводы атамана народъ принималъ иногда съ большимъ уваженіемъ. Атаманъ вопреки этого ограниченія не могъ ничего предпринять по собственному произволу, иначе съ безчестіемъ могъ лишиться своего достоинства, а иногда и съ опасностію за самую жизнь. Избирались атаманы погодно, большинствомъ голосовъ въ Войсковыхъ Кругахъ. Сложившій это достоинство по окончаніи срока, поступалъ въ общій составъ казаковъ и уже не имѣлъ никакого отличія между ними.

Къ войсковому атаману, также общими голосами, назначали двухъ *войсковыхъ есауловъ*, кои были его помощники и исполнители его и народныхъ приказаній. Особенныхъ вліяній ихъ на дѣла общественныя никакихъ не было.

Войсковой *дьякъ* составлялъ у казаковъ лице весьма важное: кромѣ его никто не писывалъ бумагъ отъ войска, но впрочемъ, онъ не имѣлъ никакой власти.

Подобно этому общему войсковому управленію, начали въ концѣ XVI вѣка образовываться и частныя управленія въ городкахъ. Всякое общество казаковъ, въ городкахъ или зимовищахъ жившее, равно и посланное куда либо, именуясь станицею, имѣло своего атамана. Такимъ образомъ въ каждомъ городкѣ и зимовищѣ были частные атаманы. Они избирались своими обществами изъ людей храбрѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ; имѣли значеніе предводителей и совѣтниковъ, но власти никакой имъ не принадлежало. Въ каждомъ городкѣ была общая, такъ называемая, становая изба; въ нее сходились казаки на досугѣ вести разсказы о дѣлахъ бранныхъ, совѣщаться о исполненіи повелѣній войсковаго круга и разбирать дѣла частныя, кои, по отдаленности главнаго городка, предлагались иногда на судъ своего общества.

Военное устройство. Походы казаковъ были *сухопутные и судовые*, послѣдніе важнѣе, особенно въ поискахъ

по морямъ Азовскому и Черному.

Всякій отрядъ сухопутный или судовой имѣлъ своего *походнаго атамана,* представлявшаго лице главнаго начальника.— Большія рати обыкновенно дѣлились *на сотни и полусотни,* ввѣряемыя командованію есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ. Чины эти, какъ и походный атаманъ, избирались самымъ отрядомъ предъ выступленіемъ въ походъ, а по возвращеніи слагали свои званія.— Оружіе казаковъ состояло изъ малыхъ пушекъ, рушницъ или пищалей, копій и сабель; они пріобрѣтали оное или покупкою, или добычею отъ непріятеля. Порохъ и свинецъ получали въ жалованье отъ Россійскаго Двора.

Внезапность и быстрота въ нападеніяхъ были главными причинами ихъ счастливыхъ успѣховъ. Быстротѣ сухопутныхъ походовъ много способствовали казачьи степныя лошади татарской породы, кои не знали усталости и прошедъ большое пространство, послѣ корму скоро снова укрѣплялись. Каждый казакъ въ походѣ имѣлъ двухъ лошадей, чтобы въ случаѣ большихъ переходовъ перемѣнять ихъ. Направленіе къ предположенному мѣсту старались избирать самое прямое; вообще въ пути отличались замѣчательною смѣтливостію. Самыя широкія рѣки легко переплывали и казаки и ихъ лошади. Для сокрытія похода своего отъ непріятелей, употребляли всѣ строгія осторожности. Нападенія на жилища вражескія производили большею частію въ ночное время. Но если удалось непріятелю напасть на казаковъ въ расплохъ и на открытомъ мѣстѣ, тогда обыкновенно становились они пѣшіе въ карѣ и отстрѣливались, прикрываясь своими лошадьми; но этотъ способъ употребляли только въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, когда не было другихъ средствъ къ спасенію; въ противномъ случаѣ они разсыпались врозь.

Въ морскихъ походахъ казаки употребляли суда малыя, помѣщавшія отъ 30 до 50 человѣкъ каждое; на нихъ пускались они въ моря Азовское, Черное и Каспійское, разъѣзжали близъ береговъ, нападали на корабли и громили области

приморскія. Казаки, такъ подробно знали упомянутыя моря, что ночью, безъ компаса, переплывали безошибочно тѣ мѣста, гдѣ было нужно, и даже нерѣдко, носимые бурею по открытому морю, не теряли своего пути.

Нравственность казаковъ. Нравственность казаковъ представляла смѣсь добродѣтелей и пороковъ, свойственныхъ людямъ, которые жили войною.

Жадные къ добычамъ, свирѣпые въ набѣгахъ на земли непріятельскія, казаки въ общежитіи своемъ были привязаны другъ къ другу какъ братья, гнушались воровствомъ между собою; но грабежъ на сторонѣ и особливо у непріятелей, былъ для нихъ вещью обыкновенною. Религію чтили свято. Трусовъ не терпѣли и вообще поставляли первѣйшими добродѣтелями: цѣломудріе и храбрость.

Въ наказаніяхъ за преступленія были жестоки. *Въ кулъ да въ воду*, была главная казнь за измѣну, трусость, убійство и воровство,—это было утопленіе въ рѣкѣ человѣка, завязаннаго въ мѣшкѣ. Приговоръ и наказаніе совершались почти въ одно время: это могло довольно успѣшно дѣйствовать на своевольство казаковъ; ибо каждый осуждая своего товарища, зналъ, что никакія происки судопроизводства не избавятъ его отъ заслуженнаго наказанія.

Казаки вели торговлю съ азовцами: рыбою, дровами и разною мелкою рухлядью; русскимъ людямъ продавали лошадей, турецкія и персидскія издѣлія отнятыя въ наѣздахъ; отъ нихъ покупали хлѣбъ, оружіе, суда; землепашествомъ незанимались вовсе. Въ домашней жизни любили рядиться въ богатые турецкіе и персидскіе кафтаны, кои доставались имъ въ добычу отъ непріятелей.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Отъ вступленія на Россійскій престолъ Михаила Ѳеодоровича до совершеннаго подданства казаковъ Россіи, или до возвращенія Туркамъ Азова.

ГЛАВА VII.

Провидѣніе, испытавъ Россію долговременными бѣдствіями отъ мятежей кровопролитныхъ, вручило, наконецъ, скипетръ самодержавія юному Михаилу Ѳедоровичу Романову, избранному единодушіемъ бояръ и народа.

Съ сего счастливаго для Россіи времени и дѣянія Донскимъ казаковъ получаютъ болѣе характерности и благородства.

Извѣдавъ на дѣлѣ сколь вредно буйство казаковъ, Московскій дворъ, при самомъ вступленіи на престолъ Михаила, обратилъ на нихъ вниманіе и старался привлечь къ вѣрной службѣ: къ нимъ посылали грамоты, исполненныя ласковыхъ похвалъ, обѣщали содержать въ царской милости *на вѣки*, а отъ нихъ взаимно требовали службы полезной отечеству, какъ было при прежнихъ государяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Надежды царя скоро исполнились: казаки на самомъ дѣлѣ явили примѣръ своего усердія Россіи. Атаманъ Смага Черкенскій, первый оставившій сторону самозванцевъ еще въ то время когда русскіе за нихъ сражались, утвердившись въ юртахъ своихъ, избранъ войсковымъ атаманомъ. Скоро и другія партіи Донцовъ, по изгнаніи изъ Москвы Поляковъ отошли на Донъ. Только 200 или немного болѣе соединясь съ Уральскими или Терскими казаками, оставались преданными Заруцкому и Маринѣ Мнишекъ, разбой-

ничал въ окрестностяхъ Астрахани, гдѣ были приняты сіи мятежники.

Заруцкій былъ подстрекаемъ Сигизмундомъ, который, готовясь съ большими силами напасть на Россію, заставлялъ его распространять бунты и обѣщалъ за то въ удѣлъ Новгородъ, Псковъ или Смоленскъ, когда самъ получитъ московскую корону. Отъ него также были послы на Дону и въ улусахъ ногайскаго князя Иштерека, въ концѣ 1612 года, съ извѣщеніями о вступленіи его на Россійскій престолъ и съ требованіемъ вѣрности какъ законному государю; но это не имѣло успѣха (152).

Духъ вѣрности къ царю законному былъ общій и постоянный во всѣхъ нижнихъ городкахъ казачьихъ до Пятизбянскаго; а выше онаго по Дону, также по Хопру и Медвѣдицѣ, казаки опять поколебались и болѣе вѣрили самозванцамъ. Отъ Заруцкаго бродили здѣсь агенты, прельщая легковѣрныхъ обѣщаніемъ жалованья и разныхъ милостей, и своевольные казаки малыми партіями уходили къ Астрахани (153).

Россійскій дворъ, видя успѣшное начало своего вліянія на казаковъ, старался поддержать оное: въ Москвѣ атамана

---

(152) Дѣла Ногайск., въ столбцѣ 1613 г., сентября, связка 2, № 5-й, распросныя рѣчи прибывшаго въ Москву (27 сентября) отъ ногайскаго князя Иштерека посла его Келмаметъ-мурзы.

. ...,, А литовской король прислалъ лѣтомъ на Донъ къ атаманомъ Смагѣ Чершенскому съ товарищи и къ нимъ пословъ своихъ съ тѣмъ, что онъ король на Московскомъ государствѣ учинился государемъ и они бъ Иштерекъ князь и всѣ ногайскіе люди и атаманы служили ему также, какъ и прежнимъ Московскимъ государемъ, и Смага де тѣхъ пословъ къ Иштереку присылалъ и Иштерекъ князь имъ отказалъ, что имъ до короля дѣла нѣтъ, и стало то Иштереку князю и всѣмъ ногайскимъ людемъ за великую досаду, что король назывался Московскимъ государемъ, и послалъ де Иштерекъ князь провѣдывать татарина да полоненника поколь король Московскимъ государствомъ владѣетъ.

(153). Дѣла ногайскія, въ столбцѣ 1613 г., сентября, связка 2-я, №5,-й распросныя рѣчи хоперскаго юртоваго казака Григорья Чернаго.

Стародуба, явившагося по старому обычаю съ легкою саницею, бить челомъ государю отъ всего войска, приняли съ честію, и на пріѣздѣ и на отпускѣ щедро одарили какъ атамана, такъ и всю его станицу. Съ ними государь отправилъ на Донъ жалованье, хотя весьма малое по недостатку тогда государственной казны, но принятое казаками съ восторгомъ, ибо при семъ случаѣ великій князь писалъ къ нимъ грамоту преисполненную ласковости и похвалъ. Митрополиты и весь соборъ духовенства, съ своей стороны, послали на Донъ благословеніе въ краснорѣчивой грамотѣ. Никогда казаки не видѣли себя въ подобной милости у Россійскаго двора: святители, изображая рѣзкими чертами бѣдственное состояніе Россіи и замыслы противъ нее польскаго короля, именемъ Бога убѣждали казаковъ стать за царя, предрѣкали за сіе милость Божію, жалованье царское, честь, славу и похвалу отъ Русской земли и окрестныхъ государствъ:„ и за тѣ ваши службы—писали духовные отцы—буди на всѣхъ на васъ Божія милость и нашъ и Вселенскаго собора миръ и благословеніе, и умножи Господь лѣта ваши и подай вамъ Господи вся благая по прошенію вашему и устрой вамъ вся полезная, якоже вѣсть святая Его воля; а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ, и челомъ бьемъ.“ Къ таковымъ ласкамъ поводомъ было еще и то, что въ сіе время отправлялось въ Константинополь посольство съ извѣщеніемъ о возшествіи на престолъ новаго, законнаго царя, и съ намѣреніемъ склонить Порту помогать Россіи противъ Польши. Для сего нужно было, чтобы казаки замирились съ Азовцами и не воевали турецкихъ областей. Самому посланику Соловому Борисьевичу Протасьеву вручены упомянутыя грамоты на доставленіе казакамъ и жалованье, назначенное съ Стародубовымъ. Онъ прибылъ въ нижніе юрты октября 26. Все войско, бывшее здѣсь въ собраніи, встрѣтило царскаго сановника съ отличною почестію; читая въ кругу граматы казаки въ восторгѣ и умиленіи сердца плакали, какъ пишетъ самовидѣцъ Протасьевъ, пѣли молебны о здравіи царя; стрѣ-

ляли изъ пушекъ, пищалей и ружей и единодушно поклялись служить неотступно Россіи; немедленно послали новыхъ гонцовъ въ верховые городки и на Волгу для убѣжденія бунтовщиковъ, изъявили сами готовность идти на нихъ всѣмъ войскомъ ежели государь укажетъ; безпрекословно заключили миръ съ азовцами, дабы не попрепятствовать его дѣламъ съ Нертою; проводили посланика въ Азовъ со всѣми обрядами и рѣшительно обѣщали не трогать турецкихъ областей доколѣ посланникъ возвратится назадъ; словомъ казаки, казалось, переродились и всѣ дѣйствія ихъ такъ были соотвѣтственны видамъ Двора, что Протасьевъ въ донесеніи своемъ государю, свидѣтельствовалъ объ оныхъ съ чувствомъ живой радости (154).

(154) а) Грамата на Донъ отъ Духовнаго Московскаго собора, 1613 года.

(Начала нѣтъ) ....., Князя Ѳедора Ивановича всея Россіи самодержца,—послалъ нынѣ в. г. нашъ царь и в. к. Михайло Ѳедоровичъ, всеа Россіи самодержецъ, къ брату своему къ в. г. къ Турскому Ахметъ султану государство свое объѣстити по прежнему обычаю и про неправды и про разореніе Московскаго государства отъ польскаго и отъ литовскаго Жигимонта короля извѣстити посланника своего Соловово Борисовича Протасьева да Дьяка Михайлу Данилова; а къ вамъ атаманомъ и казакомъ послалъ в. г. царь и в. к. Михайло Ѳедоровичъ всеа Россіи своего государева жалованья съ Соловымъ Борисовичемъ Протасьевымъ, да съ дьякомъ съ Михайломъ Даниловымъ, да съ атаманомъ съ Гаврилом Стародубовымъ съ товарищи, за ваши къ нему в. г. нашему царю и в. к. Михайлу Ѳедоровичу всеа Россіи и ко всему великому Россійскому государству многія службы и радѣнье сукна и селитры и сѣру и свинецъ, что у великаго государя нашего царя и великаго князя Михайла Ѳедоровича, всеа Россіи самодержца, въ нынѣшнее въ настоящее время лучилось; а то вамъ атаманомъ и казакомъ и самимъ чаю вѣдомо, что ихъ многая царская казна, собраніе прежнихъ в. г. царей Россійскихъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей въ разграбленіи безъ остатку бысть, а изъ городовъ ни изъ которыхъ къ в. г. нашему еще никакія казны не бывало. А нынѣ выходцы и языки въ распросѣ бояромъ сказываютъ, что польской и литовской Жигимонтъ король на Московское государство всякое зло умышляетъ, и польскіе и литовскіе люди въ порубежныхъ во многихъ мѣстахъ сбираются и хотятъ идти на Москву, а Путивль литовскіе-жъ

Примѣръ нижнихъ городковъ подѣйствовалъ на волжскихъ мятежниковъ: сначала Донскіе бѣглецы, а послѣ Терскіе и Уральскіе казаки, бросивъ Заруцкаго, клялись въ вѣр-

---

люди и черкасы, пришедъ безвѣстно, украдомъ взяли, а иные порубежные сѣверскіе города воюютъ; да польской же Жигимонтъ король послалъ къ Ивашку Заруцкому гонца, своего ближняго человѣка ротмистра Яна Четского, съ грамоты, а писалъ къ Заруцкому и рѣчью приказалъ, чтобъ онъ Ивашко къ вел. государя нашего царя и в. к. Михайла Ѳедоровича всеа Россіи въ Московскомъ государствѣ былъ и смуту всякими злыми бѣсовскими прелестми дѣлалъ и людей къ себѣ на смуту приводилъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣста онъ съ турскимъ царемъ помирится и польскимъ и литовскимъ людемъ, которые были въ Московскомъ государствѣ, заслуженное онъ заплатитъ; а нынѣ де унего съ турскимъ царемъ война великая; а какъ де онъ Ивашко, по его велѣнью, въ Московскомъ государствѣ смуту учнетъ дѣлать до тѣхъ мѣстъ, покамѣста онъ съ турскимъ помирится, и онъ де помирясь съ турскимъ, пойдетъ Московскаго государства доступать, а ему де Ивашку дасть король въ отчину Новгородъ великій или Псковъ съ пригороды, или Смоленскъ, и учинитъ его великимъ у себя боярином и владѣтелемъ. И іюня въ 9 день, по милости Божіей, а счастьемъ и доброопаснымъ осмотрительствомъ в. г. нашего царя и в. к. Михайла Ѳедоровича всеа Россіи самодержца, тотъ литвинъ со всѣми королевскими грамоты пріѣхалъ... вел. государя нашего имя, ему вел. государю служити и злой умыселъ польскаго короля подлинно сказати, и царскаго величества бояре и дворяне и дѣти боярскіе, и атаманы и казаки и стрѣльцы и всякіе служилые люди, которые нынѣ на Москвѣ и по городомъ, слыша тѣ вѣсти, прося у Бога милости, обѣщаются единодушно, а хотять за нашу истинную православную крестьянскую вѣру Греческаго закона, за святые Божіи церкви и за образъ Содѣтеля нашего и Творца Господа Іисуса Христа и родшія его Пречистыя Богородицы, нашія христіанскія надежды и застушницы и всѣхъ его угодниковъ и за в. государя нашего царя и в. князя Михайла Ѳедоровича, всеа Россіи самодержца и за всѣхъ православныхъ крестьянъ и до сущихъ младенцовъ и за свое отечество противъ непріятелей и враговъ вѣры нашія польскаго Жигимонта короля и его польскихъ и литовскихъ людей стоять крѣпко и неподвижно и битися съ ними нещадя головъ своихъ безъ всякаго страху. И нынѣ мы царскаго величества и ваши богомольцы, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты и игумены и весь священный соборъ, по данной намъ благодати отъ святого духа, васъ атамановъ и казаковъ благословляемъ и напоминаемъ, чтобы вы помня Бога и души свои и къ себѣ прежнихъ вел. государей

ности Михаилу, и такимъ образомъ на всемъ Дону водворилось единодушіе.

Погибли черкашенинъ Заруцкій и Марина Мнишекъ,

Россійскихъ, блаженныя памяти вел. государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россіи и сына его блаженныя памяти вел. государя нашего царя и велик. князя Ѳедора Ивановича, всеа Россіи самодержца жалованье, а свою къ нимъ вел государемъ прямую службу, и нынѣ великому государю нашему и вел. князю Михайлу Ѳедоровичу всеа Россіи и всему ихъ великому Московскому государству потому жъ служили и прямили, и посланника его царскаго величества Соловаго Борисовича Протасьева и дьяка Михайла Данилова отпустили отъ себя съ Дону не задержавъ и проводили ихъ до Азова, и какъ Соловаго до Азова проводите и выбъ атаманы и казаки, помня Бога и нашу православную крестьянскую вѣру и свое отечество и природу крестьянскую и видя польскаго жигимонта короля надъ великимъ Московскимъ государствомъ злое умышленіе и для обороны истинныя нашія православныя крестьянскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей и великаго Московскаго государства отъ враговъ нашихъ, отъ польскаго короля шли бы есте атаманы и казаки со всѣмъ своимъ войскомъ на польскихъ людей и на черкасъ къ Путивлю и въ иные сѣверскіе городы, въ которыхъ воюютъ литовскіе люди и черкасы, и сшедшися съ государевыми бояры и воеводы и съ ратными людьми, прося у Бога милости, надъ польскими и литовскими людьми и надъ черкасы промышляли, сколько вамъ милосердный Богъ помочи по дасть, и сѣверскую землю отъ нихъ злодѣевъ очищали, чтобы вашею службою и радѣньемъ Московское государство по прежнему распространилося, и церкви Божіи по прежнему въ лѣпоту облеклися, а идти бы вамъ атаманомъ и казакомъ въ тѣ городы немѣшкая и тѣмъ начальная службы своя и радѣнье къ великому государю нашему показати и за православную крестьянскую вѣру и за святыя Божія церкви и за чудотворной образъ Пречистыя Богородицы и за великаго государя нашего царя и велик. князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи и за всѣхъ свою братью православныхъ крестьянъ и за свое отечество и природу противъ враговъ вѣры нашія, польскаго Жигимонта короля и польскихъ и литовскихъ людей стати крѣпко и мужественно, чтобъ и литовскіе люди и черкасы своимъ злымъ умышленьемъ до вашего приходу сѣверскимъ городомъ и достоль конечнаго разоренья не учинили; а Ивашку Заруцкаго и его совѣтниковъ ни въ чемъ вамъ, атаманомъ и казакомъ неслушати, и злой его смутѣ и прелести ни въ чемъ не вѣрити, чтобы и достоль отъ него вора Московскому государству и нашей истинной православной крестіанской вѣры и святымъ Божіимъ церквамъ конечнаго разоренья небыло и тѣбъ

да прочтутъ всѣ властолюбцы въ ихъ судьбѣ поучительный урокъ.

Въ ноябрѣ казаки отправили въ Москву атамана Бедри-

крестьянскія души, которыя къ его воровству приставаютъ, здѣ тѣломъ, а въ ономъ будущемъ въ страшномъ вѣцѣ совсѣмъ не погибли, и вамъ бы атаманомъ и казакомъ однолично служба своя и радѣнье къ великому государю нашему и ко всему великому Московскому государству показати, для избавы всѣхъ православныхъ крестьянъ отъ разоренья польскаго короля и отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и для избавленія отъ обруганія нашія истинныя православныя крестьянскія вѣры и святыхъ иконъ и Божіихъ церквей, итти на польскихъ и на литовскихъ людей въ сѣверскіе городы немѣшкая, и своею службою и вспоможеніемъ московскаго государства сѣверскихъ городовъ и досталь въ разоренье и православныя нашія крестьянскія вѣры въ поруганіе злодѣямъ невыдать. А за ту свою нынѣшнюю и прежнюю многую службу вы всѣ нынѣ и впредъ отъ Всемогущаго Бога милости, а отъ велик. государя нашего царя и велик. князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи великое жалованье, а ото всякихъ людей Московскаго государства и отъ окрестныхъ государствъ честь и славу и похвалу, и отъ насъ, его царскаго величества и своихъ богомольцовъ благословѣніе во вѣки себѣ получите, и та ваша служба и истинное радѣнье къ велик. государю и ко всему Московскому государству достойна похвалѣ и удивленію будетъ на вѣки. А какъ вы сынове нашего смиренія помня Бога и души свои и крестное цѣлованіе и для нашія истинныя православныя крестьянскія вѣры греческаго закона и святыхъ Божіихъ церквей и честныхъ иконъ, къ великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичу всеа Россіи самодержцу и ко всей землѣ службу свою и раденье покажите, царское повѣленіе сотворите на его государеву службу противъ враговъ и разорителей нашія православныя крестьянскія вѣры въ сѣверскіе городы пойдете, безъ всякаго ослушанія и прекословія, и тѣмъ Московскому государству и всѣмъ православнымъ крестіаномъ способствуете и на всѣхъ буди Божія милость и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ, просіявшихъ въ россійскомъ царствіи, молитвы, а нашего и всего великаго собора миръ и благословенье отъ нынѣ и до вѣка, и умножи Господь лѣтъ живота вашего и подай вамъ Господи вся полезная, яко же вѣсть святая Его воля. А будетъ изъ васъ кому за православную крестьянскую вѣру и за святыя Божія церкви и за праведнаго Богомъ избраннаго царя и великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи самодержца и за ваше крестное цѣлованіе отъ иновѣрныхъ мучителей христіанскихъ и смерть велитъ Богъ

щева съ донесеніемъ объ отъѣздѣ посланника и съ челобитной о жалованьи. Въ сильныхъ выраженіяхъ изъявляли

воспріяти, и тотъ посвоей праведной пзліянной крови, отъ Всемогущаго Бога мученическій вѣнецъ воспріемлетъ и царствіе Божіе наслѣдитъ со всѣми пострадавшими за православную крестьянскую вѣру; а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ и челомъ бьемъ.— Писана вел. государя нашего царя и вел. князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи самодержца, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7121, іюня въ 18 день.

6.) Тамже отписка къ государю посланника Протасьева, привезенная въ Москву декабря 22 дня.

„ Государю царю и в. князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи холопи твои Соловко Протасьевъ и Михалко Даниловъ челомъ бьютъ. Погребли, государь, мы холопи твои съ Воронежа Дономъ на низъ сентября въ 22 д., а передъ собою, мы, холопи твои, въ верхніе и въ нижніе юрты послали атамана Григорья Долгово, да есаула Василья Панка про твое государево жалованье сказати атаманомъ и казакомъ и про себѣ обѣстить; и Григорій Долгой и есаулъ Василей воротилися назадъ, и сказали намъ, что они встрѣтили Воронежскаго казака Бориско зовуть, недоѣзжая Хопра, и тотъ Бориско сказалъ имъ, что на Хопрѣ казаки ворують прямять Маринкѣ и сыну ея, а про вора сказываютъ, что онъ будто въ Казилбашахъ и Заруцкаго и Маринку съ сыномъ пустили въ Астрахань и крестъ ей цѣловали, и послали де изъ Астрахани въ Казилбаши пущихъ воровъ, заводити вора, и многіе де казаки на Волгѣ въ сборѣ и про насъ де имъ вѣдомо. И мы холопи твои, шли на спѣхъ, и Хоперъ и Медвѣдицу прогребли съ великимъ береженьемъ, а отъ Хопра, государь, мы, холопи твои, въ нижніе юрты.... октября въ 20 д., и атаманы, государь, и казаки всѣхъ нижнихъ юртов , насъ холопей твопхъ встрѣтили, и для твоего царскаго величества стрѣлили изъ наряду и изо всего мелкаго ружья, и мы холопи твои, твою царскую грамоту, что съ нами послана отъ тебя государя атаманомъ и казакомъ Смагѣ Степанову съ товарищи и всему войску чли и твое государево жалованье, сукна и селитру и сѣру и свинецъ по росписи отдали все сполна; да имъ же, государь, дали твое государево жалованье, что взяли въ городехъ, на Коломнѣ и въ Переславлѣ Рязанскомъ и на Воронежѣ запасу 80 ведръ вина, да сухарей и крупъ и толокна 180 четвертей, и атаманы, государь, и казаки и все войско видя къ себѣ твою царскою неизреченную милость, съ сердечными слезами возрадовалися и обѣщалися тебѣ государю царю и в. князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи служити и примити во всемъ какъ прежнимъ великимъ государемъ, а изъ Астрахани, государь, отъ Маринки и отъ Заруцкаго въ нижніе юрты къ нимъ атаманомъ и

повторили увѣренія въ безпрекословномъ повиновеніи и они свою благодарность государю за милосердіе къ нимъ и къ казакомъ и ко всему войску пріѣзжали съ воровскими грамотами Астраханскіе жильцы Кара да Гришка Стародубецъ, чтобы атаманы и казаки отъ Астрахани и отъ Ивашки и отъ Маринки и отъ воровъ отъ Волжскихъ казаковъ не отставили, и атаманы, государь, и казаки и все Донское войско въ Астрахань къ Маринѣ и къ Заруцкому и ко всѣмъ людемъ и на Волгу къ ворамъ къ атаманомъ и казакомъ писали, что они всѣ единодушно обѣщались служить тебѣ государю царю и велик. князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи и воровскимъ грамотамъ ихъ не вѣрити и къ воровству не приставати, и того Кару да Гришку позорили и съ Маринкою, и мало непобили ихъ до смерти. Да ѣдучи, государь, Дономъ отъ Пяти-избъ до Нижней Курманъ-яръ, казаки Семейка Ебалда говорилъ атаману Гаврилу Стародубу, что будто Каллужской живъ, и атаманъ Гаврило Стародубъ про то сказалъ мнѣ, холопу твоему, Соловку и я холопъ твой послалъ по атамановъ и по казаковъ и того Семейку распрашивалъ, и тотъ, государь, Семейка, мнѣ холопу твоему сказалъ, что де однолично воръ живъ, и я, государь, велѣлъ атаману Андрею Трухинскому, того Семейку дати на поруку, что ему стати на низу въ большомъ войску, и какъ, государь, и мы про то Семейкино воровство сказали атаманомъ и казакомъ и всему войску, и атаманы, государь, и казаки и все войско тотчасъ Семейку про то разспрашивали и сыскавъ его воровство, приговорили посадить въ воду: и какъ его поволокли къ водѣ, и прислали ко мнѣ, холопу твоему, Соловку, атаманы, чтобы для твоего царскаго здоровья того Семейку у войска отъ воды отнять и за его воровство бити батоги, и тотъ государь воръ битъ, батоги нещадно. Да по твоему, государеву, указу говорили мы атаманомъ и казакомъ и всему войску, чтобы они, исполняя свою службу къ тебѣ государю и радѣнье до тѣхъ мѣстъ, покамѣста мы сходимъ изъ Царьгорода, съ азовскими людьми..... нечинили, а воевалибъ въ тѣ поры Казыевъ улусъ и Ногаи и крымскихъ людей, чтобы намъ въ Царьгородѣ задержанья небыло. И атаманы, государь, и казаки намъ холопемъ твоимъ сказали, что они единодушно безо всякія хитрости хотятъ тебѣ государю служити до кончины живота своего и во всемъ въ твоемъ царскомъ повѣленьѣ быть; а съ азовскими людьми ради быть въ миру до тѣхъ мѣстъ, пока мѣста мы сходимъ изъ Царягорода. Да атаманы жъ, государь, и казаки и все войско, служа тебѣ государю и радѣя, посылаютъ отъ себя въ Астрахань и на Волгу къ казакомъ, что бы они отъ воровства отстали; а будетъ они отъ воровства неотстануть, и они всѣ хотятъ на нихъ итти своими головами Донскимъ войскомъ. Да атаманы жъ, государь, и казаки намъ холопемъ твоимъ говорили: только де государь пошлетъ къ Астрахани бояръ и воеводъ и

въ готовности жертвовать за него жизнію ([155]). Государь

ратныхъ людей, и мы де всѣ пойдемъ подъ Астраханъ; и правда, государь, и радѣнье атамановъ и казаковъ и всего войска къ тебѣ государю единодушно, отнюдъ безо всякаго суетнаго позабыванья."

([155]) Дѣла турецкія столб. 1614 г., отписка Донскихъ атамановъ и казаковъ 1613 г. ноября.

„Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу, всеа Россіи холопи твои царскіе Донскіе низовые атаманы, Смашка Степановъ, да Гришка Родиловъ, да Митька Кабановъ, да Семенецъ Уколовъ, да Дементейка Ерофѣевъ, да Михалко Трубченинъ, да Иванко Насъ, и всѣ атаманы и казаки и все войско отъ низу и до верху, о милости Божіей и о твоемъ царскомъ великомъ жалованье челомъ бьютъ. Послалъ ты, великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Россіи, вторый исправь, своего государева посла къ турскому царю, Соловаго Борисовича Протасьева, да Дьяка Михайла Данилова и съ ними прислалъ на Донъ къ намъ холопемъ твоимъ, свою царскую и милосердую и жалованную грамоту, а въ ней пишетца къ намъ и твое царское жалованье слово, и сукна и селитра и свинецъ и сѣра и запасъ сухари и крупа и толокно и вино, и мы холопи твои грамоту вычетъ и рѣчь по наказу выслушавъ отъ тебя государя, что ты государь съ Соловымъ Протасьевымъ наказалъ, и мы о Бозѣ радуемся и били есмя челомъ на твоей милости до лица земли и приняли твое жалованье съ великою радостію, и звоны звонили и молебны пѣли, и милости у Бога просили о твоемъ государевѣ многолѣтномъ здравіи, изъ наряду и изъ мелкаго ружья стрѣляли и служити тебѣ великому государю ради вседушно, какъ есьмя служили прежнимъ царемъ и государемъ польскую службу съ травы да съ воды и кровь свою проливаемъ; а милости твоей царской дошло до насъ холопей съ твоимъ государевымъ посломъ съ Соловымъ Протасьевымъ да съ дьякомъ Михайломъ Даниловымъ: 22 пуда селитры, 22 пуда свинцу, да 4 пуда сѣры, да полшестадесяти ведръ вина, да 180 четв. всякаго запасу сухарей и крупъ и толокна, да 11 поставовъ сукна и настрафилю и англинскаго и анбурскаго, и намъ холопемъ твоимъ, твоей милости, запасу позерну, да по пулькѣ свинцу, да по вершку сукна. А Донковскій, государь, воевода Борисъ Еспиовъ и недалъ ни зерна никакого запасу твоевому государеву послу Соловому Протасьеву, и тотъ насъ запасъ недохаживалъ, и онъ намъ извѣщалъ, въ томъ ты государь воленъ. Да ты же государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Россіи пишешъ въ своей царской грамотѣ, чтобы мы тебѣ государю служили польскую службу на крымской и на ногайской сторонѣ по шляхомъ разъѣзжали и по перевозомъ лежали да и съ азовскими людьми тюшманится намъ невелѣлъ, и велѣлъ мирнымъ быти для своего царскаго и земскаго строенья, чтобы

вручилъ атаману похвальную грамоту къ войску Донскому

твоему государеву дѣлу спѣхъ былъ, а послу твоему въ Царьградѣ замѣшканія несочинилось. И мы холопи твои государевы вседушно ради Божью волю и твою царскую творити во всемъ до исхода души своея и осѣли есьмя по юртишкамъ для тебѣ самодержавнаго государя, ни подъ Азовъ, ни на море уже не бывати, ни на перевозы, ни въ походы не ходити. Православный царь государь, пожалуй насъ холопей своихъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ, и сукны и селитрою и свинцомъ и запасомъ, чѣмъ мы нужны, чтобы мы холопи твои служа съ травы да съ воды, наги и босы и голодны не были; а насъ холопей твоихъ, теперь на Дону тысяча восемьсотъ и восемьдесятъ и восемь человѣкъ. Да ты же государь намъ холопемъ твоимъ велѣлъ идти на свою службу въ сѣверскіе горо ы, а велѣлъ ты намъ искати дѣло надъ польскими и надъ литовскими людьми, колько Богъ помочи подасть, и мы холопи твои, нынѣшнее лѣто пѣши и безъ конны, а се государь зима предлежитъ, и медлили за твоимъ царскимъ посломъ для твоего государева дѣла и земскаго, отпроводили его подъ Азовъ и отдали его честно турскаго царя людемъ, по чину и по подобію посольскому, какъ бывало прежде сего у прежнихъ государей царей, такъ и нынѣ мы, холопи твои прироженые, служимъ и прямимъ. А взяли, государь, у насъ съ рукъ Соловаго Протасьева да дьяка твоего государя Михаила Данилова ноября въ 26 д. и мы холопи твои государевы, къ тебѣ писали въ сей отпискѣ; а мы холопи твои царскіе, сѣли уже на всю зиму и на лѣто по своимъ юртамъ, а у насъ холопей твоихъ то и лучей зипунъ былъ, по вся дни подъ Азовъ да на морѣ ходити, а нынѣ, государь, и перевозы не наши, коли со Азовомъ мирнымъ быти, то государь въ томъ воленъ, а чтобы земское дѣло и твое Россійское царство строилось, а покой и тишину Богъ далъ и твое царское имя возвеличалось по всѣмъ царствамъ и государствамъ, а мы холопи твои прироженные много лѣтъ ожидали будущихъ благъ, а на кроволитіе есьми нигдѣ не дерзнули, а на Волгу, государь, многожда пишемъ и приказываемъ ко атаманомъ и казакомъ волжскимъ и терскимъ и яицкимъ, чтобы они убоялися Бога и держалися правды и бездѣлья Маринкина и сына ея не слушали, и не воровали на Волгѣ, а отъ твоей царской милости съ нами неотступны быти. Да писалъ ты государь царь милосердое слово ко атаманомъ и молодцомъ о князѣ же Михайлѣ Гагаринѣ, и тотъ, государь, князь Михайло Гагаринъ ушелъ за море, проданъ во Царьгородъ; грамота твоя царская насъ незастала и мы холопи твои, извѣстили твоему государеву послу Соловому Протасьеву кто его продалъ и кому проданъ и о томъ къ тебѣ государю писали. А послали мы, холопи твои, къ тебѣ милостивому и милосердому царю и государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи, быти

и знамя ([156]), которое было первое,-сколько извѣстно по лѣ-

челомъ о своей нуждѣ, ото всего войска Донскаго, любя и вѣрячи, Донскаго атамана Игната Давыдова сына Бедрищева, да съ нимъ казака Назара Могилева; а отпущенъ съ Дону ноября 5-го дня."

([156]) Распросныя рѣчи посыланнаго на Донъ дворянина Опухтина въ 1614 году. См. дѣла турецкія въ столбцахъ:

....., А Иванъ Опухтинъ на Москвѣ сказалъ: пріѣхалъ де онъ на Донъ къ атаманомъ и къ казакомъ съ государевымъ жалованьемъ въ іюнѣ въ 15-д., въ Смагинъ юртъ Чершпскаго, и атаманы де и казаки всѣ его изъ юртовъ встрѣли и сошлись въ кругъ, и онъ де Иванъ по государеву наказу спросилъ ихъ отъ государя о здоровье, и атаманы де и казаки всѣ на государево жалованье били челомъ, пали всѣ на землю и говорили: дай господи чтобы государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Россіи здоровъ былъ и счастенъ и многолѣтенъ на своихъ великихъ государствахъ, а они слышачи къ себѣ его царскаго величества не изрѣченную милость, чего отъ прежнихъ государей имъ небывало, о его многолѣтномъ здоровьи Бога молятъ и милосердому Господу хвалу воздаютъ . . . . . , ...

. . . . . .

И какъ государевы грамоты вычли, такъ по всѣмъ часовнямъ велѣли попамъ пѣть молебны о царскомъ здоровье и велѣли стрѣлять изъ большаго наряду, изъ пушекъ и изъ пищалей и стрѣляли всѣ изъ мелкаго ружья, и государево жалованье, что къ нимъ присланно, взяли съ великою радостію. И вынесли де государево знамя, что къ нимъ присланно съ атаманомъ съ Игнатьемъ Бедрищевымъ, и учинили около знамени кругъ, а подъ знаменемъ де лежитъ человѣкъ осуженъ на смерть, а слышелъ онъ Иванъ, что два ихъ казака пьяны промолылися, что атаманы и казаки за посмѣхъ вертятся, а отъ Ивашки имъ Заруцкаго не избыть, быть подъ его рукою, и одного напередъ повѣсили, а другова было сбити, который подъ знаменемъ при Иванѣ. И многіе де казаки му Ивану били челомъ, что бы де Иванъ того молодца для царскаго величества имени у нихъ отпросилъ; а онъ де виноватъ безъ хитрости, не умышленьемъ со пьяна.

И онъ де Иванъ слышалъ то, что и Соловой у нихъ Протасьевъ виноватаго, для царскаго имени отпросилъ, а се тутъ были многіе казаки съ Волги и съ Яика, и ихъ бы государскою милостью обнадежить, и онъ де Иванъ имъ говорилъ: не учинили они ничего надъ нимъ до него Ивана, а онъ Иванъ къ нимъ пріѣхалъ съ царскимъ жалованнымъ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ, и всѣ они царскому жалованью сбрадовались, у всѣхъ у нихъ теперь радость, а государь милосердый, праведной, всѣхъ насъ винныхъ. пожаловалъ ни чьихъ винъ не помянулъ, покрылъ все своею царскою природною милостью, и онибъ того виноватаго

тописямъ и современнымъ актамъ,-полученное Донскими казаками отъ Россійскихъ самодержцевъ. Даръ сей, лаская чести казаковъ, утвердилъ усердіе ихъ къ Россіи. Весною же (1614 года) отправлено къ нимъ царское жалованье съ дворяниномъ Иваномъ Лукьяновичемъ Опухтинымъ. Такія ласковыя грамоты посланы при семъ случаѣ отъ великаго князя, отъ собора духовныхъ и отъ земскаго собора съ новымъ титуломъ великому войску Донскому ([157]). Встрѣченный съ обыкновенными почестями царскій сановникъ именемъ государя въ войсковомъ кругу спрашивалъ казаковъ о здоровьѣ и говорилъ рѣчь по наказу: все собраніе изъявляло благодарность за царскія милости съ чувствомъ глубокаго умиленія. По прочтеніи грамотъ пѣли во всѣхъ часовняхъ молебны о здравіи государя, при пушечной и ружейной стрѣльбѣ. Для полнаго же торжества вынесли въ кругъ жалованное знамя, ввели преступника осужденнаго на смерть и изрѣкли ему прощеніе для царскаго имени ([158]); раскинули на площади длинные столы, пировали и угощали русскаго дворянина со всѣми его людьми.

Донцы въ сіе время на самомъ дѣлѣ исполняли свое обѣщаніе усердствовать Россіи: азовцы въ соединеніи съ крымскими и ногайскими разбойниками въ семъ году неоднократно нападали воровски на ихъ юрты, отогнали ихъ табуны до 1000 лошадей и взяли въ плѣнъ 30 казаковъ; но казаки

для царскаго величества имени пощадили, и царскаго величества Богъ въ сохраненье держитъ, никто ему государю, ничего, всѣ враги его, зла учинить немогутъ. И атаманы де и казаки всѣ заволили: дай господи, чтобы государь царь и в. к. Михайло Ѳедоровичъ всеа Россіи самодержецъ, здоровъ былъ на многія лѣта. И сами они вѣдаютъ, что царское величество государь милосердой, праведной, царь правдѣ и милости, Богомъ избранъ и никто ему царскому величеству зла учинить и противится не можетъ, и будетъ такъ и во вѣки, и того де казака не казнили . . . .

. . . . . .

([157]) Дѣла Турецкія въ столбцахъ 1614 года, грамота войску Донскому отъ 26 октября 1614 г.

([158]) См. выше распросныя рѣчи дворянина Опухтина, примѣчаніе 156.

съ своей стороны не нарушили мира, дабы посланникъ въ Константинополѣ невстрѣтилъ чрезъ то препятствія въ дѣлахъ государственныхъ и терпѣливо сносили всѣ наглости ([159]). Протасьевъ окончилъ посольство свое и отпущенъ съ

([159]) Дѣла турецк. въ столбц., отписка Донскихъ казаковъ 1614 года іюля 26, привезенная въ Москву сентября 28 дворяниномъ Опухтинымъ.

Государю царю и в. к. Михаилу Ѳедоровичу всеа Руссіи холопи твои царскіе, Донскіе Низовые атаманы Смашка Стефановъ, да Епишка Родиловъ и всѣ атаманы и казаки и все войско отъ низу до верху, на милости твоей царской челомъ бьютъ. Пожаловалъ ты милосердый и праведный самодержавный государь царь, вторый израиль, насъ холопей своихъ своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ 1000 рублевъ, и сукна и порохъ, и свинецъ, и селитры, и сѣра, и запасъ, и вино, насъ холопей твоихъ дошло все сполна іюня въ 15 д., и мы холопи твои государевы съ великою радастью приняли у твоего государева дворянина у Ивана Лукьяновича Опухтина и всѣ о Бозѣ радовались, о твоемъ царскомъ многолѣтномъ здравіи Бога молили и молебны пѣли, изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья стрѣляли, и которой государь, недочетъ былъ въ деньгахъ въ 1000 рубляхъ, и мы на Иванѣ Опухтинѣ взяли 4 рубли и 20 алтынъ съ копѣйкою, въ чемъ его подъячіе обвѣсили, а слитки, государь, и усѣчки ему дали для справки, въ томъ ты государь воленъ. Да тыжъ государь пишешь къ намъ холопемъ своимъ на Донъ, чтобъ мы холопи твои, тебѣ государю служили и по шляхомъ разъѣзжали и по перевозомъ лежали, и мы холопи твои по шляхомъ ѣздимъ, а перевозы, государь, унасъ на Дону и на Мертвомъ Донцѣ извѣку замирены, для твоего государева дѣла и для земскаго строенья по твоему государеву велѣнью, а изъянъ, государь, намъ сталъ отъ нихъ великой, нынѣшняго года лошадей у насъ взяли съ тысячу и казаковъ съ тридцать, и коровъ со сто, а обидятъ насъ за одно съ крымцы и съ ногайцы, а мы холопи твои, государевы, несмѣемъ своего изъяну отомстити для тебя великаго государя. Да во твоихъ же царскихъ грамотахъ писано къ намъ холопемъ твоимъ, чтобы мы холопи твои, провѣдали про твоего государева посланника про Соловаго Протасьева, и у насъ холопей твоихъ ежедневныя вѣсти изъ заморья въ Азовъ, а изъ Азова къ намъ на Донъ, что Божіею, государь, милостію и твоимъ царскимъ щастіемъ далъ Богъ здоровъ Соловой Протасьевъ въ Цареградѣ и царь де его вельми любитъ и жалуетъ паче всѣхъ пословъ иныихъ государствъ; и отпуску де ему чаютъ поздо подъ зиму съ послѣднимъ карованомъ, которые суды зимуютъ въ Азовѣ, и турскій де чеушъ съ нимъ будетъ, а намъ, государь, сказываютъ тѣ люди, которые у насъ прикормлены для твоего государева дѣла и для всякихъ вѣстей“. . . .

честію въ Россію. Съ нимъ Ахметъ Султанъ отправилъ своего посла Алея съ предложеніемъ московскому двору дружбы и любви. Они прибыли въ Азовъ въ позднюю осень, и потому должны были зимовать въ казачьихъ юртахъ по-невозможности зимнимъ путемъ пройти въ Россію. Живя въ черкаскомъ городкѣ (гдѣ нынѣ Старочеркаскъ), они были совершенно довольны почестями и угожденіемъ казаковъ ([160]). Пользуясь расположеніемъ двора, казаки захотѣли при-

. . . . . .

А отпущенъ Иванъ Опухтинъ съ Дону, да Гришка Долгошея іюня въ 26 день.

([160]) Дѣла Турецк. въ столбц. 1614 г., грамота отъ 8 октября 1614 года.

„Отъ царя и в. к. Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи на Донъ въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ Смагѣ Степанову и Епихѣ Родилову и всѣмъ атаманамъ и казакомъ и всему великому войску. Нынѣшняго 123 года сентября въ 19 д. писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Карпомъ Ивановымъ, что вы наше жалованье, деньги и сукна, и зелье, и свинецъ у дворянина у нашего у Ивана Опухтина съ радостію приняли сполна и нашему царскому жалованью обрадовались, и за наше царское здоровье молебны пѣли, и служити намъ великому государю во всемъ ради, и Ивана есте Опухтина съ Дону къ намъ отпустили іюня въ 26 д., а про посланниковъ нашихъ про Соловаго Протасьева писали есте къ намъ какъ имъ отъ турскаго царя отпускъ будетъ и вы къ намъ о томъ отпишите и ихъ встрѣтите; а слухъ у васъ про нихъ былъ, что имъ отъ турскаго царя отпускъ къ намъ будетъ вскорѣ, на послѣднемъ караванѣ. А послѣ того, октября въ 1 д. писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Вострою Иглою да съ казакомъ съ Ларею Чернышевымъ, что посланниковъ нашихъ Соловаго Протасьева да дьяка Михайла Данилова турской Ахматъ салтанъ изъ Царя-города отпустилъ съ великою честію, и къ намъ великому государю своего посла отпустилъ Чеуша Алея и нынѣ де они съ большимъ караваномъ въ Кафѣ и вы тѣ вѣсти писали въ наши украинные городы къ воеводамъ, чтобы у нихъ про посланниковъ нашихъ и про Чеуша суды были готовы, а какъ посланники наши и турской Чеушъ въ Азовъ придутъ, и вы ихъ встрѣчать, и намъ велик. государю служити ради, какъ и прежнимъ государемъ. И мы васъ атамановъ и казаковъ и все ваше войско въ томъ похваляемъ, что вы нашему царскому жалованью обрадовались и намъ велик. государю служите и наше царское повелѣніе совершаете, о нашихъ и о земскихъ дѣлѣхъ радѣете, и выбъ намъ

обрѣсти прочное право *на свободную и безпошлинную торговлю* во всѣхъ украинныхъ городахъ. Въ челобитной своей они просили, чтобы таковой торгъ дозволено было произ-

впредъ служили и прямили, какъ начали потомубъ есте службу свою и радѣнье къ намъ в. государю совершали; а на встрѣчу посланниковъ нашихъ и турскаго чеуша послали есмя дворянина нашего Ивана Григорьевича Ододурова и велѣли ему турскаго чеуша встрѣтити съ вами на Дону; а подлинныя вѣсти про турскаго чеуша, какъ придетъ въ Азовъ, велѣно ему дожидатся отъ васъ на Воронежѣ и о своемъ пріѣздѣ какъ онъ пріѣдетъ на Воронежъ, велѣно ему къ вамъ отписати. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и посланники наши Соловой Протасьевъ да дьякъ Михайло Даниловъ и турской чеушъ только въ Азовъ пришли досее нашея грамоты, и вы бъ тотчасъ послали вѣсть на Воронежъ къ Ивану Ододурову и къ нему отписали, чтобъ онъ тотчасъ шелъ съ Воронежа для встрѣчи турскаго чеуша къ вамъ на Донъ на спѣхъ, да какъ Иванисъ Ододуровъ къ вамъ на Донъ придетъ и выбъ съ нимъ турскаго Чеуша встрѣтили честно, по прежнему посольскому обычаю, и почесть ему во всемъ воздали по нашему указу, какъ къ вамъ отъ насъ писано съ Иванисомъ Ододуровымъ. А только посланники наши Соловой Протасьевъ и турской чеушъ до сее нашее грамоты въ Азовъ небывали, и выбъ послали отъ себя въ Азовъ провѣдати: пошлиль они изъ Кафы, и сколь давно и какъ приходу въ Азовъ чаятъ, и какъ они придутъ въ Азовъ и изъ Азова вскорѣль пойдутъ или учнутъ за какими мѣрами въ Азовѣ зимовать, а провѣдавъ про то про все, подлинно отписали бъ естя про то про все къ Иванису, чтобы про все ему было вѣдомо. А будетъ посланники наши Соловой Протасьевъ и Дьякъ Михайло Даниловъ прибудутъ въ Азовъ и изъ Азова пойдутъ къ вамъ въ юрты до Иванисова пріѣзду Ододурова, и вы бъ ихъ, для нашего царскаго имени приняли честно и во всемъ къ чеушу честь и береженье держали, чтобы ему ни въ чемъ безчестья и нужды никоторыя небыло; и къ Иванису бъ есте о томъ отписали немѣшкая ничасу, чтобы онъ шелъ къ вамъ на спѣхъ, а какъ Иванисъ придетъ и выбъ съ нимъ вмѣстѣ турскаго чеуша и посланниковъ нашихъ проводили изъ своихъ юртовъ къ нашимъ городомъ потомужъ съ великимъ береженьемъ честно. А мы васъ за вашу службу и радѣнье учнемъ держати въ нашемъ царскомъ жалованье на вѣки, неподвижно. А атамановъ вашихъ Петра Вострую Иглу да казака Ларю Чернышева, которыхъ прислали къ намъ отъ себя съ отпискою, пожаловавъ нашимъ жалованьемъ, отпустили къ вамъ на Донъ съ сею нашею грамотою и велѣли имъ ѣхати къ вамъ напередъ Иваниса, а Карпу Иванову велѣли ѣхати съ Иванисомъ съ Ододуровымъ вмѣстѣ. Писана на Москвѣ лѣта 7123 Октября въ 8 день.

водить всѣми товарами, пріобрѣтаемыми въ добычу отъ непріятелей: государь далъ на сіе жалованную грамоту за царскою красною печатью, которая также была первая въ такомъ видѣ и содержаніи, полученная казаками отъ Россійскихъ государей. Въ грамотѣ добавлено, что нетокмо съ товарами, но и просто для свиданія *съ родимцами* казаки могутъ ѣздить свободно по всѣмъ украиннымъ городамъ ([161]).

([161]) Дѣла турецкія въ столбцахъ 1615 г., № 2-й, грамота на Донъ $\frac{7124}{1615}$ года сентября

Отъ царя и в. к. Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи, на Донъ, въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Смагѣ Степанову, да Ѳедору Татарѣ, да Енихѣ Родилову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ. Присылали есте къ намъ, великому государю, бити челомъ ото всего войска, товарищечъ своихъ атамановъ и казаковъ Исая Мартемьянова, да Василья Чернова, да Семена Смурьянина съ товарищи, что вы намъ великому государю служите, по шляхомъ разъѣзжаете и по перевозамъ лежите и ясырей отграмливаете и въ наши украинные городы проводите душъ по сту и по двѣсти, и струги и гребцовъ наймуете и кормъ про нихъ покупаете, и нашихъ пословъ и посланниковъ встрѣчаете и провожаете въ Царь-городъ и въ Ногаи большіе и въ малые; и намъ бы васъ за тѣ ваши службы пожаловати, велѣти вамъ выходити въ наши украинные городы со всякими товары, которые вы доставаете своею службою, повольно, и чтобъ вамъ по городамъ отъ воеводъ нашихъ и отъ всякихъ приказныхъ людей налогу и насильства не было и продажъ бы вамъ не чинили ни въ чемъ, и пожаловати бъ намъ васъ, велѣти вамъ дати нашу царскую жалованную грамоту. И мы васъ атамановъ и казаковъ, за ваши многія къ намъ службы, пожаловали, вамъ велѣли въ наши украинные городы со всякими ваши товары и безъ товаровъ, къ родимцомъ вашимъ, ѣздить, и съ ними видитеся повольно и торговати всякими товарами; и по городомъ къ воеводамъ нашимъ и всякимъ приказнымъ людемъ о томъ отъ насъ писано, чтобъ они вамъ и товарищемъ вашимъ въ городы съ товары и безъ товаровъ ѣздить велѣли повольно, и насильства бъ никому нечинили, и сильно ни у кого ни чего неимали; а кто что возметъ товаровъ, и у тѣхъ съ товаровъ пошлинъ имать есми за вашу службу не велѣли. И выбъ атаманы и казаки, по сей нашей царской жалованной грамотѣ, въ наши украинные городы ѣздили съ товары и безъ товаровъ, и съ родимцы своими видѣлись повольно; и намъ великому государю служили и прямили и впредъ во всемъ на наше царское жалованье были надежны. А сю нашу царскую жа-

Въ сіе же время государь озаботился прочнымъ устроеніемъ сношеній съ Дономъ: при прежнихъ государяхъ, переписка съ Донскими казаками производилась большею частію по *Разряду*. Въ сентябрѣ 1614 года царь указалъ завѣдывать дѣлами сими *Посольскому приказу*, который управлялъ сношеніемъ со всѣми иностранными народами.

Связи Донскихъ казаковъ съ Запорожцами болѣе и болѣе утверждались, къ чему способствовало ихъ совокупное дѣйствіе во время россійскихъ мятежей и общіе поиски по Черному морю противъ Турокъ и Крымцевъ. Еще въ концѣ предъидущаго столѣтія упомянуто о походахъ Запорожскихъ Черкасъ на Донъ для подобныхъ поисковъ: многіе изъ нихъ тогда остались жить съ казаками и устроили постоянные юрты въ нижней части Дона, между рѣчекъ Манычью и Аксаемъ. Служба Запорожцевъ подъ знаменами польскаго короля не препятствовала упоминаемому союзу: Черкасы, не бывъ безусловно подчинены Польшѣ, свободно располагали своими услугами, и сколько Сигизмундъ ни старался теперь вооружить ихъ противу Россіи, но всегда находились партіи, доброхотствовавшія нашему отечеству.

Впрочемъ, между Запорожцами, какъ и между Донскими казаками, были своевольцы, искавшіе только случаевъ къ грабежамъ. Партія таковыхъ Черкасъ, бывшихъ въ сіе время на Дону, услышавъ о возвращеніи Протасьева и полагая при немъ большія сокровища, бѣжала въ Запороги, въ намѣреніи соединиться тамъ съ подобными бродягами и напасть на посланника, когда онъ пойдетъ съ Дону въ Россію ([162]). Донскіе казаки приняли осторожность и отвратили сей разбой. Но спустя нѣсколько времени по какому-то случаю родилось у нихъ подозрѣніе, что Запорожцы хотятъ напасть на ихъ городки, и по сей причинѣ они отправили

лованную грамоту велѣли есмя вамъ дать за нашею царскою красною печатью. Писана на Москвѣ лѣта 7124 сентября въ „ день.

([162]) Дѣла Турецкія въ столбц. 1614 г., отписка Ивана Ододурова, привезенная въ Москву 6 генваря 1615 г.

въ Сѣчу своихъ посланцовъ казаковъ Трубникова и Слѣпова. Черкасы отвѣтствовали, что они не нарушатъ союза съ Донцами ([163]).

Вскорѣ послѣ того Запорожцы отказали литовскому королю въ его требованіи воевать русскую землю и звали съ Дону къ себѣ лучшихъ старшинъ для совѣщанія о принятіи посредничества въ примиреніи короля съ Россіею, съ тѣмъ, что если онъ не оставитъ Смоленскъ и не выведетъ своихъ войскъ изъ русскихъ областей, тогда всѣ они соединенно возстанутъ противъ него([164]). Можетъ быть главнѣйшимъ по-

([163]) Выписка изъ распросныхъ рѣчей казака Елистрата Савина, представленнаго государю 20 мая 1616 г., см. дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3.

. . . . . „Донскіе атаманы Смага Степановъ и Епиха Родиловъ и казаки съ азовскими людьми воюются съ тѣхъ мѣстъ, какъ взяли Соловово Протасьева, а по его отъѣздѣ съ азовцы помирились.... А про Петра Мансурова и про дьяка Семейку Самсонова на Дону атаманы и казаки вѣдаютъ, что они отъ государя идуть въ Царь-городъ, . а кой часъ Петръ и Семейка на Донъ придуть и они ихъ тотчасъ къ Азову проводятъ: то онъ слышалъ у атамановъ и казаковъ въ разговорѣ. А съ азовцы у атамановъ и казаковъ миру не чаетъ, потому что азовцы на атамановъ и на казаковъ приходятъ войною зимою и въ осень, а сее зимы азовцы ночью приходили къ городку ихъ лучшему и съ казаки дрались, да и часто азовцы на казаковъ приходятъ, а осенью приходили азовцы къ тремъ городкамъ и къ нимъ приступали, не много у казаковъ городковъ непоимали:“ „Да посылали де съ Дону атаманы и казаки на Днѣпръ къ Черкасомъ казаковъ Дружинку Трубникова да Иванка Слѣпова, о томъ, чтобъ они Черкасы на нихъ не приходили, а былибъ съ ними въ миру. И Черкасы писали къ атаманомъ, что они съ ними будутъ въ миру, а отъ нихъ бы отъ казаковъ также задору не было, а говорятъ де Черкасы, что имъ однолично сее весны приходити къ Азову имати Азова. Да и на Дону де атаманы и казаки отъ Черкасъ боятися ихъ приходу, пойдуть ли Черкасы подъ Азовъ или не пойдуть.“

([164]) Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, отписка Воронежскаго воеводы Никиты Борятинскаго.

.....„Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи, холопъ твой Никита Борятинской челомъ бьетъ. Октября, государь, въ 29 день пріѣхали съ Дону Донскіе атаманы Григорей Долгошея да Артемей Плохой, а въ распросѣ, государь, мнѣ холопу твоему сказали, что прислали къ нимъ къ атаманомъ

водомъ къ сему было неудовольствіе запорожцевъ противу Польши за притѣсненіе въ вѣроисповѣданіи, отъ чего даже возгорѣлась между ними въ 1617 году явная война.

Но тогда какъ союзъ Донцовъ съ Запорожцами становился постояннѣе, азовцы не переставали задирать казаковъ. Еще въ то время, когда Протасьевъ съ турецкимъ чеушемъ зимовали въ Черкаскомъ городкѣ, они безпрестанно дѣлали на ихъ юрты воровскіе набѣги. Великій князь въ грамотѣ своей повелѣвалъ казакамъ не начинать войны съ Азовомъ дотолѣ, пока турецкій посланникъ выѣдетъ обратно изъ Россіи(165), но они не вытерпѣли, и коль скоро отпустили Протасьева изъ юртовъ своихъ, тотчасъ начали войну съ азовцами. Разоривъ предмѣстія Азова, казаки нападали на рыболововъ и промышленниковъ, отгоняли стада, громили на морѣ суда турецкія. Азовцы взаимно воровали и грабили сколько удавалось имъ и въ таковыхъ упражненіяхъ прошло лѣто 1615 года. Даже осенью и зимою, азовцы подбѣгали подъ казачьи городки, но были отбиваемы. Набѣги и грабежи производились съ обѣихъ сторонъ съ ожесточеніемъ(166).

и къ казакомъ и ко всему войску запорожскіе черкасы, чтобы имъ прислать къ нимъ, въ Запороги атамана или казака добраго и говорить бы имъ о добромъ дѣлѣ; а какъ, государь, они казаки пришлютъ къ нимъ черкасомъ въ Запороги атамана или казака добраго, и черкасы посовѣтовавъ съ ними, хотятъ писать къ Литовскому королю, чтобъ ему съ тобою государемъ быти въ миру по прежнему и Смоленскъ де покинувъ, пошелъ прочь, а будетъ, государь, король не будетъ съ тобою государемъ по прежнему въ миру и Смоленска непокинетъ, и мы де черкасы всѣми людьми запорожскіе черкасы въ томъ приходить . . . . . .

(165) Дѣла Турецкія въ столбц. 1614 г., грамота государева на Донъ 1614 г. сентября, посланная съ атаманомъ Денисомъ Ивановымъ.

.....„И покаместа нашъ посланникъ будетъ въ Азовѣ и покаместа турскаго посланникъ побудетъ въ нашемъ государствѣ и назадъ отъ насъ поѣдитъ, и вамъ однолично покамѣста съ Азовскими людьми жили въ миру, задоровъ и обидъ никакихъ нечинили, тѣмъ бы есте нашему и земскому дѣлу порухи неучинили.

(166) Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, смотри выше примѣчаніе 163.

Въ такомъ положеніи были на Дону дѣла, когда московскій дворъ нарядилъ въ Турцію новое посольство. Цѣлію онаго было то, чтобы наклонить Порту помогать Россіи противъ короля польскаго, ибо при переговорахъ съ Протасьевымъ, султанъ уклонился одними обѣщаніями вѣчной дружбы; между тѣмъ какъ король усиливался и приводилъ Россію въ положеніе затруднительное. Дворянинъ Мансуровъ и дьякъ Самсоновъ назначены послами; вмѣстѣ съ ними отправлены обратно послы турецкіе. Государь чрезъ нарочныхъ гонцовъ повелѣвалъ казакамъ примириться для сего случая съ азовцами.

Посланникамъ даны особыя грамоты о томъ же и жалованье казакамъ([167]), но Донцы не мирились съ Азовцоми. Мансуровъ и Самсоновъ, принужденные по позднему времени зимовать на Воронежѣ, посылали къ казакамъ новыя убѣжденія, представляя, что успѣхъ дѣла государственнаго много зависитъ отъ ихъ замиренія и что они (посланники)

([167]) Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 2, см. царскую грамоту на Донъ.

.....„И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и посланники наши Петръ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ и атаманъ Исай Мартемьяновъ съ товарищи пріѣдуть, и выбъ у нихъ наше царское жалованье, что съ ними къ вамъ атаманомъ и казакомъ послано, взяли и къ намъ великому государю и ко всему нашему государству службу свою и радѣнье совершали и нынѣ намъ великому государю потомужъ служили и прямили, посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейку Самсонова отпустили отъ себя съ Дону незадержавъ, честно проводили ихъ до Азова, чтобъ имъ поспѣти до зимняго пути въ Царьгородъ а ко..... въ Кафу, и съ Азовомъ бы есте, для нынѣшняго нашего великаго дѣла, помирились и задору ни котораго азовскимъ людемъ нечинили ни которыми дѣлы, чтобъ въ томъ нашему и турскому дѣлу порухи не было и посланнику-бъ нашему у турскаго царя въ томъ задержанья не было; а которые будутъ азовскіе люди учнуть ходити на Донъ по прежнему, для рыбныхъ ловель и для дровъ, и выбъ тѣмъ людемъ потомужъ задору ни котораго нечинили, жилибъ есте съ ними по прежнему, какъ съ ними жили на предъ сего въ миру; и мы Петру Мансурову и дьяку Семейкѣ съ азовскимъ санчакомъ велѣли потомужъ накрѣпко говорити, чтобъ азовскіе люди жили съ вами въ мирѣ и задоровъ бы межъ

какъ скоро ледъ вскроется поплывутъ въ ихъ юрты(168). Ка-

васъ ни въ чемъ не было покамѣста Петръ и Семейка по нашему наказу изъ Царягорода сходятъ."

(168) Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, отписка посланниковъ Мансурова и Самсонова.

„Господамъ Смагѣ Степанову, Епифану Ивановичу и всему великому войску, Петръ Мансуровъ и Семейка Самсоновъ челомъ бьютъ. Государь царь и великій князь, Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Руссіи отпустилъ насъ, а съ нами турскаго чеуша людей къ турскому къ Ахматъ-султану для своихъ государевыхъ великихъ дѣлъ; да съ нами же, господа, послана къ вамъ къ атаманомъ и казакомъ и ко всему войску государево царево и великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи великое жалованье за вашу многую службу. А велѣно намъ, да съ нами Донскимъ атаманомъ Исаю Мартемьянову, Семену Уколову, Василью Черному, Андрею Репчукову, Назару Иванову съ товарищи итти на Донъ къ вамъ до нижнихъ юртовъ, и чтобъ поспѣшити въ нижніе юрты водянымъ путемъ. И мы, господа, съ государевою казною и съ турскимъ чеушемъ и Алѣя чеуша съ людьми и съ Донскими атаманы и казаки пришли на Воронежъ ноября въ 1 д., а въ нижніе юрты дойти было невозможно сее осени что зима стала рано, и Донъ рѣка стала октября въ 26 д. и стоимъ нынѣ на Воронежѣ; а какъ дасть Богъ на Дону ледъ вскроется, и мы тотчасъ пойдемъ къ вамъ въ нижніе юрты. А про васъ, господа, слышимъ отъ казаковъ и отъ ясырей, которые отъ васъ съ Дону выходятъ на Воронежъ, и они намъ сказываютъ, что вы съ азовцы пося мѣста не въ миру, а азовцы де къ вамъ присылали, чтобъ вамъ съ ними помириться, и вы де съ ними не миритесь. И вамъ, господа, къ государю царю и велик. князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи службы своя и радѣнья совершити покамѣста мы къ вамъ придемъ, и вамъ бы до тѣхъ мѣстъ съ азовцы сослався, одно конечно помириться и жити бы съ ними въ миру и задоровъ бы никакихъ азовскимъ людемъ нечинити. А отъ государя царя и велик. князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи, о томъ къ вамъ писано подлинно съ атаманомъ съ Донскимъ съ Семейкою Смурыгою съ товарищи; и вамъ бы, господа, по государеву указу, о такомъ о государственномъ и о земскомъ дѣлѣ одноконечно порадѣть и къ государю своя служба оказать, до нашего пріѣзду одноконечно съ азовцы помириться, чтобы намъ, пришедъ, у васъ долгаго молчанья небыло. Да и прото бъ вамъ, господа, азовскому князю и азовскимъ людемъ вѣдомо учинить вскорѣ, что великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи самодержца посланники, мы, Петръ Мансуровъ и Семейка Самсоновъ и съ нами велій чеушъ и Алея чеуша люди отъ царскаго величества къ брату его къ великому государю къ царю турскому

заки отвѣтствовали, что азовцы сами задираютъ ихъ([169]).

Въ первыхъ числахъ мая (1616 года) Мансуровъ и Самсоновъ встрѣчены въ нижнихъ юртахъ съ честію. Казаки, принявъ отъ нихъ царскія грамоты и жалованье, начали ссылаться съ азовцами о мирѣ. По введенному обычаю, всякій разъ при заключеніи мира Азовъ давалъ на войско котлы, сѣти и соль; но казаки теперь требовали еще сверхъ того трехъ товарищей своихъ, бывшихъ въ плѣну([170]). Азов-

---

Ахматъ салтану отпущены, и нынѣ въ дорогѣ стоимъ на Воронежѣ; а непоспѣшили къ нимъ въ Азовъ доити что зима стала рано, а прося у Бога милости будемъ къ нимъ въ Азовъ на веснѣ, и у нихъ бы въ Азовѣ къ нашему приходу былъ корабль готовъ, на чемъ было изъ Азова въ Кафу и въ Царьгородъ итти немѣшкая съ первыми кораблми вмѣстѣ. А съ сею, господа, грамотою послали мы къ вамъ станицу Воронежанъ четырехъ человѣкъ, сынъ боярской Яковъ Кипріяновъ да бѣломѣстные атаманы Дружинка да Тимоха Бобровы, Ѳедька Бронниковъ. А что, господа, у васъ объявится про крымскихъ или Казыева улуса и про азовскихъ людей или про черкасъ про ихъ походъ на государеву украйну, и иныхъ какихъ вѣстей, и на чемъ съ азовскими людьми и до которыхъ мѣстъ миръ по договору межъ васъ будетъ, и вамъ, господа, о томъ о всемъ отписать къ государю царю и в. к. Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи подлинно, съ тѣми-жъ съ нашими станичники вмѣстѣ, а отпустя бы ихъ къ намъ не задержавъ, да и о томъ бы, господа, вамъ къ намъ отписать, котораго мѣсяца и числа станичники наши къ намъ придуть, да и послѣ, господа, вашего къ намъ отпуску что у васъ какихъ будетъ вѣстей про татарскіе или про крымскіе приходы на государевы украйны, и вамъ бы, господа, о томъ къ государю царю и в. к. Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи служба своя показуючи, къ нему государю писать подлинно. А отпущена, господа, къ вамъ станица декабря въ 17 день."

([169]) Распросныя рѣчи казака Елистрата Савина, см. примѣчаніе 163.

([170]) Дѣла турецк. въ столбц. 1615 г. № 4, выписка изъ статейнаго списка посланниковъ Мансурова и Самсонова.

....,,И Азовской князь Али Бей посланникомъ Петру и Семейкѣ говорилъ: прежде сего дня перемирья азовцы давали донскимъ казакамъ на войско котлы, да сѣти да соль, и нынѣ де азовцы за то не постоять же, а что де казаки просятъ на перемирье трехъ человѣкъ казаковъ, а то вчинаютъ ново мимо прежней обычай, да и статся тому немочно."

цы отказали и миръ не состоялся. Послы поспѣшая къ назначенію своему, переѣхали въ Азовъ; но князь азовскій Али Бей, не отпускалъ ихъ въ Царьградъ, дѣлалъ разныя прицѣпки и выговоры за казаковъ, требуя, чтобъ послы принудили ихъ къ миру. Тщетно Мансуровъ и Самсоновъ представляли виновность самыхъ азовцевъ и непрерывные ихъ набѣги на донскіе городки и россійскую украйну. Али Бей твердилъ одно, и не выпускалъ пословъ, а азовцы между тѣмъ продолжали задирать и грабить. 9 іюня, они схватили на Мертвомъ Донцѣ 27 казаковъ и ужасными пытками (вырѣзывали спинной ремень) извлекли признаніе о привезенномъ на Донъ жалованьѣ: большую часть сихъ плѣнниковъ продали, другихъ послали къ султану, для улики россійскаго царя въ покровительствѣ казакамъ, а старшаго атамана Лисишникова повѣсили на мачтѣ того корабля, который былъ приготовленъ для посланниковъ. Мансуровъ вмѣнилъ сей поступокъ въ безчестіе и на томъ кораблѣ ѣхать не согласился; Али Бей извинялся, что атамана повѣсили безъ его вѣдома([171]).

Наконецъ, по убѣжденію посланниковъ, обѣ стороны согласились на перемиріе, которое и заключено срокомъ до возвращенія посольства изъ Константинополя ([172]). Послан-

([171]) Тамъ же.

„Іюня въ 9 д. 1616 г. Азовскіе люди привезли съ Донца съ Мертваго Донскаго атамана Матвѣя Лисишникова да 26 ч. казаковъ, и Матюшку съ товарищи распрашивали и пытали, и ремень изъ хребта у Матюшки рѣзали, и пытавъ повѣсили накораблѣ на мачтѣ, на которомъ было ѣхати Петру и Семейкѣ; а съ пытки Матюшка и казаки сказывали, что прислано къ нимъ государево жалованье съ Петромъ и съ Семейкою, деньги и сукна и хлѣбные запасы и зелья и свинцу и сѣры и селитры, и азовскій князь пытавъ казаковъ, отпустилъ въ Царь-городъ въ языцехъ лучшихъ людей на томъ же кораблѣ, которой далъ Петру и Семейкѣ, а иныхъ молодыхъ казаковъ распродали:“ Далѣе изъ того же статейнаго списка видно, что Мансуровъ поступокъ сей вмѣнилъ въ безчестіе и на томъ кораблѣ ѣхать не согласился. Азовскій начальникъ далъ ему другой, говоря, что казаковъ повѣсили безъ его вѣдома.

([172].) Тамъ же.

ники 23 іюля прибыли въ Константинополь.

Казалось согласіе между казаками и Азовцами утвердилось прочно, но едва Мансуровъ отплылъ отъ Азова какъ безпокойные жители сего города снова стали нападать на донскіе юрты: въ воровскомъ набѣгѣ разорили передовой острожекъ, взяли въ плѣнъ нѣсколько казаковъ и послѣ на площади казнили 50 челов. Загорѣлась война сильнѣе прежняго; оскорбленные казаки пустились на разорѣнія: одни опустошали посады азовскіе, другіе громили корабли и каторги на морскомъ заливѣ. Осенью большая партія казаковъ отправлялась на морскіе поиски, и разоривъ по берегамъ Чернаго моря многія селенія, приступала къ Трапезонту, истребила тамъ посадъ, и съ добычею возвратились на Донъ(178). Въ сіе время и Запорожцы, частію вмѣстѣ

Іюня въ 14 д. по государеву цареву и в. к. Михаила Ѳедоровича всеа Россіи указу и по прошенью и присылкѣ азовцовъ, Донскіе атаманы и казаки Смага Чершенской съ товарищи прислали въ Азовъ для примиренья атамана Василья Чернаго, да Гаврила Стародуба, да Василька Болдыря, и царскаго величества по повѣленью съ азовцы помирилися и аманаты размѣнялись; казаки привели къ шерти Азовцевъ лучшихъ людей, а азовцы привели къ крестному цѣлованью атамана Василья Чернаго, съ товарищи, во всѣхъ Донскихъ казаковъ мѣсто на томъ, что имъ съ Азовцы, а Азовцамъ съ ними жити смирно, и задоровъ ни въ которую сторону нечинити, покамѣстъ царскаго величества посланники Петръ и Семейка изъ Царя-города въ Азовъ придутъ. А покамѣстъ азовцы съ казаки перемирья неучинили, и азовской князь держалъ Петра и Семейку за перемирьемъ пять недѣль и непомирився съ казаки, никакими мѣрами во Царь-городъ не отпустилъ."

(178) Тамъ же, въ томъ же статейномъ спискѣ и распросныя рѣчи атамана Андрея Репчукова съ товарищи, пріѣхавшаго въ Москву въ челобитчикахъ, августа 1-го 1617 г., см. дѣла турецк. въ столбц. 1616 г. № 1-й.

Статейный списокъ . . . . . „Визирь говорилъ: сказываете вы, что великій государь вашъ хочетъ съ великимъ государемъ нашимъ быти въ братской въ крѣпкой дружбѣ и въ любви на вѣки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей, и прислалъ васъ къ в. г. къ нашему къ Ахметъ салтану для братской крѣпкой дружбы и любви, а Донскихъ казаковъ сказывали вы на пріѣздѣ, что съ азовцы помирились, а нынѣ Донскіе казаки на

съ Донскими казаками, а частію отдѣльными партіями плавали по морю для войны и грабежей. Въ таковыхъ набѣгахъ казаки равномѣрно нападали и на крымскія области(174).

Князь Али Бей, по своему обыкновенію, тотчасъ принесъ Портѣ жалобу, наполненную ложными обвиненіями казаковъ въ нарушеніи перемирія. Онъ даже писалъ, что азовцы, вскорѣ послѣ отъѣзда посланниковъ, вторично предложили казакамъ миръ и заплатили имъ за оный 1000 золотыхъ; но казаки взявъ деньги мира не сдержали. Въ это время султанъ уже освѣдомился о государевомъ жалованьѣ присланномъ на Донъ. Все сіе перемѣнило расположеніе Оттоманскаго двора къ Россіи.

Посланниковъ задержали въ Константинополѣ; на ихъ предложеніе о помощи противъ Польши отвѣтствовали упреками за казачьи набѣги и требовали, чтобы великій князь свелъ казаковъ съ Дону. Мансуровъ и Самсоновъ отговаривались по заведенному порядку тѣмъ, что на Дону живутъ бродяги, которые повелѣній государя не слушаютъ; взаимно дѣлали упреки о непрерывныхъ разореніяхъ наносимыхъ россійскимъ украйнамъ крымцами, азовцами и ногаями Казыева улуса, настаивали чтобы султанъ унялъ ихъ; и подъ таковымъ условіемъ давали обѣщанія, что тогда и русскій царь сведетъ казаковъ съ Дону. При переговорахъ съ визи-

---

Черномъ морѣ государя нашего взяли два города Синопъ да Требозанъ и городы выжгли и людей многихъ побили, а иные поморскіе городы и волости повоевали и запустошили; и вы приходите къ великому государю нашему съ сманою, а не съ прямою правдою, и нынѣ мнѣ про то казачье воровство слыша, в. государю своему и сказати невѣдомо какъ."

(174) Дѣла крымскія въ столбц. 1615 г., № 2. Распросныя рѣчи служилаго татарина Кулуша Кашаева и вожа Ивашка Шабанова. „Калга да царевичъ нынѣ стоитъ, вышедъ изъ Перекопа на поле, а съ нимъ ратныхъ людей тысячь съ пять, а оберегается отъ Запорожскихъ черкасъ. А сказывали де ему языки у Запорожскихъ Черкасъ взятыя, что въ сборѣ Черкасъ 4/т. человѣкъ; а хотятъ итти на Донъ къ Донскимъ казакомъ, а пришедъ на Донъ идти подъ Азовъ, и ссылка де ихъ о томъ съ Донскими казаками была."

ремъ Ахметъ Пашою, когда онъ въ своихъ выговорахъ посланникамъ называлъ ложнымъ ихъ начальное увѣреніе о замиреніи казаковъ съ азовцами, посланники отвѣтствовали, что перемиріе утверждено обоюдными клятвами при нихъ самихъ, и они никакъ не вѣрятъ разсказамъ о нарушеніи онаго и о набѣгахъ казачьихъ. Визирь убѣждалъ нашихъ сановниковъ поручиться за казаковъ: «тогда—говорилъ онъ—Порта исполнитъ всѣ ваши предложенія, утвердится дружба между нашими государями и султанъ дастъ вамъ помощь на Поляковъ; въ противномъ случаѣ онъ самъ пошлетъ на Донъ большую рать разорить юрты и истребить всѣхъ казаковъ». «Если казаки нарушили крестное цѣлованіе о мирѣ—отвѣчали послы—то побейте ихъ всѣхъ до одного, и государь нашъ доволенъ будетъ». Но посланникамъ тотчасъ представили доказательства о покровительствѣ казаковъ московскаго двора, и о присланномъ съ ними же жалованьѣ на Донъ. Мансуровъ отговаривался, что жалованье дано имъ единственно за то, что они нашего посла Протасьева вмѣстѣ съ турецкимъ чеушемъ кормили цѣлую зиму. Наконецъ турки хотѣли заставить посланниковъ написать къ казакамъ о замиреніи съ азовцами; но они не согласились на то и утверждали, что всѣ извѣстія о размирьѣ съ азовцами должны быть ложны. Вообще Мансуровъ и Самсоновъ старались расположить Оттоманскій дворъ въ свою пользу, но имъ не вѣрили(175).

(175) Дѣла турецкія въ столбц. 1615 г. № 14, см. стат. списокъ посольства Мансурова и Самсонова.

.....,И визирь же Петру и Семейкѣ говорилъ: добро бы вамъ Донскихъ казаковъ себѣ на души взять и только бъ вы Донскихъ казаковъ себѣ на души взяли, и великаго государя вашего всѣ дѣла по грамотѣ и по вашему Петрову и Семейкину изустному слову, что вы отъ государя своего съ нами говорили и по его приказу сдѣлалися и васъ великій государь нашъ Ахметъ Салтанъ велитъ къ великому государю вашему со всѣмъ съ добрымъ дѣломъ отпустить вскорѣ, а будетъ вы казаковъ себѣ на души ни возмете, и вамъ будетъ отъ великаго государя нашего какого добра начаятся и отпуску небудетъ, а межъ обоихъ великихъ государей дружбы и любви небудетъ же, и отъ великаго государя нашего государю вашему на польскаго короля вспоможенье нечего для

Великій князь свѣдавъ о произшествіяхъ сихъ, послалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Константинополь гонцовъ съ грамотою къ султану и съ дополнительнымъ наказомъ посланникамъ. Перваго увѣрялъ онъ, что морскіе набѣги дѣлаютъ по большей части Запорожцы, по наущенію недруга нашего польскаго короля, который, желая попрепятствовать союзу Росчинить; а на Донскихъ казаковъ великій государь нашъ Ахметъ салтанъ хочетъ послать воеводъ со многими ратными людьми и великаго государя нашего по повелѣнью тѣ ратные люди всѣхъ казаковъ перебьютъ и юрты ихъ разорятъ."

„И Петръ и Семейка Ахметъ пашѣ говорили: будетъ Донскіе казаки крестное цѣлованье порушили, и великій государь нашъ Ахметъ салтанъ пошлетъ на нихъ рать свою, и какой поискъ надъ Донскими казаки государю вашему учинится, или хотя до одного человѣка Донскихъ казаковъ турскіе люди побьютъ, и великій государь нашъ царское величество за то Ахметъ салтанову величеству непостоитъ и недружбы никоторой втомъ съ братомъ своимъ, съ государемъ вашимъ неучинитъ."

„И Алей паша Петру и Семейкѣ говорилъ:—сказываете вы, что великій государь вашъ, съ великимъ государемъ нашимъ хочетъ быти въ братской въ крѣпкой дружбѣ и любви, на вѣки неподвижно, а Донскихъ казаковъ называете ворами и разбойниками; за что жъ велик. государь вашъ къ донскимъ казакамъ съ вами прислалъ зелья и свинцу и денегъ, и хлѣбные запасы многіе, то ли ваши неявна передъ государемъ нашимъ неправда?....."

„И Петръ и Семейка Алею пашѣ говорили: мы и прежъ сего тебѣ визирю Ахметъ пашѣ говорили, да и нынѣ вамъ говоримъ, великій государь нашъ царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Россіи самодержецъ, прислалъ къ Донскимъ казакамъ своего государева жалованья зелья и свинцу немного, для того, какъ великаго государя нашего на украйну ногайскіе и Казыева улуса люди войною ходятъ и назадъ съ полономъ изъ Руси приходятъ, и тѣ Донскіе атаманы и казаки великому государю нашему служатъ по рѣкѣ по Дону и по запольнымъ рѣкамъ и по перевозамъ надъ ногайскими и Казыева улуса надъ людьми поискъ чинятъ и полонъ у нихъ русской отбиваютъ и великаго государя нашего назадъ въ украинные городы отсылаютъ, да и для того какъ великаго государя нашего царскаго величества посланники Соловой Протасьевъ да Михайло Даниловъ были у великаго государя вашего и пошли къ великому государю нашему государя вашего послапникъ Алей чеушъ съ своими купецкими людьми, и пришедъ на Донъ зимовали у казаковъ въ Черкаскомъ городкѣ и Донскіе атаманы съ казаки великаго государя нашего посланниковъ Соловаго и Михайла и великаго государя вашего

сіи съ Портою, склонилъ Запорожцевъ вовлечь въ сію войну и Донскихъ казаковъ, что сіи послѣдніе теперь совершенно не слушаютъ его приказаній, и что онъ, коль скоро управится съ поляками, непремѣнно велитъ согнать съ Дону казаковъ. Посланникамъ велѣно говорить тоже самое, и они передавая сіе визирю, ссылались на своихъ гонцовъ, которые проѣздомъ отъ самаго кафинскаго паши слышали о всѣхъ набѣгахъ Запорожцевъ и были сами очевидцами ихъ похода(176). Въ сіе время великій князь неоднократно пи-

посланника жъ Алея чеуша съ товарищи встрѣчали всѣми людьми съ великою честью, и зиму ихъ всю кормили, и съ Дону весною до великаго государя нашего до украйнаго города до Воронежа проводили, отъ Ногайскихъ татаръ и отъ черкасъ многими людьми съ великою честію".....

„И визирь Магметъ паша Петру и Семейкѣ говорилъ: прежъ сего великаго государя нашего по указу азовскіе люди Донскимъ казакамъ, для перемирья, давывали 1000 золотыхъ, да сѣти, и котлы и соль; и нынѣшняго лѣта, послѣ васъ Азовцы Донскимъ казакамъ для перемирья 1000 золотыхъ да сѣти, и котлы и соль по договору далижъ и съ казаки было на томъ помирились и крестнымъ цѣлованьемъ укрѣпилися, чтобъ было имъ съ азовцы жити въ миру и никакихъ задоровъ и шкоты нечинити, и на море для воровства и добычи не ходити, и Донскіе казаки, выманивъ у азовцевъ золотые, и сѣти, и котлы и соль и преступя крестное цѣлованіе, немного спустя, съ азовцы розмирились и подъ Азовомъ и на Міюсѣ государя нашего людемъ многіе убытки починили, и корабли погромили и людей посѣкли, и вамъ бы казакамъ отъ себя отписати, чтобъ они съ азовцы помирились."

На сіе посланникъ и дьякъ отвѣчали: что имъ писать къ Донскимъ казакамъ неприлично и при томъ отказывались, что всѣ извѣстія о ихъ размирьѣ съ азовцами и морскихъ набѣгахъ должны быть ложны.

(176) Дѣла турецкія въ столбц. 1616 г., № 1-й и царская грамота къ султану, посланная въ іюлѣ мѣсяцѣ 1617 г.

Послѣ титула:

..... „Вѣдомо намъ великому государю учинилось, что говорили нашего царскаго величества посланникомъ Петру Мансурову да дьяку Семейкѣ Самсонову ваши великаго государя ближніе люди о Донскихъ о казакѣхъ, что будто вашему украинному городу Азову тесноту чинять и на морѣ подъ Азовомъ корабли громять и инымъ поморскимъ городомъ также чинять тѣсноту и на морѣ подъ Азовомъ вашихъ торговыхъ людей грабять и разбиваютъ; а мы, будто,

салъ и къ Донскимъ казакамъ о примиреніи съ азовцами, а наконецъ, для убѣжденія ихъ въ томъ, нарочно послалъ своего дворянина Кисленскаго. Казаки всякій разъ объявля-

---

великій государь, къ нимъ съ нашимъ жалованьемъ присылаемъ, и въ томъ де вы, великій государь, братъ нашъ и доброй пріятель, на насъ мнѣніе держите и, для будто тѣхъ воровъ Донскихъ казаковъ воровства, посланникамъ нашимъ Петру Мансурову да дьяку Семейкѣ Самсонову у васъ, великого государя, брата нашего и добраго пріятеля, задержанье учинилось. И мы великій государь вамъ великому государю Ахметъ салтанову величеству, про тѣхъ воровъ про Донскихъ казаковъ объявляемъ, что тутъ на Дону живутъ изъ нашихъ россійскихъ государствъ воры бѣглые люди и казаки вольные, которые бѣгаютъ изъ нашихъ государствъ заворовавъ, отъ татьбы и отъ разбою и ото всякихъ смертныхъ винъ, боясь отъ насъ смертныя казни, и тутъ на Дону живучи, воруютъ, сложася, ссылаяся съ запорожскими черкасы, по повелѣнью недруга нашего польскаго короля, въ смутное время съ польскими и съ литовскими людьми и съ запорожскими черкасы наши великія россійскія государства воевали и многіе мѣста запустошили и единоплеменную крестьянскую кровь многую разлили и многую смуту, тѣ воры, въ нашихъ россійскихъ государствахъ, называючи воровъ свою братью казаковъ государскими дѣтьми, учинили; а наше жалованье къ нимъ посылали есьмя съ нашими посланники немного, запасъ и сукна, для того, что тѣ воры Донскіе казаки посланниковъ нашихъ къ вамъ великому государю непропускали; а только было къ нимъ нашего жалованья не послати, и они бъ и нашихъ посланниковъ къ вамъ великому государю непропустили и ихъ перерабивъ побили, про то вашимъ людемъ вѣдомо. И пославъ мы великій государь нашихъ посланниковъ къ вамъ великому государю къ Ахметъ-салтанову величеству, къ тѣмъ ворамъ на Донъ многихъ нашихъ дворянъ съ тѣмъ посылали, чтобы они съ вашимъ городомъ съ Азовомъ помирилися, и тѣсноты ему никакія нечинили и на морѣ вашихъ людей негромили, про то чаемъ и вашимъ азовскимъ людемъ вѣдомо подлинно: и тѣ Донскіе казаки воры нашего указу ни въ чемъ неслушаютъ и сложась вмѣстѣ съ запорожскими черкасы, на наши украйны войною и нынѣ ходятъ, и въ нынѣшнемъ году тѣ Донскіе воры казаки, съ днѣпровскими казаки вмѣстѣ, по повелѣнью недруга нашего польскаго короля, нашъ украйный городъ Осколъ взяли и многихъ людей нашихъ побили, и ни въ чемъ нашего царскаго повелѣнья тѣ воры неслушаютъ, и нашихъ служилыхъ татаръ Зянгильдея Исенева съ товарищи для того есьмя и послали къ вамъ брату нашему, черезъ Крымъ, что тѣ казаки на Азовъ непропустили. И вамъ бы, брату нашему, о томъ поразсудити и на насъ въ томъ мнѣнья никотораго и досады не

ли совершенную готовность исполнить волю царскую, увѣряя, что азовцы сами на миръ непреклонны и непрестанно ихъ задираютъ([177]).

держати, и посланиковъ нашихъ и служилыхъ татаръ, прежнихъ и нынѣшнихъ къ намъ великому государю отпустити незадержавъ, и своего посланника съ нашими послы вмѣстѣ къ намъ великому государю о дружбѣ и о любви прислати; а какъ же дастъ Богъ, съ недругомъ нашимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ мы великій государь твоею помощью управимся и съ тое стороны намъ недруга не будетъ, и мы великій государь на тѣхъ воровъ пошлемъ рать свою и съ Дону ихъ велимъ сбити, а которые достанутся живы, и тѣхъ велимъ казнити смертью, по ихъ винамъ кто чего достоинъ. Мы великій государь всегда того хотимъ и о томъ радѣемъ, чтобы намъ съ вами великимъ государемъ быти въ дружбѣ мимо всѣхъ великихъ государей, во всемъ безъ нарушенья и такихъ бы ссорщиковъ воровъ впередъ межъ насъ небыло. Писана государствія нашего... дворѣ, лѣта отъ созданія міра 7125, іюля мѣсяца.

([177]) Дѣла Турецкія въ стобц. 1625 г., №-1-й, царская грамота на Донъ къ Донскимъ казакамъ отъ 29 іюля 1617 года.

„ Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ Епихѣ Родилову да Исаю Мартемьянову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому. Во прошломъ 124 году посланы отъ насъ великого государя въ Царь-городъ къ брату нашему къ Ахметъ салтану въ посланникѣхъ Петръ Ивановъ сынъ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ, межъ насъ великаго государя и Ахметъ салтана царя о братственной дружбѣ и о любви и о иныхъ нашихъ государственныхъ и о земскихъ великихъ дѣлѣхъ; а на Донъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему великому войску послано съ ними наше жалованье, деньги, сукна и запасъ, и вино, и о томъ отъ насъ къ вамъ съ нашими жъ посланники и послѣ посланниковъ нашихъ писано многожды; а послѣднее писано отъ насъ къ вамъ въ нынѣшнемъ во 125 году съ дворяниномъ нашимъ съ Еремѣемъ Кисленскимъ, чтобы вы атаманы и казаки намъ великому государю служили и прямяли, и для нашего и земскаго великаго дѣла съ Азовомъ помирились и къ турскимъ ни къ которымъ городомъ и на морѣ на турскихъ людей войною не ходили и задору никотораго турскимъ людемъ нечинили до тѣхъ мѣстъ, покамѣста посланники наши у турскаго царя будутъ и назадъ отъ него къ намъ придутъ, чтобы въ томъ нашему и земскому дѣлу порухи и посланникомъ нашимъ у турскаго царя задержанья небыло. И вы атаманы и казаки пишите къ намъ во всѣхъ своихъ отпискахъ, что вы намъ великому государю служите и въ нашемъ царскомъ повелѣньи быти готовы и съ

Сими произшествіями кончился 1616 годъ.

Взаимные набѣги казаковъ и азовцевъ продолжались:

азовцы, для нашего и земскаго дѣла, задору чинити неучнете; а нынѣшняго жъ 125 году іюля въ 16 день писали къ намъ изъ Крыму посланники наши Ѳедоръ Челюсткинъ да дьякъ Петръ Даниловъ, которые посланы отъ насъ для нашего и земскаго дѣла въ Крымъ къ Джанбекъ Гирею царю, и прислали отписку изъ Царя-города отъ посланниковъ нашихъ отъ Петра Мансурова да отъ дьяка отъ Семена отъ Самсонова, какову они прислали къ нимъ въ Крымъ съ полоненикомъ апрѣля въ 16-й день, и въ отпискѣ изъ Царьгорода посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейки Самсонова написано, что они пришли въ Царь-городъ и письмо и поминки отъ насъ Ахметъ-салтану отдали іюля въ 23 день 124 году и о всѣхъ дѣлѣхъ говорили, и послѣ того, какъ старой визирь Халиль и съ нимъ они о всѣхъ нашихъ дѣлѣхъ говорили жъ, и они сказали, что все наше дѣло у государя ихъ исполнится, только бъ намъ великому государю васъ Донскихъ казаковъ уняти, чтобъ вы на морѣ не ходили и торговыхъ ихъ людей не громили. Да визири жъ де имъ вычитали, что прислано отъ насъ къ вамъ на Донъ наше жалованье, деньги, и сукна, и хлѣбные запасы, и зелье, и свинецъ и селитра, а вы де безпрестани съ Дону съ запорожскими черкасы вмѣстѣ къ городомъ ихъ войной ходите и торговыхъ ихъ людей на морѣ громили и посямѣста де имъ въ Царьгородѣ многое задержанье и впередъ чаютъ себѣ задержанье въ вашемъ, Донскихъ атамановъ и казаковъ, задорѣ, что вы съ Азовомъ немирны и съ запорожскими черкасы вмѣстѣ къ турского городомъ ходите и на морѣ торговыхъ ихъ людей громите и впередъ де себѣ вскорѣ отпуску затѣмъ нечаются. Да нынѣшняго жъ 125 году іюля въ 20 день писалъ къ намъ съ Донкова воевода Олексѣй Чубаровъ и прислалъ къ намъ донковскаго полковаго казака Першика Дуделадова, а въ распросѣ тотъ Першикъ сказалъ: посыланъ де онъ съ Воронежа отъ Юрья Богданова на низъ въ станицѣ съ Ельчаниномъ сыномъ боярскимъ съ Меркуломъ Полосинымъ до вашихъ казачьихъ до нижнихъ юртовъ провѣдывать про нашихъ посланниковъ, и онъ де Першикъ не доѣзжая большаго вашего войска, рознемогся въ юрту у Курмана яру, и слышелъ де онъ отъ казаковъ, которые пріѣзжаютъ отъ васъ атамановъ и казаковъ изъ большаго войска, что пришли къ вамъ на Донъ съ Запорог черкасы двѣ тысячи человѣкъ, а были тѣ черкасы въ походѣ на море и имали многіе турскіе городы и въ нихъ имали себѣ добычу многую; да и ваши де казаки пошли на морѣ въ войну жъ еще до велика дни, 700 ихъ человѣкъ, подъ турскаго жь царя городы, и нынѣ де тѣ черкасы,

послѣднимъ въ началѣ сего года удалось прокрасться къ казачьимъ зимовищамъ и обратить ихъ въ пепелъ, другія

которые пришли съ моря, стоятъ у васъ въ войску и дожидаются съ моря вашихъ атамановъ и казаковъ, которые пошли на морѣ, а дождався де съ моря тѣхъ казаковъ, хотятъ съ вами вмѣстѣ итти подъ Азовъ, и азовскіе де люди о томъ писали къ турскому государю, чтобъ онъ затѣмъ нашихъ посланниковъ къ намъ не отпускалъ и своихъ посланниковъ къ намъ не посылалъ. И мы великій государь тому дивимся, какими обычаи вы атаманы и казаки такъ безъ нашего указу чините, на турскаго царя городы ходите войною, сложася недруга нашего съ людьми съ запорожскими черкасы и городы его жжете и воюете и всякихъ людей со всѣми животы ихъ въ полонъ емлете, мимо нашъ указъ, и тѣмъ есте межъ насъ великого государя и турского Ахметъ салтана царя нынѣшней нашей ссылкѣ учинили помѣшку и нашего недруга и разорителя великаго нашего Россійскаго государства на польскаго Жигимонта короля, и на его землю турскаго царя Ахметъ салтановымъ людемъ походъ тѣмъ помѣшали, а про польскаго Жигимонта короля и про его польскихъ и литовскихъ людей самимъ вамъ подлинно вѣдомо, какой польской Жигимонтъ король и польскіе и литовскіе люди грубители намъ великому государю и нашимъ великимъ государствамъ, чего ихъ грубостей и злыхъ злокозненныхъ дѣлъ и списать невозможно; а вы вѣдая прежнее его королевское, къ намъ великому государю и къ нашимъ великимъ россійскимъ государствамъ, такую многую грубость и невинное отъ него единокровной вашей братьи крестьянское кроворазлитье и впередъ на наши къ великія россійскія государства о разоренье и на невинное крестьянское кроворазлитье злой умыслъ, втожъ время, какъ вы насъ ослушаетеся, какъ нашъ посланникъ для нашего и земскаго дѣла у турскаго царя, а вы въ тѣжъ поры вмѣстѣ съ запорожскими черкасы сами одни подъ турскаго городы ходите войною и на морѣ торговыхъ его людей громите и тѣмъ нашему и земскому дѣлу великую помѣшку и великимъ нашимъ государствамъ многой убытокъ учинили, чего есми отъ васъ и николи того нечаялися. И нынѣ мы великій государь послали есми въ Царьгородъ къ Ахметъ салтану въ гонцехъ служилыхъ татаръ станичную голову Девлеткея Девлетъ Козина да Санчукея Бемаева, чтобы Ахметъ салтанъ посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейку Самсонова и служилыхъ татаръ, которые къ нему жъ посланы отъ насъ напередъ сего и нынѣ, къ намъ великому государю слалъ; а къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему вашему войску послали есми съ нашею грамотою дворянина нашего Микиту Сомова. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а гонцы наши, которые посланы

партіи азовцевъ пошли разорять наши украинные горо-

въ Царьгородъ, и дворянинъ которой посланъ отъ насъ съ нашею грамотою, къ вамъ на Донъ пріѣдутъ, и выбъ атаманы и казаки и все наше великое войско низовое и верховое, помня Бога и нашу истинную православную вѣру греческаго закона и помня къ намъ великому государю свою прежнюю службу и свое обѣщанье и крестное цѣлованье, какъ есте обѣщалися намъ великому государю служити, такъ бы есте и совершали, нынѣ однолично для нашего и земскаго дѣла съ Азовомъ помирились и гонцовъ нашихъ и служилыхъ татаръ Девлеткея и Санчукея отъ себя въ Азовъ отпустили незадержавъ и ихъ до Азова проводили по прежнему, какъ есте посланниковъ нашихъ и гонцовъ до Азова провожали напередъ сего; и впередъ бы есте чрезъ наше государское повелѣнье на турскаго царя городы и на его людей на морѣ и подъ Азовъ войною неходили, городовъ его не жгли и неюевали и людей его непобивали и въ полонъ не имали, и съ Азовомъ бы есте помирились, чтобы затѣмъ нынѣшней нашей ссылкѣ съ турскимъ царемъ помѣшки небыло и чтобъ отъ тѣхъ вашихъ задоровъ турской Ахметъ салтанъ съ нами великимъ государемъ братственныя дружбы и любви ненарушилъ, и съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, по его ссылкѣ, мирнаго постановленья не учинилъ и походъ своихъ ратныхъ людей на его землю неоставилъ, и надъ посланники бъ нашими какого дурна, за ваши задоры, неучинилъ и задержать не велѣлъ, а надъ нашими бъ государствы отъ польскаго Жигимонта короля какое разоренье и крестьянское кровопролитье неучинилось. одиличнобъ намъ атаманомъ и казакомъ тѣмъ намъ великому государю служба своя и радѣнье показати для нашего и земскаго дѣла, съ азовцы о мирѣ сослатися и помиритися, и служилыхъ нашихъ татаръ Девлекея и Санчукея въ Азовъ отпустити и до Азова ихъ проводити по прежнему, какъ есте на передъ сего посланниковъ нашихъ и гонцовъ провожали, впередъ бы вамъ на турскаго царя людей войною не ходити и задоровъ никакихъ съ азовцы и съ турскими людьми нечинити до тѣхъ мѣстъ, покамѣста турской Ахметъ салтанъ посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейку Самсонова и служилыхъ нашихъ татаръ къ намъ великому государю отпуститъ; а будетъ турской съ посланники нашими своего посла или посланника къ намъ великому государю пришлетъ, и выбъ атаманы и казаки и все великое войско турскаго царя посла или посланника встрѣтили и приняли его честно по посольскому обычаю, примѣняясь къ прежнему, съ приставомъ съ Юрьемъ Богдановымъ вмѣстѣ, и кормъ ему дали, что у васъ лучилося, будетъ тѣхъ кормовъ неостанетъ, что про него послано съ Юрьемъ, и во всемъ его почитали и того берегли накрѣпко, чтобы ему у васъ на Дону ни отъ кого никакого безчестья неу-

да([178]). Донцы въ отмщеніе нападали на посады Азова. А равно весною 700 удальцовъ пустились на Черное море. На пути нападали они на рыболововъ, производили набѣги на селенія по берегамъ Азовскаго моря, но на Черномъ соединились съ Запорожцами, истребили нѣсколько каторгъ турецкихъ съ людьми и грузомъ. Кромѣ сего, здѣсь же разъѣзжала еще одна партія Запорожцевъ до 3,000 чел. Султанъ, опасаясь послѣдствій отъ набѣговъ сихъ партій, послалъ на нихъ два сильные и хорошо вооруженные отряда на каторгахъ и мелкихъ судахъ. Отрядъ, напавшій на Запорожцевъ, былъ несравненно многочисленнѣе, и потому сіи послѣдніе уступили ему верхъ, потерявъ убитыми до 700 человѣкъ. Турки радуясь побѣдѣ, поспѣшали къ днѣпровскому устью, чтобы заслонивъ оное, непропустить и остальныхъ Запорожцевъ въ Сѣчу; но сіи послѣдніе отошли на Донъ, какъ увидимъ впослѣдствіи ([179]). Другой же отрядъ, встрѣтившійся съ Донскими казаками, былъ менѣе счастливъ: Донцы разбили его наголову, овладѣвши всѣми пушками; пред-

---

чинилось, и отъ себя-бъ есте съ Дону къ намъ великому государю его отпустили честно и до нашихъ украинныхъ городовъ ихъ проводили, съ приставомъ ихъ съ Юрьемъ Богдановымъ и съ тѣми ратными людьми вмѣстѣ, которымъ велѣно быти на встрѣчу съ Юрьемъ, чтобъ ихъ въ дорогѣ черкасы и крымскіе и ногайскіе татаровя не разгромили и дурна никотораго не учинили. А мы великій государь, за тое вашу къ намъ службу, наше къ вамъ жалованье деньги, и сукна, и селитры, и запасъ съ дворяниномъ нашимъ съ Юрьемъ Богдановымъ послали, и впередъ учнемъ васъ жаловать нашимъ царскимъ жалованьемъ и свыше прежняго; а дворянина-бъ есте нашего, кто къ вамъ съ сею грамотою пріѣдетъ, отпустили къ намъ безадержавъ, и противъ сее нашія грамоты и что у васъ какихъ вѣстей про турскихъ и про крымскихъ и про ногайскихъ людей и про польскаго короля и про черкасъ будетъ, о семъ къ намъ съ ними же отписали подлинно, чтобы намъ про все было вѣдомо. Писана на Москвѣ лѣта 7125 года іюля въ 29 день.

([178]) Дѣла Турецкія, въ столбц. 1616 г., № 1, см. отписку казаковъ привезенную въ Москву августа 1.

([179]) Тамъ же, выписка изъ распросныхъ рѣчей донскаго атамана Андрея Рапчукова съ товарищи.

водительствовавшихъ пашей одного убили на мѣстѣ сраженія, другаго взяли въ плѣнъ и торжественно привезли въ юрты свои (180).

Между тѣмъ Московскій дворъ старался о успѣхѣ посольства своего въ Турціи. Еще въ мартѣ, по полученнымъ извѣстіямъ объ отпускѣ посольства въ Россію вмѣстѣ съ турецкими послами, былъ отправленъ на Донъ, для встрѣчи, дворянинъ Юрій Богдановъ съ жалованьемъ казакамъ, какъ всегда бывало, и съ ласковою грамотою о замиреніи съ азовцами. Извѣстія открылись невѣрными; ибо 16 іюля въ Москвѣ получено отъ Мансурова увѣдомленіе о всѣхъ неудовольствіяхъ Оттоманскаго двора за казаковъ и о томъ, что по сей причинѣ онъ задержанъ въ Царьградѣ. 30 іюля вторично отправлены гонцы къ султану, котораго политика нашего двора всячески увѣряла въ совершенномъ негодованіи своемъ на казаковъ. Великій князь въ грамотѣ къ султану называя ихъ ворами и разбойниками, исчислялъ вредъ причиненный ими въ Россіи во время самозванцевъ и заключилъ тѣмъ, что они совершенно ему не подвластны, и коль скоро окончитъ онъ войну съ Польшею, то немедленно пошлетъ войска свои на Донъ и истребитъ всѣхъ казаковъ безъ остатка (181).

(180) Тамъ же, распросныя рѣчи прибывшаго въ Москву изъ Казыева улуса татарскаго толмача Гаврилы Есипова, сентября 1617 года . . . . „Да Гаврило-жъ сказывалъ, что тѣ донскіе казаки, которые ходили на море 700 чел., съ моря въ свои юрты пришли и погромили 7 каторгъ и людей побили, и про то учинилась вѣсть Ахметъ салтану, и Ахметъ салтанъ послалъ на нихъ двухъ пашей лучшихъ, а съ ними ратныхъ людей на 7 же каторгахъ, съ большимъ нарядомъ, и казаки де и тѣхъ ратныхъ людей побили и нарядъ взяли, а пашу одного убили до смерти, а другаго жива взяли, и нынѣ тотъ паша сидитъ на Дону у казаковъ скованъ и ждетъ по себѣ окупу; а для окупу послали казаки въ Царьгородъ тогожъ паши двухъ человѣкъ, а окупу за него да за двухъ его человѣкъ сговорили взять 30400 золотыхъ, и паша де о томъ отъ себя къ женѣ своей и ко племени съ людьми своими писалъ, а велѣлъ за себя окупъ привести въ Азовъ съ осени.“

(181) Тамъ же, грамота великаго князя къ султану, писанная въ іюлѣ мѣсяцѣ 1617 г., см. примѣч. 176.

Гонцы отправлены чрезъ Азовъ и съ ними посланъ на Донъ дворянинъ Сомовъ, съ милостивымъ словомъ къ казакамъ и съ грамотою, наполненною убѣжденіями о прекращеніи набѣговъ. Царь представлялъ имъ, что отъ того единственно зависитъ союзъ Россіи съ Портою и успѣхъ нашего оружія надъ Поляками. Казаки попрежнему увѣряли въ готовности служить Россіи и что съ азовцами они не воюютъ, а только мстятъ имъ за свои оскорбленія (182). Константинопольскій дворъ неперемѣнилъ своего расположенія и дѣла пословъ нашихъ неприняли лучшаго оборота.

Несмотря на все это, Московскій дворъ продолжалъ ласкать казаковъ и съ пользою употреблялъ ихъ для усмиренія Ногаевъ (183). Наконецъ въ августѣ мѣсяцѣ 1617 г. азовцы изъявили согласіе на миръ и начались переговоры; между тѣмъ въ Москву дошли слухи, что сынъ польскаго короля Владиславъ, прислалъ на Донъ возмутительныя письма, и царь употребилъ случай сей для увѣренія Порты, что казаки воюютъ по смутѣ Поляковъ; ибо въ сентябрѣ мѣсяцѣ, получивъ извѣстіе о содержащемся у казаковъ въ плѣну турецкомъ пашѣ, за котораго они требуютъ окупу 30,400 золотыхъ, и опасаясь, чтобы сіе непроизвело конечнаго разрыва съ Портою, государь отправилъ въ третій разъ гонцовъ къ султану съ рѣшительными увѣреніями, что Сигизмундъ причиною безпокойства казаковъ, которые вовсе неслушаютъ Россійскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ на Донъ дворянинъ Несмѣянъ Ивановичъ Чаплинъ, которому

(182) Тамъ же, царская грамота къ казакамъ и отписка сихъ послѣднихъ къ государю въ 1617 г., см. примѣч. 177.

(183) Тамъ же, царская грамота на Донъ, 2 августа 1617 г.

....„Да вы же намъ били челомъ и прислали съ атаманомъ съ Ондреемъ Репчуковымъ челобитную о Никольскомъ монастырѣ, что у того монастыря земли монастырскія отняты, и намъ бы васъ пожаловать, велѣть тѣ земли отдать назадъ къ Никольскому монастырю; и мы, великій государь, васъ атамановъ и казаковъ пожаловали, тѣ монастырскія земли назадъ къ монастырю отдать велѣли и жалованную грамоту на ту землю къ вамъ пришлемъ съ атаманомъ вашимъ съ Ондреемъ Репчуковымъ съ товарищи“.....

велѣно непремѣнно уговорить казаковъ примириться съ Азовомъ, и плѣннаго пашу выдать безъ окупу. Сверхъ того Чаплину поручено подъ благовиднымъ предлогомъ имѣть свиданіе съ самымъ пашею и всячески стараться внушить ему о сказанныхъ умыслахъ Сигизмунда, изъяснивъ при томъ, что государь крайне сожалѣетъ о положеніи его паши и принимаетъ мѣры къ освобожденію изъ плѣна; велѣно также увѣрить пашу, что самъ Чаплинъ теперь же, по приказанію государя, усмиряя казаковъ, сгонялъ ихъ съ Дону, но они едва его не убили, и за сіе царь Россійскій, по окончаніи войны съ Поляками, непремѣнно оружіемъ очиститъ Донъ. Все сіе подробно прописывалось въ наказѣ данномъ Чаплину, въ заключеніе коего сказано, чтобы Чаплинъ постарался наклонить пашу донести точно такъ султану, когда пріѣдетъ въ Царьградъ. Равномѣрно велѣно подобныя разглашенія разсѣять и между азовцами, но съ величайшею тайною отъ казаковъ, дабы они никакъ о томъ непровѣдали (184). Чап-

(184) Тамъ же, наказъ дворянину Несмѣяну Чаплину, отправленному изъ Москвы на Донъ, 26 сентября 1617 г.

. . . . . „Несмѣяну пріѣхавъ на Донъ, къ атаманомъ и къ казакомъ говорити. . . . . Они бъ атаманы и казаки съ Азовомъ однолично помирилися и Азову тѣсноты не чинили, и на иные турскаго царя городы войною не ходили и городовъ его не жгли и не воевали, и людей его не побивали и въ полонъ не имали; а котораго пашу они нынѣ на море взяли и сидитъ у нихъ скованъ, а ждутъ за него окупу, и они бъ того пашу отпустили въ Царьгородъ безъ окупу, и тѣмъ бы они однолично къ государю службу свою и радѣнье и празду показали, того пашу отдали безъ окупу и впредъ задоровъ никакихъ съ турскими людьми не чинили, чтобы за тѣмъ нынѣшней государевѣ ссылкѣ съ турскимъ царемъ помѣшки и посланникомъ государевымъ и гонцомъ, которые нынѣ у Ахметъ салтана, задержанья не было, и чтобы по ссорѣ Запорожскихъ черкасъ, а отъ ихъ задоровъ, турской Ахметъ салтанъ съ царскимъ величествомъ братственныя дружбы и любви не нарушилъ и съ польскимъ бы Жигимонтомъ королемъ, по его ссылкѣ, мирнаго постановленья неучинилъ и походу бъ своихъ ратныхъ людей на его землю не оставилъ, и надъ посланники нашими и надъ гонцы какого дурна неучинилъ и задержать ихъ у себя не велѣлъ, и вмѣстѣ съ польскимъ королемъ на государя не учалъ стояти. . . . . .

линъ совершилъ дѣла сіи съ должнымъ успѣхомъ, и по его донесенію, что „казаки служатъ Россіи прямо и впредъ хо-

. . . . . .

. . . . . и что какихъ вѣстей провѣдаетъ, и то ему все записати себѣ имянно, и провѣдавъ про все подлинно, ѣхать къ государю къ Москвѣ тотчасъ; а пріѣхавъ къ Москвѣ явитись въ посольскомъ приказѣ къ дьякомъ думному Петру Третьякову да Савѣ Романчукову; а одполично бъ ему о томъ атаманомъ и казакомъ говорить накрѣпко и уговаривать ихъ на то всякими мѣрами накрѣпко, чтобъ они съ Азовомъ помирились и на море подъ турскаго городы и на торговые люди ихъ не ходили и ихъ негромили и задоровъ никакихъ съ турскими людьми не дѣлали . . . .

. . . . . какъ придетъ на Донъ къ атаманомъ и казакомъ, а казаки будетъ на море ходили и турскаго каторги разгромили и людей побили и пашу въ полонъ взяли, и нынѣ будетъ паша у казаковъ на Дону въ полону, и Несмѣяну говорити атаманомъ и казакомъ, чтобъ ему дали видѣться съ пашою; а ему Несмѣяну велѣно паши распросити по государеву наказу о вѣстяхъ, которыя вѣсти надобны царю и великому князу Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи. Да какъ ему атаманы и казаки съ пашею видиться дадутъ, и Несмѣяну идти къ паше съ толмачемъ, а пришедъ говорити паше: вѣдомо государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи учинилося, что польскій Жигимонтъ король хотя великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи, съ великимъ государемъ съ братомъ его, съ Ахметъ салтаномъ, ссорити, прислалъ на Донъ къ атаманомъ и казакомъ своихъ . казаковъ запорожскихъ съ Днѣпра, многихъ людей, и велѣлъ ихъ казаковъ наговаривати, чтобы они вмѣстѣ съ ними шли на турскаго Ахметъ—салтана городы и на море на каторги, и турскому салтану, городамъ его и людѣмъ тѣсноту учинили; а и такъ, и безъ того Донскіе казаки у царскаго величества въ непослушаніи; и тѣ воры Донскіе казаки, по совѣту съ Днѣпровскими съ запорожскими черкасы, по повелѣнью польскаго Жигимонта короля, ходили на море, турского Ахметъ салтанова величества корабли погромили, людей побили, и животы и товаръ разграбили, и его пашу взяли; и царское величество о томъ поскорбѣлъ, что тотъ его царскаго величества недругъ польской король, ища себѣ помощи, царское величество съ братомъ его, съ Ахметъ салтановымъ величествомъ, въ ссору приводитъ и дружбѣ и братству и ссылкѣ помѣшку чинить, и по его злому умыслу и велѣнью Донскіе казаки вмѣстѣ съ запорожскими черкасы такое зло починили, царскаго величества брата, Ахметъ салтанова величества, брата, на море каторги погромили и его пашу взяли въ полонъ, и прислалъ царское величество его дворянина своего Несмѣяна нарочно о томъ на Донъ къ тѣмъ ворамъ, къ атаманомъ

тять служить нещадя головъ своихъ", государь писалъ казакамъ милостивое обѣщаніе содержать ихъ въ царскомъ жалованьѣ свыше прежняго. Въ сихъ произшествіяхъ ми-

---

и къ казакомъ говорити, чтобъ они отъ того воровства отстали, запорожскихъ черкасъ отъ себя выслали вонъ и впередъ къ себѣ не пускали, и польскаго Жигимонта короля ни въ чемъ не слушали, и на турскаго салтана городы и каторги не приходили и людемъ салтановымъ никакія обиды и тѣсноты и задоровъ не чинили, и сами бъ съ Дону шли доловъ, и его пашу отпустили въ его землю къ салтану безъ окупу, чтобъ ихъ вражьею ссорою межъ царскаго величества и турскаго салтана ссора и нелюбье не были и дружбѣ и ссылкѣ государской помѣшка не учинилась. И онъ Несмѣянъ о томъ имъ говорилъ съ великимъ запрещеньемъ и съ вычетомъ, и царское величество ево государеву грамоту о томъ съ нимъ Несмѣяномъ къ нимъ прислалъ, и тѣ воры казаки царскаго величества грамоты и его Несмѣяновыхъ рѣчей не слушаютъ, на него шумѣли и хотѣли его самаго убить. А на передъ его Несмѣяна присылалъ царское величество къ тѣмъ ворюмъ о томъ дворянъ трожды: первое Ивана Опухтина, въ другорядь Еремѣя Кисленскаго, въ третьи Никиту Сомова, чтобъ тѣ воры польскаго короля не слушали, Запорожскихъ черкасъ къ себѣ не пускали и Азову тѣсноты нечинили, и на море не ходили, салтановыхъ людей не громили, тѣмъ межъ царскаго величества и межъ салтанова величества ссоры, а дружбѣ и любви и ссылкѣ помѣшки, не чинили, и они ихъ одва до смерти непобили и отпустили съ великимъ безчестьемъ, а государева указу не слушали. А то вѣдомо ему паше, что на Дону живутъ воры, бѣглецы изъ Московскаго государства, которые бѣгаютъ отъ смертныя казни, и прежде того они воры Донскіе казаки съ польскимъ королемъ и съ польскими и съ литовскими людьми вмѣстѣ Московское государство разоряли и кровь христіанскую единовѣрную и единоплеменную собою проливали, а нынѣ внедавнѣ съ тѣмижъ воры съ Запорожскими черкасы царскаго величества украинный городъ Осколъ взяли и людей побили и высѣкли и городъ сожгли, и нынѣ всякое зло дѣлаютъ, и онъ Несмѣянъ нечаетъ отъ нихъ здорово отъѣхать; а царскому величеству съ ними управитися нельзѣ, что нынѣ царское величество съ польскимъ королемъ войну ведетъ, а они отъ Московскаго государства по—отдалѣли; а какъ оже, дастъ Богъ, царское величество съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ управится, и царское величество и надъ тѣми воры по ихъ винѣ велитъ учинить и на Дону ихъ не будетъ, и какъ оже, дастъ Богъ, онъ паша будетъ у государя своего, и онъ бы про то про все великому государю своему Ахметъ салтанову величеству и пашамъ разсказалъ. Да только будетъ втѣ поры у казаковъ какія азовскіе

нулъ 1617 годъ (185).

Выше упомянуто, что казаки своими морскими набѣздами иногда разоряли и крымскія селенія, нерѣдко также и на степяхъ они громили ихъ улусы. Посольскія сношенія нашего двора съ Тавридою возобновлены тотчасъ по восшествіи на престолъ Михаила Ѳедоровича и продолжались каждый годъ непрерывно. Ханъ, по зависимости его отъ порты, столько же недоволенъ былъ казаками за разореніе турецкихъ областей, какъ и своихъ собственныхъ, а потому, при переговорахъ, крымцы дѣлали всегда упреки и требованія нащетъ казаковъ Онѣ были одинаковы съ тѣми, кои предлагались со стороны Турціи, т. е. чтобы Россія удержала казаковъ отъ набѣговъ и согнала ихъ съ Дону. Начиная съ 1615 г. сіи требованія постоянно каждый разъ включались во всѣ переговоры и письменныя сношенія; а Россія всегда уклонялась тѣми же отвѣтами, какими хотѣла успокоить порту. Ханъ понималъ политику московскаго двора, но, по собственнымъ расчетамъ, въ 1618 г. согласился отправить войска на Поляковъ, и посолъ его, прибывшій въ Москву въ августѣ мѣсяцѣ, извѣщая о томъ государя, непроминулъ повторить требованія объ удаленіи казаковъ съ Дону (186).

люди для миру, или въ полону, или для какихъ дѣлъ, а мочно съ ними видится, и Несмѣяну то всякимъ азовскимъ людемъ разсказывати по сему государеву наказу тайно, чтобъ казакомъ отнюдь про то не увѣдать и не пронеслося бъ имъ ни отъ кого."

(185) Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 и 1618 г., грамота на Донъ, отъ 21 іюля 1618 года.

. . . . . ,,Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому. Въ нынѣшнемъ въ 126 году....въ 14 день вѣдомо намъ великому государю учинилось отъ дворянина нашего Несмѣяна Чаплина, что вы намъ великому государю служите прямо и о нашихъ царскихъ дѣлѣхъ всѣмъ сердцемъ и душами радѣете и впередъ намъ великому государю хотите служити, нещади головъ своихъ, и мы великій государь за вашу службу и радѣнье хотимъ васъ содержати въ нашемъ царскомъ жалованьѣ свыше прежняго."

(186) Крымскія посольскія дѣла, въ столбц. съ 1615 по 1619 г.

Напротивъ Мансуровъ и Самсоновъ, никакъ неуспѣли склонить Порту къ союзу противъ Польши. Султанъ добивался за свою помощь, кромѣ удаленія казаковъ, еще Казани и Астрахани; но болѣе всего нашему дѣлу вредилъ польскій при Портѣ посланникъ Кохановскій. Послѣдовавшая въ сіе время перемѣна властителя османскаго (за смертію бывшаго тогда султана Магмеда, вступилъ на тронъ сынъ его), не была выгоднѣе для Русскихъ и въ 1618 г. султанъ, отпустивъ наше посольство въ Россію, неприслалъ въ Москву своихъ пословъ, какъ то обыкновенно бывало.

Порта, желая какимъ-нибудь образомъ воспрепятствовать казакамъ проходить въ море, рѣшилась отнять у нихъ тѣ два рукава Дона, кои были судоходнѣе другихъ и коими казаки наиболѣе выходили на морскіе поиски, т. е. Мертвый Донецъ и Каланчу; для сего положено было Донецъ совершенно засыпать, а при началѣ Каланчи поставить башню и снабдить ее артиллеріею и людьми; тогда казакамъ оставался бы только одинъ путь самимъ Дономъ, который протекалъ мимо стѣнъ азовскихъ. Для совершенія дѣла сего отправлены изъ Царьграда 300 янычаръ, кои должны были поступить подъ начальство кафинскаго паши и идти къ Азову. Послы наши, по прибытіи въ Кафу, были задержаны тамъ пашею, подъ предлогомъ казачьихъ набѣговъ и терпѣли много непріятностей; но настоящая причина ихъ задержанія была совсемъ иная: паша хотѣлъ, дождавшись изъ Константинополя янычаръ, взять пословъ съ собою въ Азовъ и чрезъ нихъ заставить казаковъ не мѣшать его войскамъ производить работы на Мертвомъ Донцѣ и Каланчѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ они всѣ вмѣстѣ приплыли къ Азову, съ которымъ казаки были уже въ миру; посланники уговорили сихъ послѣднихъ дать Туркамъ волю кончить ихъ планъ, и янычары, работая совокупно съ азовцами, осенью засыпали Донецъ и воздвигли башню. Посланниковъ держали въ Азовѣ дотолѣ, пока все совершенно было устроено. Но сіи затѣи нимало неостановили Донскихъ казаковъ отъ любимыхъ морскихъ

поисковъ, какъ увидимъ впослѣдствіи (187).

Между тѣмъ отправленъ былъ отъ государя на Донъ дворянинъ Юрій Захарьевичъ Богдановъ, дабы склонить казаковъ къ посылкѣ въ Москву изъ своего войска тысячъ пять или больше, или сколько можно собрать конныхъ и пѣшихъ людей, на помощь противъ Поляковъ, кои тогда, подъ предводительствомъ Владислава, вторглись въ Россію. Послано съ нимъ и жалованье казакамъ: деньги, сукна, провіантъ, вино, порохъ и свинецъ. Положеніе Россіи было тогда весьма затруднительное: войска Владиславовы разорили многіе украинные города и уже тянулись къ Москвѣ. Богданову велѣно употребить всевозможное стараніе о семъ дѣлѣ и самому поспѣшно провожать казачье войско до Москвы, при-

(187) Дѣла крымскія, въ столбц. 1618 г., № 3, см. выписку изъ донесенія Россійскаго посланника Лодыженскаго, бывшаго тогда въ Крыму.

Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 1618 г., отписка дворянина Богданова, отправленнаго изъ Москвы на Донъ къ казакамъ съ государскою грамотою и въ то время находившагося въ Воронежѣ.

. . . . . „Да августа, государь, въ 6 день, пріѣхалъ на Воронежъ съ Дону изъ нижнихъ юртовъ воронежецъ сынъ боярскій Богданъ Кренковъ, а сказалъ мнѣ, государь, холопу твоему, что твои государевы посланники Петръ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ и два турскаго чеуша въ Азовъ пришли и паша де, государь, отъ турскаго царя въ Азовъ пришелъ засыпать Донца Мертваго, и атаманы де, государь, и казаки Епиха Родиловъ и Ісай Мартемьяновъ отъ себя на Воронежъ къ воеводамъ писали жъ:“

Тамъ же, распросныя рѣчи пріѣхавшаго изъ Воронежа въ Москву, въ 24 день ноября 1618 г., донскаго казака Ѳедора Резваго.

„А Петръ де Мансуровъ и дьякъ Семейка Самсоновъ нынѣ въ Азовѣ, а турской де чеушъ пришелъ въ Азовъ съ Петромъ вмѣстѣ для того, чтобы ему Донецъ засыпать, да на Каланчи башни поставить, чтобъ на море атаманомъ и казакомъ проходу не было, а какъ де Донецъ закрѣпять и чеуша отпустятъ назадъ изъ Азова на море, и тогда де и Петра хотѣли изъ Азова отпустить, а къ государю де съ Петромъ чеуша нѣту.

„И Донецъ де турскіе люди засыпали при нихъ и башню поставили; и они де чаютъ того, что посямѣста и Петръ изъ Азова на Донъ отпущенъ нѣчто не будетъ, зимуетъ на Дону:“

сылая государю донесеніе изъ каждаго города о маршахъ. Весьма убѣдительную рѣчь онъ долженъ былъ говорить въ войсковомъ кругу, по наказу: „Поляки замыслили попрать законъ христіанскій и ввести латинскую ересь во всемъ государствѣ московскомъ. Государь нашъ ополчился всею землею и вы великое войско Донское, помня Бога и обѣтъ вашъ усердствовать Россіи, поревнуйте вашимъ предкамъ, станьте за православную вѣру противу враговъ отечества. Если же попустите злодѣямъ, то по городамъ истребятся церкви и монастыри, гдѣ гробы родителей вашихъ и гдѣ вы сами для душъ своихъ вкладчики". Для большаго убѣжденія Богдановъ долженъ былъ представить казакамъ, что если разорены будутъ украйные города, тогда прекратиться привозъ изъ оныхъ на Донъ товаровъ. А ежели король одержитъ верхъ надъ Россіею, то безъ сомнѣнія, онъ нестанетъ столько браниться за нихъ съ Турками, какъ Россія, и непремѣнно, въ угожденіе порты, сгонитъ ихъ съ Дону. Почти сими же словами и самъ государь писалъ казакамъ въ грамотѣ своей отъ 21 іюля. Но Богданову велѣно просить казаковъ, чтобы они отнюдь не-
сказывали.....

(Окончанія главы въ подлинникѣ рукописи нѣтъ; примѣчанія же, относящіяся къ этой главѣ, отъ 188 до 196 включительно, помѣщаются ниже).

---

(188) Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 и 1618 годовъ. Наказъ отправленному изъ Москвы на Донъ дворянину Юрію Богданову, чтобы склонить казаковъ послать изъ войска въ Москву *тысячь пять или сколько можно* конныхъ и пѣшихъ людей на помощь противъ Поляковъ . . . . . „Да какъ атаманы и казаки государеву грамоту вычтутъ, и Юрью говорити атаманомъ и казакомъ: великого государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи недругъ и разоритель всего великаго Россійскаго государства польскій Жигимонтъ король умыслилъ московское государство воевати и разорати, и хочетъ нашу православную христіанскую вѣру греческаго закона попрати и святыя церкви Божіи осквернити и разорити, а свою проклятую

латынскую вѣру во всемъ московскомъ государствѣ утвердити и всѣхъ православныхъ крестьянъ въ свою проклятую латынскую вѣру привести. И нынѣ польскаго Жигимонта короля сынъ Владиславъ съ польскими и съ литовскими людьми пришелъ въ московское государство и великимъ россійскимъ государствамъ утѣсненье чинить и всякимъ злымъ своимъ умысломъ домышляется какъ бы ему великое Россійское государство осилить и разорить, и многія безчисленныя крови на обѣ стороны разливаются; а запорожскихъ черкасъ полковника Саадашнаго со многими людьми прислалъ въ польскіе государевы городы и пришедчи искрадомъ городъ Ливны взяли и Елецъ взяли, людей высѣкли и городы и остроги сожгли, и посланника нашего Степана Хрущева да подъячего Семейку Бредихина и казну, что было послано къ царю и къ калгѣ поминковъ, взяли; а крымскихъословъ и гонцовъ побили, и хотятъ идти подъ всѣ польскіе городы, которые стоятъ по Дону и Донцу и по Осколу, подъ Воронежъ и подъ Валуйку и подъ Осколъ и подо всѣ наши польскіе города и хотятъ также до конца всѣ польскіе городы разорить. И великій государь нашъ царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи, видя польскаго Жигимонта короля превознесенную гордость и на нашу истинную православную христіанскую вѣру греческаго закона и на святыя Божіи церкви похвалу и посягательство, на разоренье государства и на крестьянское кроворазлитье желанье, прося у милосердаго Бога помощи и вооружаяся силою честнаго и животворящаго креста Господня, противъ польскаго короля со всѣми своими ратьми, за истинную нашу православную христіанскую вѣру и за святыя Божіи церкви и за всѣхъ православныхъ христіанъ стать сколько ему, государю, Богъ помочи подастъ. И выбъ атаманы и казаки и все великое войско, вѣдая польскаго Жигимонта короля на великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Росіи и на его великія государства на всѣхъ православныхъ крестьянъ, злой умыслъ и посягательство, помня Бога и истинную нашу православную христіанскую вѣру и царское къ себѣ жалованье и къ нему великому государю свою службу и прежней обѣтъ свой, какъ вы обѣщалися великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи служити и примити, поревновали бъ есте братье своей прежнимъ атаманомъ и казакомъ, которые за нашу православную христіанскую вѣру стояли и головъ своихъ противъ всѣхъ враговъ нашей христіанской вѣры нещадили, потомужъ бы есте службу свою и радѣнье къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи и ко всему россійскому государству показали, противъ того царскаго величества недруга и на нашу истинную христіанскую вѣру посягателя и разорителя, польскаго короля, и на польскихъ и литовскихъ людей и на запорожскихъ черкасъ стояли со всѣми царскаго величества ратными людьми

за одно, шлибъ есте нынѣ къ государю на помочь противъ польскихъ и литовскихъ людей и запорожскихъ черкасъ всѣ, или отпустили бы многихъ ратныхъ людей, тысячъ пять или больши, или сколько мочно войска послати, братью свою, атамановъ и казаковъ, выбравъ добрыхъ конныхъ, вскорѣ покамѣста злой умыслъ царскаго недруга не совершился. А тобъ есте разсудили, только запорожскіе черкасы польскіе городы разорять, и вамъ къ государевѣ украйнѣ прибѣжища не будетъ, и запасъ и товары къ вамъ изъ польскихъ городовъ не пойдутъ, и вѣра наша христіянская въ тѣхъ мѣстехъ попрана будетъ и церкви Божіи и монастыри, гдѣ гробы родителей вашихъ и гдѣ вы сами, для душъ своихъ, вкладчики, всѣ разорятся и будетъ безпамятно. . . . . .
А какъ оже и дасть Богъ, буде у царскаго величества будите и очи царскіе увидите и службу свою покажите и царскому величеству послужите, и царское величество васъ пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ; а нынѣ государь, жалуючи васъ, прислалъ къ вамъ своего государева жалованья съ нимъ съ Юрьемъ. Да отдати имъ государево жалованье по росписи . . . . . .
А самому идти со всѣми людьми къ Москвѣ, на которыя мѣста лутче, и ко государю писати по часту изо всѣхъ городовъ, на которые городы съ ними пойдетъ, чтобъ государю ежечасъ про него, гдѣ онъ съ Донскими атаманы и казаки будетъ, было вѣдомо, а съ Дону тотчасъ прислати съ вѣстью полемъ или водою какъ скорѣе, чтобъ было государю вѣдомо.

А о томъ ему атаманомъ и казакомъ, будучи на Дону, говорити, чтобъ атаманы и казаки межъ себя о томъ во всѣ люди заказъ учинили, чтобъ про то изъ нихъ ни кто турскимъ людемъ не разсказывали, что онъ присланъ звати ихъ на Донъ къ государю на помочь противъ польскаго короля, для всякія мѣры, и что съ нимъ государево жалованье прислано, чтобъ то дѣло нигдѣ было не явно, и запорожскіе черкасы, которые у нихъ живутъ на Дону, про то не вѣдали“ . . . . . .

Грамота на Донъ отъ 21 іюня 1618 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому. Въ нынѣшнемъ во 126 году іюня въ 14 день, вѣдомо намъ великому государю учинилось отъ дворянина нашего Несмѣяна Чаплина, что вы намъ великому государю служите прямо и о нашихъ царскихъ дѣлѣхъ всемъ сердцемъ и душами радѣете и впередъ намъ великому государю хотите служити нещадя головъ своихъ; и мы великій государь за вашу службу и радѣнье, хотимъ васъ держати въ нашемъ царскомъ жалованье свыше прежняго. А нынѣ мы, великій государь, вамъ атаманомъ и казакомъ и всему великому войску объявляемъ: недругъ нашъ и разоритель всего нашего Россійскаго государства польской Жигимонтъ король умыслилъ. . . . (далѣе слѣдуютъ точ-

ныя слова наказа даннаго дворянину Богданову).

([189]) Тамъ же, отписка Донскихъ казаковъ привезенная въ Москву генваря 6-го 1619 года Донскими атаманами Гавриломъ Стародубовымъ съ товарищи.

На сей отпискѣ помѣта положена такова: „государь указалъ и бояре приговорили атаманомъ и казакомъ давати корму атаманомъ лутчему по два алтына, а другому по два алтына безъ деньги, рядовымъ по десяти денегъ на день."

([190]) Тамъ же, царская грамота на Донъ отъ 30 декабря 1618 г.

([191]) Тѣхъ же турецкихъ дѣлъ 1618 г., предъидущая грамота и слѣдующая окружная грамота къ воеводамъ украинныхъ городовъ отъ 30 декабря 1618 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Росіи, на Воронежъ, воеводѣ нашему Ортемью Васильевичу Лодыгину. Били намъ челомъ Донскіе атаманы Ондрей Репчуковъ да Мартынъ Горской съ товарищи отъ всего Донскаго войска, что они намъ великому государю служатъ по шлехомъ разъѣзжаютъ и по перевозамъ лежатъ, и ясырей отгрампливаютъ и въ наши украинные городы проводятъ душъ по сту и по двѣсти и струги и гребцовъ наймуютъ, и кормъ про нихъ покупаютъ, иословъ и посланниковъ нашихъ встрѣчаютъ и провожаютъ въ Царьгородъ и въ Ногаи въ большіе и въ малые, и за ту де ихъ службу пожалованы они: велѣно имъ выходить въ наши украинные городы со всякими товары и пошлинъ съ товаровъ ихъ имать невелѣно, и наша де жалованная грамота за нашею красною печатью къ нимъ прислана, и они де по той нашей жалованной грамотѣ учали въ наши украинные города пріѣзжать съ товарами и безъ товаровъ, къ родимцомъ своимъ, и для всякихъ дѣлъ своихъ, и по нашимъ де украинымъ городамъ вы воеводы и дьяки тѣмъ атаманомъ и казакомъ чинятъ обиды и насильства великія: товары ихъ, лошади, и ковры, и софьяны, и всякіе ихъ товары емлютъ у нихъ безденежно и управы имъ на сторонникъ людей недаютъ. И намъ бы ихъ пожаловать, по нашей жалованной грамотѣ велѣти имъ въ наши украинные городы съ товарами и безъ товаровъ къ родимцомъ своимъ и для своихъ дѣлъ ѣздити позволить и обидъ имъ и насильствъ никакихъ чинить невелѣти. И мы Донскихъ атамановъ и казаковъ, за ихъ многія службы, пожаловали, по прежней нашей жалованной грамотѣ, въ наши украинные городы ѣздити имъ съ товарами и безъ товаровъ, и къ родимцомъ своимъ и для всякихъ дѣлъ, позволили и всякими ихъ товары торговать велѣли безпошлинно, и ото всѣхъ обидъ и насильства велѣли ихъ вамъ воеводамъ оберегати. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и которые атаманы и казаки учнуть впередъ пріѣзжать къ вамъ на Воронежъ съ товары и безъ товаровъ, къ родимцомъ своимъ, и для всякихъ дѣлъ, и выбъ имъ всякими товары велѣли торговати".

([192]) Дѣла Ногайскія, въ столбц. 1615 г., № 6, грамота Сюнчу Мурзы сына Юсуфова къ великому князю.

([193]) Тамъ же, связка 2-я, 1616—1617 г., № 3-й, см. выписку о возмущеніи Ногайскаго князя Иштерека и о покореніи его опять подъ Россійскую Державу (1616 года іюля 16 дня).

([194]) Тамъ же, 1617 г., № 4, выписка изъ наказа даннаго Матвѣю Зубову и Прокофію Враскому.

. . . . .„А будетъ ногайскіе мурзы учнуть говорити: они государю шертуютъ и изъ земли идуть вонъ и полонъ, что есть, отпустятъ, а государь бы велѣлъ съ Дону казаковъ свести, чтобъ имъ впередъ Донскіе казаки обидъ и тѣсноты не чинили.

„И Матвѣю и Прокофію говорити: дѣло нестаточное говорите, знатно нехотите царскому величеству служить, что казаковъ съ Дону велите сводити, казаки на Дону живуть за много лѣтъ, самимъ вамъ вѣдомо, только вы предъ царскимъ величествомъ рукою учинитеся, и правду ему государю дадите шерть на куранѣ передо мною учините и полонъ нынѣшней весь отпустите и изъ государевы земли выйдете вонъ тотчасъ, смирно безъ войны, и пословъ своихъ къ царскому величеству пришлете, и великій государь нашъ, его царское величество, пословъ вашихъ пожаловавъ, тотчасъ отпустить и своихъ дворянъ съ своимъ царскимъ жалованьемъ пошлетъ, и учнетъ васъ держати въ своемъ царскомъ крѣпкомъ милостивомъ жалованье. . . . . а только предъ царскимъ величествомъ вашего исправленья не будетъ, и царское величество велитъ на Донъ атамановъ и казаковъ еще прибавить.“

([195]) Тамъ же, въ столбц. 1619 г., № 20, связка 1-я, отписка астраханскихъ воеводъ князей Андрея Хованскаго и Алексѣя Львова и дьяковъ Ивана Тимофеева и Ивана Грязева, въ посольскій приказъ.

.....„Что когда де они ногайцы, по недружбѣ своей, съ обѣихъ сторонъ, другъ на друга собрався со всѣми людьми, къ бою стоять на готовѣ, и только де, государь они хотѣли вмѣсто твоихъ государевыхъ людей послати къ намъ холопемъ твоимъ закладъ Шайтерека Мурзу и улусныхъ людей, и маія, государь, въ 12 день, въ ночи, пришли на нихъ безвѣстно воры волжскіе казаки атаманъ Петрушка, Иванъ, Максимко Лысой съ товарищи, и улусы ихъ погромили, и взяли де у нихъ въ полонъ Каракельмаметъ Мурзину мать Улуханымъ, да тетку его Нааиза, да сестру его, да дочь дѣвку, да брата ихъ Алей Мурзы Урмаметова жену, да дву сыновъ, да дву дочерей, да лучшихъ улусныхъ людей Наибая да Клеула и иныхъ многихъ людей съ женами и съ дѣтьми сто шестьдесятъ человѣкъ и ихъ де и совсѣмъ разорили, и сборъ ихъ и дѣло на Иштерика князя и на Таймаметевыхъ дѣтей помѣшали и погромя де, государь, ихъ казаки, съ тѣмъ полономъ пошли на Бухвостову отъ Астрахани вверхъ съ полтораста верстъ.-и проч.

([196]) Выписка изъ крымскихъ дѣлъ, въ столб. 1620 г., № 3, ста-

тейный списокъ окольничаго князя Волконскаго, бывшаго въ Волуйкѣ на размѣнномъ мѣстѣ.

ГЛАВА VIII.

Разореніе азовцами казачьяго городка.—Походъ казаковъ на море, приступъ къ г. Ризѣ и пораженіе ихъ на возвратномъ пути.—Опасеніе казаковъ по случаю заключенія мира между шахомъ Персидскимъ и султаномъ Турецкимъ.—Посольство Запорожскихъ черкасъ на Донъ, для убѣжденія Донскихъ казаковъ соединиться съ ними подъ знаменами Польскаго короля, совокупно воевать противъ султана.—Запорожцы небольшими партіями переходятъ на Донъ.—Крымцы даютъ Азову вспомогательное войско.—Вѣроломство азовцевъ и крымцевъ.—Поиски казаковъ на сухомъ пути и на морѣ.—Отправленіе въ Константинополь турецкаго посла Контакузена и бытность съ нимъ на Дону россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова.—Притязанія и притѣсненія посланникамъ за казаковъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ иныхъ мѣстахъ на пути въ Царьградъ.—Бытность россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова въ Константинополѣ.—Оскорбленія, причиненныя посланникамъ за казаковъ на возвратномъ пути ихъ изъ Царьграда.—Возвращеніе Кондырева и Бормасова изъ Царьграда на Донъ и миръ у казаковъ съ азовцами.—Азовцы разрываютъ миръ.—Казаки разоряютъ старый Крымъ и улусы близъ Керчи.—Приступъ Донскихъ казаковъ къ г. Трапезонту.—Междоусобіе казаковъ съ черкасами.—Азовцы сожигаютъ пять казачьихъ городковъ.—Новые морскіе поиски казаковъ; взятіе ими городовъ Трапезонта и Синопа.—Они вторгаются въ улусы крымскіе и отгоняютъ крымскихъ лошадей.—Негодованіе крымскаго двора на пословъ нашихъ за разоренія причиняемыя казаками крымцамъ и туркамъ и рѣшительныя требованія объ изгнаніи ихъ съ Дону.—Заключеніе пословъ въ Крыму.—Гнѣвъ за сіе царя; станица казаковъ бывшая въ Москвѣ послана въ заточеніе.—Участіе Донскихъ казаковъ въ разбояхъ по Волгѣ и по Каспійскому морю съ Волжскими казаками.—Наказаніе за сіе.—Крымскій ханъ снова требуетъ унять казаковъ отъ набѣговъ на Крымъ.—Разореніе казаками Карасубазара, Балаклавы и многихъ деревень въ Крыму..—Царь крымскій посланниковъ нашихъ, находившихся въ Крыму, намѣревается казнить смертію.—Поиски казаковъ въ 1629 году: взятіе ими и черкасами жидовскихъ деревень близъ Бахчи-сарая, греческаго монастыря Сизобола и битва ихъ въ семъ послѣднемъ съ янычарами.—Прибытіе на Донъ 500 человѣкъ запорожскихъ черкасъ и походъ ихъ совокупно съ Донскими казаками на море.

Разореніе азовцами казачьяго городка. Въ предыдущей главѣ видѣли мы, что вражда между казаками

и азовцами началася снова. Зимою 1620 года, азовцы разорили казачій на Дону городокъ находившійся ниже Манычи, взяли болѣе ста человѣкъ казаковъ въ плѣнъ и разные съѣстные припасы(197).

Походъ казаковъ на море, приступъ къ г. Ризѣ и пораженіе ихъ на возвратномъ пути. Скорбя о собратіяхъ своихъ въ рабствѣ томившихся, казаки горѣли мщеніемъ противъ язовцевъ и созвавши изъ верховыхъ городковъ всѣхъ товарищей своихъ, намѣревалися разорить Азовъ; но удерживаемые твердынями азовскими, 1300 человѣкъ Донскихъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Василія Шалигина, соединясь съ 400 человѣками Запорожскихъ черкасъ, за три дня до пасхи, поплыли чрезъ моря Азовское и Черное къ берегамъ турецкимъ и приставъ къ онымъ вознамѣрились овладѣть городомъ *Ризою*; распорядились и пошли на него приступомъ, но неимѣли желаемаго успѣха и съ чувствительною потерею принуждены были оставить это предпріятіе. На возвратномъ пути постигло ихъ новое несчастіе: сильная буря разбила нѣсколько струговъ и потопила людей; а гнавшіеся за ними на 27 каторгахъ турки пользуясь попутнымъ вѣтромъ, настигли, многихъ побили, потопили и взяли въ плѣнъ казаковъ и черкасъ запорожскихъ до 800 человѣкъ(198).

(197) См. ниже примѣч. 198.

(198) Изъ вновь найденнаго турецкаго дѣла, въ столбц. 1621 г., № 3, распросныя рѣчи Семена Опухтина, посыланнаго на Донъ съ царскимъ войску жалованьемъ, для встрѣчи турецкаго посла Ѳомы Контакузена.

„Да Ивашко жъ въ распросѣ сказалъ, что турскіе люди изъ Азова взяли у нихъ на Дону городокъ, а казаковъ побили, а иныхъ въ полонъ поимали, и съ Дону де казаки послали по всѣмъ рѣкамъ и по малымъ рѣчкамъ къ казакомъ же, а велѣли имъ всѣмъ сходится на Дону, а съ Дону всѣ идуть подъ Азовъ и надъ Азовомъ промышлять и Азовъ бы взять и разорить, также какъ азовцы Донскихъ казаковъ городокъ разорили..... Семенъ же Опухтинъ сказалъ: ходили де съ Дону на море на добычу атаманы и казаки атаманъ Василей Малыгинъ, а съ нимъ 1300 человѣкъ, да съ ними-жъ запорожскихъ черкасъ 400 человѣкъ;

Въ этомъ походѣ главными предводителями были черкасы Сулима, Шило и Яцко. Неменѣе сего несчастливъ былъ и другой ихъ походъ подъ ногайскіе Казыевы улусы, изъ 400 человѣкъ (конныхъ казаковъ) едва возвратилось въ войско 100 человѣкъ.

Возвратившіеся съ морскаго похода казаки извѣстили войско, что султанъ турецкій съ персидскимъ шахомъ заключилъ миръ.

Опасеніе казаковъ по случаю заключенія мира между шахомъ персидскимъ и султаномъ турецкимъ. По словамъ нѣкоего Семена Опухтина, съ коимъ послано было на Донъ царское жалованье, казаки не безъ смущенія и страха смотрѣли на союзъ сей, но всего болѣе они страшились, чтобы султанъ турецкій не заключилъ тѣсной дружбы и съ царемъ Московскимъ, и чтобы соединенными силами не сбили ихъ съ Дону(199).

Посольство Запорожскихъ черкасъ на Донъ, для убѣжденія Донскихъ казаковъ соединиться съ ними подъ знаменами польскаго короля совокупно воевать противъ Султана. Въ сіе время запорожскій гетманъ Бородавка присылалъ на Донъ атамана Соколку съ двумя запорожскими черкасами и съ на-

---

атаманы были у всѣхъ у черкасъ и у казаковъ большіе черкашанія Сулимъ, да Шило, да Яцко, а пошли до его Семенова пріѣзду за долго, еще до велика дни за три дни; а ходили за Черное море и приступали къ городу Ризѣ и къ пашину двору, и тутъ имъ учинилась шкота великая—на приступѣ побили многихъ людей, а какъ пошли отъ города прочь, и на море пришло на нихъ погодье и струги ихъ многіе на море разбило и людей потопило, а за остальными де пошли турскіе люди 27 каторгъ и сшедчи казаковъ, побили всѣхъ, а убили казаковъ и черкасъ 300 человѣкъ да въ осьми стругахъ казаковъ человѣкъ по 40 и 50, а всего только при немъ при Семенѣ пришло на Донъ съ моря казаковъ человѣкъ съ 300, да съ 30 человѣкъ черкасъ. А на Донъ де пришедчи, тѣ казаки сказывали, что они за моремъ имали турскіе языки многіе, а въ распросѣ имъ тѣ языки сказывали, что турской царь съ шахомъ помирился на пятнадцать лѣтъ."

(199) См. вышеприведенныя распросныя рѣчи Опухтина.

ставленіемъ: склонить Донскихъ казаковъ, соединясь съ ними Запорожцами, идти подъ знамена короля польскаго, противъ общаго врага султана турецкаго. Соколка показалъ и списокъ съ королевской грамоты, коею король убѣждалъ запорожцевъ идти всѣмъ войскомъ, обѣщая платить имъ жалованья по 30 рублей на человѣка. Донскіе атаманы и казаки отозвались на сіе тѣмъ, что на Дону ихъ судовыхъ и конныхъ неболѣе 7/т. человѣкъ; что большое войско ихъ пошло на море, и что по сей причинѣ они на предложеніе гетмана согласиться не могутъ, развѣ тогда, когда товарищи ихъ возвратятся съ моря. Опухтинъ въ то время еще находился на Дону и потому Соколку съ товарищи проводили хотя и съ честію, но безъ дальняго, казалось, успѣха; послѣ отъѣзда же Опухтина съ Дону въ первую ночь 200 человѣкъ Донскихъ атамановъ и казаковъ и черкасъ запорожскихъ отправились въ Запороги пѣшіе.

Въ семъ же году, по сказанію Опухтина, пришли на Донъ въ верхніе казачьи городки изъ разныхъ украинскихъ россійскихъ городовъ бѣглецы: ломы и боярскіе люди до 500 человѣкъ и оттуда пошли на Волгу и Яикъ для разбоевъ([200]).

Запорожцы небольшими партіями переходятъ на Донъ. Несогласіе въ Польшѣ и утѣсненія причиняемыя поляками запорожскимъ черкасамъ, были поводомъ, что сіи послѣдніе оставляя жилища свои, восною 1622 года ватагами человѣкъ по 15, по 20 и 50 переходили на Донъ для сообщества и добычъ съ Донскими казаками. Сіи пришельцы увѣряли, что вскорѣ за ними будутъ на Донъ 500 человѣкъ однородцевъ ихъ и казаки полка Заруцкаго бывшіе въ Литвѣ(*). Россійскій дворъ, неизвѣстно по какой причинѣ, но всегда взиралъ на сіе съ неудовольствіемъ и

([200]) Посольскія дѣла двора турецкаго, книга № 1, 1622 г., отписка Валуйскихъ воеводъ Бутурлина и Леонтьева. Дѣла крымскія, въ столб. 1622 г., № 2.

(*) Дѣйствительно ли въ сіе время приходили на Донъ 500 ч. запорожцевъ и казаки полка Заруцкаго, о томъ акты того и послѣдняго времени умалчиваютъ.

потому въ 29 д. апрѣля написана была отъ государя и послана къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ грамота, коею запрещалось принимать Запорожцевъ на Донъ и давать у себя мѣста для ихъ поселенія(201). Султана же турецкаго и Хана крымскаго сіе переселеніе ужасало, и для того ханъ съ нарочнымъ гонцомъ своимъ Мустафою—мурзою писалъ къ великому князю, убѣждая его строго подтвердить казакамъ, дабы Запорожцы на Дону отнюдь приниматы не были (202).

(201.) Дѣла турецкія книга № 1-й грамота царская на Донъ отъ 20 сентября 1622 г.

. . . . „А которые гонцы пріѣзжаютъ къ Москвѣ и въ наши утраинные городы съ Дону, и тѣ всѣ сказываютъ, что вы на море товарищей своихъ посылали послѣ нашего государскаго указу и однинова, и корабли и каторги, которые шли въ Азовъ, громили; и то есте учинили негораздо мимо нашего царскаго повелѣнья, а нашъ указъ посланъ къ вамъ и не одинъ да съ вашими жъ де товарищими ходили вмѣстѣ запорожскіе черкасы, которые къ вамъ пришли изъ Литвы изъ запроговъ и нынѣ у васъ на Дону черкасы многіе, и будучи у васъ на Дону съ турскими и съ крымскими людьми чинятъ задоры многіе, а по нашему указу запорожскихъ черкасъ принимати вамъ къ себѣ не велѣно, потому, что они приходятъ къ вамъ по наученью польскаго короля, для того, чемъбы межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссору учинити и войну всчать. Да и самимъ вамъ то вѣдомо, что турской салтанъ и крымской царь приходили на польшу и на литву зато, турскаго и крымскаго воевали запорожскіе черкасы и неодинова, и городы у нихъ имали а нынѣ васъ на тоже наводятъ, чтобъ имъ турскаго и крымскаго съ нами ссорити и войну всчатъ . . . . . А учнете дѣлать противъ нашего указу, и подъ турскаго и подъ крымскаго городы и улусы учнете ходити войною и корабли и каторги грамить, и черкасъ запорожскихъ учнете къ себѣ пріимати, а что въ томъ учинится межъ насъ и турскаго и крымскаго ссора и война и то все будетъ отъ насъ, и выбъ въ томъ на себя нашего государскаго гнѣва не наводили и нашія къ себѣ милости нетеряли:“

(202.) Дѣла крымскія въ столбц. 1622 г. № 4-й.

„И мы великій государь вамъ брату нашему объявляемъ: въ нашемъ государствѣ, во всѣхъ нашихъ городѣхъ, велѣли есмя заказъ крѣпкой учинити, гдѣ тѣ воры общаго нашего недруга польскаго короля люди Днѣпровскіе казаки объявятся, и мы ихъ въ наше государство принимати невелѣли, а велѣли надъ ними промышляти и велѣли ихъ побивать; а про Донскихъ казаковъ вамъ брату нашему объявляемъ, что на Дону казаки живутъ воры, сбѣ-

Крымцы даютъ Азову вспомогательное войско. Вскорѣ послѣ того послалъ вспомогательное къ Азову войско, въ числѣ 2/т. человѣкъ подъ начальствомъ Бей—мурзы.

Вѣроломство азовцевъ и крымцевъ. Отрядъ сей пришелъ въ Азовъ мая въ 27 день. Спустя послѣ того недѣлю, Бей—мурза согласясь съ азовцами, вышелъ со всѣми ратными людьми на Окупной Яръ и послалъ въ войско объявить, что азовцы просятъ мира и разглашаютъ оное для заключенія условій. Казаки, не подозрѣвая обмана, чистосердечно повѣривши азовцамъ и выслали изъ войска на Окупной Яръ 30 человѣкъ для переговоровъ о мирѣ и объ окупѣ плѣнныхъ. Варвары, выждавъ приближеніе казаковъ, мгновенно рынулись на безпечныхъ, всѣхъ ихъ побили и вскорѣ послѣ того пошли на украинные города.

Поиски казаковъ на сухомъ пути и на морѣ. Варварскій поступокъ азовцевъ и крымцевъ раздражилъ казаковъ: они полетѣли карать вѣроломныхъ; стерегли ихъ и поражали на переправахъ чрезъ рѣки, когда тѣ, обремененные добычею и плѣномъ, возвращались изъ украинъ россійскихъ. Такимъ образомъ войсковой атаманъ Исай Мартемьяновъ съ 600 челов. на Мертвомъ Донцѣ (на верхнемъ перевозѣ) разбилъ партію Татаръ изъ 50 человѣкъ состоявшую: 10 человѣкъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, 5 человѣкъ взялъ въ плѣнъ и отгромилъ Русскихъ плѣнниковъ 105 человѣкъ ([203]).

жавъ изъ нашего государства во многихъ винахъ отъ смертныя казни, а съ ними вмѣстѣ на Дону живутъ воры Днѣпровскіе казаки, и нашего государскаго повелѣнья неслушаютъ и проч.

([203].) Дѣла турецк. книга № 1-й отписка Донскихъ казаковъ полученная въ Москвѣ іюля 16-го.

„ Маія государь въ 27 д. пришелъ изъ крыму Бей—Мурза крымской а съ нимъ пришли 2/т. человѣкъ крымскихъ воинскихъ людей, и сговорясь съ азовскими людьми за миромъ пришли подъ войско на окупной яръ съ заднимъ людьми, а сказали что будто пришли съ окупомъ для размѣны русскихъ полоняниковъ; и мы холопи твои, повѣря ихъ безвѣрной вѣрѣ и мирному поставленью пришли на окупной яръ, и той Бей Мурза съ Азовскими и крымскими людьми казаковъ многихъ побили, и животы поимали, а хочетъ идти въ русь съ азовскими людьми на твои государевы

Въ тоже время другіе товарищи ихъ побили татарь на Казанскомъ перевозѣ ([204]). Многіе на легкихъ стругахъ плавали по водамъ Азовскаго и Чернаго морей, внезапно нападали на корабли и каторги турецкіе, тѣснили азовцевъ, жгли и опустошали селенія крымскія и турецкія; селенія: Балыклейское, Кафа, Трапезонтъ и другія приморскія мѣста были свидѣтелями отважности и мужества казаковъ ([205]).

украинные городы. И мы холопи твои, задору и обиды азовскихъ людей немогли терпѣти: на перевозѣ мертваго Донца, лежали и дожидались изъ руси азовскихъ людей Бехтемуръ Агусъ съ товарищи, погромили и отбили твоихъ государевыхъ людей, украинныхъ городовъ полонянниковъ 105 человѣкъ. . . . .

([204].) Дѣла турецкія въ столбцѣ 1622 г. № 1-й отписка Кондырева и Бармасова привезенная въ Москву іюля 16-го.

. . . . . „Сказывали казаки, атаманъ Ивашка Козыревъ, что шли изъ руси на казанской перевозъ татаровѣ, и казаки де государь на томъ перевозѣ ихъ громили, іюня въ 24 д. (1622 г.) и въ языцехъ взяли татарина одного человѣка а въ распросѣ имъ тотъ татаринъ сказалъ, что они Азовскіе люди, а пошло ихъ изъ русь человѣкъ 500 и больши, аныиѣ де ихъ назадъ воротилось человѣкъ съ 70, а иные де государь съ полономъ идуть изъ руси за ними а достальные де татаровѣ дожидаются въ руси жнитвы и сѣнокосу, и казаки де государь, сабрався изъ городковъ человѣкъ со сто и больши, пришли на Казанскій перевозъ и ждали татаръ, которые идуть изъ руси съ полономъ, ждать на перевозѣ чтобъ ихъ погромить и полонъ отбить."

([205].) Дѣлъ турецкихъ: распросныя рѣчи въ Москвѣ Царицынскаго стрѣльца Алешки Васильева 1622 г. № 1-й.

Въ распросѣ Царицынской стрѣлецъ Алешка Васильевъ сказалъ: былъ онъ на Дону въ нынѣшнемъ во 130 г. послѣ свѣтлаго воскресенья о Николинѣ дни, и да его де пріѣзду ходило на море Донскихъ атамановъ и казаковъ съ 1500 человѣкъ а черкасъ де запорожскихъ ходило съ ними вмѣстѣ на море человѣкъ съ 300, и они де на морѣ въ томъ походѣ позамѣшкались и къ нимъ де навстрѣчу для обереганья ходили черкасы жъ съ пяти стругахъ а въ стругѣ во всякомъ человѣкъ по 30. . . . . .

И крымскихъ дѣлъ въ столбц. 1622 г. № 6, 14 и 15 выписка изъ статейнаго списка отправленныхъ въ Крымъ посланниковъ Усова и Уютскаго.

Да іюня въ 20 день пріѣзжалъ отъ царя Ибреимъ паша и говорилъ имъ Андрею и подъячему Степану, велѣлъ де вамъ царь говорити съ великимъ гнѣвомъ, межъ де великаго государя вашего и Джанъ Бекъ Гирея царя правда стара, не въ правду, и

Отправленіе въ Константинополь турецкаго посла Контакузина и бытность съ нимъ на Дону Россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова. Между тѣмъ, какъ морскіе поиски казаковъ еще продолжались, и прибережные жители полуострова Таврическаго, оставляя жилища свои, укрывались отъ нападеній ихъ, въ то время возвращался изъ Москвы въ Царьградъ турецкій посолъ Ѳома Контакузинъ, сопровождаемый отправленнымъ къ султану россійскими посланниками Кондыревымъ и Бормасовымъ, Донскимъ атаманомъ Епифаномъ Родиловымъ, бывшимъ въ Москвѣ съ станицею.

Изъ Воронежа посланники плыли Дономъ и на пути у Клѣцкаго городка узнали о походѣ 1000 Донскихъ казаковъ и 300 человѣкъ Запорожскихъ черкасъ на море, о взятіи и разореніи Трапезонта и другихъ приморскихъ селеній на Цареградской сторонѣ, о возвращеніи съ моря на Донъ 200 человѣкъ Черкасъ съ богатою добычею. Въ городахъ Паншинѣ и Голубыхъ атаманъ Епифанъ Родиловъ взялъ съ собою въ нижнее войско до 50 человѣкъ Волжскихъ казаковъ, разбивавшихъ на Волгѣ персидскіе бусы и прогнанныхъ оттуда астраханцами. Это произвело опасеніе въ посланникахъ Кондыревѣ и Бормасовѣ: они, боясь, чтобы волжскіе разбойники не возмутили Донскихъ казаковъ и не причинили бы имъ и турецкому послу какого зла, убѣждали Родилова нетолько не брать ихъ съ собою, но и запретить имъ жить въ городкахъ казачьихъ; сей отвѣтствовалъ: если войско ихъ не приметъ, *то они пойдутъ въ чужую землю* (206). Такой отвѣтъ Родилова и слухи о пребываніи на Дону Запорожскихъ чер-

шерть не въ шерть; ссылается де государь съ царемъ о братской дружбѣ и любви, а донскихъ де казаковъ посылаетъ моремъ крымскихъ улусовъ воевать, тому де два дни, подъ Кафою Донскіе казаки взяли два корабля, а нынѣ де пришли въ Булуклы и многую де крымскимъ де людемъ шкоту подѣлали людей, въ полонъ поимали."

(206.) Дѣла турецк. въ столбц. 1622 г. № 1-й отписка Донскихъ казаковъ, полученная въ Москвѣ 16 іюля и отписка Кондырева и Бармасова привезенная въ Москву августа 23 дня.

касъ усугубили опасеніе пословъ; они остерегались продолжать путь въ главное войско. Войсковой атаманъ Исай Мартемьяновъ, извѣстясь о томъ, послалъ къ нимъ нарочнаго, прося ѣхать въ войско безъ опасенія и увѣряя, что на Дону безопасно.

12 іюля посланники прибыли въ Монастырскій городокъ, въ казачьи юрты, и расположились станами: Турецкіе посланники особо, а россійскіе также особливо. Въ городкѣ находилось весьма мало казаковъ, всѣ они были съ атаманомъ своимъ въ походѣ на морскомъ поискѣ, куда отправился онъ 7 іюля. На другой день по прибытіи посланниковъ, т. е. 13 іюля, пошли па море къ войсковому атаману и остальные казаки (кои были тогда въ городкѣ и кои съ атаманомъ Епихою Родиловымъ прибыли изъ Москвы) въ пяти стругахъ мимо стана Турецкихъ посланниковъ, которые, увидавши сіе, говорили приставамъ съ упрекомъ: „въ проѣздъ нашъ изъ Азова въ Москву встрѣча намъ отъ казаковъ была великая; нынѣ же въ войскѣ никого нѣтъ и встрѣчи намъ никакой не было; всѣ пошли на море даже и тѣ, которые изъ Москвы пришли съ нами!“ Посланники въ оправданіе казаковъ отвѣчали, что азовцы съ ногайцами улуса Казыева вторглись въ Россійскіе украинные города и нанесли многимъ значительное разореніе, возвращаются изъ Россіи съ плѣномъ и что казаки пошли противъ татаръ на перевозы, для отнятія онаго.

Между тѣмъ, того же 13 іюля, Россійскіе посланники писали къ войсковому атаману Мартемьянову о прибытіи своемъ въ Монастырскій городокъ съ царскимъ жалованьемъ войску и просили увѣдомить ихъ о мѣстѣ нахожденія войска; кому во время отсутствія онаго должны они сдать государево жалованье и скоро-ли ихъ отпустятъ въ Азовъ?—Въ слѣдствіе сего атаманъ Исай Мартемьяновъ 19 числа отправилъ въ Монастырскій городокъ Тихона Чулкова, поручивъ ему сказать посланникамъ, что атаманы и казаки стоятъ въ морскомъ устьѣ, ждутъ турецкихъ казаковъ, чтобы

не пропустить оные въ Азовъ, что въ Монастырской городокъ они возвратятся вскорѣ, чтобы посланники дождались ихъ въ оном и царское жалованье никому безъ нихъ не отдавали.

Наконецъ 20 числа пришли съ моря въ Монастырской городокъ войсковой атаманъ Исай Мартемьяновъ съ атаманомъ и казаками до 800 человѣкъ, оставивъ въ устьѣ Дона небольшой караулъ; въ тотъ же день составили, по обычаю своему, кругъ. Кондыревъ и Бормасовъ вручили имъ царскія грамоты и объявили о томъ, чтобы амаманы и казаки внявъ волѣ царской, съ азовцами поспѣшили заключить миръ, прекратили-бы поиски свои по морю, и ихъ, посланниковъ и пословъ турецкихъ, нимало не удерживая, проводили бы до Азова честно, а присланное къ нимъ царское жалованье приняли-бы безъ малѣйшей отласки и между собою раздѣлили-бы послѣ ихъ отъѣзда, дабы посолъ турецкій о томъ не увѣдалъ, и чрезъ то не подвергнулъ-бы ихъ (посланниковъ) какимъ обидамъ и притѣсненіямъ въ турецкой землѣ. Атаманъ Исай Мартемьяновъ со всѣмъ войсковымъ кругомъ, выслушавъ рѣчи посланниковъ и съ благоговѣніемъ въ кругу прочтя грамоты царскія, отвѣчалъ: „миръ съ азовцами у насъ нынѣ разорванъ и къ возстановленію онаго безъ отмщенія врагамъ своимъ приступить намъ невозможно!“ Едва только атаманъ окончилъ слова сіи, какъ явился гонецъ съ извѣстіемъ, что турецкіе корабли уже показались Мартемьяновъ съ войскомъ своимъ тотчасъ сѣлъ на струги и отправился на встрѣчу къ врагамъ, а казну поручилъ принять послѣ себя Тихону Чулкову и Василью Чернову, которые, принявъ отъ посланниковъ государево жалованье, состоявшее въ деньгахъ, сукнахъ, хлѣбныхъ и пушечныхъ запасахъ и винѣ, одну часть онаго, какъ-то: деньги, сукна и пушечные снаряды положилъ въ часовнѣ, а запасы и вино на площади.

Между тѣмъ атаманъ Исай Мартемьяновъ, на морѣ встрѣтилъ плывшій въ Азовъ турецкій караванъ, стремительно

ударилъ на него, овладѣлъ однимъ непріятельскимъ кораблемъ съ находившимися на немъ тремя пушками и пушечнымъ снарядомъ и двумя комягами; 26 числа возвратился опять въ войско (Монастырскій городокъ). Хвалясь сею побѣдою, они шли изъ стругов своихъ съ добычею мимо становищъ россійскихъ и турецкаго посланниковъ и въ виду ихъ раздѣляли оную между собою.

Со времени прибытія посольства въ Монастырскій городокъ протекло двѣ недѣли, но казаки ни мира съ азовцами не заключили, ни пословъ не отпустили. Кондыревъ и Бормасовъ непрестанно напоминали атаману и казакамъ о заключеніи мира съ азовцами; но они отвѣчали: „мы не можемъ рѣшиться на миръ дотолѣ, пока товарищи наши не возвратятся съ поисковъ морскихъ въ войско; если же хотите заключить миръ съ азовцами, то ведите съ ними переговоры сами (безъ насъ)“ (207).

(207.) Тѣхъ же дѣлъ и таже отписка посланниковъ Кондырева и Бармасова, полученная въ Москвѣ августа 23 дня.

. . . . . „И іюля, государь, въ 12 день, атаманъ Епиха Родиловъ изъ Монастырскаго городка пріѣхалъ къ намъ холопемъ твоимъ на встрѣчу съ ними жъ людьми, что съ ними было послано, да съ ними же, государь, пріѣхали въ другомъ стругу на встрѣчу Донскихъ казаковъ человѣкъ съ 15, а сказали что у нихъ больши того изъ Монастырскаго городка на встрѣчу никого не собралось; и мы холопи твои, съ тѣми людьми, что съ нами были, пришли въ казачьи юрты, въ Монастырскій городокъ іюля въ 12 день, а назавтрее, государь, того и достальные казаки всѣ, которые оставлены были въ городкѣ, и которые пришли съ Москвы съ Епихою Родиловымъ, стругов съ пять, пошли на море къ Исаю жъ Мартемьянову, мимо становъ турецкихъ посланниковъ, и турскіе, государь, посланники, видя то, что казаки пошли на море, говорили приставомъ съ великимъ шумомъ: какъ де они шли изъ Азова къ тебѣ, государю, къ Москвѣ и казаковъ де въ войску было много и встрѣча имъ была велпкая, а нынѣ де въ войску казаковъ никого нѣтъ, пошли де всѣ на море и встрѣчи имъ никакія не было, а которые де казаки Донскіе и провожатые пришли съ нами холопи твоими, и будто мы холопи тѣхъ достальныхъ казаковъ и провожатыхъ много отпустили на море жъ, и мы холопи твои посылали къ турскимъ посланникомъ говорити толмачей, что съ азовцы собрався въ ногаи Кезыева улуса пошли на твои, госу

Наконецъ въ 8 д. Августа пришли на Донъ и ожидаемые съ моря казаки, кои еще весною сего года на 40 стругахъ отправились для поисковъ, опустошивъ многія села и деревни при берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, они распространили смятеніе и страхъ даже и въ самомъ Константи-

---

царевы украинные городы и многіе мѣста посвоевали и людей въ полонъ поимали и съ полономъ изъ Руси идутъ назадъ; и атаманы и казаки изъ войска пошли лежать на перевозы подъ татаръ, чтобъ у татаръ полонъ отгромить. И того жъ, государь, дни іюля въ 13 день писали мы, холопи твои къ атаманомъ и казакомъ, къ Исаю Мартемьянову съ товарищи, что по твоему государеву указу, пришли мы холопи твои въ Монастырскій городокъ, и твое государево жалованье къ нимъ привезли, и они бъ отписали, гдѣ они нынѣ стоять и долго-ль имъ въ походѣ быть и кому намъ холопемъ твоимъ, безъ нихъ твое государево жалованье, что къ нимъ прислано въ войско, отдати и много-ль государь нашего житья у нихъ будетъ? И іюля, государь, въ 19 день, пріѣхалъ къ намъ холопемъ твоимъ отъ атамановъ и отъ казаковъ, отъ Исая Мартемьева съ товарищи Тихонъ Чулковъ, а сказалъ что атаманы и казаки стоять нынѣ на морскомъ устьѣ и дожидаются турецкихъ каравановъ, чтобъ ихъ въ Азовъ не пропустить; а въ Монастырской де, государь, городокъ будетъ вскорѣ и намъ бы ихъ дожидаться въ Монастырскомъ городкѣ."

. . . . . „И іюля въ 20 день, атаманы и казаки Исай Мартемьяновъ съ товарищи, человѣкъ ихъ съ 800 государь дни прислали къ намъ холопемъ твоимъ, чтобы намъ быть у нихъ въ кругу; и мы холопи твои къ атаманомъ и казакомъ въ кругъ ходили, и твои грамоты имъ отдали, и про твое государево жалованье, то что къ нимъ прислано сказали и по наказу имъ говорили, чтобъ они съ азовцы помирились и жили бъ въ миру, и на море бъ не ходили и задоровъ бы никакихъ не чинили, и насъ бы холопей твоихъ, и турскихъ посланниковъ отпустили въ Азовъ не задержавъ, и проводили бъ до Азова честно, а что къ нимъ прислано съ нами, холопи твоими, твое государево жалованье деньги и сукно и хлѣбные и пушечные запасы, и они бъ то у насъ взяли тайно и раздѣлили по себѣ послѣ нашего отпуску, а межъ бы себя о томъ неславили, чтобы про то въ Азовѣ непронеслось и турецкому бъ посланнику про то несвѣдать для того, чтобъ намъ холопемъ твоимъ, въ турской землѣ задержанья не было. И атаманъ, государь, и казаки, Исай Мартемьяновъ съ товарищи, твои государевы грамоты въ кругу чли и намъ холопемъ твоимъ сказали, что они твоему государеву жалованью рады; а съ азовцы де мы живемъ не въ миру, и нынѣ де намъ съ азовцы неуправясь помириться нельзя, и васъ въ Азовъ отпустить вскорѣ немочно. А

полѣ, отъ коего въ сіе время находились только за полтора дни плаванія(208) Между тѣмъ и сами понесли большой

твое государево жалованье, деньги и сукна и хлѣбные и пушечные запасы, и вино и суды, въ которыхъ была твоя государева казна, у насъ взяли . . . . . .
прислано несполна, и были государь атаманы и казаки въ Монастырскомъ городкѣ, пришедъ съ моря, всего одинъ день, а на завтре государь того іюля въ 21 д. атаманы и казаки Исай Мартемьяновъ съ товарищи, да къ тому государь къ нимъ въ прибавку изъ городовъ изъ Бѣла-города, изъ Курска и изъ иныхъ украинныхъ городовъ всякіе пріѣзжіе люди, которые пріѣхали къ нимъ въ войско съ товары, изъ Монастырскаго городка пошли къ Азову и на морское устье, и были государь въ походѣ пять день и сошлись съ турецкими кораваны, которые шли въ Азовъ и съ ними билися, и взяли корабль да двѣ комяги, и пришли государь, съ моря въ Монастырскій городокъ іюля въ 26 д., а съ собою привезли наряду, что взяли на кораблѣ, три пушечки, да погромной рухляди. Сафьяновъ, дороговъ, кындяковъ, бязей, луковъ немало, а пошли государь съ добычею къ себѣ въ курени мимо становъ турецкихъ посланниковъ, и погромную государь, всякую рухлядь изо всѣхъ струговъ турскимъ посланникомъ оказывали и изъ ружья противъ ихъ становъ стрѣляли. А нынѣ государь, Донскихъ казаковъ на море что пошли съ весны, послѣ Николина дни, 1000 человѣкъ, и тѣ государь казаки на Цареградской сторонѣ многіе мѣста повоевали и съ моря государь, со многою добычею идуть назадъ; а въ войско государь еще Августа по 15 число небывали; а казаки государь намъ говорятъ, что у товарищей ихъ срокъ положенъ съ моря быть въ войско послѣ Семеня дни, какъ морской ходъ учнетъ миноваться, а намъ де до тѣхъ мѣстъ въ Азовъ небывать . . . . . .
И мы, холопи твои, атаманомъ и казакомъ говорили: по многіе дни, чтобъ по твоему государеву указу съ азовцы помирились, и жилибъ въ миру, и насъ бы, холопей твоихъ, отпустили въ Азовъ незадержавъ, неиспустя нынѣшнего лѣтняго времени, покамѣста морской ходъ не миновался . . . . . .

(208) Дѣла турецкія, въ столб. 1622 г., № 1, см. распросныя рѣчи Воронежскаго атамана Ларіона Чернышева и Михайловскаго казака Казьмы Ильина. . . . . .
. . . . . .
Да они же де Ларя и Куземка слышали у азовца у Мустуфы Карталаго, который пріѣзжалъ въ казачьи юрты изъ Азова мирити казаковъ съ азовцы, что ходило де на море казаковъ подъ Царьгородъ 40 струговъ, а въ нихъ 1150 человѣкъ и взяли было деревню жидовскую, въ которой жили жиды, а та де деревня отъ Царьгорода всего полдницца и на тѣхъ де казаковъ подъ ту

уронъ, такъ что изъ 1500 человѣкъ Донцовъ и Запорожцевъ, подъ начальствомъ атамана Черкашенина Шило въ семъ походѣ бывшихъ, возвратилось на Донъ только съ небольшимъ 700 человѣкъ. Турки, извѣстясь о взятіи и разореніи казаками Жидовской деревни, недалеко отъ Царяграда лежащей выслали, а противъ нихъ 16 каторгъ. Тутъ произошло между казаками и Турками жаркая сѣча.... Послѣдніе предложили за плѣнныхъ дорогой выкупъ; неосторожные и алчные къ добычѣ казаки немедленно на то согласились, пристали къ берегу и цѣлые три дни переговаривались съ хитрыми врагами своими о цѣнѣ выкупа; напослѣдокъ Турки, замѣтивъ ихъ оплошность, собрались съ силами, неожиданно напали на казаковъ и многихъ изъ нихъ побили([209]).

Какъ оставшіеся отъ сего пораженія Донскіе казаки возвратились въ войско, Кондыревъ и Бормасовъ опять возобновили настоятельства свои о заключеніи между казаками и азовцами мира. Послѣ сего казаки рѣшились заключить миръ;

деревню ходило турскихъ людей 16 каторгъ, и тое деревню взяли у нихъ назадъ и казаковъ побили съ половину, а побили де ихъ обманомъ; заслали къ нимъ напередъ отомъ чтобы казаки дали имъ полонъ, что они поимали на окупу и будто ихъ хотѣли покупать дорогою цѣною, и манили ихъ окупомъ три дни, и собрався въ тѣ дни, пришедъ на нихъ безвѣстно и ихъ побили и полонъ свой отгромили, а половина де казаковъ ушли на море въ стругахъ и полону съ собою увезли не маложъ, а на Дону Донскіе атаманы и казаки говорили про нихъ въ разговорехъ и ясыри многіе оказывали, что де тѣхъ атамановъ и казаковъ побили на морѣ турскіе люди всѣхъ . . . . . .

([209]) Дѣла турецкія въ столб. 1622 г., № 2, см. статейный списокъ посольства въ Царьградъ Ивана Кондырева и дьяка Тихона Бормасова.

. . . А августа въ 8 д. пришли на Донъ съ моря Донскихъ атамановъ и казаковъ и черкасъ 25 струговъ атаманъ черкаской Шило съ товарищи человѣкъ съ 700 и больше, а сказывали что они были за моремъ отъ Царьгорода за полтора днища, и повоевали въ Царегородскомъ уѣздѣ села и деревни и многихъ людей посѣкли и на нашихъ де изъ Царьгорода приходили каторги и убили у нихъ казаковъ человѣкъ съ 400 и больши. . . . . .

. . . . . .

Смотри слѣдующее примѣчаніе.

но только до тѣхъ поръ пока посланники дойдутъ до Цареграда([210]).

13 августа посланники изъ Монастырскаго городка поѣхали въ Азовъ. Версты за двѣ не доѣзжая до Азова, встрѣтили ихъ азовцы въ 30 стругахъ; тутъ Даніло Яблочновъ и Донскіе атаманы Исай Мартемьяновъ и Епифанъ Родиловъ передали пословъ азовцамъ со всѣми правожатыми и возвратились назадъ.

Притязанія и притѣсненія посланникамъ за казаковъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ иныхъ мѣстахъ напути въ Царьградъ. Аги азовскіе требовали отъ посланниковъ, чтобы они поручилися въ томъ, что Донскіе казаки послѣ отъѣзда ихъ въ Царьградъ, плавать по морю и турецкіе корабли разбивать не будутъ. Но посланники отвѣчали, что они таковаго обязательства на себѣ дать не могутъ, потому что *на Дону живутъ воры, бѣглые холопи боярскіе*, и на море ходятъ самовольно, что подобные биды терпитъ и Россія отъ Азовцевъ, которые хотя живутъ и въ устроенномъ городѣ, но ежегодно приходятъ на украины и жителямъ оныхъ причиняютъ великія раззоренія. Въ Кафѣ принуждены были посланники слышать упреки на заморскіе поиски казаковъ, и едва только подобнымъ же сему отзывомъ успѣли успокоить тамошняго Пашу, какъ снова поставлены были въ затруднительное положеніе: къ нимъ привели въ оковахъ болѣе 20 человѣкъ плѣнныхъ Черкасъ и Русскихъ. Тутъ паша говорилъ посланникамъ россійскимъ, что „это люди россійскіе, что они ходятъ на море и нападаютъ на карабли и каторги турецкіе ежегодно, что хотя многихъ изъ нихъ убиваютъ, однако-жъ число ихъ не уменьшается, а всякій годъ возрастаетъ. Посланники отвѣчали, что это не Донскіе казаки, а Черкасы-подданные короля Литовскаго, а еслибъ и подлинно были

([210]) Дѣла турецкія, въ столб. 1622 г. № 1, см. распросныя рѣчи Воронежскаго атамана Ларіона Чернышева и Михайловскаго казака Казьмы Ильина.

между ими Донскіе казаки, то уже извѣстно нашѣ, что на Дону живутъ люди такіе, за которыхъ государь нашъ не стоитъ(211). Послѣ сего Кондыревъ и Бормасовъ изъ Кафы были отпущены въ Царьградъ, но на пути семъ претерпѣли сильную бурю 28 сентября, въ разстояніи ста верстъ отъ Царьграда, вышли на берегъ въ лиманѣ при селѣ Кандрѣ, которое въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года было все выжжено казаками. Тутъ стояли десять турецкихъ кораблей укрываясь отъ бури; Турки, на сихъ кораблях находившіеся, увидѣвъ ихъ приближеніе и почтя ихъ за Донскихъ казаковъ, въ великомъ страхѣ стали метаться съ кораблей и оставивъ оные, побѣжали по селамъ и деревнямъ, разглашая повсюду о нашествіи казаковъ. Испуганные жители сначала повѣрили симъ вѣстовщикамъ, но усумнившись въ справедливости разглашеній ихъ, собрались изъ окрестныхъ деревень до 300 человѣкъ съ Кадыемъ, пришли къ посланникамъ въ се-

(211) Тѣхъ же дѣлъ, см. вышеприведенный статейный списокъ Кондырева и Бормасова.

„Что имъ за казаковъ въ томъ иматься нельзя, что имъ на море неходить, самимъ имъ вѣдомо, что на Дону живуть воры, бѣглые холопи боярскіе, которые утекаютъ изъ московскаго государства отъ винъ своихъ, а на море ходятъ самовольствомъ, а государя вашего азовскіе люди живуть и въ городѣ и тѣ по вся дни, въ лѣто и въ осень и въ зиму приходятъ на государя нашего украйны и великаго государя нашего землю воюютъ и люди въ полонъ емлютъ. . . . . .

Привели къ нашѣ Кафинскому на дворъ полоняниковъ черкасъ и русскихъ людей человѣкъ съ 20 и больши на цѣпяхъ и перекованы всѣ. И паша Ивану и Тихону говорили: вспрашивайте де сами своихъ казаковъ, почьему они приказу на море ходятъ и корабли и каторги громятъ и людей побиваютъ и землю государя нашего пустошатъ.

И Иванъ и Тихонъ нашѣ говорили, что имъ до нихъ дѣла нѣтъ и вспрашивать ихъ нечего для, а то они видятъ что приведены всѣ черкасы, литовскаго короля люди, а что въ нихъ русскіе люди есть и тѣ государя нашего измѣнники, служатъ литовскому королю съ черкасы вмѣстѣ, а хотябъ въ нихъ были и прямые Донскіе казаки, и на Дону живуть воры, бѣглые холопи боярскіе и всякіе схожіе вольные люди и на море ходятъ самовольствомъ безъ повѣленія великаго государя нашего, а великій государь нашъ за воровъ не стоитъ.“

ло Кандру и съ великимъ азартомъ говорили, что они жизнію своею должны заплатить за тѣ раззоренія, которыя нанесены жилищамъ ихъ Донскими казаками. Посланники отвѣчали, что они посланы отъ царя къ Султану по дѣламъ важнымъ государственнымъ, и потому не оскорбленія и обидъ, но защиты и безопасности ожидаютъ, ибо они находятся во владѣніи государя союзнаго и Россіи доброжелательнаго, и утверждали, что на море ходятъ черкасы Запорожскіе, подвластные королю Литовскому, а не Донскіе казаки, которымъ ходить на морскіе поиски государь запретилъ весьма строго. Турки доказывали, что Донскихъ казаковъ отъ черкасъ Запорожскихъ они различаютъ и что опустошеніе сіе произвели дѣйствительно Донскіе казаки; впрочемъ, повѣривши посланникамъ, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ запретилъ Донскимъ казакамъ ходить на море, обѣщали имъ не дѣлать ни малѣйшаго зла, дали свободу продолжать путь далѣе.

Отсюда посланники отправились въ Царьградъ, ночью 8 октября, а 12-го пришли въ предмѣстье столицы Оттомановъ бывъ сопровождаемы великимъ страхомъ, опасаясь чтобы за раззоренія, причиненныя казаками въ тѣхъ мѣстахъ въ минувшемъ лѣтѣ, не сдѣлаться жертвою мщенію раздраженныхъ жителей; но къ счастію ихъ, всѣ селенія, чрезъ которыя проходили они на пути отъ Кандры до Царьграда, были совершенно безлюдны; ибо жители оныхъ укрывалися въ лѣсахъ, боясь новаго нашествія Донскихъ казаковъ([212]).

([212]) Продолженіе того же статейнаго списка.

„А до ихъ пріѣзду въ томъ лиманѣ стоятъ отъ погоды кораблей съ десять, а которые турскіе люди были на тѣхъ кораблехъ и тѣ увидя ихъ учали съ кораблей метаться на берегъ и корабли покинули и побѣжали по селомъ и по деревнямъ, для того, почаяли приходу Донских казаковъ что прежде сего въ 130 году въ іюлѣ приходили на тѣ мѣста Донскіе казаки и село Кандру и иные селы и деревны пожгли и людей въ полонъ поимали.

А какъ пришли въ село Кандру, и то село возжено все, а всемъ было дворовъ съ 500 и больши, и къ нимъ въ село въ Кандру приходили Кадый и тутошные торговые желецкіе и уѣздные люди, человѣкъ съ 300 и больши, и говорили, что усей Кандру и иные села и деревни нынѣшняго лѣта повоевали и по-

Бытность Россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова въ Константинополѣ. Въ Константинополѣ въ предметъ переговоровъ входили между прочимъ и Донскіе казаки. Визирь посланникамъ нашимъ дѣлалъ упреки за казаковъ и требовалъ ихъ унять, но посланники и тутъ отрицаясь отъ казаковъ, говорили по обыкновенію, что они *воры, холопи бѣлые* и тому подобное, и взаимно настаивали о запрещеніи азовцамъ грабить россійскіе украйны([213]).

Оскорбленія, причененныя посланникамъ за казаковъ на возвратномъ пути ихъ изъ Царьграда. Весною 1623 года посольство россійское отпущено было изъ Царьграда въ Россію. По

жгли государя вашего Донскіе казаки и людей многихъ побили а иныхъ живыхъ поимали, и мы де за то нынѣ хотимъ учинить надъ вами тоже что Донскіе казаки надъ ними учинили.

Иванъ и Тихонъ имъ говорили, чтобы они надъ ними никотораго дурна неучинили, идуть они отъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи къ великому государю ихъ къ Муфастѣ Салтанову величеству о ихъ государскихъ великихъ дѣлѣхъ. А Донскимъ казакомъ отъ великаго государя нашего заказъ отомъ крѣпкой, что на море ихъ ходить невелѣно, а ходятъ на море и корабли и каторги громятъ литовскаго короля Запорожскіе черкасы, а не Донскіе казаки.

И села Кандры всякія люди говорили, что они Донскихъ казаковъ съ черкасы знаютъ. Нынѣшняго де лѣта приходили къ нимъ въ село въ Кандру и выжгли Донскіе казаки, а не черкасы; и будетъ де Донскимъ казакомъ впередъ на море ходить невѣлено, и мы де за то надъ вами ни котораго дурна неучинимъ.

И Иванъ и Тихонъ и турскіе посланники Гореченинъ Ѳома и Чеуши, дождався ночи изъ села Кандры пошли къ Царьгороду сухимъ путемъ, и шли дорогою до морскія протоки, четыре дни съ великою боязнію, чтобъ надъ ними въ дорогѣ уѣздные люди за казачьи погромы котораго дурна неучинили, а которыми мѣсты ѣхали, и въ тѣхъ мѣстахъ по селомъ и по деревнямъ всякія люди разбѣжались отъ казаковъ и живуть по лѣсомъ.

А они морскую протоку пришли октября въ 12 д. и стали недоходя Царягорода за 10 верстъ въ селѣ въ Бейкусѣ и корабль ихъ пришелъ къ нимъ на завтрее ихъ приходу октября въ 13 д."

([213]) Это примѣчаніе см. выше. Продолженіе статейнаго списка Кондырева и Бормасова.

прибытіи онаго въ Кафу, пронеслись слухи, что Донскіе казаки вышли въ море: всѣ жители сего города бѣжали изъ онаго въ отдаленныя села и деревни, а иные выѣзжали въ Крымъ; оставались только весьма немногіе. Царь Крымскій извѣстясь въ то время отъ азовскаго Аги, что казаки дѣйствительно уже вышли въ море, писалъ о томъ въ Кафу, повелѣвая тамошнему пашѣ имѣть должную осторожность, и о появленіи казаковъ извѣстить его со всевозможною скоростію; посланниковъ же московскихъ приказалъ держать за крѣпкимъ карауломъ. Получивъ таковое предписаніе, кафинцы пришли къ посланникамъ съ великимъ шумомъ, заперли ихъ въ дворъ и хвалилися побить. Послы содержалися въ Кафѣ нѣсколько времени, но какъ казаки нигдѣ не появлялись, то и дозволено имъ было отправиться далѣе.

По прибытіи отсюда въ Керчь, послы принуждены были терпѣть за казаковъ новыя непріятности. Въ то время около 1000 человѣкъ казаковъ, разъѣзжавшихъ по морю на 30 стругахъ, близъ Керчи завладѣли одною комягою(*), людей на оной частію побили, а частію взяли въ плѣнъ, и остановились въ виду города.

Встревоженные появленіемъ казаковъ, жители керченскіе схватили посланниковъ, заперли ихъ въ башню, поставили надъ ними стражу, и въ буйствѣ грозили лишить ихъ жизни, требуя, чтобы они удержали казаковъ отъ нападенія на городъ. Посланники рѣшились убѣдить казаковъ чрезъ посыльныхъ своихъ, чтобы они ни мало не мѣшкая, отошли отъ города не дѣлая ни малѣйшаго вреда и возвратились бы на Донъ. Казаки послушались и поплыли мимо Керчи въ Черное море за Кафу. О успѣхахъ сихъ удальцовъ на Черномъ морѣ заподлинно ничего не извѣстно. Изъ Керчи привезли посланниковъ въ Темрюкъ, гдѣ они должны были переносить за казаковъ новыя непріятности: черкесы темрюцкіе, въ отмщеніе за взятіе въ плѣнъ казаками сына тамошняго воеводы, сперва хотѣли ихъ умертвить, потомъ требовали возвратить имъ 2/т. золотыхъ, взятыхъ казаками за плѣнника сего

и потомъ заперли въ башню. Воевода азовскій Асанъ-Бей и турецкій посланникъ Ахметъ Ага хотѣли было россійскихъ посланниковъ защитить и уговорить черкесъ, чтобы ихъ немедленно отпустили въ Азовъ, но за посредничество сіе сами едва не заплатили жизнію и принуждены были дать на себя (память въ подаркахъ) обязательство и тѣмъ успокоили буйныхъ черкесъ темрюцкихъ. Отсюда отправили пословъ въ Азовъ чрезъ рѣку Кубу (вѣроятно Кубань); на пути семъ не доходя р. Ею ограбилъ ихъ ногайскій мурза Видей, мстя за казаковъ. Наконецъ, августа 3 пришли въ Азовъ. Въ сіе время возвратившіеся съ моря казаки стояли въ устьяхъ Дона, ждали изъ Кафы турецкихъ кораблей и намѣривались напасть на оные Едва только посланники въѣхали въ Азовъ, то буйная толпа азовцевъ съ великимъ шумомъ ворвалась на дворъ: одни хотѣли лишить ихъ жизни, а другіе съ дерзостію выговаривали, что казаки за моремъ причинили имъ убытки многіе, хлѣба жать не дали и тѣсноту имъ чинятъ великую, что царь московскій покровительствуетъ казаковъ и ежегодно присылаетъ къ нимъ жалованье, деньги, сукна и запасы всякіе, потомъ настоятельно требовали водворить между ими и казаками миръ попрежнему и поставили надъ посланниками стражу.

Возвращеніе Кондырева и Бормасова изъ Царьграда на Донъ и миръ у казаковъ съ азовцами. Кондыревъ и Бормасовъ неоднократно посылали къ казакамъ переводчика своего склонить ихъ къ заключенію мира съ азовцами: переговоры о мирѣ были трижды, но несоглашались въ условіяхъ. Прежде сего условія мира большею частію распространяемы были на всѣ казачьи городки нижніе и верхніе, но въ сіе время азовцы хотѣли включить въ оный только тѣ городки, кои находились отъ нижнихъ юртовъ вверхъ до городка Пятизбянскаго, а прочіе пять городковъ, выше Пятизбъ, оставить попрежнему въ размирьи. Наконецъ казаки согласились на всѣ условія азовцевъ, заключили миръ съ намѣреніемъ разорвать

оный коль скоро послы отпущены будутъ изъ Азова и выѣдутъ изъ войска. Такимъ образомъ 20 сентября Кондыревъ и Бормасовъ прибыли въ нижніе казачьи юрты, бывъ встрѣчены на рѣчкѣ Каланчѣ атаманомъ Исаемъ Мартемьяновымъ и 500 казаками конными и судовыми, а при въѣздѣ въ первый казачій городокъ—пушечною и ружейною стрѣльбою([214]).

([214].) Тѣхъ же дѣлъ и тотъ же статейный списокъ Кондырева и Бормасова.

„И послыша такія вѣсти про казаковъ, кафинскіе всякіе жилецкіе люди изъ города изъ Кафы съ женами и с дѣтьми и со всѣми животы побѣжали по селамъ и по деревнямъ, а иные поѣхали въ Крымъ, а въ Кафѣ остались не многіе люди, и ихъ Ивана и Тихона за казаковъ, что казаки вышли на море, хотѣли побить и съ двора ни кого ни куда и людей ихъ неспускали и дворъ заперли совсемъ и сторожей къ нимъ приставили.“

„А какъ въ Крымъ крымскому царю отъ азовскаго жъ Аги про казаковъ учинилась вѣсть, что казаки вышли на море, и крымской царь писалъ въ Кафу, къ Пашѣ и ко всякимъ кафинскимъ людемъ, чтобъ они московскихъ пословъ берегли накрѣпко и съ двора ихъ самихъ и людей ихъ ни куда не пускали, чтобъ они изъ Кафы не ушли, а сами бъ де ушли бережно и про казаковъ провѣдывали, а будетъ де казаки придутъ подъ Кафу, и они бъ къ нему о томъ прислали вѣсть наскоро и онъ по той вѣсти придетъ къ нимъ въ Кафу изъ Крыму самъ со всѣми людьми тотчасъ.“

„И послѣ того про Донскихъ казаковъ въ Кафѣ вѣсти никакія не объявливались.“

„Іюля въ 24 день пришли съ Дону подъ Керчь Донскихъ казаковъ 30 струговъ, а въ нихъ съ 1000 человѣкъ казаковъ, и стали противъ города и взяли камягу и людей побили, а иныхъ живыхъ понимали съ собою. И того жъ часу, какъ казаки объявились подъ Керчью, учалъ быти въ городѣ въ Керчи всполохъ великій, и керченскіе всякіе люди и рейзы, которые на кораблехъ пришли съ ними изъ Кафы, пришли къ Ивану и къ Тихону на корабли и Ивана и Тихона съ кораблей взяли и повели въ городъ и посадили въ башню и хотѣли побить, а людей ихъ оставили на кораблехъ, и корабли всѣ отвезли подъ городъ, и съ вѣстью про казаковъ послали къ крымскому царю въ Крымъ и въ Кафу къ кафинсьому пашѣ тотчасъ. А послѣ того рейзы и керченскіе всякіе люди приходили къ Ивану и къ Тихону и говорили, чтобъ они послали отъ себя къ казакомъ говорить, чтобъ казаки подъ городъ Керчь и на корабли не ходили . . . . . .

И того жъ дни Иванъ и Тихонъ посылали изъ Керчи къ Дон-

Тутъ посланники пробыли двѣ недѣли, настаивая, чтобы имъ и турецкимъ посламъ даны были отъ войска суда, гребцы и провожатые; но казаки по недостатку у себя первыхъ, дали имъ только 8 стружковъ, въ гребцахъ отказали, а въ провожатыхъ послали есаула Ивана Васильева и 80 человѣкъ казаковъ и сверхъ того снабдили окружною войсковою грамотою, чтобы отъ городка до городка провожали всѣ наличные казаки. Наконецъ посланники занявъ изъ войсковой казны нѣкоторую сумму денегъ и прикупивши еще 10 струговъ, 6 октября отправились изъ Монастырскаго городка, въ сопровожденіи атамановъ Исая Мартемьянова, Епифана Родилова и достаточнаго числа казаковъ до городка Черкаскаго ([215]).

Между тѣмъ султанъ и царь крымскій, чрезъ пословъ

скимъ казакомъ говоритъ кречетчина Истому Бакина да толмоча Григорья Бидлова, къ казакомъ писали и приказывали чтобъ они подъ городъ подъ Керчь и на корабли не приходили и поворотились бы назадъ на Донъ."

И Донскіе казаки отказали . . . . . и пошли мимо Керчи на Черное море за Кафу.

„А на завтрѣе того, какъ изъ Темрюка хотѣли было ѣхать впередъ, собрався Черкасы многіе люди пришли къ нимъ къ Ивану и къ Тихону и привели въ городъ и хотѣли побить; а говорили, что Донскіе казаки вышли на море и шли мимо Темрюка и потромили иногія камаги и взяли въ полонъ томанскаго города воеводскаго сына и отдали его на окупъ, а взяли за него 2000 золотыхъ, и они бъ Иванъ и Тихонъ золотыя заплатили тотчасъ."

„И азовской воевода Асанъ-Бей и турской посланникъ Ахметъ Ага говорили Черкасомъ, чтобъ они надъ Московскими послы никотораго дурна не учинили и изъ Темрюка бы ихъ отпустили немѣшкая. И Черкасы азовскаго воеводу Асанъ-Бея и турскаго посланника Ахметъ-Агу хотѣли перерѣзать ножи и поворотили ихъ назадъ и велѣли имъ ѣхать въ Кафу, а ихъ Ивана и Тихона оставили въ городѣ въ Темрюкѣ и посадили въ башню". ..

См. далѣе продолженіе сего списка.

. . . . . .

Также см. распросныя рѣчи атамана Карпа Горожанкина, прибывшаго въ Москву въ октябрѣ 1623 года.

([215].) Дѣла, турецкія въ столбц. 1622 г. № 2, отписка Кондырева и Бормасова, привезенная въ Москву 30 октября 1623 года.

своихъ безпрестанно настаивали о унятіи казаковъ отъ набѣговъ на ихъ подданныхъ. Еще до возвращенія посланниковъ Кондырева и Бормасова изъ Царьграда, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда въ Москвѣ извѣстно стало о враждѣ между казаками и азовцами, государь послалъ на Донъ князя Михаила Васильевича Бѣлосельскаго съ жалованьемъ и съ грамотою, отъ 10 марта, слѣдующаго содержанія: „желая добраго согласія и дружбы съ султаномъ турецкимъ и царемъ крымскимъ, мы неоднократно писали къ вамъ, повелѣвая жить съ азовцами мирно, на море не ходить, людей и городовъ турецкихъ и улусовъ крымскихъ не разорять и вы всегда удостовѣряли насъ, что велѣнія наши исполнять будете свято. Полагаясь на обѣщанія ваши, мы ежегодно посылали къ вамъ наше царское жалованье болѣе прежнихъ лѣтъ; а присылаемыхъ отъ васъ атамановъ и казаковъ жаловали деньгами, камками, тафтами, сукнами добрыми, милостиво внимали всѣмъ прошеніямъ вашимъ. Но извѣстно намъ, что и послѣ того, не взирая на толикія наши къ вамъ милости, вы посылали войско свое подъ Азовъ и на море, нападали на турецкіе корабли, города и улусы крымскіе; на каковые поступки ваши и султанъ турецкій и ханъ крымскій и нынѣ жалуются, угрожая за то государству нашему войною (далѣе писаны поступки ихъ въ бытность на Дону Кондырева и Бормасова). „За своевольства ваши посланники наши отъ султана и хана подвергаются различнымъ оскорбленіямъ и безчестію; а азовцы и ногайцы разворяютъ украйны наши. Если султанъ и царь крымскій пошлютъ рати на украйны наши, то за разореніе и пролитіе крови христіанской вы одни будете отвѣтствовать. Внявъ сей и прежнимъ нашимъ грамотамъ, живите съ азовцами мирно, на море для добычь не ходите; князю Бѣлосельскому будьте вовсемъ послушны; посланниковъ нашихъ, которые будутъ возвращаться изъ Царьграда, и турецкаго чеуша примите честно и проводите до Воронежа; исполненіемъ сей воли нашей покажите намъ вашу службу и вѣрность; *а мы васъ за то будемъ*

жаловать (216)

Сверхъ того особымъ наказомъ Бѣлосельскому предписано было стараться убѣждать казаковъ жить съ азовцами въ согласіи и прекратить набѣги на улусы крымскіе и города

(216.) Тѣ же дѣла, въ столбц. 1623 г. № 1, грамота на Донъ 10 марта 1623 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руссіи на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Исаю Мартемьянову съ товарищи и всему войску. Писано отъ насъ къ вамъ многожда съ посланники нашими и съ дворяны и съ вашими атаманы и казаки, которые пріѣзжали къ намъ отъ васъ бити челомъ, какъ мы великій государь учинились на нашихъ великихъ государствахъ, и мы съ турскимъ съ прежнимъ Ахметъ салтаномъ, а послѣ того съ сыномъ его съ Асманъ салтаномъ были въ дружбѣ и въ ссылкѣ, и посланники наши, великихъ государей, о дружбѣ и о любви межъ насъ ходили многажда, а крымской Джанбекъ Гирѣй царь потомужъ съ нами въ ссылкѣ и въ любви, и на наши украйны крымскіе люди не ходятъ и земель нашихъ невоюютъ и на нашихъ недруговъ стоять съ нами вмѣстѣ, а вамъ бы атаманомъ и казакомъ намъ великому государю служити и прямити и для нашего земскаго дѣла съ Азовомъ быти мирнымъ и къ турскимъ ни къ которымъ городомъ и на море на турскихъ людей и на крымскіе улусы неходить и задору никотораго турскимъ и крымскимъ людемъ нечинить. И вы атаманы и казаки и все войско пишите къ намъ великому государю во многихъ своихъ отпискахъ, что вы намъ великому государю служите к въ нашемъ царскомъ повеленьи во всемъ быти готовы и съ азовцы воеватися и на море ходить и турскихъ городовъ и крымскихъ улусовъ громить не будпте; а намъ бы великому государю васъ атамановъ и казаковъ, за ваши службы, жаловать. И мы великій государь, какъ учинились на нашихъ великихъ государствахъ, посылали къ вамъ на Донъ, съ посланники нашими и съ дворяне наше царское жалованье, деньги и сукна и хлѣбные и пушечные и всякіе запасы, свыше прежняго мало неужелѣть чего при прежнихъ государехъ николи не бывало коли было московское государство невоевано и всѣмъ полно, а которые ваша братья, атаманы и казаки, пріѣзжали къ намъ отъ васъ съ Дону бити челомъ о вашихъ нуждахъ, и мы великій государь потомужъ ихъ жалуемъ на пріѣздѣ и на отпускѣ нашимъ царскимъ жалованьемъ камками и тафтами и сукны добрыми, и поденные кормы имъ давали и отпускаемъ ихъ къ вамъ милостиво и вовсемъ челобитья вашего не оставляли есьмя. И послѣ того вѣдомо намъ было ото многихъ людей, что вы атаманы и казаки посылали войско подъ Азовъ и подъ турскаго городы и на море для кораблей и на крым-

турецкіе; но говорить о томъ со всевозможнымъ снисхожденіемъ и обѣщать имъ царскую милость и жалованье. Далѣе велѣно ему тайно развѣдать: сколько въ то время находилось на Дону въ съѣздѣ атамановъ и казаковъ изъ всѣхъ верх-

---

скіе улусы, и ихъ громили; и турскіе прежніе Ахметъ салтанъ и Асманъ салтанъ съ нашими посланники и съ своими чеуши и крымской Джанбекъ Гирей царь, съ посланники нашими и съ послы своими и съ гонцы писали къ намъ безпрестанно, и нынѣ крымской царь пишетъ жалуючи на васъ, нашихъ людей, что вы турскаго городы и на море корабли и каторги и крымскіе улусы громите безъ пристани и въ томъ межъ насъ великаго государя и турскаго салтана и крымскаго царя чините многую ссору и любви нашей нарушеніе. Да крымской же царь пишетъ къ намъ, а къ нему де пишетъ новой Мустафа салтанъ, чтобъ мы вамъ заказали накрѣпко, и на море подъ турскаго городы и на крымскіе улусы ходить невелѣли; а учнете ходить и турской салтанъ и крымской царь дружбу и любовь съ нами хотятъ нарушить и своихъ людей на наши украйны хотятъ послать войною и впередъ на нашихъ недруговъ помогать намъ нехотятъ. Да крымской же царь пишетъ къ намъ, только де турской царь противъ вашихъ задоровъ велитъ ему итти войною на наши украйны, и ему его ослушатись нельзе. Да и самимъ вамъ вѣдомо, что въ прошлыхъ годѣхъ турской Асманъ салтанъ ходилъ на Польшу и Литву за то, что Запорожскіе черкасы ходили на море и воевали турскіе городы и польской и литовской землѣ турскіе и крымскіе люди многое зло учинили. А въ прошломъ во 130 году писали есмя къ вамъ съ посланники нашими съ Иваномъ Кондыревымъ да съ подъячимъ съ Тихономъ съ Бормасовымъ, чтобы вы на море однолично не ходили и турскаго городомъ войны не чинили и кораблей и каторгъ не грамили: и вы нашего указу не послушали, на море ходили да съ собою жъ имали въ неволю торговыхъ людей, которые пріѣзжаютъ къ вамъ съ торгомъ изъ польскихъ городовъ; да и при посланникѣхъ нашихъ при Иванѣ Кондыревѣ да при Тихонѣ Бормасовѣ и при турскомъ посланникѣ въ то время, какъ они шли отъ насъ во Царьгородъ и стояли у васъ на Дону, на море ходили есте всѣми людьми и каторги погромили и добычу межъ себя дѣлили при турскомъ посланникѣ, и то все турскому посланнику было ясно. Въ прошломъ же во 130 году, смотря на то, что вы, атаманы и казаки, на море ходили и турскаго и крымскаго городомъ тѣсноту учинили, азовскіе и ногайскіе люди многіе ходили на наши украйны и многихъ нашихъ людей въ полонъ поимали, а вы нашимъ украйнамъ помочи никоторые не учинили. А послѣ того, писали къ намъ съ Дону посланники наши Иванъ Кондыревъ да подъячій Тихонъ Бормасовъ, что вы атама-

нихъ и нижнихъ городковъ; сколько между ними живетъ запорожскихъ черкасъ и давно ли пришли они изъ Запорогъ. Потомъ если откроется, что черкасъ находится на Дону свыше двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, говорить *атаманамъ Исаю Мартемьянову и Епифану Родилову*, чтобы они, зная

ны и казаки съ азовскими людьми, для ихъ посланниковъ нашихъ ходу помирились, и то есте учинили добро, исполняя нашъ государскій указъ. А то вамъ самимъ вѣдомо, что нашимъ посланникомъ въ Царегородѣ, за то, что вы ходите подъ турскіе городы и корабли громите, бываетъ многое задержанье и неволя; а азовскіе люди и ногайскіе, противъ того воюютъ наши украйны, и только впередъ турской салтанъ и крымской царь, видя отъ васъ своимъ людямъ и землямъ тѣсноту и войну, пошлютъ на наши украйны воинскихъ людей, и та кровь и ссора будетъ отъ васъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбъ по прежнему и по сему нашему указу съ Азовцы однолично были въ миру и на море для добычь, подъ турскаго и подъ крымскаго городы и улусы не ходили и каторгъ не громили и никакихъ задоровъ имъ не чинили и вовсемъ съ ними были мирны, тѣмъ бы есте намъ службу свою показали и межъ насъ великаго государя и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры единолично не учинили, и въ недружбу насъ не вводили. А только вы впередъ учнете дѣлати мимо нашего указу, подъ турскаго и подъ крымскаго городы и улусы учнете ходити войною и корабли и каторги громити, а тѣмъ своимъ непослушаньемъ межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя учините ссору, а которая война нашимъ украйнамъ будетъ отъ турскихъ и отъ крымскихъ людей или посланникомъ нашимъ въ Цареградѣ учинится задержанье и тѣснота и то будетъ отъ васъ. Да въ нынѣшнимъ во 131 году писалъ къ намъ крымскій Джанбекъ Гирей царь, что посылали есте съ Дону воевать Черкасъ взяли на Кубѣ царевыхъ Черкасъ и выбъ атаманы и казаки похотя къ себѣ нашего царскаго жалованья тѣхъ черкасъ велѣли въ войску сыскать, а сыскавъ, прислали ихъ къ намъ съ дворяниномъ нашимъ или съ своими атаманы и казаки, а мы великій государь васъ пожалуемъ, велимъ вамъ за тѣхъ черкасъ заплатити окупъ, а однолично бъ есте тѣхъ черкасъ сыскавъ, къ намъ прислали, тѣмъ бы есте къ намъ службу свою показали. А нынѣ послали есмя къ вамъ на Донъ для нашего государскаго дѣла, дворянина нашего князя Михаила Васильевича Бѣлосельскаго, а съ нимъ послали есмя къ вамъ нашего жалованья 1000 руб. денегъ да хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ противъ прежнихъ лѣтъ. А велѣли есмя князю Михаилу говорить вамъ о нашихъ дѣлехъ и что онъ отъ насъ будетъ вамъ говорить, и выбъ его въ томъ во всемъ слушали и во всемъ ему вѣрили и его къ намъ отпу-

недоброжелательство польскаго короля Сигизмунда къ Россіи, черкасъ Запорожскихъ, какъ явныхъ недоброхотовъ, къ себѣ не принимали, и старались бы ихъ отъ себя выслать. Наконецъ князю Бѣлосельскому поручено было то же тайно развѣдать: нѣтъ ли у казаковъ какого посольства отъ короля литовскаго, и, если есть, то о чемъ, съ котораго времени и какъ казаки о томъ мыслятъ (217).

стили не задержавъ, и впредъ бы есте на море подъ турскаго царя городы и на крымскіе улусы не ходили и кораблей и каторгъ не грамили и улусовъ невоевали и тѣмъ межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссылкѣ и любви немѣшали и ссоры не чинили; а мы васъ за то будемъ жаловати. А какъ къ вамъ на Донъ придутъ наши посланники, которые были въ Царьгородѣ, а съ ними будетъ турской чеушъ и выбъ посланниковъ нашихъ и турскаго чеуша приняли честно и проводить ихъ послали до Воронежа атамановъ и казаковъ сколько пригоже, чтобъ имъ до нашихъ украинныхъ городовъ доити здорово. Писанъ на Москвѣ лѣта 7131 марта въ 10 день.

(217.) Тамъ же, указъ данный князю Бѣлосельскому, 10 марта 1623 года . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

„А покамѣста онъ князь Михайло у атамановъ и у казаковъ въ нижнихъ юртехъ побудетъ и ему призывать къ себѣ въ станъ лутчихъ атамановъ, Исая Мартемьянова и Епиху Родилова и иныхъ атамановъ и есауловъ и казаковъ старыхъ и лутчихъ, которыхъ войско слушаетъ и разговаривать имъ и разсуждати всякими мѣрами, чтобъ они государскаго повелѣнья не ослушались, съ Азовомъ были смирны и на море подъ турскаго царя городы и на крымскіе улусы не ходили и кораблей и каторгъ не громили и улусовъ крымскихъ не воевали, и тѣмъ бы межъ государя и турскаго салтана и крымскаго царя, ссылки и любви не мѣшали и ссоры не чинили; а себя тѣмъ отъ государскія милости не отгоняли. И о всемъ дѣлати и промышляти всякими мѣрами, чтобъ атамановъ и казаковъ привести ко всякому добру и къ послушанью и отъ турскія и отъ крымскія войны отвести, и разсужати имъ и государскую милость вычитати съ радостью, чтобъ ихъ не ожесточить; а только они будутъ въ послушанье и турского городовъ и на море кораблей и каторгъ и крымскихъ улусовъ впредъ воевати неучнуть, и государь ихъ будетъ жаловать, смотря по ихъ службѣ; а только имъ государскаго повелѣнья ослушатся, и имъ впредъ какъ будетъ и зрѣть противъ государской милости и къ Москвѣ будетъ пріѣхать нельзѣ и впередъ о государской никакой мило-

Князь Бѣлосельскій 25 апрѣля, по предварительному извѣщенію казаковъ о прибытіи своемъ, остановился по тече-

сти побити челомъ будетъ нельзѣ.—А выговаривая покрывать гладостью. . . . . .

А многихъ рѣчей съ казаки неплодить, чтобъ ихъ не ожесточить и отъ государскія милости не отогнать, да разсматривати и развѣдывати князю Михайлу, будучи на Дону, всякими мѣрами, себѣ тайно, сколько нынѣ на Дону будетъ при немъ въ съѣздѣ изовсѣхъ верхнихъ и нижнихъ городковъ всѣхъ атамановъ и казаковъ и сколько у нихъ добрыхъ и середнихъ и худыхъ и сколько у нихъ на Дону нынѣ живетъ запорожскихъ черкасъ и въ которыхъ юртехъ живутъ, въ нижнихъ ли или въ верхнихъ и съ казаки въ однихъ ли юртехъ живутъ, или, побывъ у нихъ, назадъ отъѣзжаютъ, и нѣтъ ли у нихъ нынѣ на Дону многихъ запорожскихъ черкасъ, и будетъ есть, и про то ему провѣдать подлинно сколь они давно изъ запорогъ къ нимъ въ юрты пріѣхали и для чего пріѣхали и нечаятъ ли въ нихъ на Дону какія ссоры.

Да будетъ у Донскихъ атамановъ и у казаковъ нынѣ живутъ многіе запорожскіе черкасы человѣкъ до 200 или до 300 и больши, и пріѣхали къ нимъ изъ Запорогъ недавно въ прошломъ лѣтѣ или зимѣ, а прежде того съ ними неживали, и князю Михайлу Васильевичу призвавъ къ себѣ лутчихъ атамановъ Исая Мартемьянова да Епиху Родилова и иныхъ атамановъ и есауловъ и казаковъ, лутчихъ же не многихъ, и говорити имъ: писано къ нимъ отъ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеоровича всеа Руссіи во многихъ его государевыхъ грамотахъ, чтобъ они вѣдая польскаго Жигимонта короля и пановъ рады къ государю и ко всему московскому государству многія неправды и отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей и отъ Запорожскихъ черкасъ Россійскому государству многое разоренье, запорожскихъ черкасъ къ себѣ въ юрты не принимали и ни о чемъ съ ними не ссылались; а нынѣ живутъ у нихъ въ уртехъ многіе черкасы, а впредъ на то смотря учнуть къ нимъ въ юрты прибывать изъ Запороговъ черкасы многіе люди, а то имъ самимъ вѣдомо каковъ польскій Жигимонтъ король великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Руссіи злой недругъ и разоритель Россійскому государству, и какъ по его жъ королевскому злому умыслу и велѣнью запорожскіе черкасы приходили въ Россійское государство на государевы украинные городы войною и многіе городы и мѣста повоевали и крестьянскую кровь многую прошли, и церкви Божіи обругали, да и впредъ то мочно знати, что литовскіе люди и запорожскіе черкасы къ государю и великому государству недоброхоты и кромѣ всякаго зла и ссоры никакого добра въ нихъ николи ничаятъ, да и къ нимъ они нынѣ въ юрты пріѣзжаютъ по злому умыслу и по засылкѣ польскаго жъ короля, хо-

нію Дона, ниже городка Манычи, на урочищѣ Три—Острова. 26 Апрѣля выѣхало туда все войско на многихъ стругахъ и конные атаманы и казаки встрѣтили князя Бѣлосельскаго и съ довлеемою честію проводили въ нижніе юрты, гдѣ въ то время казаки были въ съѣздѣ изъ всѣхъ городковъ и указали мѣсто для его стана.

Узнавъ, что въ то время находилось на Дону до 300 челов. Запорожскихъ Черкасъ, князь Бѣлосельскій, въ слѣдствіе наказа государева, требовалъ, чтобы при отдачѣ казакамъ царской грамоты и жалованья Черкасы въ кругу не были. На сіе атаманы и казаки объявили ему, что въ прошломъ (1622) году пришло къ нимъ изъ Запорогъ черкасъ до 300 человѣкъ, что въ началѣ весны настоящаго (1623) года около ста человѣкъ изъ нихъ тайно ушли на море, что оставшіеся ихъ товарищи въ кругъ не ходятъ.

27-го ч. былъ войсковой кругъ, въ коемъ атаманы и казаки царскую грамоту и жалованье приняли отъ князя Бѣлосельскаго съ благоговѣніемъ, выслушали съ почтительностію рѣчь, говоренную имъ по наказу, увѣряли его, что они согласно съ волею государевою живутъ съ азовцами мирно и для добычъ на море и подъ крымскіе и турскіе города не ходятъ и кораблей и каторгъ ихъ не громятъ, что такъ жить и впередъ даютъ обѣщаніе; а въ прежнихъ поступкахъ своихъ

тячи ихъ съ Дону стѣснить, а они ихъ льсти вѣрятъ и держатъ ихъ у себя въ юртахъ мимо государскаго повелѣнья и они бъ атаманы и казаки учинили о томъ со всѣмъ войскомъ своимъ совѣтъ и Черкасъ отъ себя изъ юртовъ выслали и у себя ихъ не держали и тѣмъ на себя государскаго гнѣва не наводили. Да однолично князю Михайлу о томъ говорить атаманомъ лутчимъ на крѣпко, чтобъ атаманы и казаки Запорожскихъ черкасъ отъ себя выслали и на Дону имъ съ собою быть не велѣли и чтобъ отъ нихъ ссоры не было . . . . . И нѣтъ ли къ казакомъ присылки отъ литовскаго короля, и будетъ есть и о чемъ и сколько давна, и что о томъ казаки мыслятъ въ каковѣ мѣрѣ впередъ хотятъ быти съ литовскимъ королемъ и съ казаки и Запорожскими и нѣтъ ли у казаковъ съ Запорожскими черкасы ссылки и какого умышленья, а что провѣдаетъ, и то себѣ записати."

ихъ приносятъ государю повинную; и что по возвращеніи посланниковъ Кондырева и Бормасова изъ Константинополя встрѣтятъ и до украинныхъ городовъ проводятъ ихъ съ честію.

Наконецъ атаманы и казаки извѣстили князя и о разнесшемся между ними слухѣ, что будто азовцы близъ нижнихъ ихъ юртовъ на крымской сторонѣ при рѣчкѣ Темерникѣ хотятъ поставить городъ и промыслы у нихъ отнять, и что они, если слухи сіи окажутся справедливы, будутъ всячески стараться до того ихъ не допустить ([218]). Болѣе сего о бытности князя Бѣлосельскаго на Дону и о дѣйствіяхъ его ничего неизвѣстно.

([218].) Тамъ же, донесеніе, поданное княземъ Бѣлосельскимъ въ Посольскій приказъ . . . . . И апрѣля въ 26 д. атаманы и казаки всѣмъ войскомъ пріѣхали къ князю Михайлу къ тремъ островомъ на встрѣчу во многихъ стругѣхъ, а иные атаманы и казаки и татаровъ многія люди пріѣхавъ съ нимъ въ нижніе юрты, гдѣ ему стоять—мѣсто указали, а въ тѣ поры атаманы и казаки изъ верхнихъ изо всѣхъ городковъ всѣ были въ нижнихъ въ юртехъ въ съѣздѣ . . . . . И атаманы и казаки сказали князю Михайлу, что во 130 году пришли къ нимъ атаманомъ и казакомъ въ нижніе юрты изъ Запорогъ черкасъ челов. съ 300 и въ нынѣшнемъ де 131 г. нынѣ по веснѣ тѣхъ Запорожскихъ черкасъ человѣкъ со 100, взявъ суды таемъ, и пошли на море; и которые черкасы остались въ нижнихъ юртехъ, и тѣ у нихъ въ кругъ не ходятъ.

Да они жъ атаманы и казаки сказали, что есть у нихъ въ нижнихъ юртехъ черкасы не многіе люди, опричь тѣхъ, которые пришли на Донъ во 130 году, а живутъ де у нихъ давно и имъ во всемъ вѣрны и дурна отъ нихъ никакого нечаютъ; и они и тѣмъ черкасомъ, по государеву указу, вто время, какъ князь Михайло государеву грамоту имъ отдасть, быти не велѣли.

„И апрѣля въ 27 день, атаманы и казаки учинили кругъ всѣмъ войскомъ. . . . . И атаманы и казаки государеву грамоту приняли и рѣчь у кн. Михайла слушали, и выслушавъ рѣчь, кн. Михайлу сказали, что они по государеву указу съ азовцы въ миру и на морѣ для добычь подъ крымскаго и къ турскимъ ни къ которымъ городомъ не ходятъ и кораблей и каторгъ не громятъ и никакихъ задоровъ нечинятъ.“

„А что они напередъ сего на море ходили и корабли и каторги громили, и въ томъ они передъ государемъ виноваты, а впе-

Азовцы разрываютъ миръ (1624 г.) Еще во время возвращенія посланниковъ Кондырева и Бормасова изъ Константинополя, когда они встрѣчены были (на рѣчкѣ Каланчѣ) казаками, провожавшіе пословъ азовцы завели съ сими послѣдними ссору и на оной умертвили двухъ человѣкъ; казаки принуждены были, хотя и съ негодованіемъ, оставить сіе безъ отмщенія единственно въ угодность посламъ. Впрочемъ, казаки и по отъѣздѣ пословъ съ Дону, еще желали продолжать миръ съ азовцами; но они въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1623 года, въ числѣ 620 человѣкъ (вмѣстѣ съ ногайцами), подъ начальствомъ турчанина *Асанбея*, внезапно напали на городокъ ихъ *Манычъ*. Близость враждебнаго Азова и нѣкоторыхъ улусовъ ногайскихъ заставляла казаковъ быть всегда готовыми къ оборонѣ, потому жители сего городка по первому сигналу немедленно соединились, отразили враговъ, многихъ побили и преслѣдовали ихъ до рѣки Аксая.

Казаки раззоряютъ старый Крымъ и улусы близь Керчи. Пылая мщеніемъ за нарушеніе мира, казаки съ нетерпѣніемъ ожидали весны, и по наступленіи ея, около 1500 отважнѣйшихъ изъ нихъ, соединясь съ Черкасами Запорожскими на 55 стругахъ, подъ начальствомъ *Черкашенина Демьяна*, вышли на море, раззорили городъ старый Крымъ и многіе улусы близъ Керчи, раздѣлили добычи и возвратились одни на Донъ, а другіе въ Запороги; но у первыхъ на возвратномъ пути 12 струговъ разбило бурею.

Въ сіе же время казаки, пользуясь смутными обстоятельствами крымскаго царя Джанъ-Бекъ-Гирея, соединясь съ

редъ на море и къ турскимъ ни къ которымъ городомъ и на крымскіе улусы воевать ходить не хотять и вовсемъ государское повелѣнье исполнять хотять . . . . . .

. . . . . .

„Да атаманы жъ и казаки сказывали, что ихъ слухъ есть, азов, скіе де люди близко ихъ нижняго городка на крымской сторонѣ на рѣкѣ на Темерникѣ хотять поставить городъ, и имъ атаманомъ и казакомъ тѣсноту учинить и промыслы у нихъ отнять и имъ того азовцомъ не терпѣть и города ставить дапать не хотять. (далѣе утрачено)

Запорожцами всего до ста человѣкъ, пристали къ Шіангирею Калгѣ и способствовали низверженію перваго. Не менѣе того Донскіе казаки страшны были и ногайскимъ татарамъ улуса Казыева ([219])

([219].) Дѣла крымскія, въ столбц. 1624 г., № 2-й, см. отписку Валуйскихъ воеводъ окольничьяго Измайлова и дьяка Степанова, привезенною въ Москву 8 мая 1624 г.

„Донскіе де, государь, казаки съ азовцы не въ миру въ нынѣшнемъ де 132 году о Николинѣ дни зимнемъ, приходили изъ Азова на Донъ къ казачью городку къ Манычу, Асанбей турченинъ съ азовцы, и съ ногайцы и были де, государь, съ Асанбеемъ татаръ 620 человѣкъ и у казаковъ де государь съ тѣми татары бой былъ и многихъ татаръ казаки побили, и изъ Маныча де городка вышедъ казаки гонялн за татары да Оксая, а въ нынѣшніе де, государь, великіе говѣйна за полтретьи недѣли до велика дни пошли съ Дону на море казаковъ 55 струговъ.“

Тѣхъ же дѣлъ, № 3-й, см. статейный списокъ того же окольничаго Измайлова и дьяка Степанова.

„Ибрагимъ паша окольничему Артемью Васильевичу да дьяку Ѳедору говорилъ: было до сего лѣта такъ Какъ де калга Шангирей царевичъ былъ сего лѣта подъ кафою бился съ прежнимъ Джанбекъ Гиреемъ царемъ и съ Дону де къ нему подъ Кафу пришло Донскихъ казаковъ человѣкъ съ 50, да черкасъ съ 60 челов., съ нимъ де и на бою были. Только де на Дону не только воровъ, что къ Калгѣ подъ Кафу пріѣхали.“

Они де посланники Яковъ Дашковъ и Василей Волковъ Калгѣ говорятъ на посольствѣ, чтобъ Калга великому государю шертъ учинилъ, а къ Калгѣ де въ тѣ жъ поры вѣсть пришла, что Донскіе казаки Старой Крымъ разорили и выграбили и онъ де мало посланниковъ за то не побилъ. Да и нынѣ де ему Ибрагиму Магметъ Гирей царь и Калга Шань Гирей царевичъ о Донскихъ казакѣхъ приказали говорить накрѣпко, чтобъ государь велѣлъ съ Дону казаковъ свесть.“.....

Тѣхъ же дѣлъ, № 6-й, въ статейномъ спискѣ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Прончищева и Болдырева, между прочимъ, написано.

„Апрѣля во 2-й день прислалъ царь къ Оспину и къ Рахманину Ибраима князя Сулемева, а говорилъ отъ царя пришли де Донскіе казаки подъ Керчь и многіе де улусы повоевали и вамъ бы де дать толмача и хочетъ де царь послать ево съ своими татары къ казакомъ, а вы де прикажите ему говорить отъ себя, что государь съ царемъ въ миру и они бы де улусовъ не воевали и шли прочь—и Оспинъ и Рахманинъ говорили Ибрему князю про казаковъ по государеву наказу: царю и имъ ближнимъ людемъ сами томъ

Приступъ Донскихъ казаковъ къ г. Трапезонту. Весною слѣдующаго (1625) г. 2030 человѣкъ казаковъ и Черкасъ Запорожскихъ опять пустились въ море, раздѣлясь какъ бы на двѣ эскадры: Донскіе казаки особливо, а Запорожскіе особо, но согласились пристать къ берегамъ Анатолійскимъ и дѣйствовать совокупно. Казаки плыли впереди и къ условленному мѣсту достигли прежде. Взору ихъ представился городъ Трапезонтъ и алчные къ добычамъ, не дождавшись товарищей своихъ Запорожцевъ, пристали къ берегу, вышли на сушу, стали приступать къ городу сему, и, по четвородневной упорной битвѣ овладѣли первыми укрѣпленіями онаго. Потомъ соединились съ ними и Запорожцы, но уже не могли войти въ самый городъ и съ чувствительнымъ урономъ принуждены были отступить.

Междуусобіе казаковъ съ Черкасами. Запорожцы приписывали неудачу сію Донскимъ казакамъ, обвиняя ихъ въ опрометчивости и въ нарушеніи договора. Вспыхнула междуусобная брань и Донскіе казаки лишились въ оной вожди своего *лучшаго атамана.* Наконецъ возвратились не сдѣлавъ ничего важнаго ([220]).

вѣдомо, что казаки воры живутъ на Дону, холопи бѣглые у бѣжавъ отъ смертныхъ казней и проч.

Тѣхъ же дѣлъ № 7, смотри отписку Россійскихъ посланниковъ Дашкова и Волкова, бывшихъ въ Крыму.

„ Апрѣля государь въ 7 день посылали мы холопи твои къ ближнимъ людемъ переводчика Сюналея да служилаго татарина Янгильдея, а велѣли имъ ближнемъ людемъ о шертной грамотѣ говорить то жъ, что и прежде сего приказывали; и Ангазы де и казначей мусаферъ Ага съ ними приказывали сердитца, какъ де имъ о твоихъ государевыхъ делехъ радѣть и промышлять, а а съ твоей де государевой сторочы учинилось царевы правде и шерти нарушенье; приходили де съ моря на Крымской юртъ казаки полторы тысячи человѣкъ и украдомъ пришли межъ горъ и Старой Крымъ взяли и татаръ многихъ побили и въ полонъ поимали; и то де наша холопей твоихъ какая правда.

([220].) Дѣла крымскія въ столбц. 1625 г. № 11-й, вѣстовой списокъ посланниковъ Осипа Прочищева и подъячаго Рахманина Болдырева.

„Черкасы де Запорожскіе и казаки Донскіе приступали къ тур-

Азовцы сожигаютъ пять казачьихъ городковъ. Между тѣмъ азовцы, узнавъ объ отплытіи сихъ казаковъ на море, тайно прошли въ ихъ юрты и сожгли пять городковъ почти безлюдныхъ, ибо большая часть казаковъ изъ сихъ городковъ были на морскихъ поискахъ. Войсковой атаманъ приказалъ немедленно возобновить городки сіи, и дождавшись товарищей своихъ съ моря, предложилъ въ войсковомъ кругу отмстить азовцамъ. Всѣ единодушно одобрили намѣреніе сіе и около 2500 человѣкъ, лѣтомъ сего же года, подъ предводительствомъ опытнаго вождя атамана Ѳиѳана Родилова, пошли къ Азову; дважды приступали къ оному, взяли одну башню и уже взошли было на крѣпостную стѣну, но встрѣтивъ сильный отпоръ турокъ, защищавшихъ оную и видя раненнаго храбраго атамана Родилова, отступили. На другой день казаки всѣми силами устремились на каланчинскую башню, завладѣли оною и, умертвивъ всѣхъ бывшихъ въ оной турокъ и татаръ, взяли 9 пушекъ и укрѣп-

---

скову городу Трапезону четыри дни и больши и городъ взяли; а въ маломъ городѣ отсидѣлись и у приступовъ де и черкасъ и казаковъ побили многихъ, и отшедши дале отъ города у черкасъ съ Донскими казаками былъ бой межъ себя за то, что казаки де Донскіе поспѣшили придти подъ городъ преже ихъ и атамана де Донскова лучшево убили, и послѣ де бою разошлись."

Дѣлъ Донскихъ въ столбцахъ 1625 года. Смотри распросныя рѣчи Донскаго атамана Алексѣя Старова съ товарищи пріѣхавшихъ въ Москву 9 октября 1625 года.

„А нынѣшняго де лѣта ходили на море атамановъ и казаковъ 2030 человѣкъ и были подъ турскаго городомъ подъ Трапезономъ и первый городъ взяли, а въ другомъ отсидѣлись; а въ то время безъ нихъ приходили азовскіе люди и пожгли казачьихъ 5 городковъ безвѣстно, что людей въ нихъ не было и казаки де избы опять ставили и плетень хотятъ около ихъ плесть по прежнему. А нынѣ де на море атамановъ и казаковъ 27 стругомъ, а людей въ нихъ 1300 челов. и чаютъ ихъ съ моря къ Покрову, а то де атаманы и казаки говорятъ Калга и придетъ и они противъ его хотятъ стоять и биться, и чаютъ того, что имъ Калга неучинитъ ничего; а всѣхъ де ихъ на Дону и съ верхними городки есть съ 5000 челов., а только имъ будетъ прямая вѣсть, что Калга идетъ и они и изъ верхнихъ городковъ будутъ всѣ вмѣстѣ.

леніе сіе, препятствовавшее свободному выходу ихъ въ море, срыли до основанія, ибо крѣпостца сія построена была Турками на устьѣ одного изъ рукавовъ Дона, по коему казаки плавали въ море Сверхъ упомянутыхъ 9-ти пушекъ тутъ же взято ими нѣсколько пушекъ поврежденныхъ, вѣсомъ въ 117 пудъ и мѣдь сію раздали потомъ въ монастыря: Воронежской, Шацкой, Лебедянской и Святогорской ([221]).

Новые морскіе поиски казаковъ; взятіе ими городовъ Трапезонта и Синопа. Послѣ сего, спустя нѣсколько времени, казаки вздумали вознаградить неудачу весеннаго похода новымъ нападеніемъ на турецкіе приморскіе города, и въ семъ намѣреніи собравшись до 2 /т челов., въ слѣдующую осень отправились въ море. На пути сошлись съ ними 300 струговъ на коихъ находилось около 10 /т. человѣкъ Запорожскихъ Черкасъ; согласились опять дѣйствовать совокупно и предметомъ поисковъ назначили тѣ самыя мѣста, на кои ходили весною того же (1625) года.

([221].) Дѣлъ Донскихъ въ столбц. Октября 9 дня 1625 г. распросныя рѣчи Донскаго атамана Старова съ товарищи.

А нынѣшнего же де лѣта, какъ первыя атаманы и казаки пришли съ моря ходили они къ азову съ приступомъ, а было ихъ у приступа съ полъ 5000 челов. и приступали къ городу дважды, и башню было наугольную взяли и на городъ люди взошли, и въ тѣ де поры башня завалилась и имъ помѣшала, а атамана ихъ Епиху Родилова ранили и азовцы ихъ вто время отъ города отбили. А на завтрее де того дни приступали къ башнѣ, что на Каланчѣ и тое башню взяли и наряды 9 пушекъ поимали, а людей которые на той башнѣ сидѣли, побили, а башню раскопали всю до основанія и камень въ воду потопили, а иные пушки поимали разбить, и они тое медь послали по убогимъ монастыремъ, на Воронежъ, въ Шацкой, на Лебедянь и къ Святымъ горамъ на колокола, и всее де тое мѣди послали 117 пудъ, а были изъ тѣхъ монастырьковъ имъ о томъ челобитчики, что имъ взять негдѣ. А ходили де они къ азову съ приступомъ и на Каланчѣ башнѣ взяли, для того, какъ атаманы и казаки были на морѣ и въ тѣ поры безъ нихъ азовцы выжгли на Дону пять городковъ и людей которые были на кораблехъ побили, и имъ то стало досадно, да и для того, что на Каланчѣ поставили башню и ходъ у нихъ на море помѣшали, а нынѣ они ходъ на море опростали.

По кратковременномъ плаваніи они достигли Трапезонта, взяли оный и потомъ уже два города. *Синопъ и Самсонов;* но скоро опять были вытѣснены изъ оныхъ пришедшими туда на каторгахъ турками подъ предводительствомъ *Илезъ* паши, посланнымъ съ 100 /т. противъ персидскаго шаха, овладѣвшаго Богдадомъ. Въ сей дѣлѣ Донскіе казаки потѣряли 500, а Запорожцы 800 человѣкъ (222).

Отсюда они поплыли къ берегамъ Тавріи и близъ Козлова погромивъ нѣсколько деревень, возвратились въ жилища свои. Озлобленные неудачами казаки въ послѣднемъ нападеніи были весьма жестоки и кровожадны (223).

Они вторгаются въ улусы Крымскіе и от-

(222.) Дѣлъ ногайскихъ въ столбцахъ 1626 г. № 1-й, смотри отписку астраханскихъ воеводъ Петра Головина и Алексѣя Зубова.

„Въ нынѣшнемъ во 134 году въ осень ходили на море Донскихъ казаковъ тысячи съ двѣ да съ ними же де на море пристали въ трехъ сотъ стругехъ съ десять тысячь Запорожскихъ черкасъ и тѣ де государь Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы ходили въ моремъ въ судехъ войною подъ турскіе городы и взяли турскихъ три городы Трапизонъ, а иные городомъ имянъ неупомнятъ, и тѣхъ де Донскихъ казаковъ на море турскіе люди пришедъ на каторгахъ побили съ пять сотъ человѣкъ лучшихъ людей, да Запорожскихъ черкасъ побили съ восемь сотъ человѣкъ и съ моря де государь Донскіе достальные казаки пришли на Донъ къ себѣ въ городки, да послѣ де государь ихъ въ скорѣ пришли на Донъ къ казакомъ съ моря жъ Запорожскихъ черкасъ съ пять сотъ человѣкъ, зазимовали у казаковъ на Дону; да они жъ де государь слышели въ разговорѣ отъ казаковъ на Дону, какъ въ прошломъ во РЛГ году по лѣту пошли изъ Запорогъ на море Запорожскіе черкасы войною подъ турскіе городы и въ тѣ де государь поры собрався польскіе многіе люди приходили войною на Днѣпръ на городки Запорожскихъ черкасъ и многіе черкаскіе городки разорили и Запорожскихъ черкасъ побили.“

(223.) Дѣла крымскія въ столбц. 1625 г. № 8-й, смотри статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Скуратова и Посникова.

„И казаки де съ Дону и на море ходятъ и сложась съ черкасы крымскіе улусы воюютъ и въ полонъ людей емлютъ; и сего же де лѣта приходили подъ *Коломъ* и многіе деревни воевали и въ полонъ многихъ людей поимали, а у нихъ де жонокъ брюха пороли.

гоняютъ Крымскихъ лошадей. Враждуя непрестанно съ азовцами и крымцами, казаки иногда бывали въ дружескихъ связяхъ съ татарами погайскими, кочевавшими по степямъ астраханскимъ на правой сторонѣ Волги и соединясь съ ними не рѣдко громили крымцовъ. Такъ осенью 1625 года казаки съ астраханскими татарами ходили къ Перекопи и отогнали тамъ 300 лошадей (224).

Негодованіе крымскаго двора наословъ нашихъ за раззоренія, причиняемыя казаками крымцамъ и туркамъ, и рѣшительныя требованія объ изгнаніи ихъ съ Дону. Столь частые набѣги Донскихъ казаковъ на крымскія и турецкія владѣнія съ моря и съ суши возбудили сильное негодованіе двора крымскаго наословъ нашихъ. Имъ выговаривали, что казаки, получая отъ государя московскаежегодно жалованье и разные припасы, безъ сомнѣнія во всемъ отъ него и зависятъ, и ходятъ на море и улусы крымскіе громятъ по его велѣніямъ. Посланники старались всячески доказать, что на *Дону живутъ люди вольные* въ мѣстахъ отдаленныхъ, переходя съ одного мѣста на другое, какъ воры и разбойники; что жалованья къ нимъ посылается изрѣдко малое и единственно для того, чтобы посламъ россійскимъ и турецкимъ, къ султану отправляемымъ, никакого задержанья и обидъ отъ нихъ не было; что государь запрещалъ имъ громить улусы крымскіе; что они вопреки велѣніямъ царскимъ отъ своевольства и дерзостей не только не унимались, но не рѣдко и бояръ оскорбляли, и что нако-

(224.) Тамъ же № 1-й, смотри распросныя рѣчи присланнаго въ Москву отъ посланниковъ нашихъ въ Крыму находящихся, толмача Мясоѣдова.

„Что передъ его приходомъ приходили подъ Перекопъ Донскіе казаки и астраханскіе татарова и отогнали подъ Перекопью 300 лошадей . . . . . и за то де велѣлъ царь у нихъ у посланниковъ лошади поимать всѣ и прислати къ себѣ въ походъ, а ихъ де велѣлъ царь и съ казною отвесть въ жидовской городъ въ Калгу, а тамъ де имъ быть до указу сказговоря де лошади всѣ у нихъ поималъ, а взялъ всѣхъ 91 лошадь.“

нецъ и рать была посылана для наказанія ихъ; но они свѣдавъ о томъ расходились врозь, а по возвращеніи рати и они возвращались на прежнія мѣста и опять начинали жить и своевольствовать по прежнему. Потомъ говорили, что и азовцы ни чѣмъ не лучше казаковъ: ежегодно вторгаются въ украйны россійскія, великіе въ оныхъ раззоренія и убытки причиняютъ и множество людей въ плѣнъ уводятъ.—Но посламъ не внимали и настоятельно требовали, чтобы казаки съ Дону были изгнаны ([225]).

Заключеніе пословъ въ Крыму. Послѣ сего царь приказалъ: отобравъ отъ нихъ всѣхъ лошадей, самихъ заключить въ городъ Чуфутъ—Кале и держать тамъ подъ стражею впредь до его повелѣнья ([226]).

Гнѣвъ за сіе царя. Станица казаковъ, бывшая въ Москвѣ, послана въ заточеніе. Такое безпокойное поведеніе Донскихъ казаковъ, а особливо оскорбленія претерпѣваемыя за нихъ посланниками россійскими въ Бакчи—Сараѣ и Константинополѣ, подвигло на гнѣвъ кроткаго царя Михаила Ѳеодоровича. 9-го октября прибыла въ Москву легкая станица казаковъ съ атаманомъ *Алексѣемъ Старымъ* и съ отпискою, въ коей донося о полученныхъ въ войскѣ извѣстіяхъ, что крымскій калга *Шагимъ-Гирей* съ сильнымъ войскомъ и съ 80 пушками намѣреваетъ-

([225].) Дѣла крымскія въ столбцахъ 1624 г. № 9-й, отъ царя крымскаго Карачей Ибренмъ паша князь въ грамотѣ своей къ великому князю съ царевымъ гонцомъ Магмутомъ, обѣщався во всемъ усердно служить великому князю просить:

„И быть бы съ царевымъ величествомъ Магметъ Гирееемъ въ дружбѣ и въ любви навѣки неподвижно, и Донскихъ бы казаковъ и которые Ногаи съ ними живутъ на Дону и которые Ногаи живутъ въ вашемъ повелѣньи въ Астрахани, велѣть бы имъ учинить заказъ крѣпкой, чтобъ они государя нашего на улусы не ходили . . . . а я холопъ вамъ государю и велик. кн. всѣмъ сердцемъ служу“. . . .

Такіе же упреки за Донскихъ казаковъ отъ двора крымскаго и тѣ жъ оправданія съ нашей стороны повторяются и въ прочихъ сношеніяхъ сего года (1624).

([226].) Дѣла крымскія въ столбц. 1621 года № 1-й, смотри примѣчаніе 224.

ся лѣвою стороною Дона идти къ Астрахани, а оттуда на Донъ для раззоренія казачьихъ городковъ,—казаки жаловались на воеводъ украинскихъ городовъ, что они задерживаютъ ихъ станичниковъ, посылаемыхъ съ вѣстьми въ Москву. *Стараго* и станичниковъ его распрашивали въ посольскомъ приказѣ какъ о всемъ происходившемъ на Дону, такъ и о дѣйствіяхъ казаковъ противъ азовцевъ, крымцевъ и турокъ; увидѣли, что показанія ихъ совершенно согласны съ извѣстіями, полученными прежде отъ посланниковъ и воеводъ украинскихъ городовъ и представили о томъ государю. Выслушавъ отписку казаковъ и показанія станичниковъ ихъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, огорченный ихъ непослушаніемъ и своевольствомъ, приказалъ атамана Алексѣя Стараго съ четырьмя человѣками станичниковъ послать въ заточеніе на Бѣло-Озеро и содержать ихъ тамъ до указу за крѣпкимъ карауломъ. Вслѣдствіе сего Старый съ товарищи отправлены на Бѣло-Озеро 21 октября 1625 года; 22 послана на Донъ грамота съ атаманомъ Ѳедоромъ Ханевымъ. Сею грамотою гнѣвный царь, изчисливъ всѣ своевольства казаковъ и произшедшій отъ того вредъ государству, упрекалъ ихъ въ неблагодарности къ милостямъ его и требовалъ немедленнаго донесенія: какія причины побуждаютъ ихъ вопреки повелѣніямъ его ходить на море, громить корабли, города турецкіе и улусы крымскіе? (227)

(227.) Дѣла Донскія изъ вновь найденнаго столбца 1625 года, смотри отписку Донскихъ казаковъ привезенную въ Москву атаманомъ Алексѣемъ Старовымъ 9 октября 1625 года.

„Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи, холопи твои Донскіе атаманишка и казачишка Ениха Родиловъ и все Донское войско челомъ бьютъ; въ нынѣшнемъ государь въ 134 году пошли нашего войско на Черное море и какъ они пришли между Керчи и Тамани и къ нимъ выбѣжалъ Ясырь съ таманской стороны и они того ясыря распроша прислали къ намъ въ войско съ стругомъ, а въ распросѣ намъ холопемъ твоимъ, тотъ ясырь сказывалъ, что де Шангерей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ большимъ снарядомъ, съ пушками, а пушекъ 80, а хочетъ идти подъ твою государеву вотчину подъ асторохань и бывъ подъ астороханью, хочетъ идти на

Чѣмъ отозвались казаки и какое дѣйствіе имѣла эта гра-

твою государеву рѣку, на Донъ, и насъ холопей твоихъ хочетъ съ рѣки согнать. И мы тому не ими вѣры послали подъ азовъ, для языковъ понимали: а въ распросѣ намъ языки сказывали слово въ слово, что де Шингирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ нарядомъ и идетъ подъ астороханъ, да къ намъ же холопемъ твоимъ, вышли изъ азова три ясыря, а сказывали намъ въ распросѣ тѣ же рѣчи слово въ слово, что Шингирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ снарядомъ, а идетъ подъ астороханъ, а бывъ подъ астороханью быть хочетъ на насъ холопей твоихъ, и къ намъ холопей твоихъ сего году твоего царскаго жалованья, пороху и свинцу не бывало, а которыхъ, государь, мы холопи твои, посылаемъ къ тебѣ государю съ твоимъ дѣломъ, атамановъ и казаковъ и наукраинныхъ городѣхъ твои государевы воеводы побиваютъ и къ москвѣ не пропущаютъ; а которые государь, выѣзжаютъ наша братья на украинныя городы, для ради своей нужи, и воеводы имъ не велятъ купить, ни свинцу ни пороху. А съ сею государь, отпискою послали атамана Алексѣя Стараго да казаковъ: Терентья Мещерека, Леонтья Карпова, Степана Васильева, Федора Григорьева, Тимофѣя Яковлева, Ивана Амельянова, Спиридона Иванова, Салтанова, Азовскаго пересѣздчика, да Ивана Михайлова, да Афонасья Бороду.

134 года Сентября въ 10 день, писали къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи, съ Дону Донскіе атаманы Епиха Родиловъ съ товарищи и все Донское войско въ нынѣшнемъ де во 134 г. пошло ихъ войска на Черное море, и какъ де они пришли межъ Керчи и Тамани, и къ нимъ выбѣжалъ съ таманской стороны полонянинъ, и они того полонянина распрашивали, а въ распросѣ де имъ тотъ полонянинъ сказывалъ, что будто крымской калга Шангирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ большимъ нарядомъ и наряду съ нимъ 80 пушекъ, а хочетъ де итти подъ астороханъ, и бывъ подъ астороханью хочетъ идти къ нимъ на Донъ; и они де посылали подъ азовъ для языковъ, и языковъ понимали, и тѣ языки въ распросѣ имъ сказали то же, что калга Шингирей перевезся съ крымской стороны съ снарядомъ и идетъ подъ астороханъ. Да казаки жъ съ Дону писали къ государю, которыхъ де они атамановъ и казаковъ посылаютъ отъ себя, для государевыхъ дѣлъ, въ украинные городы и тѣхъ де ихъ атамановъ и казаковъ въ городѣхъ воеводы побиваютъ и къ москвѣ не пропущаютъ, и свинцу и зелья въ городѣхъ купить имъ не велѣть. А на москвѣ атаманъ Алексѣй Старой съ товарищи, которые пріѣхали съ Дону сказывали жъ то.

А изъ крыму посланники Осипъ Прончищевъ да подъячей Рах-

мота—не извѣстно; видно только, что они и въ слѣдующемъ

манинъ Болдыревъ писали ко государю, что имъ въ крыму отъ царя и отъ калги были выговоры многіе и неволя и хотѣлъ калга итти сего лѣта на государевы украйны, за то, что казаки Донскіе ходятъ на море подъ турскаго городы и на крымскаго улусы, а городы и села громятъ и людей побиваютъ; а сего де лѣта взяли на море городъ Трапезонъ и къ Азову приступали приступомъ, и на каланчѣ, на Донскомъ проливѣ, гдѣ Донъ подетъ въ море, башню каменную, что поставили турскіе, взяли. Только государь казаковъ уняти не велитъ и съ Дону несведетъ и межъ крымскаго царя и калги чаютъ нелюбья и на государевы украйны войны.

Грамота на Донъ отъ 22 октября 1625 года отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Епифану Родилову съ товарищи и всему Донскому войску. Въ прошломъ во 133 году, присылали есте къ намъ съ грамотою и съ вестьми атамана Ѳедора Хапева съ товарищи семь человѣкъ; а въ нынѣшнемъ во 134 году прислали есте къ намъ съ грамотою жъ и съ вестьми атамана Алексѣя Старова съ товарищи одинадцать человѣкъ, а въ грамотѣ своей вы Атаманы и казаки съ атаманомъ Алексѣемъ Старомъ съ товарищи, къ нашему царскому величеству писали, что будто крымской калга Шингирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону, со многими людьми и снарядомъ, а хочетъ де будто итти подъ асторохань или къ вамъ на Донъ и хочетъ надъ вами промышлять, а атаманъ Алексѣй Старой съ товарищи на москвѣ нашимъ приказнымъ людемъ сказывали тѣ же рѣчи: а изъ крыму посланники наши Осипъ Прончищевъ да подъячій Рахманинъ Болдыревъ писали къ намъ въ отпискахъ своихъ и пришедъ изъ крыму и сами на москвѣ въ распросѣ боляромъ нашимъ сказывали, что имъ въ крымѣ отъ царя и отъ калги были многіе выговоры и неволя и во всемъ утѣсненья было великое и хотѣлъ де калга и крымскіе люди сего лѣта итти на наши украйны и впередъ на наши украйны итти хотятъ за то, что вы ходите на море подъ турскаго городы и на крымскіе улусы и городы и села громите и людей побиваете и сего де лѣта взяли турскаго городъ Трапизонъ и къ Азову приступали, и на каланчѣ башню взяли и нарядъ поимали и людей побили. Да и въ грамотѣ своей крымской магметъ Гирей царь и калга Шангирей царевичь и Нурадынъ къ намъ писали и съ послы своими приказывали, только мы не велимъ васъ уняти и они собрався съ турскими и съ крымскими людьми, хотятъ воевати наши украйны. Да къ вамъ же на Донъ приходятъ и съ вами вмѣстѣ турскаго городы и села и крымскіе улусы громятъ Запорожскіе черкасы.—Да вы жъ де въ прошломъ году взяли Старой Крымъ и

(1626) году ходили на море для поисковъ, разорили нѣ-
людей высѣкли, и за то де на царя приходили всѣмъ крымомъ, чтобы онъ послалъ воевати наши украйны. А прежде того писали къ вамъ во многихъ нашихъ грамотахъ съ посланники нашими и съ вашими атаманы и казаки, чтобъ вы подъ турскаго городы не ходили, и на море судовъ и каторгъ не громили и крымскихъ улусовъ не воевали, и тѣмъ насъ съ турскимъ и съ крымскимъ не ссорили, и войны на наши украйны не наводили, и вы то наше царское повеленье поставили ни во что и нашего повеленья неслушаете; и намъ то въ великое подивленье, что вы такъ дѣлаете нашего государскаго повеленья неслушаете, на море ходите и турскаго городы и каторги громите и крымскаго улусомъ тѣсноту чините и тѣмъ межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя дѣлаете ссору и нелюбье; и вамъ было пригоже памятовать какая вамъ неволя была при прежнихъ государѣхъ царехъ московскихъ, а послѣднее при царѣ Борисѣ, невольно вамъ было не только къ москвѣ пріѣхать, и въ украинные городы къ родимцомъ своимъ, придти и купити и продати вездѣ заказано, а а сверхъ того во всѣхъ городѣхъ васъ имали и въ тюрьмы сажали, а иныхъ многихъ казнили; вѣшали и въ воду сажали. А какъ мы учинились на нашихъ государствахъ и мы къ вамъ многое наше государское милосердье и жалованье показали и прежнихъ вашихъ грубостей, которые есте учинили московскому государству, ничего не попамятовали, и учали васъ жаловать какъ есть вѣрныхъ нашихъ слугъ и которые атаманы и казаки пріѣзжаютъ отъ васъ съ Дону намъ бити челомъ о вашихъ дѣлехъ и о своихъ нужахъ, и мы ихъ жалуемъ и велимъ имъ видити наши царскія очи, бываютъ у насъ у стола и на пріѣздѣ и на отпускѣ жалуемъ ихъ нашимъ жалованьемъ камками и тафтами и сукны добрыми, и поденной кормъ и питье даютъ имъ довольно, и отпускаемъ ихъ во всемъ милостивно, и челобитья ихъ неставливаемъ. Да къ вамъ же посылаемъ наше жалованье, деньги и сукна и запасы всякія мало не желѣть, и изъ городовъ наши торговые люди ѣздетъ къ вамъ со всякими торги и запасы и во всемъ есмя къ вамъ наше жалованье и милость и вольность вамъ учинили, чего изъ начала ни при которыхъ государехъ не бывало; а то есмя все чинили для того чтобы вы нашего повелѣнья слушали и на турскаго городы и земли и на крымскіе улусы не ходили, и тѣмъ насъ съ турскимъ и съ крымскимъ не ссорили и войны на наши украйны не наводили и Запорожскихъ черкасъ къ себѣ не пускали и сами къ нимъ и съ ними на море не ходили. И вы то все наше жалованье и повеленье поставили ни во что и вмѣсто того, что было вамъ за наше государское жалованье намъ служити и на недруговъ нашихъ стоять, показуете противъ насъ супротивленье и не послушанье, а про Запорож-

сколько деревень въ окрестности Козлова, взяли множество

скихъ казаковъ самимъ вамъ вѣдомо, какія они грубости починили нашему государству городы многіе поимали и людей побили; да нетокмо что нашему государству зло починили, и всю землю разоряютъ, недавно то было что они у турскаго на море городы повоевали и поимали, а турской асманъ салтанъ противъ того пришедъ въ польшу и въ литву, многія земли разорилъ и въ тѣ поры побито казаковъ Запорожскихъ болѣе 30 тысячь. А отъ васъ къ намъ помочи ни какія не бывало: одинакова есми къ вамъ посылали, чтобы вы прислали къ намъ тысячу человѣкъ въ то время, какъ есми вели войну съ польскимъ королемъ, и кормъ имъ былъ готовъ и вы въ тѣ поры намъ помочи никоторыя не учинили; и натоль ваша къ намъ служба и радѣнье, въ отпискахъ своихъ пишите къ намъ всегда, что вы намъ служите и впередъ хотите служити, а повелѣнья нашего николи не слушаете и съ сторонними государи которые съ нами въ ссылкѣ и въ дружбѣ, насъ ссорите да отъ васъ же многіе атаманы и казаки ходятъ на волгу и на яикъ, и на море и на волгѣ суды и бусы громятъ и многую шкоту дѣлаютъ; а вы ихъ отъ того не унимаете, а въ прежнія лѣта на Дону у васъ бывалъ о томъ крѣпкой заказъ, кто куды пойдетъ безъ вѣдома войсковаго и тѣмъ казнивали смертью. Да атаманы же и казаки преже того намъ служивали, коли пойдутъ на наши украйны какіе воинскіе люди, и они по всѣмъ рѣкамъ и перевозамъ станивали и тѣхъ людей громили и языковъ имывали и полонъ отбивали, а московскому государству тѣмъ чинили помочь не малую; а нынѣ казыева улуса ногайскіе люди на наши украйны приходятъ и воюютъ мало неежѣлѣть, а отъ васъ къ намъ помочи нѣтъ никоторыя, только лише насъ съ турскимъ и съ крымскимъ ссорите: и только за такую вашу ссору турской салтанъ и крымской царь взочнуть съ нами не дружбу и пошлютъ своихъ воинскихъ людей на наши городы воиною, и то все взочнется и кровь крестьянская прольется отъ васъ. И мы великій государь несмотря на ваши многія грубости прежнихъ вашихъ посланниковъ атамана Ѳедора Ханева съ товарищи 7 человѣкъ, пожаловалъ нашимъ жалованьемъ и камками и тафтами и сукны, на пріѣздѣ и на отпускѣ и поденнымъ кормомъ отпустили къ вамъ на Донъ да съ ними жъ вмѣстѣ отпустили Алексѣя Стараго товарищей 6 челов. казаковъ, а атамана Олексѣя Стараго съ товарищи 5 человѣкъ велѣли есми оставити на москвѣ до нашего указу, до тѣхъ мѣстъ, покамѣста вы къ намъ отпустите для чего вы нашего государскаго повелѣнья неслушаете, на море подъ турскаго городы войною ходите и городы турскаго салтана и на море корабли и каторги громите и крымскіе улусы воюите, и тѣмъ межъ насъ и турскаго солтана и и крымскаго царя ссору учинили великую, и Запорожскихъ чер-

плѣна и завладѣли тремя турецкими кораблями на азовскомъ морѣ ([228]) и что весною того же года, соединясь съ Запорожскими черкасами, осаждали Азовъ, выжгли предмѣстія онаго и разорили отводныя башни ([229]).

касъ къ себѣ пускаете и сами къ нимъ ходите, а наказанья есьмя надъ вашими атаманы и казаки нынѣ учинити не велѣли для того, ожидаючи отъ васъ къ намъ обращенья и службы. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ къ намъ отписали на скоро для чего вы нашего повелѣнья не слушаете, и съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ насъ ссориваете и Запорожскихъ черкасъ къ себѣ пускаете и сами къ намъ ходите и съ ними на море ходите и турскаго салтана городы и села крымскаго царя улусы громите и задоры чините и почьему веленью вы такъ дѣлаете, о томъ бы естя о всемъ отписали къ намъ на скоро; а впередъ бы есте однолично нашего повелѣнья не слушались, подъ турскаго городы и на крымскіе улусы не ходили и ссоры не чинили, и воровъ бы есте атамановъ и казаковъ, которые ходятъ на волгу и на яикъ, отъ воровства уймали и учинили имъ наказанье по своему суду, какъ у васъ на Дону повелось и впредъ бы ихъ на волгу и на яикъ не пускали, и черкасовъ Запорожскихъ къ себѣ на Донъ не пускали и къ нимъ не ходили и съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ насъ не ссорили; а какъ вы въ томъ предъ нами исправитеся, и мы васъ нашихъ людей учнемъ жаловати и въ нашей милости имѣти по прежнему и выше. А будетъ вы впредъ учнете нашего повелѣнья ослушаться и межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя учнете ссору чинить, а по той вашей ссорѣ турской и крымской пришлютъ на наши украйны воинскихъ людей и которое дурно отъ того учинится, и то будетъ отъ васъ; а намъ вамъ за такія грубости жалованье довать не за что и въ городы въ никоторыя васъ пускать и запасы ни съ какими изъ городовъ къ вамъ ѣздить не велимъ, и то вамъ будетъ отъ себя, а не отъ нашего гнѣву. Писанъ на Москвѣ лѣта 7134 Октября въ 22 день."

([228].) Дѣла крымскія въ столбцахъ 1627 года № 1-й, отписка бывшихъ въ крыму посланниками Скуратова и Посникова.

„А князь Контимировы братья Антимиръ да Селменшахъ мурзы побѣжали изъ крыму; а съ нами пошло двѣ тысячи крымскихъ людей, а пошли за казаками Донскими, которые пошли за князь Контимиромъ, а повороту тѣмъ крымскимъ людемъ и Донскимъ казакомъ не бывало; въ походѣ за крымомъ."

([229].) Дѣла ногайскія въ столбц. 1627 г. № 1-й, смотри отписку астраханскихъ воеводъ Головина и Зубова въ посольскій приказъ.

„Въ прошлое де государь во 134 г. по лѣту съ Дону ѣздили

Участіе Донскихъ казаковъ въ разбояхъ по Волгѣ и по Каспійскому морю съ волжскими казаками и наказаніе за сіе. Въ слѣдующемъ году нѣкоторые изъ Донскихъ казаковъ, верхнихъ городковъ прельщенные молвою о богатыхъ добычахъ, пріобрѣтаемыхъ казаками волжскими на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ,—самовольно ушли на Волгу и вмѣстѣ съ тамошними разбойниками грабили купеческія и казенныя суда персидскія и русскія. Но таковое своевольство не было общимъ всѣмъ Донскимъ казакамъ и строго наказывалось: уличенныхъ въ участіи съ волжскими казаками въ разбояхъ, по приговору главнаго войска, били ослопьемъ и грабили; нещадили даже и людей торговыхъ, кои покупали у нихъ ясырь, а имъ продавали свинецъ и порохъ ([230]).

на Черное море Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы, которые на Дону зимовали, многіе люди и на Черномъ де, государь, море казаки и черкасы ничего не добыли, а иныхъ де, государь, казаковъ и черкасъ турскіе люди, пришедъ на каторгахъ, побили; да въ прошломъ же, государь, во 134 году на веснѣ Донскихъ казаковъ и черкасъ съ двѣ тысячи человѣкъ ходили подъ Азовъ и къ Азову приступали и около Азова городы пожгли и отводные башни разломали и былъ у нихъ съ Азовцы подъ городомъ бой, и бився пришедъ назадъ въ свои городки."

([230].) Тѣхъ же дѣлъ въ столбц. 1627 г., № 1-й, отписка астраханскихъ воеводъ Буйносова, Ростовскаго и Волынскаго съ товарищи.

„И атаманъ де Ешиха Родиловъ съ товарищи послали въ верхніе городки къ атаманомъ, съ которыми въ городкѣхъ тѣ казаки, что нынѣ воруютъ на Волгѣ, атаманъ Данилко съ товарищи зимовали, а велѣли тѣхъ атамановъ и казаковъ давать на поруки, чтобъ имъ стати въ войскѣ на яру на урочище Монастырскомъ; а иныхъ атамановъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ тѣми казаки, что нынѣ воруютъ и ихъ ссужали зельемъ и свинцомъ, а объявились тутъ же на урочище Монастырскомъ въ съѣздѣ, и ихъ де государь атаманъ Ешиха Родиловъ съ товарищи били ослопьемъ и грабили при нихъ, а торговыхъ де, государь, людей, которые съ тѣми жъ ворами зимовали и торговали съ ними у казаковъ покупали ясырь, а казакомъ продовали зелье и свинецъ, а тѣхъ де, государь, торговыхъ людей Донскіе казаки били жъ и грабили и о томъ учинили заказъ крѣпкой, чтобъ отнюдь ни кто съ Дону на Волгу для воровства не ходили, а только де, государь, кто съ Дону на Волгу пойдетъ, а послѣ объя-

Со времени заточенія Старово, казаки нося на себѣ опалу цареву два года съ половиною не имѣли никакихъ сношеній съ Москвою; они искали случая заслужить прощенія въ винахъ своихъ, и случай этотъ скоро имъ представился. Султанъ турецкій, несмотря на обиды и разоренія, претерпѣваемыя подданными его отъ казаковъ, не хотѣлъ прервать дружественныхъ сношеній съ Россіею потому болѣе, что въ государѣ ея видѣлъ ясные доводы благорасположенія къ себѣ; въ 1627 г. султанъ вторично отправилъ въ Москву посланника своего Ѳому Контакузина, поручивъ ему ходатайствовать и объ унятіи казаковъ отъ набѣговъ на его владѣнія. Казаки обрадовались, извѣстясь о прибытіи Контакузина въ Азовъ, встрѣтили его и проводили до украйны съ честію. Послѣ сего ждали возвращенія Контакузина изъ Москвы и милостивой грамоты и не обманулись въ надеждѣ. Государь отпуская этого посла съ новымъ увѣреніемъ въ доброжелательствѣ своемъ къ повелителю оттомановъ и въ томъ, что Донскіе казаки живутъ вольно, повелѣній его не слушаютъ, въ тоже самое время отправилъ къ султану и своихъ пословъ (Яковлева и Евдокимова), поручивъ имъ доставить казакамъ денежное и хлѣбное жалованье, сукно, селитру и порохъ, свинецъ и милостивую грамоту. Казаки снова встрѣтили все посольство съ отличною почестію, приняли государеву грамоту и дары съ радостію, славя милость и щедрость монарха, и родителя его, святѣйшаго патріарха Фила-

вится на Дону, и тому быть казнену смертью; да казаки жъ де, государь, 60 челов. ѣздили подъ Казыевъ улусъ для конскаго отгону и въ тѣ де, государь, поры изъ Азова ѣхали въ казыевъ улусъ Казыевскаго Касая князя внукъ Би-Арасланъ Мурза Канмаметевъ, а съ нимъ де, государь, было 33 челов. татаръ, а Донскіе де, государь, казаки на переѣздѣ того мурзу погромили и десять челов. татаръ убили, а 10 челов. ушли; а Би-Арисланъ мурзу, да съ нимъ 13 челов. татаръ взяли въ языцѣхъ и привезли на Донъ, и нынѣ де государь тотъ мурза и татаровѣ у казаковъ на Дону; да послалъ де, государь, было изъ Крыму Шанъ Гирей царевичъ, въ Казыевъ улусъ къ Касаю князю съ грамотою татарина и что де татарина казаки взяли и послали съ Дону къ тебѣ къ государю къ Москвѣ."

рета,—и наконецъ проводили посланниковъ въ Азовъ безъ малѣйшаго задержанія. Увѣдомленный объ этомъ государь прислалъ въ войско похвальную грамоту, повелѣвалъ жить съ азовцами мирно, не громить ни судовъ, ни городовъ турецкихъ ([231]).

([231].) Дѣла Донскія съ 1623 по 1652 г., книг. № 1, см. грамоту на Донъ 2 Сентября 1628 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Донъ въ верхніе и нижніе юрты атаманомъ и казакомъ и всему войску. Въ нынѣшнемъ во 136 году августа въ 20 день писали къ намъ изъ Азова послы наши Семенъ Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ и турекій посолъ Тома Контакузенъ, что вы атаманы и казаки, по нашему указу встрѣтили ихъ и приняли честно, а послы наши Семенъ Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ нашу грамоту и наше жалованье, что съ ними къ вамъ послано, деньги и сукна и зелье и свинецъ и селитру и хлѣбные запасы вамъ отдали и вы атаманы и казаки грамоту нашу вычли и жалованье наше приняли и рѣчи у. пословъ нашихъ выслушали, и нашему жалованью обрадовались и за наше и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи, многолѣтное здоровье молили Бога и пѣли молебны съ звономъ и учинили стрѣльбу, и пословъ нашихъ и турскаго посла съ Дону въ Азовъ отпустили и проводили до Азова честно, и мы великій государь васъ атамановъ и казаковъ за ту нашу службу похваляемъ, что вы намъ службу свою показали пословъ нашихъ приняли и въ Азовъ отпустили и проводили честно, и впредъ бы есте намъ великому государю служили и радѣли и нашего царскаго указу и повелѣнья ни въ чемъ неослушались, и на море турскаго Муратъ салтана судовъ не громили и городовъ и селъ и мѣстъ не воевали и съ Азовцы жили смирно задоровъ никакихъ не чинили, тѣмъ бы есте ссоры не дѣлали для того, что турской Муратъ салтанъ съ нами великимъ государемъ учинился въ братствѣ и въ дружбѣ и въ любви свыше прежнихъ великихъ государей и чтобъ въ томъ межъ насъ и турскаго салтана нелюба не было, и вамъ атаманомъ и казакомъ къ нашему царскому величеству служба свою совершить, ссоры межъ насъ съ турскимъ салтаномъ нечинити, чтобъ нашему царскому и земскому дѣлу порухи, а съ посломъ нашимъ во Царь городѣ бычетовъ и мѣшканья и тѣсноты не было; а какъ послы наши Семенъ Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ пойдутъ изъ Царь города назадъ, а съ ними будетъ пойдутъ турскіе послы, и вы бъ атаманы и казаки пословъ нашихъ и турскихъ пословъ встрѣтили и приняли потому жъ во всемъ честно и отпустили ихъ къ намъ къ Москвѣ не задержавъ, и суды подъ ними и гребцовъ имъ дали

Когда дворъ россійскій въ посольскихъ сношеніяхъ своихъ съ крымцами и турками утверждалъ, что Донскіе казаки изстари люди своевольные, что царь указалъ воеводамъ всѣхъ украинныхъ городовъ своихъ захватывать ихъ и казнить смертію, въ то время, на размѣнномъ мѣстѣ, въ пріѣздъ крымскаго посланника князя Сулешева, нечаянный случай едва было ненарушилъ согласія россіянъ съ крымцами, хотя съ обѣихъ сторонъ и не искренняго. Осенью того же (1627) года, 10 казаковъ съ атаманомъ Степановымъ отправлены изъ войска въ Москву легкою станицею съ какимъ-то весьма важнымъ донесеніемъ; съ ними 47 человѣкъ промышленниковъ изъ разныхъ Русскихъ городовъ гнали съ Дону купленныхъ ими 150 лошадей. Близъ Валуекъ съѣхались они съ крымскими посольскими людьми, кои почти ихъ всѣхъ за Донскихъ казаковъ, а лошадей за отбитыхъ въ улусахъ крымскихъ, завязали съ ними бой, взявъ двухъ человѣкъ въ плѣнъ, извѣстили объ этомъ на посольскомъ размѣнномъ мѣстѣ окольничаго Льва Карпова и просили отъ него помощи. Послѣ сего возникли укреки со стороны крымцевъ, что государь явно потворствуетъ казакамъ, дозволяя имъ ѣздить свободно въ Россію съ отбитыми лошадьми.

Противъ сего окольничій Карповъ увѣрялъ крымскаго посланника князя Сулешева, что видинные имъ люди не Донскіе казаки, но разныхъ Россійскихъ городовъ промышленники, ходившіе вопреки повелѣніямъ царскимъ на Донъ и позапольнымъ рѣчкамъ для звѣриныхъ промысловъ; что онъ донесетъ объ нихъ государю и они за своеволія свои немилостиво

какъ мочно поднятися, а на передъ ихъ отпуску прислали бы есте къ намъ станицу, кто именемъ турскихъ посолъ будетъ и многоль съ нимъ будетъ всякихъ людей, чтобъ намъ про нашихъ и про турскихъословъ было вѣдомо, а мы великій государь учнемъ васъ держать въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованье, въ томъ бы есте на наше жалованье были надежны; да и о вѣстяхъ бы есте, которые намъ надобны про крымскаго и про литовскаго и про иные, что у васъ объявятся, къ намъ писали, чтобъ намъ крымскіе и литовскіе вѣсти были вѣдомы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7136 сентября въ 2 день."

нуемо будутъ казнены смертію. Таковыя увѣренія успокоили посла. Благоразумiемъ Карпова возстановлено прежнее спокойствіе и взаимное доброжелательство между довѣреннымi россійскимъ и крымскимъ на размѣнномъ мѣстѣ (232).

(232.) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1627 г., № 3-й, отписка окольничаго Льва Карпова изъ Волуйки въ посольскій приказъ, получ. 14 октября 1627 года.

„Сентября, государь, въ 29 день часу въ 4 дня прислали къ намъ холопемъ твоимъ на рѣчку на Ураеву на станъ крымской встрѣчника Мустафа князь Сулешевъ, пріѣхавшаго отъ крымскаго царя посломъ съ товарищи, татарина, а сказалъ намъ, государь, тотъ татаринъ: появились де изъ степи отъ Дону многіе люди, а чаютъ они, что воры Ногаи или Черкасы и намъ бы государь холопемъ твоимъ послать людей къ нимъ въ прибавку, чтобъ отвѣдать какіе люди. И мы государь послали головъ съ сотнями Рахманина Вышеславцова съ мещарины да Михайловскаго сотника казачья Микиту Раздерщипина съ казаки, а велѣли итти на то мѣсто гдѣ объявились воры. И того, государь, часу Мустафа князь Сулешовъ прислалъ къ намъ холопемъ твоимъ другова татарина, что воры Донскіе казаки идутъ на Волуйку, а гонятъ съ собою ихъ крымскіе отгонные лошади, и сѣли де въ кустахъ и съ ними бьются, и намъ бы, государь, холопемъ твоимъ помочь учинити. И мы государь холопи твои посылали волуйскаго голову казачья Юрья Чуфаровскаго, а велѣли ихъ спросить, какіе люди и гдѣ были и куда идутъ; распроси велѣли сказать намъ холопемъ твоимъ, а головамъ, государь, съ сотнями Рахманину и Микитѣ велѣли стоять наготовѣ, для того, либо учинять, съ твоими государевыми людьми бой; и Юрій, государь, Чюфаровскій пріѣхавъ намъ холопемъ твоимъ сказалъ, что люди русскіе изъ разныхъ городовъ были на Дону, а съ ними есть и Донскіе казаки, а сказывались татарамъ, что они не Донскіе, изъ городовъ Камышенки ходили за звѣремъ, а иные для рыбныхъ ловель и съ татары хотѣли битца, а Донскіе казаки, какъ Юрій къ нимъ подъѣхалъ отъ татаръ подалѣ, сказали ему не въ слухъ, что они ѣдутъ къ тебѣ государю съ твоимъ государевымъ великимъ дѣломъ, и намъ бы холопемъ твоимъ, имъ помочь учинить, или велѣть у нихъ грамоты взять, чтобъ съ тѣмъ дѣломъ ихъ татаровѣ не взяли, а про то бъ дѣло въ Крымъ не вѣдомо было.—А Мустафа, государь, князь Сулешевъ присылалъ къ намъ Устимиря мурзу Сулешева, а съ ними ясауловъ и говорили, что воры Донскіе казаки идутъ на Волуйку съ крымскими погромными лошадьми, и съ ними битца, и намъ бы на тѣхъ воровъ съ ними стоять за одинъ, а будетъ на тѣхъ воровъ не дадимъ людей, и имъ де съ ними битца хотя многимъ побитымъ быть, а ихъ не упустить. И мы, государь,

Крымскій ханъ снова требуетъ унять казаковъ отъ набѣговъ на крымъ. Ханъ крымскій не переставалъ настаивать о унятіи Донскихъ казаковъ отъ набѣговъ на улусы его: «если хощешъ быть другомъ мнѣ» — писалъ ханъ къ великому князю въ

холопи твои, къ Мустафѣ кн. Сулешеву приказали, чтобъ онъ самъ со всѣми татары отшелъ прочъ и съ ними не бился, чтобъ тѣ воры на бою татаръ не побили и ссоры бъ въ томъ межъ тобою, государемъ, и крымскимъ царемъ не учинити; а мы съ тѣми ворами битца учнемъ сами; и какъ ихъ поемлемъ и то объявятца съ Дону казаки воры ли или иные люди и съ нимъ втомъ обошлемся и учнемъ надъ тѣми ворами, только будетъ Донскіе казаки, по твоему государеву указу, и въ томъ бы Мустафа князь въ закладъ аманатовъ, втомъ какъ твои государевы люди тѣхъ воровъ поймаютъ и пойдутъ съ ними въ наши станы и на тѣхъ бы людей не приходили и съ твоими государевыми людьми не ссоритца и драки не учинити, и Мустафа, государь, князь въ томъ прислалъ въ закладъ Сулеймана мурзу Алѣева, да Ага Качика да Баранчу, и самъ Мустафа князь со всѣми крымскими людьми и ногаи отошелъ прочъ въ свои станы. И мы государь холопи твои посылали къ казакомъ волуйскаго голову казачья Юрья Чуваровскаго и велѣли ему говорити, чтобъ они съ твоими государевыми людьми не бились и шли къ намъ холопемъ твоимъ въ станъ, а дурна надъ ними ни какого учинить не велимъ; и послѣ, государь, того часа съ два, а съ собою привелъ русскихъ людей разныхъ городовъ, которые ходили на Донъ съ запасы 47 человѣкъ да Донскихъ казаковъ Андрея Степанова съ товарищи 9 челов., а съ ними 34 лошади, а въ распросѣ, государь, намъ холопемъ твоимъ Донскіе казаки сказали, что они ѣдутъ съ Дону ото всѣхъ казаковъ съ твоимъ государевымъ великимъ дѣломъ. И мы холопи твои тѣ отписки съ чѣмъ они къ тебѣ къ государю ѣдутъ чли и про лошади, на чемъ они пріхали, распрашивали сколько съ ними крымскихъ лошадей и Донскіе, государь, казаки атаманъ Андрей Степановъ съ товарищи сказали: лошади де, которые съ ними, ихъ казачьи, а не крымскіе, а имали де ихъ они на боехъ у ногайскихъ людей, а иные де лошади писали за ногайскихъ татаръ, которыхъ они имали на боехъ за окупъ, и иные, государь, люди оказались разныхъ городовъ Воронежцы, Бѣлевцы, Ельчанѣ, Ряшене, Калужане всякіе люди, были на Дону съ провожаными запасомъ и съ вином и съ иными товары, а съ ними крымскихъ и ногайскихъ 122 лошади, и сказали, государь, про тѣ лошади, что покупали на Дону у казаковъ и на запасы имали, и того жъ, государь, часу ни помѣшкавъ ни мало пріѣзжалъ къ намъ отъ Мустафы князь Иліясь Уланъ-Мурза Алгари Агинъ братъ и

1627 году,—«то постарайся унять Донскихъ казаковъ, чтобы они на море не ходили и азовцамъ и моимъ подданнымъ не дѣлали обидъ и раззореній. . . . . Симъ только докажишъ что искренно желаишъ покоя и тишины» (233). Подобнымъ образомъ убѣждалъ онъ великаго князя и другою грамотою привезенною посломъ его Солейманъ Агою въ сентябрѣ мѣсяцѣ, присовокупивъ что раззоренія произведенныя во владѣніяхъ его Донскими казаками столь ужасны, что подобныхъ не было (234).

говорилъ намъ холопемъ твоимъ что воры Донскіе казаки воруютъ и пріѣзжаютъ со всякимъ воровскимъ грабежомъ въ твои государевы въ украинные города, а государь ихъ отъ воровства унять не велитъ. . . . . и мы государь холопи твои говорили: Донскіе казаки прямые воры и за тѣхъ воровъ государь не станетъ и стоять не будетъ; а тѣ люди, которые нынѣ объявились ворами, камышники гуляющіе люди, ходили на Донъ украдомъ не по государеву указу и утаясь государевыхъ воеводъ, и тѣ люди у насъ перевязаны и пишемъ нынѣ объ нихъ государю, что государь объ нихъ укажетъ, а чаемъ того, что государь—велитъ ихъ казнить смертію, чтобъ инымъ не повадно на Донъ ходить и съ Дону воры съѣзжатца и торговать, а Донскихъ казаковъ съ ними никово нѣтъ, и Уліясь Уланъ говорилъ, государь, то де добро, что государь велитъ отъ воровства унять, а говоря, государь, съ нами о томъ, поѣхалъ въ свои станы. . . . . А какъ, государь, первая сцѣна была у казаковъ съ татары, и въ ту, государь, пору татаровѣ взяли русскихъ двухъ человѣкъ Ельчанъ. . . . . А Донскихъ, государь, казаковъ атамана Андрея Степанова съ товарищи, девять человѣкъ, со всѣмъ и съ лошадьми отпустили къ тебѣ къ государю къ Москвѣ.“

(233.) Дѣла крымскія въ столбц. 1627 г., № 4-й, смотри грамоту хана, присланную съ гонц. Доюнъ Алей Аталыкомъ.

„И вамъ бы брату нашему Донскихъ казаковъ велѣть унять, чтобы они въ судѣхъ на море не ходили и азовскимъ людемъ тѣсноты и убытковъ не чинили, а только отъ вашихъ людей нашимъ людемъ тѣсноты и убытки учинятца, или отъ нашихъ людей вашимъ людемъ какіе убытки учинятца и то не добро будетъ, и вамъ бы брату нашему о добромъ дѣлѣ о покое и о тишинѣ порадѣть прямымъ сердцемъ своимъ.“

То же писали и Калга Шангирей и прочіе царевы ближніе люди и мурзы въ своихъ грамотахъ.

(234.) Тамъ же, № 8-й, см. грамоту крымскаго Хана къ великому князю.

„И нынѣ мы повелѣваемъ, будетъ съ нами похотите быти въ

Разореніе казаками Карасу—Базара, Балаклавы и многихъ деревень въ Крыму. Но эти требованія хана и мѣры какія принимало россійское правительство для унятія казаковъ, были не дѣйствительны: не взирая на запретительныя грамоты въ этомъ году, изъ посольскаго приказа писанныя на Донъ и на предосторожности турокъ и крымцовъ, казаки не отставали отъ любимыхъ своихъ морскихъ поисковъ. Пользуясь бывшимъ въ Крыму въ 1628 г. междоусобіемъ, они соединились съ Запорожцами, приплыли къ берегамъ крымскимъ, опустошили многія села и деревни, выжгли городъ Карасу (нынѣшній Карасу—Базаръ), и наполнивъ струги свои добычею и плѣномъ, стояли тутъ нѣсколько времени отдавая на окупъ плѣнныхъ; а осенью того же года громили Балаклаву и отсюда возвратились въ войско ([235]).

дружбѣ и вамъ бы съ наши слова выслушати и къ намъ свое прямое слово писати, а воровъ, которые приходятъ съ вашіе стороны степью и водянымъ путемъ, тѣхъ велѣти уняти, а будемъ молыте не такъ, и вамъ бы потому объявити, и мы себѣ также учнемъ промышляти, а уже дасть Богъ хотимъ быти другу другомъ, а не другу не другомъ, а съ тѣхъ мѣстъ какъ мы учнимся съ вами братомъ нашимъ и сколько учинили намъ Донскіе казаки и астраханскіе воры убытковъ, и мы такихъ убытковъ и отъ днѣпровскихъ казаковъ не видали. . . . . и казаковъ бы вамъ уняти, чтобъ они крымскому юрту и Азову убытковъ не чинили и на Черное море въ стругахъ не ходили, и только по хотите быть въ дружбѣ и вамъ бы одиолично тѣхъ казаковъ унять въ скорѣ."

([235].) Дѣла крымскія въ столбц. 1628 г., № 10, см. грамоту волуйскимъ воеводамъ окольничему Бутурлину и дьяку Тракину.

Въ грамотѣ изъ посольскаго приказа отъ 24 іюля окольничему Ѳедору Бутурлину и дьяку Тракину, бывшимъ на Волуйкѣ для посольской размѣны, извѣщаютъ ихъ, что посланники наши Тарбѣевъ и Басовъ доносятъ государю, что новой царь Джанбекъ Гирей на отпускѣ говорилъ имъ, „что онъ съ нами въ братствѣ и дружбѣ и на своей правдѣ стоитъ крѣпко, а съ нашея стороны дѣлается не потому, какъ де онъ велъ войну съ прежнимъ Магметъ Гирѣемъ царемъ и съ калгою Шагинрѣемъ царевичемъ и ходилъ противъ ихъ, а мы будто въ то жъ время прислали на крымскіе улусы Донскихъ казаковъ и тѣ де казаки ихъ крымскіе улусы повоевали и деревни пожгли и лутшей городъ Карасовъ

Царь крымскій посланниковъ нашихъ, находившихся въ Крыму, намѣревается

выжгли и нынѣ де казаки стоять въ крымскихъ улусѣхъ и шкоты людемъ ихъ чинять, и то будто съ нашіе стороны дѣлается неправда."

Дѣлъ Донск. см. въ книгѣ содержащей въ себѣ отпуски, грам. на Донъ 1629 г. октября 6-го.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Донъ въ нижніе и верхніе юрты атаманомъ и казакомъ, Волоките Ѳролову съ товарищи. По нашему указу писано къ вамъ отъ насъ напередъ сего многажда и дворяня посыланы къ вамъ на рочно, многіе, чтобъ вы на море не ходили и турскаго салтана судовъ не громили и людей не побивали, и на крымскіе бъ улусы не ходили и шкоты имъ никакіе не чинили, тѣмъ межъ нашего царскаго величества и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры и нелюбя не чинили, и чтобъ за то украйнамъ нашимъ отъ турскаго и крымскаго войны и разоренья не было; а въ прошломъ въ PЛS (136) году присылалъ къ намъ и къ отцу нашему къ великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руссіи, турской Муратъ салтанъ посла своего Гречанина Ѳому Кантакузена зъ грамотою о великихъ дѣлѣхъ, а писалъ къ намъ, что онъ съ нами, великимъ государемъ, хочетъ быть въ братской крѣпкой дружбѣ и въ любви, свыше прежняго, а намъ бы великому государю потому жъ быти въ крѣпкой братской дружбѣ и въ любви, и васъ бы казаковъ уняти, чтобъ вы на море не ходили и людемъ его тѣсноты не чинили; и мы великій государь и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ Московскій и всеа Руссіи къ турскому Муратъ салтану посла его Ѳому Кантакузина отпустили, съ нимъ вмѣстѣ послали есмя къ турскому салтану пословъ нашихъ дворянина Семена Яковлева да дьяка Петра Овдокимова, а съ ними писали есмя къ турскому Муратъ салтану, что вы Донскіе атаманы и казаки по нашему указу на море ходить и судовъ громить и мѣстъ и селъ воевать не учнете, а къ вамъ атаманомъ и казакомъ писали есмя съ великою опалою и укрѣпленіемъ, чтобъ на море не ходили и судовъ не громили и городовъ и селъ турскаго не воевали и съ азовцы помирились и были бъ въ миру и задоровъ бы никакихъ не чинили, тѣмъ межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры и нелюби не чинили, чтобъ нашему и земскому дѣлу помѣшки, а посламъ нашимъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ Царегородѣ за то вычетовъ и задержанья не было, и наше бъ царское и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всеа Руссіи слово иноко не было, и наше жалованье къ вамъ съ послы нашими послали есмя для того, во всемъ по прежнему, да и то къ вамъ въ

казнить смертію. Раздраженный симъ нападеніемъ

нашей грамотѣ съ послы нашими писано и атаманомъ вашимъ и казакомъ на Москвѣ сказано, только вы атаманы и казаки мимо нашъ царской указъ учнете на море ходить и турскаго людемъ тѣсноту чинить и села и деревни воевать, и вамъ атаманомъ и казакомъ отъ насъ великаго государя быти въ великой опалѣ и и въ великомъ наказаніи, а отъ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всеа Руссіи быти въ вѣчномъ запрещеньѣ и въ отлученьѣ; а послѣ пословъ нашихъ посылали есмя къ вамъ съ нашею грамотою Афонасья Блохина, а послѣ Афонасья послали есмя къ вамъ дѣтей боярскихъ Данила Везенина да Сидора Маслова, съ нашими грамотами; а послѣ того послали есьмя атамана Ѳедора Родіонова, а писали есьмя къ вамъ, чтобы вы про пословъ нашихъ про Семена Яковлева, да про дьяка про Петра Овдокимова провѣдывали, да какъ они придутъ въ Азовъ, и вамъ велѣно ихъ съ тою вѣстью прислати къ намъ не вдругъ, чтобъ намъ про нашихъ и про турскихъ пословъ было вѣдомо, и самимъ бы вамъ съ азовцы жить смирно и задоровъ никакихъ не чинити и на море однолично не ходити и турскаго селъ и деревень и и крымскаго улусовъ не воевати, и ни чѣмъ ни задиратися, и вы атаманы и казаки указъ нашъ и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всеа Руссіи поставили нивочто, и на море ходили и турскаго Муратъ салтана суды громили и на крымскіе улусы ходили и воевали; а въ прошломъ во РЛЗ (137) году писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Иваномъ Косымъ съ товарищи и прислали дву человѣкъ татаръ, что отгромили у Шангирея царевича, и тѣ товарищи ваши атаманъ Косой съ товарищи въ распросѣ сказывали, что вы атаманы и казаки нынѣшнее весны съ азовцы учинились въ розмирье и сходства у васъ на обѣ стороны нѣтъ, а по нашимъ грамотамъ къ намъ къ Москвѣ ни о какихъ вѣстехъ не пишите и по сіе время РЛИ (137) года октября по 6 день, и что сами вѣдаете, что турской Муратъ салтанъ съ нашимъ царскимъ величествомъ учинился въ братской крѣпкой дружбѣ и въ любви и послы наши у него во Царьгородѣ были и отпущены къ намъ; да и тотъ слухъ есть отъ полоняниковъ, что нынѣ наши послы и турскаго посолъ въ Кафѣ съ воровствомъ вашимъ учинился, что вы задоровъ учинили и съ азовцы задрались и на море ходили и села и деревни воевали, и то мѣшканье и задержанье учинилось посломъ отъ вашего воровства; а крымской Джанъ-Бекъ Гирей царь къ намъ великому государю писалъ, что онъ съ нашимъ царскимъ величествомъ учинился въ крѣпкой дружбѣ и любви и на своей правдѣ стоить крѣпко и неподвижно, и отъ людей его украйнамъ нашимъ убытковъ нѣтъ никакихъ, и вы де атаманы и казаки на крымскіе улу-

казаковъ Джанбекъ-Гирей въ пылу гнѣва приказалъ было

сы приходите, села и деревни воюете и грабите, людей побиваете; а въ прошломъ де году ходили они противъ недруговъ своихъ Магметъ Гирея царя и калги Шангирея царевича и безъ нихъ де въ то время приходили вы атаманы и казаки на крымскіе улусы и лутчее мѣсто городъ Карасовъ выжгли и высѣкли людей и корысти многіе поимали, и они де того съ нашей стороны неначаялись и чаютъ того, что вы то сдѣлали съ нашего повелѣнья, и намъ бы отъ того васъ велѣть уняти и громленые животы и полонъ поворотить имъ назадъ, а только мы то не сыщемъ и отъ того васъ уняти не велимъ, и они съ нами въ дружбѣ и въ любви быти не хотятъ и противъ того также нашимъ людемъ терпѣти не хотятъ и хотѣли было за то на наши украйны послати войною; а посланники наши Степанъ Тарбѣевъ да подъячей Иванъ Басовъ, пріѣхавъ къ Москвѣ, сказывали тожъ, что вы атаманы и казаки въ прошломъ году на крымскіе улусы приходили въ то время, какъ царь и калга ходили противъ прежняго Магметъ Гирѣя царя и Шангирея царевича и Карасовъ разорили и людей побили и животы поимали, да иные де многіе мѣста повоевали и за то имъ въ Крымѣ отъ царя и отъ калги и отъ Нурадына и отъ ближнихъ людей былъ шумъ великой и вычеты были большіе, и отпустить ихъ изъ Крыму не хотѣли; а какъ ихъ царь велѣлъ отпустить, и на отпускѣ имъ говорили, что они больше того терпѣть не хотятъ, будетъ мы того не сыщемъ и отъ того унять васъ не велимъ, и они правду свою нарушать и учнутъ ходить на наши украйные городы войною, и то вы атаманы и казаки дѣлаете воровствомъ и измѣною и отъ Бога отступленіемъ, забывъ наше государское жалованье и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха благословенье и запрещенье, и хотите своимъ воровствомъ и лакомствомъ на крестьянскіе души московскаго государства кровь неповинную и разоренье наводити, отъ чего Богъ пощадилъ и удержалъ десницею своею праведною, и такого мусульманскаго народа на крестьянство не попустилъ, а вы злодѣи враги креста Христова то все нарушаете и кровь не повинную наводите и наше государское слово, что мы пишемъ къ турскому Муратъ салтану и крымскому царю про васъ, что по нашему царскому указу впредъ воровать не будите и задоровъ никакихъ чинить не учнете, и то слово наше государское отъ вашего не послушанья стало инако и не вѣрно; а вѣдаете сами, что турской Муратъ салтанъ и крымской Джанъ-Бекъ Гирей царь съ нами великимъ государемъ въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и украйнамъ нашимъ дурна отъ нихъ никакова нѣтъ, и войны на наши украйны не бывало, а вы дѣлаете все самовольствомъ, нашъ царскаго величества указъ и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всеа Руссіи

предать смерти Россійскихъ посланниковъ Кологривова и ставите ни во что, и будетъ вы тѣхъ воровъ не сыщете, которые ходили на море и на крымскіе улусы, и къ намъ имяна тѣхъ воровъ не пришлете, и мы вамъ за такое ваше не послушанье больши для того терпѣти не будимъ; и нынѣ по нашему указу посланъ на Донъ къ вамъ,.... а велѣно ему про пословъ нашихъ развѣдать, естли на Дону про нихъ какой вѣдомъ и гдѣ нынѣ и какъ ихъ чаять въ Азовъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ атаманы и казаки однолично съ азовцы помирились, и на море не ходили, и турскаго салтана городовъ и сель и деревень и крымскихъ улусовъ не воевали и не задирались ничѣмъ, а что на семъ лѣтѣ взяли есте турскаго Муратъ салтана на море и въ селахъ и въ крымскихъ улусехъ животовъ и ясырю, то бъ есте все сыскали однолично безо всякаго отговору, чтобъ наше государское слово ни коко не было, и о томъ бы есте вскоре отписали, а мы о томъ хану крымскому Джанъ-Бекъ Гирею царю и хану калгѣ писали, что мы то все сыскавъ велимъ отдати, что вы поимали въ Карасовѣ и въ улусехъ и впередъ оттого велимъ унять, и вамъ бы атаманомъ и казакомъ нашего государскаго слова никако не учинить, а впредъ бы отъ такого воровства унятца и тѣмъ своимъ воровствомъ межъ насъ великихъ государей ссоры и нелюбя не чинили, а кровопролитья и разоренья на крестьянство не наводили.—А какъ. . . . . имя рекъ . . . . . на Дону развѣдавъ про пословъ нашихъ, поѣдитъ назадъ, и вы бъ съ нимъ отпустили изъ прежнихъ дѣтей боярскихъ одного, котораго нибудь и отписали съ нимъ къ намъ подлинно о всемъ, что у васъ дѣлается и какъ впредъ у васъ укрѣпитца, и сами бъ есте жили съ азовцы однолично смирно и задоровъ никакихъ не чинили и на море не ходили, тѣмъ межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры и нелюбя не чинили и вину бъ есте свою покрыли тѣмъ по прежнему нашему указу, и по сей нашей грамотѣ съ азовцы помирились тотчасъ, и жили съ ними смирно, задоровъ бы никакихъ не чинили и на море бъ есте однолично не ходили и судовъ не громили и селъ и мѣста турскаго не воевали, и тѣсноты не чинили, и ссоры межъ насъ и турскаго и крымскаго тѣмъ не чинили, чтобъ нашему и земскому дѣлу нарушенья и посломъ нашимъ задержанья и украйнамъ бы нашимъ отъ крымскаго за то утѣсненья не было. А какъ послы наши Семенъ Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ или съ нимъ турскаго Муратъ салтана послы придутъ, и вы бъ ихъ приняли честно и отпустили по прежнему съ Дону, не задержавъ тотчасъ, и суды имъ и провожатыхъ дали какъ бы имъ пройти безстрашно; а будетъ вы атаманы и казаки и черезъ сей нашъ указъ учнете дѣлати, воровствомъ на море ходить, и турскіе мѣста и крымскіе улусы воевать, и мы великій государь больше того вамъ терпѣти не уч-

Дурова; но смягченный мольбою матери и совѣтниковъ своемъ, однолично бъ есте атаманы и казаки отъ такова дурна отстали, ссоры и нелюбя межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя не чинили, чтобъ намъ великому государю было васъ за что жаловать, а будетъ вы не узнаетесь и отъ такого дурна не отстанете и что надъ вами велимъ за то учинить и то вамъ будетъ отъ ссбя и отъ своего воровства."

Такову грамоту чернилъ самъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Руссіи.

Дѣлъ крымскихъ книга № 23, листъ 29.

„Октября въ 1-й день, какъ посланники шли изъ Перекопа крымскими улусы и къ посланникамъ пріѣзжалъ царевъ ближній человѣкъ Алей князь Сулешевъ и говорилъ посланникамъ, что они посланники отъ царскаго величества къ Джанбекъ Гирею царю не правдами, обманомъ, какъ посланники пришли въ Перекопъ, а отое жъ де пору сентября въ 24 день пришли Донскіе казаки на крымскіе улусы на Балыклейскія мѣста войною и многихъ людей въ полонъ поимали и повоевавъ тѣ казаки отошли отъ тѣхъ мѣстъ не сомною, учали крымской полонъ продавать и прошать окуповъ, и Джанбекъ Гирѣй царь ему Алею князю приказалъ, чтобъ посланники выбравъ отъ себя добраго толмача, послали къ тѣмъ казакомъ къ морю для того, чтобъ тѣ Донскіе казаки тотъ балыклейской полонъ дали безъ окупу.

„И посланники Лаврентей и Александръ Алею князю говорили: самимъ вамъ вѣдомо, что на Дону живутъ воры, холопи бѣглые, бѣжавъ отъ смертной казни и не одни Русскіе и Запорожскіе черкасы и татаровя, столько русскихъ людей, сколько литвы и черкасъ и татаръ, и государева повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, а царское величество за тѣхъ воровъ нестоитъ хотя бъ всѣхъ ихъ вдругъ побили и царскому величеству то будетъ не досадно, да и то вамъ объявляемъ, что царское величество къ тѣмъ воромъ посылаетъ отъ себя на Донъ дворянъ и съ тѣми дворяне царское величество къ тѣмъ воромъ приказываетъ съ великою грозою, подъ смертною казнью, чтобы они не воровали, крымскихъ улусовъ не воевали, тѣмъ межъ царскаго величества и Джанбекъ Гирѣя царя коры и любя не чинили, и тѣ воры дворянамъ сказываютъ, что онц того дѣлати не учнуть, а отпустятъ дворянъ тѣ воры опять тожъ дѣлаютъ; и съ тѣми воры, что дѣлать коли они царскаго величества не слушаютъ, а дурна царское величество Джанбекъ Гирѣю царю и крымскому юрту никоторово не хочетъ и въ толмачѣ, что послать къ казакомъ, посланники, Алею князю отказалъ, потому что посланниковъ безъ царскаго величества указу къ тѣмъ казакомъ послать немочно."

Листъ 32, 39. Въ томъ же спискѣ написано:

„А какъ Алей князь съ перекопи пріѣхалъ къ царю и отѣ по-

ихъ, друзей Россіи, дарами пріобрѣтенныхъ, оставилъ это намѣреніе безъ исполненія и освободилъ пословъ (236).

ры на Балыклейскія мѣста войною пришли Донскіе казаки, и Джанбекъ Гирѣй царь ему Алею своихъ царскихъ очей видѣти ни далъ, и своимъ царскимъ жалованьемъ ни чѣмъ его царь не пожаловалъ за казачью войну, что Донскіе казаки повоевали балыклейскія мѣста.

„А говорилъ царь Алею князю, что онъ Алей съ посланники къ нему Джанбекъ Гирѣю царю пришли будто о добромъ дѣлѣ и съ любительными поминки, а государевы де люди Донскіе казаки того жъ часу пришли на крымскіе юрты войною и то де межъ царскаго величества Джанбекъ Гирѣя царя, какая братская дружба и любовь, не дружба де то, а развратъ. Да отое жъ пору, какъ Донскіе казаки подъ Балыклей войною, били челомъ Джанбекъ Гирѣю царю карасовскіе и балыклейскіе жильцы и иные улусные татаровѣ, что онъ царь имъ крымскимъ людемъ сказываетъ, что онъ Джанбекъ Гирѣй царь съ царскимъ величествомъ живетъ въ братской дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, и послами и посланники межъ себя государей ссылаются и любительныя поминки царское величество къ нему царю присылаетъ, а государевы де люди Донскіе казаки крымскіе юрты воюютъ безпрестанно, и людей въ полонъ емлютъ, и отъ казаковъ де они крымскіе люди разорены безъ остатку.“

Листъ 99—103 тѣхъ же дѣлъ.

Далѣе крымскаго царя ближніе люди говорили посламъ:

„Отое де пору, какъ всѣ ратные люди вышли изъ Крыму противъ Магметъ Гирѣя царя (бывшаго крымскаго царя,—по власти султана турецкаго низверженъ) и калги Шингирея, пришли Донскіе казаки многіе люди на крымскіе юрты войною и крымской городъ Карасовъ повоевали и многихъ людей въ полонъ поимали безъ остатку, и Джанбекъ Гирѣй царь о томъ царскому величеству писалъ, чтобъ тотъ карасовской полонъ и ихъ карасовскихъ людей и животы, сыскавъ, велѣлъ прислать въ Крымъ, а за тое бъ войну царское величество надъ тѣми казаки велѣлъ учинить наказанье. А нынѣ де царскаго величества посланники Лаврентей и Александръ нынѣ пришли въ Крымъ, и отое де пору опять приходили на крымскіе юрты Донскіе казаки войною и воевали балыклейскія мѣста и въ полонъ многихъ людей поимали, и только де царское величество тѣхъ Донскихъ казаковъ отъ того, чтобъ они на крымскіе улусы войною не приходили, впредь унятии не велитъ, и съ великимъ государемъ у Джанбекъ Гирѣя царя за тое казачью войну чаетъ братской дружбѣ и любви нарушенью.“

(236.) Дѣла крымскія книга № 23, статейный списокъ Россійск. посланник. Кологривова и Дурова листъ 32—39, См. примѣч. 235.

Поиски казаковъ въ 1629 г., взятіе ими и черкасами жидовскихъ деревень близъ Бакчи-Сарая, греческаго монастыря Сизобола и битва ихъ въ семъ послѣднемъ съ янычарами. Огорченный столь буйнымъ поведеніемъ казаковъ, противнымъ дружественнымъ сношеніямъ нашимъ съ ханомъ крымскимъ и султаномъ турецкимъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ и патріархъ Филаретъ угрожали имъ первый опалою, а послѣдній отлученіемъ отъ церкви (237). Это произвело между казаками распрю: одни страшились гнѣва государева и отлученія отъ церкви, совѣтывали прекратить на время поиски; другіе, нестоль разсудительные, не слушали первыхъ, и собравшись около 2/т. человѣкъ (въ числѣ коихъ была знатная часть черкасъ, татаръ), выбрали изъ среды себя атамана и отправились въ море; тамъ соединились съ Запорожскими казаками, и въ 1 день мая 1629 года приплывъ къ Карасову, разграбили оный, многія окрестныя селы выжгли, взяли плѣнныхъ и значительную добычу и оттуда поплыли къ Бакчи-Сараю. Жители этого города, узнавъ о наѣздѣ казаковъ на Крымъ, были поражены такимъ страхомъ, что многіе спасались изъ Бакчи-Сарая бѣгствомъ и вывезли изъ онаго лучшее имущество въ городъ Мамкулъ. Казаки заняли сперва Бакчи-Сарай, а потомъ и Мамкулъ безпрепятственно, (ибо въ сіе время была въ Крыму междуусобная

(237.) Дѣла Донскія, книг. содержащ. отпуски грамотъ. Грамота на Донъ 1629 г. іюля 2 дня.

„А будетъ вы атаманы и казаки нашего указу не послушаете, съ азовцы тотчасъ не помиритеся, а на море впередъ учнете ходить и тѣсноту турскимъ людемъ чинить, и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ и въ великомъ наказаньѣ, а отъ отца нашего великого государя святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всеа Руссіи быти въ вѣчномъ запрещеньѣ и жаловати намъ будетъ васъ не за что, и вы атаманы и казаки однолично съ азовцы помирилися, чтобъ посламъ нашимъ во Царегородѣ задержанья и дѣлу нашему порухи не было, и мы великій государь, увидя вашу службу, васъ атамановъ и казаковъ учнемъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7637 Іюля во 2-й день.“

война). Между тѣмъ, однако жъ, собралось татаръ до 5/т. челов., стали они нападать на казаковъ и произошла жестокая драка. Два дня казаки упорно стояли противу татаръ, но принуждены были уступить превосходству силъ непріятельскихъ, отошли къ берегу и отплыли въ море, потерявъ до 100 челов. убитыми и въ плѣнъ взятыми; съ непріятельской же стороны въ семъ дѣлѣ пало до 200 челов. (238).

Отсюда одна часть казаковъ возвратилась на Донъ, а другая на 6 стругахъ совокупно съ черкасами вышла въ Черное море и направила путь свой къ Румелійскимъ берегамъ; около Петрова дня сіи послѣдніе достигли Сизополя. Приставъ къ берегу немедленно разсѣялись для грабежа, оставивъ струги у берега почти безъ всякаго храненія. Въ тотъ

(238.) Дѣла крымскія, въ столбц. № 9, стат. списокъ бывшихъ въ Крыму россійск. посланник. Тарбѣева и Басова.

„Маія въ 10 день, прибѣжалъ въ Бакчи-Сарай вожъ Сафонка Игнатовъ и сказывалъ намъ холопемъ твоимъ, что ему отъ Бакчи-Сарай за полверсты въ встрѣчу пріѣхалъ татаринъ Яшловскій, а велѣлъ ему Сафонки воротица, а сказалъ ему пришли въ Бакчи-Сарай съ моря многія люди Запорожскіе черкасы; и мы, холопи твои, посылали въ Бакчи-Сарай толмоча да вожей провѣдывать тѣхъ вѣстей и что въ Бакчи-Сараехъ дѣлаетца; и толмачъ и вожа пріѣхавъ къ намъ холопемъ твоимъ, сказывали, что изъ Бакчи-Сарай царицы и всякіе люди бѣгутъ въ жидовской городокъ, а сказывали имъ татаровя, что съ моря пришли черкасы многіе люди въ ночи и взяли жидовской городокъ Мамкутъ и высѣкли и полонъ многой и животы многіе поимали, что въ тотъ городокъ для крѣпости царевы животы и ближнихъ людей были перевезены; и пріѣзжаючи къ намъ, холопемъ твоимъ, татаровя и полоняники сказывали, что татаръ собралось съ тысячь съ пять и съ Запорожскими черкасы бились два дни и убили черкасъ и живыхъ поимали человѣкъ со ста, а черкасы убили татаръ съ двѣсти челов., а приходило де черкасъ съ пять сотъ человѣкъ, а иные сказываютъ въ семь сотъ и пошли опять на море и изо всѣхъ селъ въ тѣ поры татаровя съ женами и съ дѣтьми разбѣгались по лѣсамъ въ горы; а послѣ того на третій день тѣ черкасы приходили въ крымскіе селы и деревни, для своего корму по четыре дни и изъ Бакчи-Сарай и изъ жидовскаго городка царицы и всякіе люди бѣгали въ полявыя села и деревни къ перекопи, а татаровя въ тѣ поры не пошли, ужасть въ тѣ поры на татаръ былъ великій.“

же день чрезъ нѣсколько часовъ по удаленіи казаковъ и черкасъ отъ берега пришла къ тому мѣсту турецкая эскадра, состоящая изъ 15 каторгъ, изъ коихъ каждая вмѣщала въ себѣ 300 челов. янычаръ. Турки видя у берега казачьи струги стали на якорѣ, немедленно завладѣли оными и сдѣлавъ высадку захватили въ плѣнъ 150 челов. казаковъ и черкасъ, возвращавшихся съ добычею; другая же часть казаковъ и черкасъ 150 челов., видя предъ собою сильнѣйшаго непріятеля, составили плотно соединенный строй и защищаясь отошли въ находившійся тамъ греческій монастырь и заперлись въ оном. Восемь дней продолжалась осада, но безъ успѣха; наконецъ сверхъ всякаго чаянія приплыли къ Сизополю на 80-ти стругахъ Запорожскихъ черкасъ болѣе 2/т. челов. Коль скоро узнали о семъ турки нимало немедля оставили осажденныхъ и въ великомъ страхѣ бросились на каторги; но вновь прибывшіе казаки и черкасы ударили на нихъ стремительно, взяли двѣ каторги и съ янычарами, отбили плѣнныхъ своихъ товарищей и заставили турокъ искать спасенія въ бѣгствѣ. По возвращеніи этой эскадры въ Константинополь, султанъ послалъ въ погоню за казаками 14 каторгъ, которыя между Варною и Коварною встрѣтили другую партію черкасъ, на 8 стругахъ, изъ 260 челов.; вступили съ казаками въ бой; многихъ изъ нихъ побили, а нѣсколькихъ привезли живыхъ въ Царьградъ ([239]).

([239].) Дѣла крымскія, книга № 23, листъ 260.

„Турской же салтанъ во 137 о Петровѣ дни, послалъ на Черное море янычанъ 15 каторгъ, а на всякой де каторгѣ янычаръ по 300 челов., для черкасъ и Донскихъ казаковъ, которые ходятъ на море и корабли и каторги громятъ, и тѣ де турскіе янычане у моря на пристани у греческаго монастыня у Сезеболя у самово берега нашли три струга черкасъ да три жъ струга Донскихъ казаковъ, а черкасъ де и казаковъ на тѣхъ стругѣхъ было 300 человѣкъ и тѣ де турскіе янычане у тѣхъ черкасъ и казаковъ отбили всѣ струги, да черкасъ и казаковъ на берегу попмали 150 челов., а другая половина тѣхъ черкасъ и казаковъ же 150 человѣкъ отъ нихъ отошли боемъ пеши въ тотъ греческій монастырь и сели въ томъ монастырѣ въ осадѣ, и тѣ де турскіе янычаня, къ тому монастырю приступали, былъ у нихъ бой и приступъ 8

Прибытіе на Донъ 500 человѣкъ Запорожскихъ черкасъ и походъ ихъ совокупно съ Донскими казаками на море. Достойно замѣчанія, что Запорожскіе черкасы съ начала XVI столѣтія были въ непріятельскомъ сношеніи съ Донскими казаками и ежегодно приходили на Донъ небольшими партіями человѣкъ по 10, по 15 и 20, а иногда и по 50. Весьма не многіе изъ нихъ водворялись тутъ на жительство, болѣе же приходили для участвованія въ морскихъ поискахъ; но въ 16 день марта мѣсяца 1630 года пришло ихъ въ одинъ разъ 500 челов, объявили войску о намѣреніи своемъ идти на море для добычи и приглашали къ тому Донскихъ казаковъ. Войсковой атаманъ Епифанъ Родиловъ предложилъ казакамъ о желаніи Запорожцевъ идти на море. Безъ дальняго разсужденія тысяча человѣкъ казаковъ присоединились къ Запорожцамъ и 5 апрѣля на 28 стругахъ въ числѣ 1500 челов. пустились въ море, а 29 числа сего мѣсяца приступили къ Керчи; но бывъ отсюда отражены и потерявъ около 100 челов., поплыли далѣе; спустя послѣ того недѣлю били на крымскія и греческія деревни и потомъ съ значительною

день, и послѣ де того пришли подъ тотъ монастырь 80 стругов черкасъ, а на стругу де было по сороку челов., и какъ де черкасы подъ тотъ монастырь пришли, и тѣ де турскіе янычане отъ тѣхъ черкасъ отъ того монастыря побѣжали, и тѣ де черкасы съ тѣми турскими людьми бились и взяли де черкасы у тѣхъ турскихъ людей двѣ каторги съ янычане; а тѣхъ де черкасъ и казаковъ 150 челов., которыхъ было тѣ янычане взяли съ стругами, отбили, а 13-ть де каторгъ турскихъ янычанъ отошли отъ нихъ боемъ и пришли во Царь-городъ, и послѣ де того турской салтанъ послалъ за тѣми черкасы другую посылку турскихъ янычанъ 14 каторгъ и тѣхъ де, турскіе янычане у того монастыря, тѣхъ черкасъ не нашли, а встрѣтились де они на море межъ города *Варны и Коварны* съ иными черкасы, а черкасъ де было восемь струговъ, а людей де въ тѣхъ стругѣхъ было 260 челов. и тѣ де турскіе янычане тѣхъ черкасъ всѣхъ поимали и побили, а иныхъ живыхъ привезли въ турскую землю и тѣхъ де черкасъ турской взялъ всѣхъ на себя."

Тѣхъ же крымскихъ дѣлъ, въ столбц. 1630 г., № 1-й, отписка посланниковъ Кологривова и Дурова.

добычею возвратились въ жилища свои. Лѣтомъ того же года одна партія Донскихъ казаковъ разорила нѣсколько другихъ греческихъ деревень подвластныхъ султану турецкому, какъ то: *Айсересъ, Арпаты* и *Небола* за три дни ѣзды отъ Царьграда отстоящее и иныя (240), а другая изъ 40 челов.

(240.) Тѣхъ же Крымскихъ дѣлъ, № 1-й, въ другой отпискѣ писано:

„Послѣ де, государь, тѣхъ гонцовъ 138 года въ апрѣлѣ приходили твои государевы люди Донскіе казаки приступали къ городу къ Керчи и иные крымскіе юрты тѣ казаки повоевали . . . . И тѣхъ де, государь, Донскіе казаки, которые приходили подъ Керчь и воевали крымскіе юрты, взяли на бою въ языцѣхъ, въ крымскихъ улусѣхъ, дву человѣкъ и тѣ дву человѣкъ казаковъ прислалъ царь съ ними къ намъ холопемъ твоимъ на станъ, а царь де велитъ насъ холопей твоихъ съ тѣми казаки поставити передъ собою съ очей на очи, и хочетъ царь тѣхъ казаковъ послати къ тебѣ великому государю къ Москвѣ для увѣренья. . . .

„И тѣхъ, государь, Донскихъ казаковъ дву челов. въ Бакчи-Сараехъ продали и изъ Бакчи-Сарая приходили къ намъ холопемъ твоимъ тѣ Донскіе казаки на станъ тайно, а въ распросѣ намъ холопемъ твоимъ сказали, что они русскіе люди, Васька Ивановъ, Ѳедька Семеновъ, Бѣлогородца, сына Боярскаго, Ивановы люди Маслова; а пріѣхали де, государь, они на Донъ во 137 г. въ осень, съ Иваномъ Масловымъ вмѣстѣ; а какъ де Иванъ Масловъ поѣхалъ съ Дону и ихъ съ Дону Иванъ съ собою не взялъ, а оставилъ ихъ Иванъ на Дону у попа Григорья, и въ прошломъ де, государь, во 138 году марта въ 16 д. пришло на Донъ Запорожскихъ черкасъ 500 челов. и учали на Дону атаманомъ и ясауломъ и казакомъ тѣ черкасы говорить, чтобъ идти на море для добычи, и на Дону де, государь, атаманъ Ениха Родиловъ велѣлъ атаманомъ и ясауломъ и казакомъ сбиратца и собралось де, государь, на Дону атамановъ и ясауловъ и казаковъ 1,000 челов. и апрѣля де, государь, въ 5 д. Донскіе казаки и черкасы пошли и попъ Григорей Ваську и Ѳедьку послалъ съ тѣми жъ черкасы и съ казаки съ Дону на море для добычи, а пошло де, государь, черкасовъ и казаковъ съ Дону 28 струговъ, а черкасъ и казаковъ въ тѣхъ стругѣхъ было 1,500 челов., а атаманомъ де, государь, и ясауломъ, которые у нихъ были въ старшинахъ, имянъ они не упомнятъ, и апрѣля де, государь, въ 29 д. тѣ черкасы и казаки и они Васька и Ѳедька приходили подъ городъ подъ Керчь и къ Керчи де они, государь, приступали, и у Керчи де, государь, черкасъ и казаковъ побили и перерапили человѣкъ со ста и больши и они де отъ Керчи побѣжали и шли де, государь, они отъ Керчи моремъ недѣлю и приходили де, государь, они на крымскіе и

совокупно съ Запорожскими казаками, бывъ подъ Трапезонтомъ, взяли множество плѣнныхъ, въ числѣ коихъ Донскимъ казакамъ досталась дочь трапезонтскаго кадыя и восемьдесятъ человѣкъ (241).

греческіе деревни, и въ тѣхъ де, государь, деревняхъ ихъ Ваську и Ѳедьку взяли и привели въ Крымъ, и въ Крыму де царь и ево царевы ближніе люди ихъ распрашивали и пытками всякими тращали . . . . и они де, государь, царю и ево царевымъ ближнимъ людемъ сказывали, что они приходили собою безъ твоего царскаго величества повелѣнья, а присылки де отъ тебя великаго государя о томъ къ нимъ на Дону не бывало.“.....

Тѣхъ же Крымскихъ дѣлъ, книг. № 23, л. 225—229, статейный списокъ послан. Кологривова и Дурова.

„Да и послѣ того Донскіе казаки приходили моремъ на крымскіе на многіе мѣста и въ полонъ многихъ людей поимали и животы пограбили и воевали крымскіе юрты Донскіе казаки съ черкасы во все лѣто.

„Да Донскіе казаки воевали въ 138 году весною турскаго салтана греческія села и деревни, которые сѣдятъ близко Крыму, села Айсересъ, села Аршаты и иныя села и деревни, и имали у нихъ войною животы и животину, а гречанъ въ полонъ казаки не имали; да въ турской же землѣ Донскіе казаки повоевали и Небола, и многихъ людей въ полонъ и животы поимали и издобылись де они въ той войнѣ гораздо, а то де село подлѣ моря близко города Синяны, отъ Царягорода въ трехъ днищахъ.

„Да во 138 году поимали турскіе люди въ турской землѣ близко города Синяны, Донскихъ казаковъ 8 струговъ, а казаковъ было въ тѣхъ стругѣхъ 300 человѣкъ, и привели тѣхъ казаковъ во Царьгородъ и турской салтанъ тѣхъ казаковъ поималъ на себя на катроги.“

(241.) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1631 г., № 1, отписка Россійск. посланник. Воейкова и Звѣрева, присланная въ Москву генваря 4 дня, съ толмачемъ Алмашкомъ Алышевымъ.

„Въ нынѣшнемъ, государь, во 140 году, октября въ 14 день, пріѣзжалъ къ намъ холопемъ твоимъ на станъ размѣнной подьячей Анеметъ Калфа и намъ холопемъ твоимъ сказывалъ, былъ де онъ Анеметъ за Перекопью, у царева сына у Муборекъ Гирея царевича и при немъ де пріѣхалъ къ Муборекъ Гирею царевичу тому пятой день изъ Бѣлогорода крымской татаринъ Иммаметка Тевкелевъ, и царевичъ де ево про турскіе вѣсти спрашивалъ и онъ де ему сказывалъ: приходили де нынѣшняго лѣта турскаго царя подъ Трапезонъ городъ Запорожскіе черкасы 150 струговъ, а Донскихъ было съ ними 40 челов., и поимали де подъ Трапезономъ полонъ многой, а Донскимъ де казакомъ тому полону дос-

ГЛАВА IX

Опала царская на казаковъ.—Заточеніе зимовой станицы.—Царское повелѣніе идти съ турецкимъ войскомъ на Польшу.—Умерщвленіе Карамышева.—Легкая станица съ повинною отпискою къ государю.—Поиски казаковъ по Каспійскому морю.—Другая партія Донскихъ казаковъ присоединяется къ Запорожцамъ и участвуетъ съ ними въ разореніи Козлова и опустошеніи улусовъ крымскихъ между Инкерманомъ и Балаклавою.—Разбитіе Запорожцами татаръ подъ предводительствомъ самаго крымскаго хана.—Запорожцы опустошаютъ жидовскія и греческія поселенія въ 12 верстахъ отъ Бакчи-Сарая.—Казаки извѣщаютъ воеводъ царскихъ о намѣреніи крымцевъ и азовцевъ.—Разореніе Донскими казаками и Запорожскими черкасами Синопа (въ 1632 г.).—Царь Михаилъ Ѳедоровичъ освобождаетъ станицу изъ заточенія, посылаетъ войску Донскому милостивую грамоту съ радостію.—Они посылаютъ отрядъ казаковъ въ армію къ Смоленску и разбиваютъ крымцевъ и казыевыхъ татаръ на р. Быстрой.—Ногайцы возмущаются противъ Россіи.—Казаки разрываютъ миръ съ азовцами.—Разореніе казаками ногайскихъ улусовъ кочевавшихъ близъ Азова.—Другое нападеніе ихъ на этихъ татаръ.—Партія Донскихъ казаковъ изъ 500 челов. идетъ на Куму въ соединеніе съ царскими воеводами противъ Казыевыхъ татаръ.—Новое жалованье войску.—Поиски казаковъ по Каспійскому морю.—Морскіе поиски Донскихъ казаковъ.—Сношенія по сему случаю о казакахъ между портою и Россійскимъ дворомъ.—Султанъ укрѣпляетъ Азовъ и посылаетъ къ оному на казаковъ сильное войско.—Большой Ногай отлагается отъ Россіи.—Поиски казаковъ надъ ногайцами и крымцами.—Султанъ посылаетъ помощь азовцамъ.—Казаки отправляютъ на море сильную партію.—Они намѣриваются осадить Азовъ.—Казаки возобновляютъ переговоры съ ногайцами о перекочеваніи на прежнія мѣста къ Астрахани.—Междуусобіе въ ногайскихъ улусахъ.—Походъ казаковъ вмѣстѣ съ мурзами Малаго Ногая на улусы Большаго Ногая.—Мурзы Большаго Ногая даютъ присягу въ вѣрности Россійскому государю.—Нарушаютъ присягу и съ улусами своими уходятъ въ Крымъ.

Опала царская на казаковъ. Заключеніе

талось трапезонскаго кадыя дочь, а съ нею 80 челов. полону, и они де тотъ полонъ промѣняли Запорожскому татарину Нураю, взяли де за него 80 коней лудчихъ, и пошли де они на Донъ и царевичъ де послалъ за ними погону 300 челов. татаръ. И трапезонтской де кадый со многими людьми били челомъ турскому царю, что де онъ съ московскимъ царемъ и съ литовскимъ въ дружбѣ, а Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы приходятъ войною, животы и полонъ многой емлютъ, и турской де царь въ Бѣлгородъ къ Муртазѣ паше, да къ Каптемирю князю Дивееву (прислалъ) грамоту недѣль съ шесть, а велѣлъ де имъ со всѣми ратными людьми къ зимнему пути готовитца на литовскаго короля землю."

Зимовой станицы. Снова возникли жалобы на казаковъ: султанъ и ханъ болѣе прежняго угрожали царю московскому за разоренія нанесенныя казаками подданнымъ ихъ, притѣсняли посланниковъ нашихъ въ Константинополѣ, Кафѣ, Бакчи-Сараѣ, Керчи и Азовѣ и подвергали ихъ неимовѣрнымъ ругательствамъ и жестокостямъ. Разгнѣванный царь наложилъ на казаковъ грозную опалу: присланныхъ въ Москву съ Дону въ зимовой станицѣ съ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ 70 казаковъ велѣлъ разослать въ темницы по разнымъ городамъ; а на Донъ въ войско послалъ знатнаго сановника своего Ивана Карамышева, поручивъ ему проводить до Азова турецкаго посла Ѳому Контакузина и своихъословъ Андрея Савина и дьяка Михайлу Олфимова, отправленныхъ къ султану, и стараться вразумить атамановъ и казаковъ, вручивъ имъ опальную грамоту, заключавшую и клятву патріаршую и отлученіе всего войска отъ православныя церкви. Атаманы и казаки 28 августа 1630 года встрѣтили ословъ, приняли отъ Карамышева грамоту и велѣли пѣть благодарственный молебенъ за здравіе государя и патріарха, въ знакъ всеподданнической покорности, не взирая на то, что сею грамотою налагалась на нихъ *государева грозная опала.*

Царское повелѣніе идти съ турецкимъ войскомъ на Польшу Государь требовалъ, чтобы все войско соединясь съ турецкими пашами Муртозою и Абазою, шли всевать земли польскаго короля; но казаки рѣшительно отъ того отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что не было доселѣ примѣра, чтобы они съ врагами христіанства служили за одно, и что слава и честь за ихъ службу отнесется не къ нимъ, но къ врагамъ ихъ мусульманамъ. Карамышевъ, вѣроятно, убѣждалъ казаковъ непротивиться велѣніямъ монарха; но когда увидѣлъ, что мѣрами кротости нельзя преклонить ихъ къ покорности, сталъ угрожать казнію смертною, говоря, что онъ будетъ ихъ вѣшать, сажать въ воду и бить кнутьями, а имущество и жилища ихъ жечь.—Казаки про-

сили Карамышева показать имъ наказъ или грамоту, или иное что, которое бы доказывало, что столь не ограниченная власть дана ему отъ государя, обѣщаясь быть безмолвными и покорными волѣ царевой, въ чемъ бы оная ни состола, но Карамышевъ въ томъ отказалъ имъ. Между тѣмъ казаки развѣдали, что онъ имѣлъ сношенія съ крымцами и ногайцами будто бы для того, дабы съ помощію сихъ непримиримыхъ ихъ враговъ показать на опытѣ то, чѣмъ прежде угрожалъ имъ.

Умерщвленіе Карамышева. Это до того раздражило казаковъ, что отважные изъ нихъ рѣшились умертвить Карамышева: схватили его, били, обезглавили и тѣло бросили въ воду; имущество же Карамышева и государеву казну, порохъ и свинецъ и прочее отдали посланникамъ Савину и Игнатьеву по описи.

Легкая станица съ повинною отпискою къ государю. Свершивъ это злодѣяніе пожилые казаки живо почувствовали всю важность преступленія и приговорили послать въ Москву легкую станицу съ повинною и просить у государя прощенія въ винахъ своихъ. Благоразумный совѣтъ этотъ былъ принятъ единодушно: написали отписку, изложили въ ней несчастное происшествіе во всей подробности и причины къ такому преступленію ихъ побудившія, а усердную службу свою изъяснили такъ: *мы, государь, не отступники, неизмѣнники и нелакомцы: служимъ тебѣ государю вѣрно. . . . . Государь! Если мы тебѣ и всей землѣ Русской ненадобны,—не воспротивимся—Донъ рѣку отъ низу и до верху и рѣки запольныя, отъ самыхъ украинныхъ городовъ, крымцамъ и ногайцамъ очистимъ и съ Дону—если укажешь—сойдемъ.*

Ни кто не хотѣлъ ѣхать въ Москву съ этою отпискою. Наконецъ едва нашлись двое отважнѣйшихъ казаковъ, именно Денисъ Парфеновъ и Кирей Степановъ ([242]).

([242]) Дѣла турецкія, 1630 г., № 5, повинная отписка Донскихъ

Поиски казаковъ по Каспійскому морю. По отправленіи этой легкой станицы съ повинною, ужасъ казаковъ 6 октября 1630 года.

. . . . . .

„въ грамотѣ твоей государевой написана къ намъ холопемъ твоимъ, твоя государева грозная опала смертною казнью, а достальнымъ намъ холопемъ твоимъ, по твоей государевѣ грамотѣ, велѣно итти на твоего государева недруга на польскаго короля землю, съ турскими пашами съ Муртузою да съ Абазою вмѣстѣ, а нынѣ де тѣ паши съ турскими людьми стоять на Узѣ. И мы, государь, отъ Божьей милости не отступники, а тобѣ, государь, твоему царскому величеству неизмѣнники и нелакомцы, служимъ тебѣ государю съ травы да съ воды, и къ твоему государеву величеству языки и всякими вѣстьми обсылаемся, и твоихъ государевыхъ пословъ встрѣчаемъ и провожаемъ въ турскую землю и тебѣ государю назадъ къ Москвѣ, и турскаго посла для твоего государева дѣла встрѣчаемъ и провожаемъ, и во всемъ себя въ твою царскую милость отдаваемъ, и истинную православную крестьянскую вѣру по преданію Святыхъ апостолъ, въ которой предкове наши православные крестьяне и мы холопи твои породались и возрасли, помнимъ и крѣпко держимъ и впредь хотимъ за нее противъ твоего государева всякаго недруга стояти крѣпко и неподвижно до конца живота своего, за тебя государя умираемъ, вся лубимая свѣта сего отставя и тѣлеса свои презрѣвъ, и на всѣ твои государевы недруги и непріятели побѣды и одоленія желаемъ, а николи, государь, во крестьянствѣ кроворазлитія, какъ прежде сего, и такъ и нынѣ, не хотимъ и не желаемъ, и сами холопи твои мы, прирожденные православные крестьяне, мимо своей крестьянской вѣры и мимо твоего Россійскаго московскаго государства въ бусурманскую землю турскимъ пашамъ на помощь, на литовскую землю идти не хотимъ, потому что наша истинная православная крестьянская вѣра турчанамъ непріятна, давно они хотятъ нашу крестьянскую вѣру попрати и разорить, а свою бусурманскую вѣру утвердить, и насъ холопей твоихъ православныхъ крестьянъ въ свою проклятую въ богоненавистную въ бусурманскую вѣру ласкосердствомъ и мучительствомъ привести; а другая статья, мы тебѣ государю послужимъ съ турскими людьми подъ Литвою, хотя и поисканье учинимъ, а слава будетъ турскаго Муратъ салтана и турскихъ людей, а не твоя, государева, и не насъ холопей твоихъ служба прославится, за то намъ холопемъ твоимъ къ турскимъ людемъ мимо твоего царскаго величества на службу не хаживать. Въ прежнія, государь, лѣта блаженныя памяти ни при которыхъ бывшихъ царехъ, мы Донскіе атаманы и казаки Муратъ салтанамъ не служивали и чрезъ турскую землю не хаживали, а бывали на многихъ службахъ, при

овладѣлъ духомъ казаковъ, они съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія изъ Москвы своихъ посланцовъ

бывшихъ государехъ, посланы съ Москвы съ русскими людьми и съ бояры и воеводы; а нынѣ, государь, по тому жъ мы того сердечно радѣемъ и промышляемъ, чтобъ твое великое московское государство твоимъ государскимъ осмотрѣньемъ и промышленьемъ и защищеньемъ было въ покоѣ и тишинѣ, а намъ бы холопемъ твоимъ тебѣ государю служить посланнымъ съ Москвы противу твоего государева всякаго недруга, за тебя государя стоять и умирать безо всякія шатости по прежнему; а въ нынѣшнемъ, государь, во 139 году сентября въ 18 день, по твоему государеву указу, мы для твоего государева посольскаго дѣла, во всемъ на себя поступал, съ азовскими людьми помирились и твоихъ государевыхъ пословъ Андрея Савина да дьяка Михаила Алфимова и турскаго Муратъ салтанова посла Тому до Азова проводили, а въ Азовъ отдали по прежнему честно сентября въ 22 день; да въ прошломъ же, государь, во 138 году августа въ 27 день, съ твоими государевыми послы по твоему государеву указу въ провожатыхъ присланъ Иванъ Карамышевъ къ намъ на Донъ въ Войско, и пріѣхавъ тотъ Иванъ Карамышевъ насъ холопей твоихъ, хотѣлъ казнить казнью смертною, вѣшать и въ воду сажать и кнутьями достальныхъ бить, и мы холопи твоего государева указу и грамоты у Ивана Карамышева не поединожды спрашивали и почему ему насъ вѣшать и кнутомъ бить и въ воду сажать, и тотъ Иванъ Карамышевъ ту рѣчь намъ сказалъ, что нету де у меня государевой грамоты, ни наказу, ни какого твоего государева указу намъ не сказалъ, а насъ холопей твоихъ своимъ злохитрствомъ и умышленьемъ безъ винной вины хотѣлъ казнить, вѣшать и въ воду сажать и кнутьями • бить и ножами рѣзать, а сверхъ того Иванъ Карамышевъ учалъ съ крымскими и съ ногайскими людьми ссылаться, чтобъ насъ холопей твоихъ всѣхъ побить и до конца погубить и раззорить и искоренить, и городки наши безъ остатку пожечь, чтобъ наша Донскихъ атамановъ и казаковъ, холопей твоихъ, на Дону и по заполью вездѣ имя казачье неименовалось, и мало, за грѣхи наши, попущеніемъ Божіимъ, а дѣйствомъ діаволимъ, того своего злоумысла—не совѣршилъ было, но благій, всещедрый, человѣколюбивый и въ тройцѣ славимый Богъ нашъ неостави достоянія своего до конца, и молитву и смиреніе рабъ своихъ услыша, и къ тебѣ государю правую нашу службу видѣвъ, пророченную пророкомъ „посещу жезломъ беззаконія и ранами неправды ихъ, милость же свою не отъиму отъ нихъ.“ И помиловал Богъ насъ грѣшныхъ, объявилъ намъ Христосъ то злоумышленье Ивана Карамышева, что онъ безъ твоего государева указу, насъ холопей твоихъ умыслилъ всѣхъ на Дону низовыхъ и верховыхъ побить и городки наши пожечь, и мы холопи твои, ви-

и на время прекратили набѣги на азовцевъ и крымцевъ. Наступила весна 1631 года, а на Донъ не возвращались

дя его Иваново надъ собою злоухищренье, отъ горести душъ своихъ, за его великую неправду, того Ивана Корамышева обезглавили; а если бы тотъ Иванъ Корамышевъ объявилъ намъ твою государеву грамоту или наказъ, или сказалъ намъ твой государевъ имянной о нашемъ безглавіи ему приказъ, и мы твоему государеву указу несильники, и чтобъ намъ по твоему государеву нечинилъ будучи на Дону: какъ противу солнца зрѣть нельзя, такъ противу тебя великаго государя намъ холопемъ твоимъ безстрашнымъ быть нельзя. Ты, государь, воленъ въ головахъ нашихъ, кого ты невелишъ послать съ своимъ государевымъ указомъ, что государь укажешъ ты, мы холопи тому повинны, а безъ твоего, государь, указу Ивану Корамышеву насъ холопей твоихъ всякою казнью казнить было незачто, потому, что мы спрашивали про твой государевъ указъ, и тотъ Иванъ неединыя строки намъ твоего государева указу, неединаго слова твоего государева приказу намъ холопемъ твоимъ несказалъ; а хотѣлъ насъ всѣхъ на голову безъ твоего государева указу побивать. И будетъ, государь, мы тебѣ на Дону рѣкѣ негодны и великому твоему государеву Россійскому Московскому государству непріятны, за то что мы на море ходимъ, и на крымскіе и ногайскіе улусы ходили, и намъ холопемъ твоимъ такъ неходить и питаться нечѣмъ, твоимъ государевымъ жалованьемъ денежнымъ и порохомъ и сукны и хлѣбными запасы не пожалованы ничѣмъ, наги и босы и голодны,— потому, государь, на море ходимъ и крымскіе и ногайскіе улусы громимъ, отчаявъ своего живота на семъ свѣтѣ, забывъ свои головы, что и службами своими у тебя государя невыслужили Божіей милости, твоего государскаго жалованья, которые наши Донскіе атаманы и казаки Наумъ Васильевъ, съ нимъ 70 человѣкъ, посланы отъ насъ отъ Войска къ тебѣ государю пословъ провожать къ Москвѣ, и тѣ всѣ погородомъ разсожаны и показнены, а иные перекованы, пометаны въ заключенье, помираютъ голодною смертью, то мы у тебя государя дослужились, что и съ твоею государевою службою къ тебѣ государю впередъ выходить невозможно, а будетъ мы тебѣ государю и всей землѣ ненадобны, и мы тебѣ государю не сопротивники: Донъ рѣку отъ низу и до верху, и рѣки запольныя всѣ тебѣ государю до самыхъ украинныхъ городовъ крымскимъ и ногайскимъ людемъ распространимъ, все очистимъ, съ Дону съ рѣки и со всѣхъ запольныхъ рѣкъ всѣ, холопи твои, сойдемъ, по твоему государеву указу, и о томъ, государь, намъ холопемъ твоимъ какъ укажешъ; а что, государь, съ Иваномъ Корамышевымъ твоей государевой казны было пороховой и свинцовой и всякой, къ той мы ни къ чему и близко неприближались и къ Ивану животу ни къ какому неприкасались,

Парфеновъ и Степановъ, и казаки не знали какъ принята ихъ повинная отписка. Царь наложилъ на казаковъ опалу, прекратилъ съ ними всякое сношеніе. Въ этомъ положеніи благоразумные изъ казаковъ ожидая, что государь и святѣйшій патріархъ, какъ человѣколюбивые отцы, простятъ вину и по прежнему станутъ къ нимъ милостивы, совѣтовали прекратить набѣги на азовцевъ и крымцевъ. Но дерзновенные роптали, не хотѣли оставаться въ бездѣйствіи, возмущали молодыхъ казаковъ обратиться къ обычнымъ морскимъ поискамъ; и такъ вмѣстѣ съ наступленіемъ весны болѣе тысячи казаковъ и запорожскихъ черкасъ, пристали къ этимъ возмутителямъ, однакожъ боясь раздражить еще болѣе гнѣвнаго царя не хотѣли уже идти на Азовское море, а обратились на Волгу: перешедъ Донъ пошли къ устьямъ Волги, соединились тамъ съ 250 яицкими казаками, разграбили учуги и рыбныя ловли; потомъ вышли въ Каспійское море и громили персидскія купеческія суда. Воеводы астраханскіе посылали на нихъ стрѣльцовъ неоднократно, но тѣ возвращались безъ всякаго успѣха(243).

при послахъ Ивану безглавіе учинилось самому отъ своего умышленья, а не отъ насъ холопей твоихъ, и твои государевы послы Андрей Савинъ да дьякъ Михайла Игнатьевъ твою государеву казну, что была съ Иваномъ Корамышевымъ, и его Ивановъ всякой животъ взяли себѣ на руки, все переписали; а съ сею отпискою къ тебѣ, государь, къ Москвѣ на великую силу послали неволею отъ себя съ Дону отъ Войска двухъ молодцовъ Донскихъ казаковъ Дениса Парфенова, Кирея Степанова, октября въ 6 день.

(243) Дѣла ногайскія, отписка въ Посольскій приказъ астраханскихъ воеводъ Куракина, Коробина, Подлѣсова и Бормасова, 1631 года.

„Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи, холопи твои Ѳедька Куракинъ, Ивашко Коробинъ, Андрюшка Подлѣсовъ, Тишка Бормасовъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 139 году въ великой постъ и на святой недѣли, перешли съ Дону на Волгу воровъ *Донскихъ казаковъ и черкасъ* человѣкъ съ тысячу и больше, а шли, государь, межъ Чернаго яру и Царицына, а иные шли межъ Астороханя и Чернаго яру, да *съ Яика*, государь, перешли на Волгу-жъ воровскихъ казаковъ 250 челов и приходятъ по учугамъ и по рыбнымъ лов-

Другая партія Донскихъ казаковъ присоединяется къ запорожцамъ и участвуетъ съ ними въ раззореніи Козлова и опустошеніи улусовъ крымскихъ между Инкерманомъ и Балаклавою. Между тѣмъ другая партія Донцовъ изъ 200 челов. пошла въ запороги, и узнавъ тамъ, что черкасы готовили струги къ отплытію въ море, изъявила желаніе раздѣлять съ ними опасности и добычу; это желаніе было принято съ радостію и чрезъ нѣсколько дней Донцы вмѣстѣ съ запорожцами въ числѣ 1500 челов. отправились къ берегамъ Таврическимъ въ намѣреніи раззорить Козловъ.

лямъ и на учугехъ учужныхъ промышленниковъ и плавщиковъ и дровянниковъ грабятъ и татаръ, которые работаютъ на учугехъ, побиваютъ, и учуги хотятъ жечь, и мы холопи твои по учугомъ и по рыбнымъ ловлямъ и по протокамъ и въ морскіе косы, для поиску воровскихъ казаковъ, посылали головъ стрѣлецкихъ съ приказы и сотниковъ и неодиново, и головы, государь, стрѣлецкіе и сотники, пріѣхавъ изъ посылокъ, намъ холопемъ твоимъ сказываютъ, что онѣ воровскихъ казаковъ ненайдуть нигдѣ, потому что воры казаки ходятъ отъ нихъ по протокамъ и въ морскихъ косахъ укрываясь, а утеклецы, государь, которые отъ казаковъ приходятъ въ Астороханъ, въ распросѣ намъ холопемъ твоимъ сказываютъ: а слышали они отъ казаковъ, что казаки хотятъ итти на море на Шаховы городы войною, которые сидятъ близко мори и на море хотятъ громить Казыльбажскіе бусы, которые пойдуть въ Астороханъ съ товары; а маія, государь, въ 21 день пріѣхали въ Астороханъ отъ рыбныхъ ловель съ белуж[illegible] ильменя рыбные ловцы Олешка Степановъ съ товарищи 3 человѣка, а въ распросѣ намъ холопемъ твоимъ сказали, что межъ Астороханы и Яика, отъ Астороханы въ трехъ днищахъ, принесло моремъ двѣ бусы Гилянскіе съ товары и на тѣ, государь, бусы приходили воры казаки и бузы взяли и пошли моремъ къ яицкому устью, да маія же, государь въ 22 день пріѣхалъ въ Астороханъ съ моря Тезикъ громленный Мпръ магометъ Миркетесейтовъ, а въ распросѣ намъ холопемъ твоимъ сказалъ, что онъ ѣхалъ изъ заморя въ Астороханъ на бусѣ съ товаромъ и какъ де, государь, будетъ межъ Тврка изъ Астороханы на половинѣ противъ урочища Иванова Караула и на его де, государь, бусу пришли моремъ воровскіе казаки многіе, и его ранили и бусу взяли и выграбя товары отпустили въ Астороханъ на той же бусѣ."

(Окончанія нѣтъ).

Въ исходѣ іюля мѣсяца эта партія появляется въ Таврическомъ проливѣ и неподалеку отъ Керчи громитъ улусы татарскіе. Ханъ крымскій извѣстясь отъ взятыхъ тамъ въ плѣнъ двухъ человѣкъ запорожцевъ и Донскихъ казаковъ о ихъ намѣреніи, немедленно посылаетъ изъ Бакчи-Сарая на защиту Козлова 400 челов. своего охраннаго войска, повелѣвъ сверхъ того собрать всѣхъ ближайшихъ улусныхъ татаръ, оставшихся отъ похода на россійскія украины. Въ полдень 8 августа запорожцы приплыли къ Козлову, вышли на берегъ, сдѣлали рѣшительный къ оному приступъ; овладѣли большею частію города. Татары присланные ханомъ для защиты этого города, бывъ несравненно въ меньшихъ силахъ и немогши противиться запорожцамъ, засѣли въ маломъ городѣ. Запорожцы разграбивъ домы, лавки и погреба, а остальное истребивши огнемъ и мечемъ, сѣли опять на струги; пристали къ г. Сары-Керменю (Инкерману) и вышедши опять на сушу опустошили татарскіе улусы въ 10 и въ 15 верстахъ находившіеся.

Разбитіе запорожцами татаръ, подъ предводительствомъ самого крымскаго хана. Джанбекъ Гирей, извѣстясь о раззореніи Козлова, велѣлъ 12 августа приближеннымъ къ себѣ Маметшѣ и Канту агамъ, какъ можно поспѣшнее собрать людей изъ ближайшихъ улусовъ ногайскихъ и крымскихъ и идти на запорожцевъ наступательно. Царедворцы эти едва могли собрать около 500 челов. улусныхъ татаръ, сошлись съ царемъ, у коего было 300 челов. лучшихъ татаръ и двѣ пушки. Казаки опустошивъ нѣсколько улусовъ близъ города Мангута, шли тогда къ Инкерману. Джанбекъ Гирей, встрѣтивъ ихъ на этомъ пути 16 августа, велѣлъ агамъ Маматше и Канту ударить на нихъ, а самъ только съ 30 тѣлохранителями своими остался въ 3 верстахъ, Сперва татары напали на запорожцевъ съ ожесточеніемъ, но казаки выдержавъ первое нападеніе, стремительно ударили на татаръ, обратили ихъ въ бѣгство и взяли обѣ пушки. Въ этомъ бою убиты ближній царевъ Ка-

зы-ага и множество татаръ, а ранены Кантъ-ага и многіе паредворцы. Царь бывши очивидцемъ пораженія татаръ, бѣжалъ въ Бакчи-Сарай.

Запорожцы опустошаютъ жидовскія и греческія поселенія въ 12 верстахъ отъ Бакчи-Сарая. Ободренные этимъ запорожцы и Донскіе казаки, 18 августа пошли къ Бакчи-Сараю: въ 12 верстахъ отъ онаго раззорили жидовскія и греческія селенія и такой произвели страхъ, что не только жители изъ жидовскаго города, но и царь съ женами, дѣтьми и вельможами своими изъ Бакчи-Сарая ушелъ въ степь. Наконецъ августа 20 запорожцы, раззоривъ Инкерманъ, поплыли въ запороги съ добычею и плѣномъ (244).

(244). Дѣла крымскія въ столбц. 1631 г., № 9, изъ стат. списка Россійск. послан. Соковнина и Голосова.

„Августа въ 8 день, Запорожскіе черкасы пришли къ Козлову, въ полдни и почали къ Козлову приступать жестокимъ обычаемъ и въ Козловѣ де большой городъ взяли, а козловскіе люди, которые отъ царя присланы Семени и Тюфякчеи, запершись въ маломъ городкѣ и черкасы де, пограбя лавки и подворамъ выграбя лавки и дворы пожгли, безъ остатка и пошли на море и стали, пристали къ берегу подъ Сарый Керменемъ межъ Козлева и Балыкны и почали воевать крымскіе улусы, отходя отъ моря верстъ по 10 и по 15."

„Августа въ 12 день, прислалъ Джанбекъ Гирей царь ближнихъ своихъ людей Маметку-агу да Кантакъ-агу и иныхъ ближнихъ людей, и велѣлъ имъ въ улусехъ собрать крымскихъ и ногайскихъ людей, которые не пошли въ войну, и велѣлъ имъ приходить на запорожскихъ черкасъ и отпустя ближнихъ людей, и самъ царь пошелъ изъ Бакчи-Сарай на запорожскихъ черкасъ со всѣми своими дворовыми людьми, а дворовыхъ де его людей собралось съ нимъ всего съ 300 человѣкъ, и ближніе де его люди Маметша-ага и Кантъ-ага, собрався съ крымскими съ улусными людьми пришли къ нему-жъ царю подъ городокъ подъ Манчупъ, а всего де съ ними съ Маметшою-агою и съ Кантъ-агою собралось татаръ съ 500 человѣкъ.

„Августа въ 16 день воевали запорожскіе черкасы крымскіе улусы, и пришли отъ городка отъ Манчупа версты за три, гдѣ царь стоитъ и Джанбекъ Гирей царь послалъ на нихъ всѣхъ своихъ ближнихъ людей Маметшу-агу и Кантъ-агу и дворецково своево и конюшева, и стрелецково голову Шахеварь-агу и всѣхъ

Казаки извѣщаютъ воеводъ царскихъ о намѣреніяхъ крымцевъ и азовцевъ. Впрочемъ опальные казаки не преставали быть полезными Россіи. Они развѣдывали о тайныхъ замыслахъ азовцевъ и крымцевъ и

своихъ ближнихъ и дворовыхъ людей, и улусныхъ татаръ, которые съ ними собрались, а съ царемъ де осталось всего человѣкъ съ 30 и былъ де у татаръ съ запорожскими черкасы бой жестокой, застали де татаровя черкасъ отъ моря и пришли на нихъ жестокимъ обычаемъ, и на томъ де бою запорожскіе черкасы многихъ крымскихъ людей побили и перераниля, и ранили царева ближнево человѣка Кантъ-агу, да убили царева дворецкова Казы-агу и многихъ де царевыхъ ближнихъ людей побили и перераниля; да съ царемъ же привезено было изъ Бакчи-Сарая двѣ пушки и тѣ де пушки черкасы у нихъ отбили и Маметши-аги черкасы у нихъ немного не взяли сбили де ево Маметшя-агу съ лошади, и Джанбекъ Гирей царь отъ нихъ неустоялъ, отшелъ со всѣми людьми въ Бакчи-Сарай.

„Августа въ 18 день, пришли Запорожскіе Черкасы отъ Бакчи-Сарай верстъ за 12 на жидовскіе де и на Греческіе Белбеки и въ Бакчи-Сараяхъ учинился великій вспологъ, царь и съ царицами и совсѣми ближними людьми побѣжалъ изъ Бакчи-Сараи въ степь изъ жидовскаго городка жиды и съ женами и съ дѣтьми побѣжали было вонъ, а остались навѣстяхъ жиды немногіе люди.

. . . . . .

Истояли тѣ Запорожскіе Черкасы въ Сарый Кермени Августа съ 8 числа Августа жъ по 20 число и Крымскіе улусы воевали, да тутъ же взяли городокъ Инкермень.“

„Августа въ 22 день, пріѣхалъ изъ царягорода отъ турскаго Муратъ султана въ Крымъ къ Джанбекъ Гирѣю царю Чеушъ-Мустафа, а прислано съ нимъ отъ турскаго Муратъ салтана къ Джанбекъ Гирею царю кафтанъ да сабля, да повелѣнье де ево Муратъ салтаново, что велѣно Джанбекъ Гирѣю царю со всѣми крымскими и съ ногайскими людьми итти на польскаго короля; а тотъ де Чеушъ мустафа Джанбекъ Гирѣй царь почесть ему учинилъ великую и по вся дни ко царю пріѣзжалъ и Джанбекъ Гирей ему Чеушу говорилъ, что у него Джанбекъ Гирѣя царя съ великимъ Московскимъ государемъ было братство и дружба и ссылка и государь де съ нимъ царемъ ссылки урвалъ и неприсылаетъ де къ нему пословъ и казны третій годъ; а онъ де Джанбекъ Гирей царь къ царскому величеству пословъ отъ себя и гонцовъ отпускалъ, и царское де величество его Джанбекъ Гиреевыхъ царевыхъ пословъ на Москвѣ засадилъ и ему Джанбекъ Гирею ни очемъ вѣдома неучинилъ и прислалъ де царское величество на ево крымскіе улусы Донскихъ казаковъ и Донскіе де ка-

извѣщали о томъ воеводъ царскихъ, а эти доносили царю. Такъ, въ началѣ 1632 года казаки Войсковою отпискою предварили царицынскаго воеводу боярина князя Мещерскаго о перемѣнѣ крымскаго царя, о походѣ крымцевъ на Россію, о состояніи россійскаго посланника Соковнина при дворѣ крымскомъ, о желаніи запорожскихъ казаковъ отдаться подъ покровительство Россіи и наконецъ о намѣреніи Шангирея съ азовцами согнать ихъ (Донскихъ казаковъ) съ Дону(245).

Разореніе Донскими казаками и запорожскими черкасами Синопа (въ 1632 г.). Успѣхъ и добычи, пріобретенныя Донскими казаками и запорожцами въ этомъ походѣ произвели и удругихъ желаніе послѣдовать имъ. Лѣтомъ слѣдующаго года отправились съ Дону въ запороги около 100 человѣкъ казаковъ подъ начальствомъ

заки взяли у него городъ *Козловъ* да городъ *Инкермень* и улусы крымскіе развоевали, а астраханскіе де татаровя безпрестанно у крымскаго урта лошадей отгоняютъ и татаръ побиваютъ и крымской юртъ разворяютъ, и онъ Джанбекъ Гирей царь послалъ за то на государевы украйны сына своего Нурадына Мубырекъ Гирея царевича съ крымскими и съ ногайскими людьми войною."

(245) Дѣла крымскія въ столбц. 1632 г., № 13, см. отписку въ посол. прик. царицынск. воеводы боярина князя Никифорова Мещерскаго. . . . . .

И сотникъ стрѣлецкой Данило Арсеньевъ пріѣхалъ съ Дону на царицынъ, мнѣ холопу твоему подалъ отъ казаковъ отписку, а въ отпискѣ ихъ написано: то де имъ атаманомъ и казакомъ вѣдомо, что крымскіе и азовскіе и малаго ногаю люди подымаются на русскіе твои государевы городы, а иные и пошли, а про запорожскихъ людей вѣсти нечего мнѣ холопу твоему не писали потому, что де имъ отъ запорожскихъ людей вѣстей и слуху никакова небывало; а что, государь, сотникъ Данила Арсеньевъ и стрѣльцы мнѣ холопу твоему на царицынѣ про казачьи вѣсти въ расспросѣ.

„А нынѣ де изъ Крыму вышли на степи многіе люди, а ожидаютъ весны и тово какъ будетъ у государевыхъ людей бой съ литовскими людьми, и имъ де приходили въ ту пору на государевы украинные городы войною.

..... А турской де царь присылалъ къ нему Шингирею, чтобъ онъ къ нему ѣхалъ въ царь городъ и прислалъ къ нему въ дарѣхъ 40 дѣвокъ и сказалъ онъ ему, тогды онъ къ нему будетъ и вину свою принесетъ, какъ Донъ очистить."

Донскаго атамана Павлина; и вмѣстѣ съ Запорожцами ходили на море, разорили городъ Синопъ и съ плѣнными возвратились въ Запороги; одна часть съ атаманомъ Павлинымъ осталась тутъ зимовать, а другая уже глубокою осенью пришла на Донъ(246).

Впрочемъ своеволіе нѣкоторыхъ казаковъ участвовавшихъ въ это время въ поискахъ морскихъ съ Запорожцами, не должно относить ко всему войску, ибо въ послѣдніе два года Донскіе казаки, находясь подъ гнѣвомъ государя уже неосмѣливались явно ходить для поисковъ по морямъ Азовскому и Черному. Такое бездѣйствіе Донскихъ казаковъ противъ враговъ ихъ продолжалось до 1635 года.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ освобождаетъ станицу изъ заточенія, посылаетъ войску Донскому милостивую грамоту и жалованье. Два года Донскіе казаки носили на себѣ гнѣвъ царскій и проклятіе патріарха. Наконецъ въ исходѣ 1632 года или въ началѣ 1633 г. (ибо достовѣрнаго о семъ свидѣтельства нѣтъ) царь Михаилъ Ѳедоровичъ простилъ ихъ вины и содержав-

(246) Тѣхъ же Крымскихъ дѣлъ въ столбц. 1632 г., № 11, отписка бывшихъ въ Волуйк. окольничаго князя Семена Прозоровскаго и дьяка Ѳедора Степанова.

„Да ноября, государь, въ 19 день, пріѣхалъ на Волуйку съ Донца изъ Святыхъ горъ чернецъ Александро, а къ распросѣ намъ холопемъ твоимъ сказалъ: сее де осени ноября въ 13 день были у нихъ въ Святогорскомъ монастырѣ Донскихъ казаковъ человѣкъ съ 60, а ѣхали отъ черкасъ изъ Запорогъ телѣгами, и отъ Святыхъ де горъ поѣхали казаковъ на Донъ 20 человѣкъ на лошедехъ верхи, а 40 человѣкъ сѣли подъ Святыми горами въ дву бударахъ, а будары отняли у нихъ монастырскіе; а везуть де съ собою тѣ казаки полонъ дѣвокъ и робятъ татарченковъ; а говорили де межъ себя казаки, что онѣ сего лѣта ходили съ запорожскими черкасы въ войну и воевали городъ *Синопъ*, а атаманъ де съ ними былъ Донской казакъ Павлинъ и нынѣ де тотъ ихъ атаманъ съ достальными казаками остался зимовать у черкасъ въ Запорогѣхъ, а сколько съ нимъ осталося казаковъ про то, де, государь, онѣ подлинно отъ казаковъ не слыхали именно, а турскаго-ли или крымскаго городъ *Синопъ*, про то, государь, онѣ отъ казаковъ не слыхали.“

шихся въ заточеніи казаковъ въ Москвѣ и другихъ городахъ повелѣлъ освободить, указалъ дать имъ жалованье и послать на службу съ боярами и воеводами подъ Смоленскъ, а на Донъ послалъ милостивую грамоту и жалованье(247).

---

(247) Дѣла Донск., въ столбц. грамота на Донъ 15 апрѣля 1633 г. „Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Ивану Каторжному и всему Донскому войску. Писали есте къ намъ и къ отцу нашему къ великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Руссіи, съ атаманомъ съ Ѳедоромъ Васильевымъ съ товарищи, что въ нынѣшнемъ 141 году писано къ вамъ въ нашей грамотѣ; а велѣно вамъ приходити на крымскихъ и на казыевскихъ татаръ, которые приходятъ войною на наши украйны и надъ ними велѣно вамъ промышляти на походѣ и на перелазѣхъ и на перевозѣхъ, чтобъ надъ ними поискъ учинити, и языковъ добыть, и русской бы полонъ у нихъ отгромити гдѣ мочно, а которые атаманы и казаки съ Дону пришли къ Москвѣ съ княземъ Иваномъ Дашковымъ, а которые казаки были въ нашей опалѣ, и тѣ всѣ взяты къ Москвѣ, и наши государскіе очи видѣли и у отца нашего у великаго государя святѣйшаго патріарха у благословенія были, и нашимъ государскимъ жалованьемъ пожалованы, и посланы на нашу службу подъ Смоленскъ съ бояры нашими и воеводы; а съ тою нашею грамотою присланъ къ вамъ на Донъ атаманъ Наумъ Васильевъ съ товарищи, и вы тое нашу грамоту выслушали и слыша то, что мы атамановъ и казаковъ, которые были въ нашей опалѣ, пожаловали, тому всемъ войскомъ обрадовались, и нашему царскому и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха жалованью рады; и въ нынѣшнемъ во 141 году февраля въ 22 день вѣдомо вамъ стало, что крымскіе и ногайскіе казыева улуса многіе воинскіе люди идутъ въ Русь на наши украйны войною, и вы слыша тѣ вѣсти, нехотя видѣти православнымъ христіаномъ отъ татаръ плѣненіе, сшедчися вмѣстѣ межъ собою говорили и помня православную христіанскую вѣру и наше къ себѣ жалованье, за тѣми воинскими людьми ходили и сошли татаръ на крымской сторонѣ на рѣкѣ *на Быстрой* и съ ними бились, и Божіею милостію, а нашимъ царскимъ счастьемъ, и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всеа Руссіи молитвою, татаръ побили, и языки поймали, а иныхъ многихъ перерамили, и тѣхъ языковъ распрашивали, а въ распросѣ вамъ сказывали, что идутъ на наши украйны многіе крымскіе и ногайскіе люди, а быти имъ въ украинные наши городы на Святой недѣли или напередъ святыя недѣли; да вы же ходили подъ ногайскіе

Казаки пріемлютъ милостивую грамоту съ радостію. Съ неизъяснимою радостію казаки приняли гра-

---

улусы для языковъ и взяли дву татариновъ и изъ тѣхъ языковъ, которыхъ взяли на крымской сторонѣ и которыхъ взяли подъ ногайскіе улусы, дву человѣкъ прислали къ намъ къ Москвѣ, а многихъ языковъ послати есте ка намъ не смѣли, что путь дальной и проѣздъ тяжолъ. И мы великій государь и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Руссіи, васъ атамановъ и казаковъ за вашу службу, что вы намъ служите надъ татары, которые ходятъ на наши украины войною, промышляете и поискъ чините, похваляемъ и за то васъ учнемъ жаловати нашимъ государскимъ жалованьемъ, и вы бъ атаманы и казаки и впредъ намъ служили и надъ татары, которые пойдутъ въ Русь на наши украйны войною, промышляли и поискъ надъ ними чинили, сколько вамъ Богъ помочи подастъ. А прежъ сего въ прошломъ 135 году писали къ намъ изъ Асторохани боляринъ нашъ и воеводы Петръ Головинъ съ товарищи, что присылалъ къ нимъ въ Асторохань казыевской Касай князь Исламовъ людей своихъ съ грамотою, а писалъ къ нимъ и приказывалъ, что онъ съ братьею своею и съ дѣтьми и съ племянниками и съ улусными людьми отставъ отъ крымскаго царя и учинясь Казыева улуса Уракова и Мамаева родства съ мурзами въ недружбѣ, учинялись подъ нашею царскою высокою рукою въ холопствѣ; а послѣ того прислалъ въ Асторохань сына своего Наврусъ мурзу и улусныхъ лутчихъ людей, и сынъ его Наврусъ мурза за отца своего и за братью и за себя и за улусныхъ людей въ Асторохани намъ правду далъ, шерть учинилъ, что имъ быти подъ нашею царскою рукою въ прямомъ холопствѣ на вѣки неотступнымъ, и на наши украйны самимъ войною не ходити и воинскихъ людей не посылати и аманаты на томъ въ Асторохани дали, и отпущенъ Наврусъ мурза изъ Асторохани къ отцу его и наше жалованье къ отцу его Касаю князю послано. Да подъ нашею жъ рукою учинялись Казыева улусы мурзы Алей мурза Ураковъ, да Вей мурза Мамаевъ, да Алла Гуватъ мурза Азаматовъ и правду намъ дали на томъ же, что имъ быти подъ нашею царскою рукою въ холопствѣ и лиха украйнамъ нашимъ никакова нечинити и аманаты было имъ давать въ Асторохани добрые, изъ братьи своей и изъ дѣтей и изъ племенниковъ, и они Касай князь и мурзы забывъ свою правду и шерть прислали въ Асторохань аманаты худые, которымъ вѣрить немочно и ихъ отступились и не постоявъ въ своей правдѣ нисколько, приходили на наши украйны войною много жда, и убытки украйнамъ нашимъ починили многіе. А въ прошломъ въ 140 году въ августѣ приходили въ наше государство крымскіе и многіе люди, а казыева улуса мурзы и улусные многіе

моту царскую и во свидѣтельство покорности своей, сперва назначивъ знатное число лучшихъ атамановъ и казаковъ от-

---

люди приходили въ наше государство съ ними жъ вмѣстѣ и украины наши воевали и въ полонъ многихъ поимали людей и убытки многіе украйнамъ нашимъ починили. А въ нынѣшнемъ во 141 году писали къ намъ изъ Астороханя воеводы наши Иванъ Салтыковъ съ товарищи, что сказывали имъ въ вѣстехъ дѣти боярскіе и толмачи, которыхъ посылали они въ Ногаи, что въ прошломъ во 140 году ходили въ наше государство казыевскіе мурзы со многими людьми войною вмѣстѣ съ крымскими людьми, и украйны наши воевали и полонъ многой поимали и продавали дешевою цѣною, выбирая молодыхъ, имали за нихъ за человѣка почомѣ прося, а старыхъ сѣкли, что купити ихъ было некому, да и въ зиму де многіе казыевскіе люди татарове зазимовали на степи, а нынѣ де пошли къ нимъ въ прибавку и многіе люди, и хотятъ приходить на наши украйны на веснѣ рано и хотятъ украйны наши воевать и пустошить, да къ нимъ же де приходили Большаго Ногая Канай князь съ братьею и съ племянники и со всѣми ногайскими и съ едисанскими и юртовыми мурзами и говорили имъ, что Касай князь и мурзы казыевскіе въ правдѣ своей нестоятъ, приходятъ на наши украйны войною всегда и въ прошломъ во 140 году сложась съ крымскими людьми, на наши украйны ходили и полонъ имали многой, и впередъ хотятъ тожъ чинить, и только ихъ несмирить и тѣсноты имъ неучинить, и имъ впередъ тожъ дѣлать, а имъ только де мы укажемъ на нихъ послати нашихъ ратныхъ людей и ему Канаю князю съ улусными его людьми велимъ нашихъ идти, и съ ними де будетъ въ сборѣ на казыевскихъ татаръ нашихъ ратныхъ людей Большаго Ногаю и едисановъ, и юртовскихъ татаръ съ 20 т. человѣкъ и больше, и тѣми де они людьми улусы ихъ повоюютъ и раззорятъ, и впредъ они на наши украйны войною ходить нестануть. Да въ нынѣшнемъ де во 141 году отпущенъ отъ насъ съ Москвы турской посолъ Гречанинъ Тома Контакузинъ, да съ нимъ же вмѣстѣ послали есмя къ турскому салтануословъ нашихъ Якова Дашкова да дьяка нашего Матвѣя Сомова, а послы наши съ нашими ратными людьми отпущены на Волуйку, а съ Волуйки до Азова степью, и какъ они пошли съ Волуйки и отошли днища съ два и приходили на нашихъ и на турскихъословъ казыевскіе воинскіе многіе люди и съ ними бились и по одинъ день и отошли отъ нихъ послы наши насилу съ великими убытки. И мы великій государь, видя отъ Касая князя и отъ казыевскихъ мурзъ такіе многіе неправды и грубости, государства нашего украинным городомъ многіе убытки и войну, говорили съ бояры нашими и указали есмя и бояре наши приговорили послати на казыевъ улусъ вой-

правил къ Смоленску въ составъ войскъ приготовленныхъ къ походу въ Литву, а потомъ февраля въ 22 день 1633 г.,

---

ною воеводъ нашихъ князя Василья Туренина, да князя Петра Волконскаго, а ратнымъ людемъ указали есмя съ ними быти и съ Казани и съ понизовыхъ городовъ дѣтемъ боярскимъ и иноземцомъ, которые живуть на корму, да изъ Астрохани дѣтемъ боярскимъ и головамъ стрѣлецкимъ и стрѣльцомъ, да Канаю князю и ногайскимъ и едисанскимъ мурзамъ и табунным головамъ и юртовскимъ татаромъ и едисаномъ, да вамъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, да терскимъ служилымъ людемъ и новокрещеномъ и черкаскимъ и кумыцкимъ княземъ и мурзамъ и уденемъ ихъ и черкасомъ, и терскимъ и гребенскимъ казакомъ, съ головами, и сходитца всѣмъ тѣмъ людемъ и вамъ атаманомъ и казакомъ съ воеводы нашими указали есмя, ссылаяся съ воеводы нашими гдѣ мочно, о томъ воеводамъ нашимъ велѣно на Терекъ и къ вамъ на Донъ писать именно о которую пору и въ которое время и въ которыхъ мѣстахъ вамъ съ нимъ сходитца. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а воеводы наши князь Василей Туренинъ да князь Петръ Волконской къ вамъ отпишуть, чтобъ вы шли на нашу службу на Казыевъ улусъ къ нимъ всходъ, и выбъ атаманы и казаки службу свою къ намъ и радѣніе совершили, отобрався многими людьми, шлибъ естя на нашу службу на Казыевъ улусъ въ сходъ къ воеводамъ нашимъ, не мѣшкая, въ то мѣсто, гдѣ вамъ воеводы наши отпишуть, и надъ казыевскими мурзами промышляли и улусы ихъ раззоряли и улусныхъ людей побивали, и женъ и дѣтей въ полонъ имали, чтобъ вамъ Казыевъ улусъ, за ихъ предъ нами многіе неправды и раззоренья государства нашего, до конца разворить и искоренить, чтобъ имъ неповадно было впередъ воровать, на наши украйны войною приходить, и государство наше опостошить; а будетъ казыевскіе люди будуть въ войнѣ въ нашемъ государствѣ и тогобъ войною изъ Московскаго государства и ихъ поворотить, и вамъ бы атаманомъ и казакомъ однолично къ намъ служба своя показать и итти на Казыевъ улусъ всходъ къ воеводамъ нашимъ немѣшкая, а сойтитца вамъ съ воеводами нашими въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они къ вамъ отпишуть, чтобы однолично Казыевъ улусъ повоевать и разворить, чтобъ отъ нихъ впередъ государству нашему убытковъ небыло. А какъ вы съ воеводы нашими надъ казыевцы поискъ учините, и улусы ихъ раззорите, и мы великій государь за тою службу пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службѣ и радѣнью, а которые изъ васъ атаманы и казаки останутца на Дону во всѣхъ городкѣхъ за казыевскимъ походомъ, и выбъ будучи на Дону намъ служили и нашимъ дѣломъ промышляли, провѣдывали бъ есте на крѣпко про крымскаго царя и про

вѣдѣтясь, что крымскіе и Казыева улуса татары во многомъ-вѣ идутъ на россійскія украйны, послали на татаръ сильную партію, которая догнала ихъ на рѣч. Быстрой, разбила, многихъ положила на мѣстѣ, многихъ ранила и нѣсколько человѣкъ взяла въ плѣнъ; изъ плѣнныхъ этихъ двухъ и кромѣ того двухъ взятыхъ вскорѣ послѣ сего подъ ногайскими улусами, отправили въ Москву съ легкою станицею[248 и 249].

Ногайцы возмущаются противъ Россіи. Плѣнники эти объявили что ногайцы и крымцы въ большихъ силахъ готовятся къ походу на россійскіе украинные города. Это обстоятельство, а болѣе измѣна владѣтеля казыевскихъ улусовъ князя Касая Исламова, нарушившаго присягу на вѣчное подданство россійскимъ государямъ, данную за него въ 1627 году въ Астрахани сыномъ его Навризъ мурзою, а потомъ и прочими мурзами, и разорившаго въ августѣ мѣсяцѣ 1632 г. наши украйны, побудили государя послать подъ предводительствомъ воеводы князя Василія Туренина и князя Петра Волконскаго сильную рать, составивъ оную изъ дѣтей боярскихъ и иноземцовъ въ Казани и другихъ низо-

---

царевичей и про всѣхъ крымскихъ воинскихъ людей, что ихъ умышленье, гдѣ нынѣ царь и царевичи въ Крымѣ ли или гдѣ въ походѣ нынѣ, и неимутъ ли ихъ походу въ наше милостивое государство войско, и будетъ чаять и самъ ли царь и царевичи пойдутъ или кого мурзъ съ воинскими людьми пошлетъ, и выбъ однолично прямую службу свою и радѣнье къ намъ показали, за такіе многіе крымскаго царя неправды къ намъ нашему государству или на тѣ мѣста къ рѣкамъ, и къ ихъ татарскимъ саймамъ, на которыя мѣста чаять походу, и на тѣхъ бы есте мѣстанъ на ихъ саймахъ и на рѣкахъ и на перелазѣхъ, надъ царемъ и надъ воинскими людьми, проси у Бога милости, промышляли съ великимъ радѣньемъ сколько Богъ помочи подасть, чтобъ вамъ службою своею и радѣньемъ крымскаго царя и его воинскихъ людей походу и войнѣ помѣшка учинить; а что у васъ учнетъ дѣлатся и что какихъ вѣстей про царя и про иныхъ какихъ воинскихъ людей вѣдомо будетъ и сколькихъ людей на нашу службу на казыевъ улусъ пошлете, и выбъ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ на скоро. Писанъ на Москвѣ лѣта 1633 года апрѣля въ 15 день.

([248] и [249]) Дѣла Донскія въ столбц. 1633 года. Грамота на Донъ 15. Апрѣля 1633 года, см. примѣчаніе 247.

выхъ городахъ, изъ 20/г. едисанскихъ и ногайскихъ татаръ, черкасъ и кумыковъ преданныхъ россіи, и наконецъ изъ Терскихъ, Гребенскихъ и Донскихъ казаковъ.

Казаки разрываютъ миръ съ азовцами. Между тѣмъ какъ по этому случаю дѣлались надлежащія распоряженія, Донцы проводивъ съ честію изъ юртовъ своихъ ѣхавшихъ въ Царьградъ россійскихъ пословъ Якова Дашкова и Матвѣя Сомова, а съ ними и турецкаго посланника Ѳому Кантакузина, мая 22 разорвали съ азовцами миръ и все вниманіе обратили на татаръ казыевскихъ. Предварительно освѣдомившись, что татары эти кочуютъ по рѣчкѣ Еи, казаки пошли на нихъ, погромили улусы Келмаметъ мурзы, брата Салтанъ Муратова, и мать сына дочерей и сестръ Муратовыхъ съ ихъ ближайшими до 30 человѣкъ и татаръ обоего пола до 700 взяли въ плѣнъ.

Другое нападеніе ихъ на этихъ татаръ. Вскорѣ послѣ того казаки ходили подъ Азовъ, въ отмщеніе за дозволеніе казыевскимъ татарамъ кочевать близъ Азова. Между Донцомъ и Каланчею напали они на этихъ татаръ и многихъ изъ нихъ побили, отняли лошадей и рогатаго скота болѣе 2000 штукъ и до 200 человѣкъ взяли въ плѣнъ([250]).

Партія Донскихъ казаковъ изъ 500 человѣкъ идетъ на Куму въ соединеніе съ царскими воеводами противъ казыевскихъ татаръ. Столь быстрыми нападеніями на татаръ обеспечивъ на нѣкоторое время городки свои отъ азовцевъ и казыевцевъ, казаки по

([250]) Дѣла Турецкія въ столбц. 1633 г., № 5, распросныя рѣчи толмача Михаила Дедякова, ѣздившаго въ Азовъ по государеву дѣлу.

„Казаки при немъ Михаилѣ изъ нижнихъ городковъ ходили подъ Азовъ, на казыевцовъ, которые хотѣли кочевать промежъ Донца и Каланчи, и тѣхъ казыевцовъ пограмили, многихъ побили, а живыхъ взяли всякаго человѣка, человѣкъ съ 200, да лошадей съ 150, да коровъ съ 2000, и съ Азовомъ де они размирились, для того, что они казыевцомъ позволили кочевать подлѣ Азова.“

грамотѣ царской и по предварительномъ сношеніи съ воеводами, предводительству коихъ ввѣрено было войско для наказанія казыевскихъ татаръ, послали на р. Куму къ Мажарскому городищу отрядъ изъ 300 человѣкъ казаковъ и 200 татаръ, подъ начальствомъ атамана Ивана Каторжнаго. Недошедши двумя днями соединеннаго войска, Каторжный встрѣтился на вершинахъ р. Чеусбишъ съ татарами ногайскими (возвращавшимися въ Астрахани) и вѣроятно почтя ихъ за татаръ казыева улуса, непріятелей нашихъ, разбилъ, отнялъ много русскихъ плѣнныхъ, взялъ у нихъ до 1500 человѣкъ и болѣе 2/т. штукъ лошадей и рогатаго скота и, по совѣтовавшись въ кругу съ лучшими казаками, возвратился на Донъ. Съ донесеніемъ объ этомъ происшествіи тогда же послана была въ Москву легкая станица: ожидали благоволенія царскаго, но вмѣсто того получили грамоту, которою повѣлено все отнятое у покорныхъ Россіи татаръ немедленно возвратить, русскихъ же плѣнныхъ отослать въ украинные города или въ Москву, а роспись о томъ, куда кто посланъ также достявить въ Москву([251]).

([251]) Дѣла турецк. двор. въ столбц. 1634 г., № 1. Грамота на Донъ 28 Февраля 1634 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи, на Донъ въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, всему Донскому войску. Писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Макаромъ Степановымъ съ товарищи, что по нашему указу, велѣно вамъ атаманомъ и казакомъ итти всходъ къ стольникомъ нашимъ и воеводамъ ко князю Василью Туренину да князю Петру Волконскому, въ то мѣсто, гдѣ они къ вамъ отпишутъ, и итти съ ними войною на нашихъ ослушниковъ на Казыевъ улусъ и надъ крымскими мурзами промышляти и ихъ и улусныхъ ихъ людей побивати и женъ и дѣтей въ полонъ имати, и улусы ихъ, за ихъ предъ нами великимъ государемъ многіе неправды, до конца раззорити и искоренить, чтобъ имъ неповадно было впередъ воровать и на наши украины войною приходить и государство наше пустошить; и вы атаманы и казаки писали отъ себя къ стольникамъ нашимъ и воеводамъ съ станицею, чтобъ они къ вамъ отписали, гдѣ вамъ съ ними и въ которыхъ мѣстехъ и окою пору сходиться и станичники ваши стольниковъ нашихъ

Новое жалованье войску. Въ тоже самое время прислано войску царское жалованье: 2000 руб. денегъ,

и воеводъ въ Астороханн не застали, а встрѣтились съ ними на степи, а про князя Василья Туренина сказали имъ, что его не стало, и стольникъ нашъ кн. Петръ Волконскій писалъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ съ своею станицею, съ астороханцы, дѣтьми боярскими да съ стрѣльцы; а велѣлъ вамъ сходиться съ собою на Можарскомъ городищѣ; а пришли тѣ станичники къ вамъ на Донъ августа въ 9 день. И вы, атаманы и казаки, собрався многіе люди, пошли на нашу службу, на Казыевъ улусъ съ большимъ нарядомъ августа въ 15 д., а которые атаманы и казаки остались на Дону, и вы тѣхъ приказали послѣ себѣ по Дону по перевозомъ и по скамъ оберегати того, чтобы крымскіе воинскіе люди за Донъ на ногайскую сторону, на помочь къ казыевскимъ мурзамъ, неперешли; а казыевскихъ бы мурзъ, потому жъ, на крымскую сторону не перепустити. А вы, атаманы и казаки, шли степью недѣлю, и, недошедъ стольника нашего и воеводы, и ратныхъ нашихъ людей, августа въ 21 д.. сошлися съ казыевскими мурзами и съ ихъ улусы, съ Отмонаемъ—мурзою, да съ Казыемъ—мурзою, да съ Мамаемъ—мурзою, да съ Исламомъ—мурзою, да съ Исмаилъ—мурзою, да съ Оллатомъ—мурзою, да съ Шаимомъ—мурзою, и съ ихъ улусными людьми, и тѣхъ казыевскихъ людей—татаръ побили, а мурзы сами ушли, а женъ ихъ и дѣтей въ полонъ поимали, а всего полону взяли тысячи съ двѣ и больши. А въ распросѣ вамъ тѣ полоняники, улусные люди, сказывали, что тѣ де казыевскіе мурзы съ улусными своими людьми шли подъ Азовъ, а подъ Азовомъ де перевозиться было имъ на крымскую сторону. А стольникъ нашъ и воевда кн. Петръ Волконскій къ намъ писалъ: въ прошломъ де во 141 году іюля въ 30 д., пріѣлали къ нему отъ васъ съ Дону станичники, а астороханцы дѣти боярскіе Василій Усовъ, да Дмитрій Онбаровъ; а съ ними прислали къ нему вы, Донскіе атаманы и казаки, казаковъ Ивашка Тимофѣева съ товарищи 5 человѣками на рѣку Куму, на урочищѣ на каракуголь, недоходя Можарскаго городища, съ отпискою; а въ отпискѣ своей писали, что вы нашу службу къ нему всходъ ѣдете, а будете на Можарскомъ городищѣ вскорѣ; и онъ де тѣхъ вашихъ казаковъ отпустилъ къ вамъ отъ себя станицу сына боярскаго Ивана Колодничи и писалъ къ вамъ, чтобы вы атаманы и казаки на нашу службу къ нему всходѣ шли на Можарское городище, не мешкая: и вы де атаманы и казаки къ нему въ сходъ августа по 16 число небывали, и онъ де стольникъ нашъ и воевода съ нашими ратными людьми, и недождався васъ въ Козыевъ улусъ, приходилъ, и Божію милостію, а нашимъ царскимъ счастіемъ, Казыевъ улусъ повоевали и раззорили, и полонъ многой поимали, и пошли къ Астороханн разными дорогами; и онъ де князь Петръ пришелъ

30 поставовъ сукна на страфилю лучшихъ, 13 поставовъ суконъ среднихъ, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ,

---

на рѣку Чабашъ августа въ 27 д. и пріѣхалъ де къ нему отъ васъ Донскихъ казакомъ станичникъ его Иванисъ Колодничъ, а сказалъ, что идетъ къ нему съ атаманомъ Иваномъ Каторжнымъ 600 человѣкъ—казаковъ, а пришли де вы на чербашскія вершины отъ него въ дву днищахъ и августа жъ де въ 29 д. пріѣхалъ къ нему отъ васъ атаманомъ и казакомъ, казакъ Якушко Назаровъ и сказывалъ ему, что пошло было на нашу службу къ нему всходъ съ атаманомъ, съ Иваномъ Каторжнымъ, 300 челов. казаковъ, да 200 человѣкъ татаръ, и на ченбашскихъ де вершинахъ сошлися съ ногайскимъ съ Кейкуватъ—Янмаметъ—мурзою—Янмаметевымъ, съ братьею и дѣтьми и съ пляменники и съ ногайскими людьми, которые пошли отъ него назадъ въ Асторохань, и съ ними де у васъ былъ бой; и вы де, атаманы и казаки, тѣхъ мурзъ и татаръ, которые намъ служили, побили и взяли у нихъ татарскаго ясырю съ 1500 челов. и русской многой полонъ отгромили, да лошадей у нихъ взяли тысячи съ двѣ и больши, и иную многую животину поимали; и послѣ де того погрому былъ у васъ кругъ; и, договорясь, пошли назадъ на Донъ. А Кейкуватъ—Якмаметъ—мурза съ братьею, съ дѣтьми и съ пляменники, намъ великому государю били челомъ и прислали челобитную за своими руками; и въ той ихъ челобитной написано какъ они съ стольникомъ нашимъ и воеводою, со кн. Петромъ Волконскимъ, козыевъ улусъ погромили и татарской многой ясырь поимали, и русской полонъ отгромили; и они де, убоясь недруговъ своихъ, Гинбаевыхъ и Урмаметевыхъ и Урусовыхъ дѣтей, Канал—князя съ братьею и съ пляменники, пошли къ Асторохани напередъ, стольника нашего и воеводы, князя Петра Волконскаго стороннею дорогою къ рѣчкѣ Маныч и какъ де пришли на нихъ вы, Донской атаманъ Иванъ Каторжной, съ товарищи, и ихъ де пограмили и побили и татарской ясырь, и турской полонъ у нихъ отгромили, и животъ многой, и лошади, и иную всякую животину поимали. И вы, атаманы и казаки, то учинили негораздо, сами на нашу службу, на нашихъ не послушниковъ притти не порадѣли и приходомъ своимъ замѣшкали; а которые люди намъ служили на казыевъ улусъ съ стольникомъ нашимъ и воеводою, со княземъ Петромъ Волконскимъ, на . . . . . пришли и казыевъ улусъ погромили, и вы тѣхъ ногайскаго Кейкуватъ—Янмаметъ—мурзу, съ братьею и съ пляменники, и улусныхъ его людей ногайскихъ татаръ, которые были съ ними, многихъ побили и животныхъ поимали; а что у нихъ было взято на томъ погромѣ, казыевскаго ясырю, и русскою полону и животовъ, и всякія животины, то все у нихъ поимали, и тѣмъ вы дѣлу нашему учинили многую поруху; а къ намъ писали есте ложно, будто вы, намъ служа, погромили казыевъ улусъ, и

30 четвертей толокна, 100 ведръ вина, 60 пудъ пороху и 30 пудъ свинцу. При этомъ особою грамотою строго подтверждалось, чтобы казаки съ азовцами жили мирно, на море не ходили и жилищъ поддаиныхъ турецкаго салтана

вы побили и въ полонъ поимали нашихъ же людей Большаго нагаю, и тѣмъ своимъ приходомъ и помѣшкою нетокмо къ намъ великому государю службы своей не показали, но еще, нашимъ непослушникомъ, козыева улуса мурзамъ и татарамъ тѣмъ большую помочь учинили; и вамъ было, атаманомъ и казакомъ, видя къ себѣ нашу государскую милость и жалованье, надобно намъ великому государю служити и о своей службѣ писати къ намъ правдою. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ, атаманы и казаки, нынѣ однолично вину свою покрыли, въ томъ предъ нами, великимъ государемъ, исправились; и что вы въ томъ погромѣ взяли въ полонъ нашихъ людей большаго нагаю татаръ Кейкуватъ—Янмаметъ—мурзина и его братьи, и племянниковъ улуса, и ихъ погрому казыевскаго ясырю, и всякаго живота, и лошадей, и всякія животины, чтобъ есте все отдали или отослали къ намъ подъ Астороханъ, немѣшкая; а русской полонъ, которой у нихъ отгромили, прислали-бъ есте въ наши украинные городы или къ Москвѣ, и тѣмъ людемъ прислали къ намъ роспись; а того бъ есте однолично не учинили, что тѣхъ нашихъ ногайскихъ татаръ продати или на помѣну отдати нашимъ непослушникомъ, а ихъ недругомъ козыева улуса татаромъ или въ Азовъ; тѣмъ бы вы отъ насъ великаго государя и до конца на себя большія опалы не навели, и впередъ бы намъ великому государю служили, гдѣ вамъ наше государское повелѣнье будетъ, и о своей службѣ писали къ намъ правдою; а то мы, великій государь чаемъ, что вы, атаманы и казаки, вину свою нынѣ покроете и передъ нами великимъ государемъ, исправитесь, наше государское повелѣнье исполните, нагайскаго—Кейкуватъ—Янмаметъ—мурзина и его братьи и племенниковъ, улуса татаръ, которыхъ вы пограмили и пограбили и ихъ погрому казыевской ясырь и всякіе животы и лошади, и всякую животину отладьте, или къ нимъ подъ Асторохань отошлите; а русской полонъ, который у нихъ огромили, и тотъ полонъ, и тому полону роспись пришлете въ украенные наши городы или къ намъ къ Москвѣ. А какъ вы, атаманы и казаки, по нашему государскому повелѣнью то все учините и впередъ учнете намъ великому государю, служити, гдѣ вамъ наше государское повелѣнье будетъ, и мы великій государь васъ атамановъ и казаковъ пожалуемъ и передъ учнемъ васъ держати въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованьѣ и въ призрѣньѣ; и служба ваша у насъ великаго государя забвенна николи не будетъ. Писанъ на москвѣ лѣта 7142, февраля въ 28 день".

и хана крымскаго не грамили; возвращавшихся же изъ Москвы въ Царьградъ посланниковъ турецкаго Алея—Агу и венгерскаго повелѣно проводить въ Азовъ съ честію ([252]).

Поиски казаковъ по Каспійскому морю. Получивъ эту грамоту и жалованье, Донскіе казаки не смѣли возобновить по Азовскому и Черному морямъ поисковъ, оставленныхъ ими съ 1632 года, со времени снятія съ нихъ опалы; но вмѣсто того нѣкоторая часть ихъ весною 1634 г. отправилась на Волгу и за тѣмъ въ Каспійское море; тамъ ограбила персидскія суда съ товарами; потомъ, соединясь съ яицкими казаками, разграбила нѣсколько приморскихъ селеній въ нынѣшнихъ Дербентской и Бакинской провинціяхъ и возвратилась на Донъ съ богатою добычею ([253]).

([252]) Дѣла донскія № 1-й, грамота на Донъ отъ 28 февраля 1634 года, въ коей сказано:

„А мы, великій государь учнемъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ, за вашу службу, держать наше царское жалованье незабвенно; а нынѣ послали есмя къ вамъ атаманомъ и казакомъ нашего жалованья, съ послы нашими, съ Иваномъ Коробынымъ да съ Дьякомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ, 2000 руб. сереб. денегъ, десять поставовъ суконъ на страфилю доброю, 13 поставовъ суконъ среднихъ; да запасовъ: 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ, 30 четвертей толокны, 100 ведръ вина, 60 п. зелья, 30 пудъ свинцу; и какъ послы наши и турской посолъ Алей-ага къ вамъ на Донъ придуть, и вы-бъ встрѣтили и приняли и въ Азовъ ихъ, и митрополитовъ, и архимандрита, и старцовъ, и гречанъ, которые съ ними, отпустили, незадержавъ, и проводили до Азова во всемъ честно, по прежнему нашему указу и наше жалованье у пословъ нашихъ, что къ вамъ съ ними послано деньги, и сукна, и зелья, и свинецъ, и хлѣбные запасы, и вино приняли."

([253]) Дѣлъ Крымскихъ въ столбц. 1634 г. № 16 статейный списокъ, бывшихъ въ Крыму посланниковъ, Прончищева и Бормасова.

„Слышели де они отъ посла Ахметъ-аги, что Донскіе казаки прошлаго и нынѣшняго лѣта ходили въ Казылбашскую землю войною и издобились гораздо, и товары козылбашскіе на Дону продавали дешевою цѣною, только невѣдаетъ, кои мѣста воевали. И послы говорили, что Донскіе атаманы и казаки, исполняя царское повелѣнье на Черное море не ходили и салтановыхъ городовъ, селъ и деревень, и крымскихъ и ногайскихъ улусовъ не воевали; а ходили на Яикъ и съ яицкими казаки собрався, ходи-

Таковые разъѣзды казаковъ по Каспійскому морю продолжались цѣлые два года. Между тѣмъ подъ Азовъ приходили Запорожскіе черкасы моремъ въ 30 стругахъ; къ нимъ присоединились сто человѣкъ Донскихъ казаковъ, безъ вѣдома Войска, ибо въ то время между казаками Донскими и азовцами существовалъ миръ. Имѣя съ собою нѣсколько пушекъ малаго калибера, запорожцы держали въ осадѣ Азовъ четверо сутокъ, разрушили часть городской стѣны, и, нанеся значительный вредъ азовцамъ, пошли обратно на море. Азовцы думали, что Запорожцы приходили къ городу ихъ, съ согласія съ Донскимъ войскомъ, и потому какъ бы въ отмщеніе за это, не объявя казакамъ о разрывѣ мира, въ числѣ 1500 челов. приступили къ казачьимъ городкамъ къ Нижнему, Черкаскому и къ Манычу, угнали множество разнаго скота и лошадей, и до 30 человѣкъ казаковъ порубили ([254]).

ли на Хвалынское море; и шаховы городы и уѣзды, которые близко моря, повоевали, и на Хвалынскомъ море бусы погромили многіе, и пришли назадъ на Донъ, и продавали всякіе казылбашскіе товары дешевою цѣною; то видѣлъ посолъ Ахметъ-ага, какъ ѣхалъ къ Москвѣ и съ Москвы въ Царь-городъ.

„И визирь говорилъ посломъ: сколь давно Донскіе казаки учали ходить въ казылбашскую землю войною и въ казылбашехъ которы мѣста воевали.

„И посолъ говорилъ, какъ они и турской посолъ Ахметъ-ага отъ царскаго величества съ Москвы отпущены, и пришли на Донъ и видѣли у казаковъ многіе казылбашскіе товары, продаютъ всякимъ людемъ дешевою цѣною; а сказываютъ, что они, исполняя царскаго величества повелѣнье, на Черное море не ходили и салтановыхъ городовъ и селъ, и деревень, и крымскихъ улусовъ не воевали; и съ Дону ходили по два года на Хвалынское море и воевали подъ Дербенью и подъ Низовою, и подъ Бакою, и гилянскую землю; и на Хвалынскомъ морѣ погромили многіе бусы со многимъ товаромъ."

([254]) Дѣла Турецкія 1635 г., № 5. Распросныя рѣчи атамана Богдана Конинскаго, пріѣхавшаго въ Москву 30 генваря 1635 г.

„Въ прошломъ де во 142 году, послѣ Успенья Пресвятыя Богородицы, приходили подъ Азовъ запорожскіе черкасы въ 30 стругѣхъ, а сколько людей, того онъ подлинно невѣдаетъ, а съ ними де были и пушечки, и къ Азову приступали, и азовцы черкасъ

Морскіе поиски Донскихъ казаковъ. Оскорбленные нарушеніемъ мира и этимъ набѣгомъ азовцевъ, Донскіе казаки, дождавшись весны 1635 года, пустились въ море Какое число ихъ было въ этомъ походѣ, неизвѣстно На морѣ съѣхались они съ запорожскими черкасами, овладѣли четырьмя купеческими кораблями со всѣми находившимися на нихъ людьми, товарами и запасами; два дня приступали къ Керчи и потомъ разорили нѣсколько деревень, лежащихъ между этимъ городомъ и Кафою ([255]). Послѣ этого близъ Карасова захватили въ плѣнъ до 30 человѣкъ татаръ, отсюда поплыли къ берегамъ Румелійскимъ и Анатольскимъ, тамъ разорили многія селенія, сожгли городъ Каюнъ или Копю, убили тамошняго воеводу и многихъ жителей. Султанъ турецкій, получивъ объ этомъ извѣстіе, выслалъ противъ нихъ нѣсколько военныхъ судовъ, но казаки,

---

на приступѣхъ побили. А стояли черкасы подъ Азовомъ 4 дни, да къ черкасомъ же де пришли воры Донскіе казаки, утаясь Войска, человѣкъ со ста, и отъ Азова пошли съ черкасы вмѣстѣ въ стругѣхъ, а на Донъ назадъ идти не смѣли потому, что въ войскѣ была заповѣдь—съ азовцы задираться не велѣно. А только бъ они пришли на Донъ, и ихъ бы де Донскіе атаманы всѣхъ побили. А изъ атамановъ де и изъ казаковъ иныхъ никто подъ Азовъ не ходили, потому что у нихъ съ азовцы миръ былъ.

„И послѣ де того азовцы, человѣкъ съ 1500, за миромъ приходили подъ ихъ казачьи городки: подъ Нижней, да подъ Черкаской, да подъ Манычъ, безвѣстно, и стада конскія отгоняли, да казаковъ съ 30 порубили, а атаманы де и казаки въ тѣ поры были подъ улусы на ногайской степи. А говорили азовцы, будто черкасы приходили къ нимъ подъ Азовъ и съ ихъ вѣдома, а только бъ де не съ ихъ вѣдома, и онибъ де къ нимъ въ Азовъ по черкасъ вѣдомо учинили и размиренье на Донъ прислали; и атаманы де и казаки, собрався всѣмъ войскомъ, приходили къ Азову и улусныхъ людей казыева улуса погромили, и пришли назадъ на Донъ, а окидали къ себѣ изъ Азова мировщиковъ, а по его де поѣздѣ, мировщики изъ Азова не бывали, а что послѣ его учинилось, того онъ невѣдаетъ“.

([255]) Дѣла крымскія 1634 и 1635 г., въ столбц. № 5, статейный списокъ, бывшихъ въ Крыму посланниковъ, Дворяниннова и Непейцова, и дѣла турецкія 1634 г., № 5, въ столбц., распросныя рѣчи атамана Богдана Каннискаго.

свѣдавъ о томъ, отошли назадъ, не потерпѣвъ ни малѣйшаго вреда.

Сношенія по сему случаю о казакахъ между Портою и Россійскимъ Дворомъ. Не взирая на драки между азовцами и Донскими казаками и на разоренія этими послѣдними жилищъ крымскихъ и турецкихъ, дружественныя сношенія Двора Россійскаго съ Портою и ханомъ крымскимъ не прекращались: наши послы ежегодно посылаемы были въ Крымъ и Константинополь и почти каждый годъ Дворъ нашъ принималъ посланниковъ и гонцовъ отъ хана крымскаго и султана. Въ этихъ отношеніяхъ переговоры о Донскихъ казакахъ занимали, кажется, первое мѣсто. Ханскіе и султанскіе послы упрекали Дворъ нашъ въ неискренности и совершенномъ нехотѣніи укротить своевольство казаковъ, и настоятельно требовали согнать ихъ съ Дону, а городки разорить до основанія, обѣщая сильное въ томъ содѣйствіе со стороны ихъ государей, и наконецъ грозили истребить ихъ собственными силами, если царь московскій откажется отъ исполненія такихъ требованій; но Михаилъ Ѳедоровичъ и въ граматахъ и чрезъ посланниковъ старался увѣрить хана крымскаго и султана турецкаго, что Донскіе казаки повелѣніямъ его противятся, что они много разореній нанесли московскому государству, живутъ въ мѣстахъ отдаленныхъ и, не имѣя постоянныхъ жилищъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря по обстоятельствамъ и опасностямъ имъ угрожающимъ; по минованіи же оныхъ опять возвращаются на прежнія мѣста; что по этой причинѣ, нѣтъ возможности удержать ихъ отъ своевольства; затѣмъ предоставлялъ обоимъ право управляться съ ними по собственному произволенію, обѣщаясь смотрѣть на то безъ неудовольствія. Но въ тоже самое время посылалъ на Донъ грамоты, убѣждалъ казаковъ жить съ азовцами мирно, прекратить набѣги на Крымъ и турецкія владѣнія; повелѣвалъ развѣдывать о замыслахъ азовцевъ, крымцевъ и ногайцевъ,

отражать, если они пойдутъ въ предѣлы россійскіе; почти ежегодно посылалъ войску жалованье: деньги, кайки, сукна, вино, хлѣбные запасы и военные снаряды; а въ 1635 году пожаловалъ оному знами (256). Михаилъ Ѳедоровичъ, безъ сомнѣнія, убѣжденъ былъ въ пользѣ для Россіи отъ казаковъ, бывшихъ ей надежнымъ оплотомъ на югѣ отъ хищныхъ ея сосѣдей; но дабы отвратить отъ себя подозрѣніе въ послабленіи казакамъ и чрезъ то продолжать дружественную связь съ Россіею крымскаго хана, угрожавшаго

(256) Дѣла Крымскія 1635 г., № 9, см. наказъ, данный окольничему кн. Григорію Волконскому, а потомъ Льву Далматову-Карнову и дьяку Мохову, отправленнымъ въ Волуйку на размѣнное мѣсто.

„И будетъ Алей-князь учнетъ говорити: сказываете, что на Дону живутъ воры—холопи бѣглые, убѣжавъ отъ смертныя казни безъ государева повелѣнья, а имъ то самимъ вѣдомо, что государь присылалъ и недавно къ казакамъ *знамя* свое, и запасы и деньги, и сукно, и зелье, и селитру, и свинецъ; то они вѣдаютъ подлинно; и въ украинные городы казаки съ добычею пріѣзжали безпрестанно и по тѣмъ мѣстамъ живутъ казаки съ государева повелѣнья; и государь бы съ Дону казаковъ однолично велѣлъ свести, и тѣмъ бы турскому салтану и крымскому царю нелюбья не оказывалъ.

„И окольничему князю Григорію Константиновичу да дьяку Венедикту Мохову говорити: вѣдомо имъ самимъ, что тѣ воры казаки Донскіе отъ московскаго государства поудалѣли и живутъ кочевнымъ обычаемъ, а не городовымъ житьемъ, перѣзжая по рѣчкамъ; да и то имъ вѣдомо, какъ въ прошлыхъ годѣхъ тѣ воры, и, къ нимъ прибрався, такіе жъ воры казаки и запорожскіе черкасы, по злому заводу польскаго короля и пановъ Рады, пристали къ воромъ, которые сказывались государскими дѣтьми ложно, и съ ними многую кровь въ московскомъ государствѣ проливали и воевали что иновѣрные; а какъ царское величество въ прошлыхъ годѣхъ посылалъ къ турскому салтану посланниковъ своихъ государство свое обестить и польскаго Жигимонта короля неправды объявить, и царское величество для своего государева дѣла къ Донскимъ казакамъ послалъ своего государева жалованья, сукна, да запасу, да денегъ отъ невелика для того, чтобъ ихъ тѣмъ отъ воровства поунять и съ азовскими людьми помирить, и чтобъ они государева посланника и турскаго чеуша пропустили, неограбя; а знамени къ нимъ государь непосылывалъ николи, то нѣкто сказывалъ на ссору".

тогда опустошеніемъ казачьихъ на Дону жилищъ и разоренiемъ россійскихъ украинныхъ городовъ, въ 1634 году писалъ къ хану, что по случаю войны, которую Россія имѣла тогда съ Литвою, онъ не можетъ дать ему никакой помощи въ предпріятіи его на казаковъ, утверждалъ во мнѣніи, что поискъ его едва ли будетъ успѣшенъ, ибо казаки, провѣдавъ о томъ, навремя сойдутъ съ Дону; и увѣрялъ, наконецъ, что онъ за нихъ нимало не постоитъ и тогда, когда бы всѣ они истреблены были ([257]).

Султанъ укрѣпляетъ Азовъ и посылаетъ къ оному на казаковъ сильное войско. Султанъ турецкій и ханъ крымскій отчасти вѣрили этому и полагали, что, по окончаніи войны, царь къ смиренію казаковъ приметъ рѣшительныя мѣры; но видя, что и въ слѣдующемъ году Донцы по прежнему плаваютъ по морю, производятъ грабежи и разоренія подданнымъ ихъ, снова домогались, чтобы они были сведены съ Дону; а для приведенія Азова въ лучшее оборонительное состояніе султанъ послалъ въ Азовъ пашу и потребное число людей, повелѣвъ укрѣпить оный; и въ тоже время далъ крымскому хану повелѣніе: немедленно собрать изъ подвластныхъ ему крымцевъ и ногайцевъ сильное войско, идти къ Азову, и совокупно съ азовцами дѣйствовать на казаковъ; но о дѣйствіяхъ и успѣхахъ войска сего ничего неизвѣстно.

([257]) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1634 г., № 4, см. грам. царя Михаила Ѳедоровича къ Жанбекъ-Гирею, крым. царю, отправленную съ посломъ Борисомъ Дворяниновымъ и подъячимъ Андреемъ Непейцынымъ.

„А что вы, братъ, писали къ намъ о Донскихъ казакахъ, только будутъ намъ Донскіе казаки непослушны, а управиться намъ съ ними будетъ неколи потому, что мы нынѣ съ литовскимъ войну ведемъ и намъ бы къ вамъ, брату нашему, отписать, и вы для нашего слова на Донскихъ казаковъ пойдете съ своей стороны, а намъ бы послать на нихъ съ своей стороны; и чается, что ихъ на томъ мѣстѣ не будетъ,—и мы къ вамъ, брату нашему, о томъ, какія они люди и какое отъ нихъ дѣлается воровство, напередъ сего писали и неодинова; а хотя бы вы ихъ и всѣхъ побили, и намъ стоять за нихъ не за что. . . . . »

Большой Ногай отлагается отъ Россіи. Около сего времени владѣтели и мурзы Большаго Ногая, кочевавшаго около Астрахани, подстрекаемые крымскимъ ханомъ и князьями Казыева улуса, всегда враждебными Россіи, возмутились. Можетъ быть, единство вѣры ихъ съ крымцами, а можетъ быть, и неумышленное разбитіе (какъ видѣли мы выше сего) Донскими казаками одного изъ улусовъ были побудительными къ сему причинами. Къ возмутившимся улусамъ Большаго Ногая пристали въ послѣдствіи улусы Малаго Ногая. Увѣдомленный объ этомъ, турецкій султанъ послалъ въ Большой Ногай крымскаго хана. Ханъ до того успѣлъ въ намѣреніи своемъ, что отложившіеся ногайскіе владѣльцы дали ему присягу на вѣрность подданства; обѣщали стараться перейти со всѣми улусами своими на правую сторону Дона, а оттуда въ Крымъ; въ доказательство же непоколебимой преданности своей хану, отдали ему присланнаго къ нимъ въ 1634 году отъ государя съ грамотою, для убѣжденія ихъ возвратиться на прежнія кочевья къ Астрахани и быть въ покровительствѣ Россіи, россійскаго дворянина Тимофея Желябужскаго и до 100 человѣкъ стрѣльцовъ, съ нимъ бывшихъ; и наконецъ, одарили хана подарками богатыми.

Объ успѣхахъ посольства Желябужскаго не было въ Москвѣ никакого извѣстія, и потому поручено было Донскому войску развѣдать объ этомъ и войти въ сношеніе съ возмутившимися улусами и стараться склонить ихъ къ возвращенію подъ россійскую державу, на прежнія кочевья; а въ случаѣ непослушанія, дѣйствовать противъ нихъ, какъ противъ непріятелей отечества.

Казаки начали эти сношенія въ 1634 году, но не имѣли желаемаго успѣха; ибо ногайскіе мурзы не хотѣли слушать убѣжденій ихъ; посылали сильныя партіи на россійскія украйны и неоднократно намѣревались переправиться чрезъ Донъ и уйти въ Крымъ.

Поиски казаковъ надъ ногайцами и крым-

цами. Но казаки дѣятельно наблюдали всѣ ихъ движенія, препятствовали переправѣ чрезъ Донъ и преслѣдовали партіи ихъ, также азовцевъ и татаръ крымскихъ, ходившія для грабежей на украины. Такимъ образомъ, въ 30 день іюля 1634 года на правой сторонѣ Донца, въ вершинахъ рѣчки Кундрючьи, встрѣтили они возвращающихся изъ Россіи ногайцевъ, разбили ихъ, отбили русскихъ плѣнныхъ 94 челов. и 60 челов. татаръ. 6 сентября на рѣчкѣ Быстрой разбили партію, изъ азовцевъ и ногайскихъ татаръ состоящую; 22 человѣка взяли въ плѣнъ и много положили на мѣстѣ. 26 числа того же мѣсяца, освѣдомившись, что Большаго Ногая-татары разныхъ улусовъ собрались во множествѣ, хотятъ переправиться чрезъ Донъ близъ Азова и идти въ Крымъ,— казаки отправились къ мѣсту переправы на судахъ, напали на татаръ ночью, болѣе 1500 челов. побили, 1305 челов. взяли въ плѣнъ. Декабря 25 того же 1634 года ходили на улусы Большаго и Малаго Ногая, и на ногайской степи, при урочищѣ Чубурѣ, погромили улусъ, болѣе нежели изъ 2000 семействъ состоявшій; 153 человѣка взяли въ плѣнъ и отбили 800 челов. плѣнныхъ Россіянъ. Въ 1635 году февраля въ 25 день на Очаковской косѣ разбили множество Большаго и Малаго Ногая татаръ разныхъ улусовъ, намѣревавшихся оттуда перейти въ Крымъ; многихъ побили на мѣстѣ и 935 чел. взяли въ плѣнъ. На возвратномъ пути казаковъ, на рѣчкѣ Кагальникѣ, встрѣтили ихъ азовцы, вышедшіе противъ нихъ всѣмъ городомъ съ пушками; но казаки отошли отъ нихъ въ войско безъ всякаго урона.

Султанъ посылаетъ помощь азовцамъ. Эти дѣйствія казаковъ сильно обезпокоили султана. Будучи занятъ тогда войною съ шахомъ персидскимъ, онъ не могъ послать къ Азову столь сильнаго войска, которымъ бы (какъ хвалился въ грамотахъ своихъ), разоривъ жилища казаковъ и согнавъ ихъ съ Дону, навсегда обезопасилъ бы Азовъ отъ поисковъ ихъ. Но дабы, хотя нѣсколько, подкрѣпить этотъ городъ и вспомоществовать ногайцамъ переправиться чрезъ

Донъ и перейти въ Крымъ, онъ повелѣлъ кафинскому пашѣ съ его ратными людьми поспѣшить къ Азову, и совокупно съ азовцами и ногайцами безпрестанно безпокоить казаковъ въ ихъ жилищахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1635 года паша кафинскій съ ратными людьми уже находился въ Азовѣ; почью 20 апрѣля съ *Казачьяго острова* (*) угналъ до 500 лошадей; а 24 числа послалъ другую сильную партію для отгона съ острова конныхъ казачьихъ табуновъ; но казаки отразили оную, побили около 100 человѣкъ, а 31 взяли въ плѣнъ (258)

(*)Казачьимъ островомъ, или просто островомъ, вѣроятно, называли въ то время казаки пространство, обтекаемое съ одной стороны Аксаемъ, съ другой Дономъ.

(258) Дѣла Ногайскія, въ столбц. 1635 г., № 2-й, отписка Донскихъ казаковъ къ Государю, отправл. въ Москву 4-го мая 1635 года съ атаманомъ Абакумомъ Сафроновымъ съ товарищи.

. . . . . .

. . . . . ,

«Мы, государь, холопи твои, по твоему государскому указу, отъ себя съ Дону своихъ Донскихъ казаковъ къ мурзамъ въ Ногаи посылали и рѣчь говорить наказали, противъ твоей государской грамоты. И какъ, государь, Донскіе казаки у нихъ, мурзъ, были и противъ твоего государскаго указу имъ говорили, и они, государь, мурзы, нашимъ казакамъ ничего не сказали и назадъ къ войску отпустили. Да къ намъ же, государь, холопемъ твоимъ, писано: «Будетъ тѣ мурзы своими улусными людьми твоего государскаго указу не послушаютъ, подъ твою государскую высокую руку подъ Асторохань въ старыя свои кочевья не пойдутъ, и что бъ намъ холопямъ твоимъ Донскимъ атаманомъ—казакомъ и всему войску Донскому надъ тѣми измѣнники промышляти, сколько милосердный Богъ помочи подастъ, за ними ходити, и ездѣ по крѣпкимъ мѣстомъ, на перелазѣхъ, стоять, а ихъ на крымскую сторону не перепустить. И мы, государь, холопи твои, по твоему государскому указу, безпрестанно по приточнымъ мѣстомъ стоимъ, чтобъ тѣхъ воинскихъ людей Большаго Ногаю и Малаго Ногаю мурзъ съ улусными людьми на крымскую сторону не перепустити; и въ прошломъ, государь, во 142 году іюля въ 30 день ходили, государь, мы, холопи твои, на крымскую степь подъ шляхами лежати; и сошлись, государь, съ ногайскими людьми по сю сторону Сѣверскаго Донца, въ Кундрючьихъ вершинахъ; а идутъ, государь, тѣ ногайскіе люди изъ Руси, изъ твоихъ государевыхъ украинныхъ городовъ; и учинился въ насъ, холопей твоихъ, съ ними на степи

Казаки отправляютъ на море сильную партію. Въ самое это время пронесся слухъ, что будто султанъ отправилъ на корабляхъ въ Азовъ многочисленное войско для разоренія казачьихъ городковъ. Чтобы предупредить этотъ замыселъ и недопустить турецкіе корабли къ

бой; и, милостію Божію и твоимъ государскимъ счастіемъ, твоя государская рука возвысилась: тѣхъ татаръ побили, и русской полонъ отгромили, а живыхъ татаръ взяли 70 человѣкъ и два; и, приведчи къ себѣ въ юрты, всѣхъ порубили, и ясырю, государь, русскаго отгромили 94 челов. Да въ нынѣшнемъ, государь, во 143 году сентября въ 6 день вѣстно намъ, холопямъ твоимъ, учинилось, что пошли азовскіе и ногайскіе люди въ Русь, человѣкъ съ 200 и больши, подъ твои государскіе городы; и мы, холопи твои, переговоря межъ собою, чтобъ тебѣ, государю, послужить, пошли за ними и сошли тѣхъ, государь, татаръ на Быстрой рѣкѣ и, милостію Божіею и твоимъ государскимъ счастіемъ, побили ихъ, и живыхъ поимали; а живыхъ взяли 22 человѣка и, приведчи къ войску, и тѣхъ всѣхъ порубили. Да въ нынѣшнемъ же, государь, во 143 году сентября въ 26 день, намъ же холопямъ твоимъ вѣстно учинилось, что пришли Большаго Ногаю многіе люди черные мужики разныхъ улусовъ, а хотѣли лѣзть Донъ подъ Азовомъ на большомъ перевозѣ на крымскую сторону, и мы, холопи твои, тожъ переговоря межъ собою, чтобы тѣхъ тараръ на крымскую сторону не перепустить, пошли за ними судами и, пришедъ въ ночи, на большомъ перевозѣ, тѣхъ татаръ порубили тысячи съ полтори и больши, а женъ и дѣтей въ полонъ поимали, а полону, государь, взяли татарскаго 1305 челов. Да въ нынѣшнемъ же, государь, во 143 году декабря въ 25 день ходили, государь, мы, холопи твои, на ногайскую степь войскомъ, и сожгли улусы Большаго Ногаю и Малаго черныхъ мужиковъ, разныхъ улусовъ на Чубурѣ дворовъ тысячи съ двѣ и больши, и на тѣ, государь, улусы били, и милостію Божію и твоимъ государскимъ счастіемъ, и тѣ улусы взяли, а татаръ порубили, а женъ и дѣтей въ полонъ поимали, а живыхъ, государь, татаръ взяли 153 человѣка, а полону 800, и приведчи къ себѣ въ юрты, и тѣхъ порубили жъ; а къ тебѣ, государю, къ Москвѣ послать не почто, что была, государь, зима студеная, а снѣги глубокіе. Да въ нынѣшнемъ же государь, во 143 году февраля въ 25 день вѣстно жъ намъ, холопямъ твоимъ, учинилось, пришли Большаго Ногаю черные мужики, разныхъ улусовъ на взморья, на Очаковскую косу, а хотѣли лѣзть съ Очаковской косы за море, въ Крымъ; и мы, государь, холопи твои, переговоря межъ собою, пошли войскомъ и, пришедъ на Очаковскую косу, и тѣ улусы взяли, а татаръ порубили, а женъ и дѣтей въ полонъ поимали, а полону привезли 935 челов. А какъ, госу-

Азову, казаки послали охотниковъ на стругахъ на море, приказавъ имъ стоять въ проливѣ Азовскаго моря, ждать тамъ непріятеля, а потомъ воротиться назадъ къ войску: покрайней мѣрѣ, такъ донесли объ этомъ государю. Въ самомъ же дѣлѣ, около 2/т. человѣкъ казаковъ, подъ предводи-

---

дарь, были мы, холопи твои, съ тѣмъ татарскимъ полономъ на Кагальнику, и тутъ, государь, вышли азовскіе люди всѣмъ городомъ напередъ съ пушками и ногайскіе люди съ ними жъ, и съ нами, холопи твоими, дрались весь день, и твоимъ государскимъ счастьемъ ничего не учинили намъ, холопямъ твоимъ. И марта, государь, въ 30 день прибѣжали изъ Ногаю твои государскіе и астороханскіе стрѣльцы, три человѣка—десятникъ Яковъ Ивановъ съ товарищи, и мы, государь, холопи твои, тѣхъ стрѣльцовъ распрашивали, коими мѣрами вы съ Ногаю зашли; и въ распросѣ, государь, намъ, холопемъ твоимъ, тѣ астороханскіе стрѣльцы сказали: присланъ де былъ отъ тебя государя съ Москвы посланникъ дворянинъ Тимофей Желябуской въ Ногаи, Большаго Ногаю къ мурзамъ; а ихъ де стрѣльцовъ послано было по твоему государеву указу съ Тимофеемъ Желябускимъ 100 человѣкъ стрѣльцовъ, а указано де, государь, было ему Тимофею Желябускому по твоему государскому указу говорить мурзамъ, чтобъ они мурзы пошли подъ твою государскую высокую руку подъ Асторохань въ старыя свои кочевья, и они, государь, ему Тимофею Желябускому отказали, иттить де не хотимъ подъ Асторохань, пойдемъ де мы въ государевы городы войною съ царемъ крымскимъ. И мы, государь, холопи твои стали у нихъ стрѣльцовъ распрашивать, что за царь откуль взялся? И тѣ, государь, стрѣльцы сказали, что тотъ царь пришелъ изъ Крыму Большаго Ногаю мурзъ къ себѣ призывати и къ шерти приводити; а указалъ де ему крымскому царю, Турской царь иттить къ войску Казылбажскаго съ крымскими и съ ногайскими людьми; и мы холопи твои стали имъ стрѣльцамъ говорить: для чего вы побѣжали, посланника государева покинули, и тѣ, государь, стрѣльцы сказали, что посланника твоего государства хотятъ мурзы отдать Крымскому царю, а насъ стрѣльцовъ всѣхъ дуванить по себѣ, да за море продавати; и мы де, государь, отъ того и побѣжали; а мы государь холопи твои слышедчи такія отъ стрѣльцовъ вѣсти посылали изъ войска своихъ Донскихъ казаковъ на ногайскую степь подъ улусы, для языковъ; и тѣ наши Донскіе казаки пришедъ подъ улусы, взяли двухъ человѣкъ ногайскихъ татаръ, и мы холопи твои распрашивали гдѣ царь крымской, нечаетъ ли ему куды въ войску итти, и гдѣ нашего государя посланникъ Тимофей Желябужской, и въ распросѣ, государь, тѣ татарове намъ холопемъ твоимъ сказали, что крымской царь за Кубаномъ, а указалъ де ему турской царь быти къ себѣ

тельствомъ атамана Алексѣя Лома, на 34 стругахъ, въ соединеніи съ находившимися въ то время на Дону запорожскими черкасами, подъ начальствомъ полковника Сулимы, 20 апрѣля, вышедъ въ Азовское море, встрѣтились еще съ черкасами на 20 стругахъ,—и въ общемъ совѣтѣ положено было: сперва ударить на Керчь, а потомъ на возвратномъ пути осадить Азовъ и взять оный приступомъ. Время приступа назначили Петровъ день и стали приготовлять лѣстницы; но предпріятіе это въ томъ же году не было приведено въ дѣйствіе, изъ опасенія навлечь на все войско Донское гнѣвъ государя (259).

Казаки возобновляютъ переговоры съ ногайцами о перекочеваніи на прежнія мѣста къ Астрахани. Донскіе казаки, не смотря на непріятельскія дѣйствія свои противъ ногайцевъ, снова стали убѣж-

во Царьгородъ; а на царствѣ ему въ Крыму небыть; а слухъ, государь, до насъ холопей твоихъ доходитъ, что турской царь посадилъ на царство въ Крыму царевича и посланника твоего Тимофея Желябужскаго и стрѣльцовъ отдали мурзы царю крымскому; а сами де мурзы учинились у крымскаго царя въ подданствѣ; а Малаго, государь, Ногаю, Касай мурза и иные мурзы всѣ кочуютъ за Кубаномъ по ту сторону. . . . . , ...

. . . и апрѣля, государь, въ 20-й день приходили тѣ крымскіе и азовскіе люди, къ намъ холопемъ твоимъ на островъ въ ночи, и намъ холопямъ твоимъ учинили шкоту великую лошадей съ 500 съ острова согнали. Да апрѣля жъ, государь, въ 24 день отпущалъ тотъ же паша кафинской своихъ ратныхъ людей, которые съ нимъ пришли и азовскихъ людей многихъ, а приказалъ имъ у насъ холопей твоихъ подъ войскомъ побрать языковъ и табуны лошадиные согнать съ острова. И какъ они на островъ взѣзди, а нашъ, государь, караулъ взялъ и милостію Божіею, а твоимъ государскимъ счастіемъ, тѣхъ крымскихъ и азовскихъ людей человѣкъ со сто порубили, а живыхъ взяли 31 челов. и приведчи къ войску и тѣхъ всѣхъ порубили безъ остатку.»

(259) См. ту же отписку.

. . . . . , ...

«Да слухъ, государь, тотъ у насъ есть холопей твоихъ, что турской царь пошелъ войною на Казылбажскаго; а на насъ, государь, холопей твоихъ турской царь указалъ своимъ пашамъ съ ратными людьми турскими и съ крымскими и съ азовцами и ногайскими мурзами итти войною каторгами и конными въ Донъ и напи

дать ихъ возвратиться къ Астрахани на прежнія кочевья. Для лучшаго въ этомъ содѣйствія и успѣха государь прислалъ на Донъ дворянина Ѳедора Алябьева съ полномочіемъ и милостивою грамотою къ ногайскимъ мурзамъ.

казачьи городки разорять. «И мы, государь, холопи твои переговоря межъ собою, чтобъ намъ отъ тѣхъ турскихъ и крымскихъ и азовскихъ и ногайскихъ какого дурна не учинилось, не дожидаяся твоихъ государевыхъ грамотъ, пошли, государь, наши Донскіе охотники стругами на море. А приказали, государь, мы холопи твои своимъ Донскимъ казакомъ стоять въ гирлѣ, остерегать чтобъ каторги съ турскими ратными людьми съ Чернаго моря въ Азовъ не пришли, и намъ холопемъ твоимъ шкоты никакой не учинили, а приказали, государь, мы холопи твои своимъ Донскимъ казакомъ стоять въ гирлѣ не выходя на Черное море шесть недѣль, и шесть недѣль отстоявъ, приказали воротиться опять назадъ къ войску на Донъ. Да и о томъ, государь, къ намъ холопямъ твоимъ отъ тебя государя въ твоей государской грамотѣ написано: давно ль у насъ съ азовцы размирье стало? И у насъ, государь, размирья съ ними учинилось отъ ихъ задору. — Запорожскіе, государь, казаки стругами пришли изъ Запорогъ, и къ Азову, государь, городу приступали въ августѣ въ 10 день, и Азова, государь, не взяли и отшедъ отъ Азова, въ Донцѣ стали, и къ намъ, государь, холопямъ твоимъ запорожскіе казаки вѣсти не подавали. А мы, государь, холопи твои того и не вѣдали какъ они къ Азову приступали и Азова не взявъ, отошли прочь. И они, государь, азовскіе люди умысливъ надъ нами холопи твоими, размирной къ намъ холопямъ твоимъ не прославъ, августа въ 11 день согнали у насъ холопей твоихъ съ острова лошадей тысячи съ двѣ и больши. И съ того, государь, числа и размирья съ ними азовцы учинилось у насъ холопей твоихъ. А у которыхъ, государь, у нашихъ казаковъ азовцы лошадей отогнали, и тѣ, государь, къ запорожскимъ казакамъ на помощь ходили и къ Азову опять съ ними запорожскими казаками приступали, и съ того, государь, числа и по нынѣшнее число, азовцы намъ холопямъ твоимъ для миру не присылали.»

Дѣла ногайскія, въ столбц. 1635 года, № 2, статейной списокъ посланника Василія Струкова,—посланнаго изъ Москвы съ грамотою отъ царя.

. . . . . .

«Апрѣля въ 20-й день съ Дону атаманы и казаки пошли на Черное море тридцать четыре струга. Атаманъ съ ними Алексѣй Ломъ, да съ ними запорожской полковникъ Сулимъ съ запорожскими черкасы, да къ нимъ же де на море погребло тридцать стругонъ черкасъ: а еще де ихъ изъ Запорогъ двадцать стругонъ на морѣ

Алябьевъ прибылъ въ войско 10 генваря 1636 года; съ нимъ прислана была казакамъ царская похвальная грамота. Генваря 16 отправленъ изъ войска въ ногайскіе улусы Василій Струковъ и толмачъ Иванъ Лазаревъ увѣдомить о прибытіи Алябьева отъ государя съ грамотою къ мурзамъ и требовать отъ нихъ аманатовъ, вмѣсто отправляющагося къ нимъ царскаго посланника Алябьева и находившихся съ нимъ людей. Мурза Большаго Ногая, Кейкуватъ Ермаметъ, видя раздоры между ногайскими владѣльцами, частые набѣги казаковъ на ихъ улусы, съ согласія мурзъ и улусныхъ людей, генваря въ 28 день прислалъ татарина Ешпулата съ грамотою, которою, изъявляя готовность свою къ заключенію съ войскомъ Донскимъ мира, просилъ позволенія кочевать улусамъ его близъ Дона; къ Астрахани же идти отказывались подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ кочевали тогда калмыки. Затѣмъ Ешпулатъ и войсковой атаманъ взаимно условились о безопасности съѣзда для договора и во свидѣтельство дали другъ другу клятву всякъ по своей вѣрѣ(260).

идетъ и съ Донскимъ войскомъ сошлись вмѣстѣ и быть имъ подъ Керчью приступати; а съ моря идучи назадъ, промышлять имъ надъ Азовомъ и лѣстницы на морѣ дѣлаютъ, а срокъ положенъ Петровъ день».

(260) Дѣла Ногайскія, 1636 года, № 2, отписка Донскихъ казаковъ ногайскимъ мурзамъ.

„Да отпустили вы государева толмача да нашего Байтерека татарина; а съ ними вы прислали своего татарина Ешпулата, самъ друга, съ грамотою; а въ грамотѣ вы своей писали, чтобы намъ, атаманомъ молодцомъ, всему великому войску Донскому, съ вами, мурзами со всѣми, и съ улусными вашими людьми о государевѣ дѣлѣ и объ мирномъ договорѣ укрѣпиться и на словѣ положить: и у атамановъ молодцовъ, у всего великаго войска Донскаго, былъ кругъ съѣзжей; и въ кругу договорились атаманы-молодцы, велѣли атаману Ивану Каторжному ото всего войска Донскаго руку дать до мирнаго договору во всемъ, что какъ вы прикажите близко Дону рѣки, чтобъ надъ вами никакой шкоты отъ войска не учинилось, татарскихъ животовъ, коней и животины не отгонять, никакими умыслы не умышлять, и въ томъ атаманъ Иванъ Каторжный отъ войска вашему татарину Ешпу-

Февраля 7 число назначено было для съѣзда на Окупной яръ, съ обѣихъ сторонъ; по мурзы ногайскіе ни на этотъ ни на другіе, послѣ того назначенные, два срока не пріѣзжали, извиняясь тѣмъ, что улусы ихъ разсѣяны на великомъ пространствѣ; а на самомъ дѣлѣ, будучи подстрекаемы азовцами, старались уклониться отъ переговоровъ, и потому посланнымъ отъ войска отвѣтствовали, что они предварительно посовѣтуются о томъ съ азовцами. Не смотря на это, казаки посылали еще съ требованіемъ рѣшительнаго отвѣта: желаютъ ли мурзы вступить съ ними въ переговоры о мирѣ.

Послѣ сего Кейкуватъ Енмаметъ возвратилъ Струкова въ войско, поручивъ ему увѣдомить Алябьева и войсковаго атамана, что онъ самъ и другіе, повѣренные для договора, мурзы будутъ на Окупной яръ, вслѣдъ за нимъ. По пріѣздѣ Струкова на третій день, т. е. февраля 12, дѣйствительно пріѣхали на назначенное мѣсто Енмаметъ-мурза и Бей-мурза съ многочисленною свитою и при немъ до 1000 человѣкъ вооруженныхъ ногайцевъ. Вскорѣ прибыли Алябьевъ

лату и руку далъ . . . . . .
И вашъ татаринъ Ешпулатъ, самъ другъ, на томъ и шертъ дали, по своей вѣрѣ бусурманской, а объ мирномъ договорѣ пріѣдте мурзы сами на окупной яръ, и передъ собою пошлите съ вѣстью къ войску за два дни, потому, чтобы вамъ, пріѣхавъ на Окупной яръ, недолго стоять, а атаманы-молодцы не въ одномъ мѣстѣ живутъ; а какъ вамъ пріѣхать о мировомъ дѣлѣ договориться, сроку на недѣлю отъ воскресенья въ воскресенье,—по тотъ срокъ и рука дана. А отпустили мы къ вамъ съ Ешпулатомъ своихъ татаръ добрыхъ, Батерека да Тукуза, а будетъ у васъ съ нами миръ не станется, дайте вѣсть, а нашихъ людей отпустите. . . . . .
. . . . . .
А чтобы вамъ, мурзамъ, однолично быть въ войско, не опасаясь ничего, на Окупной яръ, договориться о государевѣ дѣлѣ и о мирномъ договорѣ, и, договорясь, укрѣпиться, и вы Василія Струкова и нашихъ татаръ, Батерека да Тукуза, къ войску отпустите и своего Ешпулата съ вѣстью пришлите, что миръ не надобенъ вамъ."

и войсковой атаманъ Иванъ Каторжной — съ опытнѣйшими казаками: ихъ охраняли всѣ бывшіе тогда въ главномъ войскѣ казаки, ибо атаманъ предувѣдомленъ былъ, что ногайцы хотятъ схватить Алябьева.

Выслушавъ государеву грамоту и рѣчь, говоренную Алябьевымъ по наказу, ногайскіе мурзы ничего рѣшительнаго не сказали, не согласились взять посланника къ себѣ въ улусы и аманатовъ не дали; а просили дать имъ грамоту для прочтенія въ улусахъ и увѣрили, что о расположеніи ногайскаго народа увѣдомятъ его чрезъ 10 дней непремѣнно. Посланникъ согласился на это; но прошло два срока, а увѣдомленія отъ ногайскихъ владѣльцевъ никакого не было. По совѣту Алябьева, войсковой атаманъ послалъ партію казаковъ въ улусы ихъ, для взятія языковъ; привели двухъ человѣкъ, кои въ распросѣ сказали: что грамота государева въ улусахъ хотя и читана, но не произвела никакого вліянія, что мурзы и чернь не только не обнаружили желанія исполнить волю россійскаго государя идти на прежнія кочевья къ Астрахани, но многіе пошли для грабежа въ украинные города къ Рязани и Шацку; а Казыева улуса Алей-мурза и другіе съ половиною улусовъ Малаго Ногая между тѣмъ близъ Азова переправились чрезъ Донъ на крымскую сторону. Казаки, узнавъ о томъ, догнали ихъ на взморьѣ, разбили, многихъ взяли въ плѣнъ и отбили значительное количество лошадей и рогатаго скота([261]); а другихъ, воз-

([261]) Дѣла Нагайскія, въ столбцу. 1636 г., № 2-й, отписка Донскихъ казаковъ къ государю, привезен. въ москву 1636 г. марта 11 атаманомъ Палуектомъ Савельевымъ съ товарищи.

. . . . . .

„Генваря, государь, въ 24 день Большаго Ногая Кейкуватъ—Енмаметъ—мурза„ договорился со всѣми мурзами и съ улусными людьми, прислали своего татарина Ешпулата къ намъ, холопямъ твоимъ, да нашего татарина; а съ нимъ, Ешпулатомъ, прислали отъ себя грамоту; а въ грамотѣ онѣ въ своей писали объ мирномъ договорѣ, чтобъ намъ, холопямъ твоимъ, съ ними, мурзами, помириться; а велѣти бъ имъ кочевать близко Дону рѣки; а къ Астрохани де мы вскорѣ не пойдемъ потому,

вращавшихся уже изъ Россіи съ плѣномъ, настигли за молочными водами, многихъ побили на мѣстѣ, взяли въ плѣнъ

что въ Астороханп де нынѣ калмыки; а кочуютъ де на нашихъ кочевьяхъ въ мочекахъ, и мы . . . . . Холопи твои, учали ихъ татарину Ешпулату говорить, чтобъ они, мурзы, съ своими улусными людьми съ нами, холопи твоими, помирилися и шли бы къ Астороханп. И ихъ татаринъ Ешпулатъ учалъ у насъ руки прошать у атамана, чтобъ имъ мурзамъ, пріѣхать для мирнаго договора на Окупной Яръ безстрашно. И мы государь, холопи твои, переговоря межъ собою, велѣли атаману Ивану Каторжному отъ всего войска Донскаго дать крестное цѣлованіе и руку, чтобъ ѣхали мурзы на со . . . . . отвоемъ государевѣ дѣлѣ и ози . . . . . договорѣ и срокъ, какъ мурзамъ быть на Окупной яръ, учинили на недѣлю февраля 7 дня; и договорясь, государь, мы, холопи твои, съ ихъ татариномъ съ Ешпулатомъ обо всемъ, да отпустили въ ногай къ мурзамъ, а съ нимъ, Ешпулатомъ, вмѣстѣ отпустили своихъ татаръ и грамоту отъ войска писали о твоемъ государевѣ дѣлѣ и объ мирномъ договорѣ; и рѣчью своимъ татарамъ говорить отъ войска приказали, что поѣдьте, не опасаясь ничего, на Окупной яръ. Нынѣ, государь, мурзы на тотъ первый срокъ не бывали а присылали отъ себя съ отвѣстью татарина, что намъ де на тотъ срокъ на яръ не поспѣть, потому что де не въ одномъ мѣстѣ мы кочуемъ; и мы, государь, холопи твои, другой срокъ имъ учинили; и они, государь, и на тотъ срокъ не поспѣли: на Окупной яръ не бывали, и мы, государь, третій имъ срокъ учинили и съ ихъ татариномъ наказали: что вы, мурзы, сами къ государю къ Москвѣ отъ себя посланцовъ своихъ посылали и хотѣли подъ государскою высокою рукою въ холопствѣ быть по прежнему; и ваши посланцы отъ вашихъ отъ всѣхъ мурзъ и отъ улусныхъ людей, на томъ и шерть учинили, а съ нами, холопи государевы, хотѣли помириться; а вы намъ своимъ дѣломъ не радѣете, на Окупной яръ не ѣдете, а вдаль дѣло откладываете, и они государь, нашимъ татаромъ противъ того сказали: поѣдемъ де мы напередъ въ Азовъ и передумаемъ съ азовскими людьми обо всемъ. И все, государь, ихъ сбили азовскіе люди да крымскіе, безпрестанно къ нимъ ѣздили въ улусы и къ себѣ въ городъ зазывали, и какъ, государь, передумавъ . . . . . мурзами, что имъ не мириться съ нами, холопи твоими; и они, государь, мурзы, отпустили Василья Стрюкова къ намъ, холопемъ твоимъ, за три дни передъ собою, а мы де, договорясь со вс. . . . . договоромъ и съ казаками мириться на Окупной яръ пріѣдемъ, Енмаметъ-мурза, да Бей-мурза со многими людьми пріѣхали; а мы, государь, холопи твои, то жъ изъ юртовъ своихъ съѣхалися на Окупной яръ, а дворя-

начальника ихъ, Агу-Багильду, съ значительнымъ числомъ татаръ, отняли русскихъ плѣнныхъ, коихъ переведя на Донъ,

---

нина твоего государева Өедора Олябьева съ собою взяли на Окупной яръ, и стали, государь, мы у мурзъ аманатовъ просить, а своихъ аманатовъ имъ мурзамъ давати, чтобъ намъ за аманаты помириться съ ними; и они, государь, мурзы, аманатовъ не дали намъ, холопемъ твоимъ, и о твоемъ государевѣ дѣлѣ и объ миру неговорили ничего; только стали просить отъ войска руки; и мы государь, холопи твои, велѣли имъ отъ войска руку дать своимъ двумъ казакомъ, чтобъ межъ нами съ ними шкоды никакой не учинилось; и они мурзы Енмаметъ-мурза да Бей-мурза, съ нашими казаками по рукамъ били, чтобъ промежъ нами никакова задора и шкоды неучинилося, и бивъ по рукамъ, прочь отъѣхали мурзы. И мы, государь, опять къ нимъ засылали о твоемъ государевѣ дѣлѣ и объ миру, что будетъ ли у васъ, у мурзъ, съ нами миръ или нѣтъ, и будетъ мириться съ нами не хотите, и вы пришлите добрыхъ аманатовъ къ намъ въ кругъ, въ Өедорово мѣсто, Олябьева, государева дворянина Өедора Олябьева . . . . . съ государевою грамотою къ себѣ. . . . . те государеву грамоту передъ С. . . . . и они въ Өедорово мѣсто Олябьева аманатовъ намъ не дали и Өедора къ себѣ не взяли и о твоемъ гозударевѣ дѣлѣ ни очемъ не договорились, да и поѣхали отъ насъ, холопей твоихъ, прочь мурзы въ степь. . . . . а кочуютъ, государь, нынѣ они не въ дальныхъ отъ Дону, по степнымъ рѣчкамъ, по Чубуру да по Еи, а казыевскіе мурзы: Алей-мурза, и иные мурзы, половина Малаго Ногаю, перелезли Донъ на крымскую сторону бѣгомъ; а перелазили, государь, подъ Азовомъ; а намъ вѣдома учинилося, и мы, государь, холопи твои, за ними ходили и сошли, государь, ихъ на крымской сторонѣ, на взморьѣ, и учинился, государь, у насъ, холопей твоихъ, съ ними, ногайскими людьми, бой, и милостію Божіею, а твоимъ государскимъ счастіемъ, многихъ у нихъ людей побили, и ясырь у нихъ побрали, и стада у нихъ кони и коровы отогнали."

Тѣхъ же дѣлъ, № 3, распросныя рѣчи атамана Анисима Никифорова съ товарищи, 14 мая 1636 года.

. . . . . .

„А съѣхался Өедоръ Олябьевъ съ мурзами, велѣлъ имъ съ лошадей сойти и шапки снять, и рѣчь слушать велѣлъ, и говорилъ имъ рѣчь по государеву указу.

И мурзы де, выслушавъ рѣчи, просили у него государевы грамоты, и говорили, что прислали ихъ всѣ ногайскіе мурзы, а приказали просить у него государевы грамоты, что прислана съ нимъ отъ государя ко всѣмъ ногайскимъ мурзамъ, а они де ту госуда-

отправили въ Россію на судахъ([262]).

Междоусобіе въ ногайскихъ улусахъ. Между

реву грамоту отвезутъ въ улусы ко всѣмъ ногайскимъ мурзамъ и къ улуснымъ людемъ; и мурзы де противъ той государевой грамоты, переговоря межъ собою, о всемъ вѣдомо ему учинятъ."

„И Ѳедоръ де Олябьевъ, говоря съ мурзами, государеву грамоту имъ отдалъ и отпустилъ ихъ улусы.

А съ мурзами договорился, что противъ той государевой грамоты ждать ему изъ ногайскихъ улусовъ отъ мурзъ вѣсти срокъ 10 день, и изъ ногайскихъ улусовъ на тотъ срокъ и послѣ того на два срока никакія вѣсти не бывало."

„И для того посыланы были съ Дону подъ ногайскіе улусы для языковъ охочіе люди, и языковъ взяли дву человѣкъ татаръ."

„И тѣ де языки-татарова и полоняники, которые на Донъ изъ ногая вышли, сказывали въ распросѣ, что ногайскіе мурзы въ улусѣхъ государеву грамоту чли и приговорили де мурзы и всѣ ногайскіе люди, что имъ къ Асторохани на старыя свои кочевья нехаживать, а кочевать вмѣстѣ съ меньшимъ ногаемъ, по рѣкѣ по Кубану и около Азова, и изъ улусовъ де пришли ногайскіе многіе люди на государевы украйны войною на шацкія и на резанскія, и на иныя мѣста."

([262]) Дѣла Ногайскія, въ столбц. 1636 г., № 2, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву съ атаманомъ Онисимомъ Никифоровымъ съ товарищи.

. . . . . .

„Послѣ де, государь, того съѣзда Большаго Ногая улусные люди и азовцы пошли въ Русь по крымской сторонѣ въ твои государевы украинные городы; а мы, государь, холопи твои, свѣдавъ ихъ походъ на крымскую сторону, на перелазѣхъ внизъ и вверхъ по Дону берегли многое время во многихъ мѣстехъ; и они, свѣдавъ отъ насъ, холопей твоихъ, береженье, перелѣзли Донъ ниже Азова, и наши, государь, Донскіе атаманы—казаки пошли за ними въ походы по крымской сторонѣ въ разныя мѣста по ихъ сакмамъ, и сошли, государь, ихъ, не доходя украинныхъ городовъ, въ трехъ мѣстахъ, погромили, татаръ побили и лошадей у нихъ отогнали, и погромя, государь, ихъ, отворотъ учинили на Донъ къ войску и сами пошли за ними, ногайцами за большими людьми, по ихъ шлехамъ. Да шли, государь, изъ Руси татарова съ русскимъ полономъ по послѣднему зимнемъ путемъ, по крымской сторонѣ; а наши, государь, Донскіе казаки были въ ту пору на степи въ походѣ, въ дальныхъ мѣстѣхъ, и обрѣзали шляхъ къ Крыму, и шли за ними шляхомъ 10 день, и сошли государь, ихъ къ Крыму за молочными водами, и стали на нихъ бить, и милостію Божіею, а твоимъ государскимъ счастіемъ, тѣхъ татаръ

тѣмъ несогласія и вражды между мурзами ногайскими со дня на день возрастали. Мурзы Малаго Ногая: Бей-мурза Урмаметевъ, Адиль-мурза Аралановъ и Кучукъ-мурза Урмаметевъ, намѣревавшіеся идти кочевать къ Астрахани, бывъ за то разбиты и ограблены мурзами Большаго Ногая, въ сентябрѣ мѣсяцѣ ушли къ Азову, просили казаковъ заключить съ ними миръ и во увѣреніе того дали присягу и аманатовъ, потомъ, соединясь съ Донскими казаками, пошли для разворенія улусовъ Большаго Ногая.

Походъ казаковъ вмѣстѣ съ мурзами Малаго Ногая на улусы Большаго Ногая. Октября 5 числа напали на улусы Янмаметъ-мурзы и другихъ согласныхъ съ нимъ мурзъ, близъ Темрюка кочевавшіе, разорили оные, нѣсколько семействъ улусовъ урмаметовыхъ возвратили и пошли обратно; но прочіе мурзы Большаго Ногая, узнавъ объ этомъ, соединились поспѣшно; догнали побѣдителей, дрались четверо сутокъ съ равнымъ ожесточеніемъ и съ равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ.

Мурзы Большаго Ногая даютъ присягу въ вѣрности Россійскому государю. Янмаметъ и прочіе мурзы Большаго Ногая, видя, что плѣнныхъ, захваченныхъ у нихъ мурзами Малаго Ногая, отнять не въ силахъ, прислали къ казакамъ, бывшимъ въ этомъ походѣ, просить о заключеніи мира. Предложеніе это принято охотно, и Янмаметъ-мурза за всѣхъ мурзъ и за весь народъ

многихъ побили и начальнаго агу ихъ Багильдю и многихъ татаръ живыхъ взяли, и русской полонъ весь отгромили; и того государь, агу и русской полонъ привели на Донъ къ войску; а приведчи, государь, русской полонъ, отпустили мы, холопи твои, въ *бударѣ* къ Руси; а въ распросѣ, государь, тотъ ага Багильдя намъ, холопямъ твоимъ, сказалъ, что пошли они въ Русь изъ Малаго Ногая въ осень и зимовали въ Руси въ разныхъ мѣстехъ; а имали полонъ по дорогамъ, какъ ѣздятъ по сѣна и въ лѣса; а пошли до было мы изъ Руси къ своему алею мурзѣ Уракову, который, государь, перешелъ въ осень въ Крымъ изъ Малаго Ногая."

Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 19 іюля 1636 года.

Тѣхъ же дѣлъ, № 3, грамота Донскихъ казаковъ сентября 11 дня 1636 года.

Большаго Ногая далъ присягу на вѣрность подданства Россійскому государю, и чтобы идти къ Астрахани на старыя кочевья; а казаки, отдавши имъ весь плѣнъ, возвратились на Донъ.

Нарушаютъ присягу и съ улусами своими уходятъ въ Крымъ. Но эта присяга скоро была нарушена, когда царевичъ крымскій съ многочисленнымъ войскомъ пришелъ къ Азову, для прикрытія Большаго Ногая при переправѣ чрезъ Донъ на крымскую сторону; въ то время и мурзы Малаго Ногая, давшіе отъ себя аманатовъ, соединились съ азовцами и крымцами подъ предводительствомъ царевича и пошли для разоренія казачьихъ городковъ. Казаки, узнавши о томъ, вышли къ нимъ на встрѣчу, вступили въ бой, разбили изъ и многихъ побили и переранили такъ, что царевичъ съ крымскимъ войскомъ 14 ноября принужденъ былъ возвратиться въ Крымъ и всѣхъ мурзъ Большаго и Малаго Ногая со всѣми ихъ улусами, кочевавшими близъ Азова (изъ коихъ послѣдніе оставили въ войскѣ аманатовъ), увелъ съ собою(263).

(263) Дѣла Донскія, въ столбц. 1635, 1636 и 1637 г., грамота на Донъ отъ 26 февраля 1637 года.

„Въ нынѣшнемъ де во 145 году, сентября въ 10 день, присылали къ вамъ ногайскіе мурзы: Бей-мурза Урмаметевъ, да Адилъ-мурза Арасланов, да Кучукъ-мурза Урмаметевъ съ братьями и съ дѣтьми и съ племянниками, что ихъ Большаго Ногая Янмаметъ-мурза Тинмаметевъ, да Окинъ-Векъ-мурза съ братьею и съ дѣтьми и съ племянники и съ своими улусными людьми, всѣхъ переграбили и Адилъ-мурза у нихъ до смерти зарѣзали ножемъ, и черныхъ мужиковъ многихъ у нихъ переграбили, а женъ мурзинныхъ и дѣтей и улусы ихъ со всѣми животы къ себѣ заворотили къ своимъ улусомъ за то, что они хотѣли быть подъ нашею рукою въ холопствѣ, по прежнему идти кочевать подъ Асторохань на старыя свои кочевья; и они де, мурзы Урмаметевы, съ своими людьми отъ нихъ побѣжали: стало имъ не въ силу; а прибѣжали де къ Азову и вамъ бы Донскимъ атаманомъ и казакомъ съ ними мурзами помириться; а они де, мурзы, хотятъ быть подъ нашею царскою высокою рукою въ холопствѣ по прежнему; и вы, атаманы и казаки, приказали къ нимъ, чтобъ они, мурзы, для мирнаго договору и утвержденья, пріѣхали сами къ вамъ на

ГЛАВА X.

Причины побудившія казаковъ ко взятію Азова. — Приготовленія казаковъ ко взятію Азова. — Осада Азова. —Неблагопріятныя для казаковъ дѣйствія турецкаго посла.—Разбитіе казаками вспомогательныхъ войскъ, шедшихъ на помощь къ Азову. — Убіеніе турецкаго посла. — Подкопъ подъ стѣны Азова.— Взятіе Азова и истребленіе всѣхъ жителей онаго и гарнизона.—Донесеніе государю объ этомъ происшествіи.—Дѣйствія казаковъ противъ крымцевъ.—Разъѣзды казаковъ по морю.—Слѣдствія покоренія Азова. — Вооруженіе Порты на казаковъ. — Положеніе казаковъ въ Азовѣ.—Политика Россіи.—Осада Азова.—Неудачные приступы турокъ.— Усиленіе турецкаго войска.—Продолженіе осады —Подкопы казаковъ; послѣднія усилія осаждающихъ.—Ропотъ у осаждающихъ и бѣгство ихъ.— Потери съ обѣихъ сторонъ. — Казаки предлагаютъ Азовъ государю —Милостивая грамота государя къ казакамъ.—Земскій соборъ, державный въ Москвѣ объ Азовѣ.—Казаки оставляютъ Азовъ по повелѣнію государя.

Причины, побудившія казаковъ ко взятію Азова. Страшно было оружіе казаковъ для азовцевъ. Съ

Донъ, къ войску, и аманаты бъ привезли. Сентября въ 18 день Кучукъ-мурза да Орла-мурза и иные многіе мурзы Урмаметевы съ своими со многими людьми пріѣзжали на Донъ, къ *нижнему* городку, и съ вами съѣзжались и говорили, чтобъ вамъ съ ними помириться и аманаты бъ у нихъ къ себѣ взять, а помирясь, идти съ ними на Большой Ногай войною. И вы съ ними договорились, чтобъ имъ быть подъ нашею царскою рукою въ холопствѣ, по прежнему идти кочевать подъ Асторохань къ осени, и шерть тѣ мурзы на томъ учинили и аманатовъ вамъ дали Бій-мурза, сына Урмаметевыхъ; а вы, атаманы и казаки, взявъ у нихъ аманатовъ, давали имъ всякой запасъ, медъ и вино и себя въ томъ изубытчили, для того, что хотѣли ихъ видѣть подъ нашею рукою въ холопствѣ попрежнему, и пошли съ ними, мурзами, на Большой Ногай войною вмѣстѣ заодно, и сошли Большаго Ногая мурзъ съ улусы по Кубану въ Култуку на рѣчкѣ на Кумурѣ, къ морю къ Желусюку, октября въ 5 день, и ударили на первые улусы, на Янмаметъ мурзинъ Тинмаметева улусъ, да на Окинъ-бекъ мурзинъ улусъ и на иные улусы; и въ тѣхъ улусѣхъ многихъ татаръ порубили, и Урмаметевыхъ мурзъ, женъ и дѣтей и черныхъ мужиковъ женъ и дѣтей, съ избами, заворотили многихъ и полонъ татарской Большаго Ногая многой поимали, и взявъ тѣ улусы, пошли къ себѣ назадъ; и какъ собралися Большаго Ногаю всѣ мурзы съ своими улусными людьми, учинился съ ними и съ урмаметевыми мурзами бой; и на первомъ бою урмаметевыхъ мурзъ ихъ улусные люди передались всѣ къ Большому Ногаю къ мурзамъ; а только остались съ мурзами съ пятьсотъ человѣкъ и соединились вмѣстѣ съ Большимъ Ногаемъ; а бились де съ ними

негодованіемъ смотрѣли на грозное сосѣдство ихъ властители османскіе, и не могши переговорами склонить московскій дворъ удалить казаковъ съ Дону, старались укрѣпленіемъ самаго Азова положить преграду ихъ предпріимчивости: обновлены стѣны города, проведены валы, рвы, воздвигнуты башни, укрѣпленъ замокъ, сдѣланы передовыя крѣпостцы на берегахъ Дона и четырехтысячный турецкій гарнизонъ посаженъ въ городъ. Можетъ быть обнадеженные таковою

и съ урмаметевыми мурзами четыре дни и четыре ночи безпрестанно, а на томъ бою убили у нихъ Куданъ мурзу Уракова; и, видя они, Янмаметъ мурза Тинмаметевъ да Окинъ бекъ мурза съ братьями и съ дѣтьми, и съ племенники, что имъ у нихъ ясырю своего не отбить, и они прислали къ вамъ, чтобъ вамъ помириться и полонъ ихъ отдать имъ; а они, мурзы Большаго Ногая, всѣ хотятъ быть подъ нашею рукою въ холопствѣ, и вины свои къ намъ, договорясь съ вами, принесутъ; и Янмаметъ мурза, за всѣхъ мурзъ и за чорныхъ людей, по своей вѣрѣ шерть на томъ учинилъ, что имъ быть подъ нашею рукою въ холопствѣ и подъ Асторохань идти; и вы, атаманы и казаки, помня къ себѣ нашу милость, приведчи къ шерти, полонъ ихъ весь отдали и, отдавъ полонъ, пошли къ себѣ на Донъ; а ногайскіе мурзы съ улусы своими учали кочевать по Бей-арѣ да по Челбашу; а Урмамаметъ бей мурза, да Адилъ мурза Аралановъ, да Кучукъ мурза съ улусы учали кочевать по рѣчкѣ—по Кагальнику; а какъ приходилъ подъ Азовъ крымской царевичъ со многими ратными людьми, для Большаго Ногаю, чтобъ ихъ перебить черезъ Донъ на Крымскую сторону, и ногайскіе мурзы всѣ и урмаметевы, которые шертовали и аманатовъ дали, на той правдѣ своей не устояли, сложась съ азовцы и съ крымскимъ царевичемъ за одно, перелѣзли со всѣми улусы и васъ, Донскихъ и казаковъ, хотѣли побить и городки ваши разорить; и вы крымскаго царевича съ ратными людьми и съ ногайскими людьми бились и Божіею милостію, а нашимъ царскимъ счастіемъ, на бояхъ крымскихъ, и азовскихъ, и ногайскихъ многихъ людей побили до смерти и переранили; и отъ Азова крымской царевичъ съ своими ратными людьми пошолъ ноября въ 14 день, а Большаго Ногаю мурзъ всѣхъ съ улусы заворотилъ съ собою; а пошолъ съ ними возлѣ моря; а урмаметевы мурзы, Бій мурза, да Адилъ мурза, да Кучукъ мурза и всѣ урмаметевы мурзы, пошли съ нимъ же, царевичемъ, вмѣстѣ, а аманатовъ отступилися, и нынѣ тѣ ихъ аманаты у васъ на Дону; и о тѣхъ бы аманатѣхъ велѣли вамъ указъ учинить».

твердостію укрѣпленій своихъ, азовцы усилили набѣги на Россію и сдѣлались дерзновеннѣе противу казаковъ.

Бѣдственно было страданіе Россіянъ въ плѣну у невѣрныхъ: въ постыдномъ рабствѣ, низкихъ и тяжкихъ работахъ томились они въ Азовѣ; оттуда продавали ихъ въ разныя орды. Святой храмъ Іоанна Предтечи, воздвигнутый въ этомъ городѣ еще во времена владычества христіанъ, поруганъ мусульманами, и въ немъ немногіе русскіе иногда молились о своемъ жребіи Донцы скорбѣли о запустѣніи святыни; негодовали на дерзость азовцевъ; но главное страшились возрастающей ихъ силы, и твердо рѣшились исторгнуть Азовъ изъ рукъ магометанъ.

Приготовленія казаковъ ко взятію Азова. Старѣйшины звали казаковъ со всѣхъ городковъ и становъ рѣшить общее *войсковое дѣло*. Въ самомъ началѣ весны 1637 года собралось Донское войско на Монастырскомъ яру. Тѣже старѣйшины, предложивъ Войсковому кругу подвигъ доблести и славы, требовали общаго мнѣнія и услышали единодушный приговоръ: «идти посѣчь бусурманъ, взять городъ и утвердить въ немъ Православную вѣру». Не было у казаковъ стѣнобитныхъ орудій; четыре небольшіе фальконета составляли всю артиллерію, весьма мало было у нихъ и пороху, и свинцу, и провіанта; но они ожидали изъ Москвы посланцовъ своихъ съ царскимъ жалованьемъ.

Казаки малороссійскіе и запорожскіе боролись тогда съ насиліемъ поляковъ; защищая права свои, многіе легли на поляхъ родныхъ; другіе замышляли отдаться въ покровительство Россіи, или Тавриды, а часть запорожцевъ, оставя отечество, пошли искать счастія въ странахъ отдаленныхъ, намѣреваясь предложить службу свою персіянамъ. Эти запорожцы пришли на берега Дона въ то самое время, когда казаки Донскіе учреждали походъ свой къ Азову и приняты ими дружественно. «Путь вашъ далекъ и опасенъ,—говорили Донскіе старѣйшины запорожцамъ,—выигрышъ ненадеженъ; мы имѣемъ запасу довольно и у насъ найдете вы все то,

что думаете искать въ странахъ чужеземныхъ; вотъ Азовъ,— возмемъ его, откроемъ свободный путь въ море Азовское и Черное, тогда богатыя добычи будутъ нашею наградою; хотите ли быть вѣрны друзьямъ и братьямъ своимъ?» Запорожцы поклялись стать за одно съ Донскими казаками противу невѣрныхъ.

Въ часовнѣ монастырскаго городка пѣли молебны, еще клялись во взаимной вѣрности, всѣ рѣшительно утвердились въ своемъ намѣреніи, выбрали начальниковъ и, дождавшись посланный предъ тѣмъ легкій отрядъ для языковъ, призывая въ помощь Бога, двинулись сухопутно и рѣкою къ стѣнамъ Азова. Въ этомъ ополченіи были всѣ Донскіе казаки; можетъ быть оставались въ городкахъ однитолько старцы. Войсковой атаманъ Михайло Татариновъ, столько же славный личнымъ мужествомъ, сколько и умомъ вождя, предводительствовалъ ополченіемъ. Два раза прежде этого казаки брали оружіемъ своимъ Азовъ, нѣсколько разъ разоряли его, но тогда воевали они ветхій, почти беззащитный городъ, теперь должны покорить крѣпость порядочно устроенную, достаточно снабженную провіантомъ, огнестрѣльнымъ снарядомъ и гарнизономъ.

Осада Азова. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ началась осада; дружины казаковъ раздѣлены были на 4 части и со всѣхъ сторонъ облегли городъ; на устьѣ Дона стояла судовая стража; пресѣчены всѣ сообщенія и ни откуда не могла пробраться помощь.

Не имѣя средствъ разрушить укрѣпленія, казаки должны были рѣшиться на средство отчаянное—одержать побѣду мечемъ на стѣнахъ города.—Немедленно приступили къ приготовительнымъ работамъ: повели вокругъ всего города большіе рвы, подѣлали плетеные туры, насыпали ихъ землею и, защищаясь рвами, подватили такъ близко, что могли уже метать каменья на непріятелей; все сіе казалось смѣшнымъ для гордыхъ магометанъ, которые считали себя слишкомъ безопасными въ стѣнахъ города; они стрѣляли изъ пушекъ и мелкаго оружія,

но не могли вредить казакамъ во рвахъ и за турами; болѣе трехъ недѣль продолжались эти работы и взаимная перестрѣлка, безполезная для одной и безвредная для другой стороны.

Неблагопріятныя для казаковъ дѣйствія турецкаго посла. У Донскихъ казаковъ былъ въ это время турецкой посолъ Ѳома Котакузинъ, который пріѣхалъ сюда въ концѣ зимы, дожидался царскаго чиновника для провожанія его къ Москвѣ, вмѣстѣ со всѣми своими людьми. Уже для этого отъ государя отправленъ былъ на Донъ дворянинъ Чириковъ, а съ нимъ по пути атаманъ Каторжный съ казаками, которые посыланы въ Москву съ донесеніемъ о прибытіи Катакузина. Не зная намѣренія Донскихъ казаковъ, государь послалъ къ нимъ жалованье, писалъ грамоты и повторялъ приказанія свои жить смирно съ азовцами. Еще Чириковъ не достигъ Донскихъ городковъ, какъ Катакузинъ подвергся гибельному положенію: видя что казаки съ твердою рѣшительностію предприняли осаду, онъ тайно послалъ гонцовъ къ крымскому хану и къ султану, прося поспѣшить присылкою ратныхъ людей на помощь къ Азову, хотя изъ ближайшихъ городковъ Темрюка и Тамани. Сверхъ того послалъ къ азовцамъ, чтобы они и отъ себя отправили еще скорыхъ гонцовъ въ Крымъ и въ Константинополь; шедшій въ Азовъ съ этою отпискою грекъ пойманъ казаками, кои узнавъ отъ него съ пытки всѣ вредныя для нихъ дѣйствія, готовили турецкому послу жестокое наказаніе; а между тѣмъ со стороны крымской и кубанской, отъ Темрюка и Тамани учредили ближніе и дальніе наблюдательные разъѣзды, дабы не пропустить непріятельскихъ войскъ.

Уже у осаждающихъ истощились послѣднія деньги, провіантъ, порохъ и свинецъ; съ страхомъ и нетерпѣливою надеждою ждали они атамана своего изъ Москвы, и наконецъ въ исходѣ апрѣля увидѣли Чирикова, Каторжнаго и съ ними болѣе ста казаковъ. Чириковъ отдалъ казакамъ жалованье, царскія грамоты и требовалъ посла; но онъ содержался у ка-

заковъ какъ измѣнникъ и они рѣшительно отказались выдать его. Обеспеченные необходимыми запасами, они пировали предъ шатрами своими и производили сильную пальбу по городу; азовцы дивились этой перемѣнѣ, но не переставали смѣяться надъ усиліями казаковъ. Осада продолжалась безъ особыхъ важныхъ послѣдствій.

Разбитіе казаками вспомогательныхъ войскъ, шедшихъ на помощь къ Азову. Вдругъ получены вѣсти отъ разъѣздныхъ партій, что отъ стороны Кагальника идутъ къ Азову вспомогательны войска: это была рать, собранная по извѣстіямъ турецкаго посла въ Керчи, Темрюкѣ и Тамани изъ турковъ и темрюкскихъ черкесовъ. Съ величайшею скрытностію вышли изъ лагеря отборные казаки, встрѣтили непріятеля на рѣчкѣ Кагальникѣ, вступили въ бой жестокій, упорный, и одолѣвъ враговъ, многихъ побили, другихъ разогнали такъ, что ни одинъ не достигъ Азова.

Убіеніе турецкаго посла. Пали въ этой дракѣ и многіе казаки, за которыхъ посланникъ заплатилъ своею жизнію: побѣдители возвратясь въ лагерь, въ общемъ кругу приговорили убить Катакузина и всѣхъ людей съ нимъ бывшихъ..... и исполнили ужасный приговоръ свой, противный правамъ народнымъ. Послѣ сего рѣшительнѣе приступили и къ осадѣ.

Подкопъ подъ стѣны Азова. Между Донскими казаками былъ одинъ нѣмецъ (вѣроятно приставшій къ нимъ во время мятежей въ Россіи) Иванъ Арадовъ, который, по словамъ лѣтописи, зналъ *подкопное дѣло*. Казаки рѣшились вести подъ городъ подкопъ; немедленно приступили къ работѣ и трудились неутомимо. Азовцы стрѣляя со стѣнъ, съ презрѣніемъ и насмѣшками ругались надъ казаками: «стойте сколько хотите, кричали они, а города не возмете; сколько въ стѣнѣ каменьевъ, столько головъ вашихъ ляжетъ подъ онымъ». Чрезъ четыре недѣли подкопъ оконченъ и казаки готовились къ приступу. 18 іюня былъ роковой день для гордыхъ магометанъ: наканунѣ онаго казаки очисти-

лись постомъ и молитвою; въ день приступа исповѣдались у отцовъ духовныхъ. Глубокая тишина царствовала въ станѣ казаковъ; взаимно прощаясь, со слезами говорили они другъ другу: «поддержимъ братія честь нашего оружія, постоимъ за православную вѣру и за святой храмъ; умремъ если такъ суждено, но не посрамимъ себя.» — Азовцы видя тишину, потомъ движенія въ станѣ осаждающихъ, предсказывали другъ другу бѣгство казаковъ и радовались.

Взятіе Азова и истребленіе всѣхъ жителей онаго и гарнизона. Но въ 4 часа ночи грянулъ громъ подкоповъ, затряслись твердыни азовскія, взорвало часть стѣны; люди вмѣстѣ съ каменьями, глыбами земли и обломками строеній полетѣли вверхъ, и пали на поля окружныя. Осаждающіе воспользовались минутою смятенія: атаманъ Михайло Татариновъ первый съ отборными казаками устремился въ проломъ; прочіе со всѣхъ сторонъ взбирались на стѣны по лѣстницамъ, несли другъ друга на плечахъ подъ тучею пуль и каменьевъ непріятельскихъ; городскія стѣны и улицы сдѣлались полемъ сраженія. И гарнизонъ и жители защищались съ мужествомъ и яростію. Казаки были въ такомъ же пылу; уже замолкли пушки, только изрѣдка слышны были выстрѣлы пищалей и ружей, бой сталъ рукопашный: рубились саблями, рѣзались кинжалами и ножами. Долго побѣда была сомнительна для обѣихъ сторонъ, и остальную часть ночи и во весь день съ утра до вечера кипѣла битва съ перемѣннымъ счастіемъ; наконецъ ярость мусульманъ уступила мужеству казаковъ,—азовцы побѣждены: часть заперлась въ замкѣ, остальные устремились чрезъ стѣны въ степь и въ бѣгствѣ искали спасенія. Окруживъ замокъ, казаки немедленно послали дружины свои преслѣдовать бѣгущихъ; ихъ скоро настигли, но встрѣтили храброе сопротивленіе: болѣе 10 верстъ азовцы отступали съ упорствомъ, наконецъ казаки ихъ разсѣяли. Еще несчастнѣе были осажденные въ замкѣ: они нехотѣли сдаться до послѣдней минуты; болѣе трехъ дней защищались, побили множество ка-

заковъ каменьями, и сами всѣ пали подъ мечемъ побѣдителей. — Такъ сдѣлались казаки обладателями султанской области на краю Азовскаго моря, и немедленно очистивъ городъ, утвердились въ немъ *всѣмъ Войскомъ*.(264)

(264) Сказаніе о взятіи Донскими казаками города Азова, рукописное (безъ означенія автора и времен, и когда оно написано.) Дѣла Донскія, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву Іюля 30, 1637 года.

«Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи, холопи твои государевы, Донскіе атаманы и казаки Михалко Ивановъ и все войско Донское челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 145 году маія въ 1-й день, по твоему государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, прислана къ намъ, холопемъ твоимъ, твоя государева грамота съ нашею Донскою станицею съ атаманомъ Тимофеемъ Яковлевымъ съ товарищи; а въ твоей государевѣ грамотѣ писано къ намъ, холопямъ твоимъ: указалъ ты, великій государь, послать на Донъ къ намъ, холопямъ твоимъ, для пріему турскаго посла Томы Кантакузина, дворянина своего Стефана Чирикова, рѣкою Дономъ, въ стругѣхъ, какъ лелъ вскроется за первыми (и)крами и велѣти турскаго посла принять, и въ приставѣхъ у него до Москвы быть твоему государеву дворянину Стефану Чирикову, а насъ холопей твоихъ, ты, великій государь, пожаловалъ, указалъ съ нимъ, дворяниномъ, послать къ намъ, холопемъ своимъ, атаманомъ и казакомъ, всему Войску Донскому, свое государское жалованье, деньги и сукна и хлѣбные запасы, и вино, и свинецъ, и порохъ, сѣра и селитра и пушечные ядры, а атамана нашего Тимофея Яковлева съ товарищи пожаловалъ своимъ царскимъ жалованьемъ и отпустилъ къ намъ, холопемъ твоимъ, съ своею государевою грамотою, а велѣно ему ѣхать къ Войску на спѣхъ, напередъ дворянина Чирикова, а чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, посла турскаго Тому Кантакузина съ Дону до тѣхъ мѣстъ, покамѣсть не пріѣдетъ ка намъ съ твоимъ государевымъ жалованьемъ Стефанъ Чириковъ, къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ, не отпускать, подождать того, какъ онъ, дворянинъ, на Донъ къ намъ, холопемъ твоимъ, пріѣдетъ, а какъ государь, нашъ станичной атаманъ Тимофей Яковлевъ съ товарищи къ намъ, холопемъ твоимъ, пріѣхалъ отъ тебя, государя, съ грамотою, на Яръ Маія въ 1-й день и насъ, государь, холопей твоихъ, на яру не засталъ, пошли мы, холопи твои, переговоря межъ собою, подъ Азовъ, потому государь, что они, азовскіе люди, на насъ, холопей твоихъ, умышляли, крымскому царю писали для рати, чтобъ насъ, холопей твоихъ съ Дону перевесть, а Донъ рѣку очистить; и мы, государь, не дожидая на себя ихъ бусурманскаго приходу, а видя къ себѣ

Донесеніе государю объ этомъ произшествіи. Государь ничего не зналъ о дѣйствіяхъ казаковъ; овладѣвъ Азовомъ, они тотчасъ послали въ Москву атамана Степана ..етрова и четырехъ казаковъ съ извѣстіемъ и съ повин-

---

твою государскую милость, пошли подъ Азовъ, апрѣля въ 21-й день, конные и судами всѣ безъ выбору. Да въ нынѣшнемъ же, государь, во 145 году, маія въ 28 день прислана къ намъ, холопемъ твоимъ, твоя государева грамота, за приписью дьяка Мак. сима Матюшкина, съ нашею Донскою станицею съ атаманомъ Иваномъ Каторжнымъ съ товарищи, а въ твоей государевѣ грамотѣ писано къ намъ холопемъ твоимъ, что ты великій государь, для дружбы и любви брата своего великаго государя салтанъ муратова величества указалъ послать къ намъ на Донъ дворянина своего Стефана Чирикова, съ ратными людьми, рѣкою Дономъ въ стругѣхъ, какъ ледъ вскроется, и велѣлъ ты государь турскаго посла Тому Кантакузина у насъ холопей твоихъ принять и проводить къ тебѣ государю къ Москвѣ; а къ намъ холопемъ твоимъ послано съ тѣмъ дворяниномъ твое государево жалованье деньги, и сукна, и хлѣбные запасы, сухари, и крупы, и толокно, и вино, и зелье, и свинецъ, селитра и сѣра и пушечныя ядра во всемъ предъ прежнимъ съ прибавкою; а атамана Ивана Каторжнаго съ товарищи, пожаловавъ своимъ царскимъ жалованьемъ, отпустилъ къ намъ къ Войску; а какъ къ намъ холопемъ твоимъ твоя государева грамота придетъ, и чтобъ намъ съ азовцы помириться и турскаго посла Тому Кантакузина изъ Азова принять. А мы, государь, холопи твои, до твоей государевой грамоты, межъ собою учинили приговоръ, что однолично надъ азовскими людьми промышлять сколько милосердый Богъ помочи подастъ, и пришедчи подъ Азовъ, стояли недѣли три и больши, и видя онъ турской посолъ Тома Кантакузинъ, что мы холопи твои стоимъ, осадя Азовъ прочь не идемъ, и тотъ турской посолъ Тома Кантакузинъ написалъ грамоты къ турскому и крымскому царю для ратныхъ людей, на выручку къ Азову, и къ азовскимъ людемъ въ Азовъ отъ себя отписку писалъ, а послалъ, государь, свое было отписку, отъ себя въ Азовъ, съ грекомъ, и мы, государь, того грека поимали и на пыткѣ пытали, а тотъ, государь, съ пытки говорилъ намъ холопемъ твоимъ, что послалъ де мени съ тою отпискою турской посолъ къ азовскимъ людемъ, а велѣлъ де прокрасться почью въ городъ, а то де со мною и наказалъ, чтобы азовскіе люди въ Крымъ, для ратныхъ людей, послали своихъ людей, украдкою вскорѣ, и грамоты бъ азовскіе люди отъ себя къ царю писали, чтобы изъ Крыму и съ Темрюка и Тамани ратныхъ людей на выручку къ Азову прислали; и мы, государь, холопи твои, видя его умышленье, къ тебѣ государю неправду, что онъ дѣ-

ною. «Отпусти намъ, государь, вины наши—писали они—мы безъ твоего повелѣнія взяли Азовъ и убили измѣнника турецкаго посла. Еще до полученія грамотъ твоихъ (съ Чириковымъ посланныхъ) мы *всѣмъ Войскомъ* сдѣлали приговоръ промышлять надъ бусурманами сколько попуститъ Богъ. Го-

---

лаетъ не гораздо, мы холопи твои стоимъ подъ Азовомъ, голодною смертію помираемъ, а ихъ азовскихъ людей доставаемъ, а онъ, государь, посолъ, грековъ къ азовскимъ людемъ съ вѣстьми посылаетъ, и мы, государь, холопи твои, его посла за то съ его людьми порубили, и въ тѣхъ винахъ нашихъ ты воленъ надъ нами государь! Да іюня, государь, въ 18 день милостію Божіею и Пречистыя Богородицы помощію, а твоимъ государскимъ счастіемъ, твоя государская высокая рука возвысилась, Азовъ городъ мы холопи твои взяли, ни одного человѣка азовскаго на степь и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили. А дворянина твоего государева Стефана Чирикова затѣмъ задержали и жалованья твоего государева непріимали, что мы холопи твои были подъ Азовомъ, и какъ Азовъ взяли, и мы, государь, приказали твоему государеву дворянину быти въ Азовъ съ твоимъ государевымъ жалованьемъ, что къ намъ холопемъ твоимъ прислано. А приняли твое государское жалованье 2000 р. денегъ, 300 четвертей сухарей, 50 четвертей толокна, 50 четвертей крупъ, 16 бочекъ вина, 40 поставовъ сукна, 4000 пушечныхъ ядръ, зелья и селитра и сѣра, во всемъ передъ прежнимъ съ прибавкою, іюля въ 11 день; а съ Дону отпустили твоего государева дворянина Стефана Чирикова къ тебѣ государю къ Москвѣ іюля 15 дня; да съ нимъ же, государь, отпущено русскаго полону 150 челов. окромѣ малаго полону. А что, государь, городовой казны и пушекъ и мѣлкихъ пищалей и рускаго полону, и того, государь, еще несмѣчено; а какъ, государь, мы смѣтимъ городовую казну, и о томъ къ тебѣ, государь, пришлемъ станицу, а съ сею отписки отпустили къ тебѣ, государь, станицу атамана Потапа Петрова, а съ нимъ казаковъ Федота Федорова, Григорья Долгова, Лукьяна Стефанова, Ивана Никифорова, а отпущена государь станица, того-жъ числа іюля въ 15 день, а велѣно имъ наскоро ѣхать къ тебѣ государю.“

Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Потапа Петрова съ товарищи, прибывшихъ въ Москву 30 іюля 1637 г.

Распросныя рѣчи боярскаго сына Ивана Рязанцева и Валуйскаго вожа Самойлы Деревячина, пріѣхавшихъ въ Москву 3 сентября 1637 года.

Донесеніе дворянина Степана Чирикова, поданное имъ, по возвращеніи съ Дону, въ Посольскій приказъ, 15 сентября 1637 г.

сударь! мы сыны Россіи: могли ли безъ сокрушенія смотрѣть какъ въ глазахъ нашихъ лилась кровь христіанская, какъ влеклись на позоръ и рабство старцы, жены съ младенцами и дѣвы? Не имѣя силъ далѣе терпѣть азовцамъ, мы начали войну правую, съ Божіею помощію овладѣли городомъ, побили невѣрныхъ за ихъ неправды и православныхъ освободили изъ плѣна.» Убіеніе посла казаки оправдывали измѣною его: «*мы приговорили то всѣмъ Войскомъ*, ибо многіи братья наши побиты призванными имъ на помощь къ Азову ратными людьми» Казаки обѣщали вслѣдъ за этимъ прислать большую станицу съ подробнымъ донесеніемъ о всемъ происшествіи. Государь съ неудовольствіемъ принялъ извѣстіе о убійствѣ посла, и приказалъ удержать въ Москвѣ атамана Петрова, до присылки обѣщанной *большой станицы*

Дѣйствія казаковъ противъ крымцевъ. Едва казаки успѣли немного отдохнуть отъ воинскихъ трудовъ своихъ, какъ вдругъ получили вѣсть, что крымцы и мурзы Большаго Ногая многочисленными толпами собрались воевать нашу украйну; казаки держали совѣтъ и призвавъ на помощь Бога, устремились конные и пѣшіе пресѣчь дорогу хищнымъ татарамъ. Въ сентябрѣ государь имѣлъ уже объ этомъ донесеніе отъ казаковъ и утѣшенный ихъ усердіемъ, пожаловавъ атамана Петрова съ товарищами царскимъ жалованьемъ, отпустилъ ихъ на Донъ, съ грамотою къ Донскому Войску, въ концѣ сентября. «Предосудителенъ буйный поступокъ вашъ съ посломъ турецкимъ»—писалъ государь къ казакамъ (въ грамотѣ 20 сентября) — «нѣтъ случая, который бы давалъ право умерщвлять пословъ. — Худо сдѣлали вы, что взяли Азовъ безъ нашего повелѣнія, не прислали старѣйшинъ своихъ *атамановъ и казаковъ добрыхъ*, съ которыми бы можно было посовѣтывать какъ тому быть впередъ, исполните сіе немедленно, и мы дождавшись ихъ, велимъ выслушать ваше мнѣніе, и тотчасъ съ ними же пришлемъ указъ — какъ поступить съ Азовомъ.» Въ сей же грамотѣ государь хвалилъ вѣрность казаковъ въ охраненіи россій-

скихъ предѣловъ отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ, приказывалъ не ослабѣвать въ сихъ достойныхъ подвигахъ, присылать вѣсти ко двору и повторялъ обѣщанія свои содержать донцовъ въ царской милости; сверхъ того требовалъ, чтобы присланы были всѣ бумаги, какія находились при послѣ турецкомъ(265).

(265) Дѣла Донскія, грамота на Донъ сентября 20 дня 1637 г.

. . . . . .

„Какъ были у насъ великаго государя на Москвѣ донскіе атаманы Иванъ Каторжной, да Тимофей Яковлевъ съ товарищи, и того вашего умышленія, что вамъ подъ Азовомъ промышлять, безъ нашего царскаго повелѣнія и турскаго посла со всѣми людьми побити до смерти, ничего не сказывали; а отпущены на Донъ, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, чтобъ турскаго посла съ Дону отпустили къ намъ безъ задержанія, и съ азовцы бъ были въ миру, и вы то атаманы и казаки учинили не дѣломъ, что турскаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ, а того нигдѣ неведетца, чтобъ пословъ побивать, хотя гдѣ и война межъ государи бываетъ, а послы и въ тѣ поры свое дѣло дѣлаютъ, для чего присланы, и ихъ непобиваютъ, а отдати было вамъ его посла для береженья дворянину, который по него посланъ; Азовъ взяли еще безъ нашего царскаго повелѣнья, а атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить какъ тому впредъ быти; а прислали есте одного атамана Потапа Петрова, а съ нимъ четырехъ человѣкъ казаковъ молодыхъ людей, и для того они къ вамъ вскорѣ и неотпущены, ожидаючи по вашему письму станицы, которую есте хотѣли къ намъ съ подлиннымъ дѣломъ прислать. А сентября въ 3 день, писали есте къ намъ съ бѣлогородцемъ съ Иваномъ Резанцовымъ, что крымскіе воинскіе люди и Большаго Ногаю мурзы съ своими людьми пошли въ Русь многіе люди, подъ наши украинные городы войною, а вы атаманы и казаки всѣмъ Войскомъ живете въ Азовѣ, и слыша вы про походъ воинскихъ людей въ Русь на наши украйны войною, поговоря межъ собою, пошли вы атаманы и казаки на крымскую сторону конные и пѣшіе, подъ шляхи и по перелазомъ, прося у Бога милости, лежать, и вы то учинили добро, что на сакмы татарскія и на перелазы послали людей для береженья отъ приходу на наши украйны, и мы великій государь пожаловавъ атамана Потапа Петрова съ товарищи, нашимъ царскимъ жалованьемъ, отпустили къ вамъ на Донъ съ сею нашею грамотою; а какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ атаманы и казаки, для подлиннаго вѣдома, прислали къ намъ, великому государю, станицу атамановъ и казаковъ лутчихъ людей чело-

Напротивъ извѣстіе о покореніи Азова поразило султана и диванъ его; дворъ константинопольскій видѣлъ ясно, что казаки не для грабежей (какъ бывало прежде) только овладѣли городомъ этимъ, но рѣшительно хотѣли отторгнуть отъ Порты приморскую область ея, чтобы господствовать надъ моремъ. Война съ Россіею, разстройство съ Крымомъ, сомнѣніе, что Россія станетъ помогать казакамъ—все останавливало Порту отъ предпріятія возвратить Азовъ,—и казаки 6 лѣтъ имѣли его во власти своей.

Разъѣзды казаковъ по морю. Въ самомъ началѣ они укрѣпили городъ и замокъ еще болѣе прежняго;

вѣкъ пятнадцать или двадцать, или сколько пригоже, и о всемъ съ ними отписали къ намъ именно; а мы великій государь велимъ у нихъ рѣчей ихъ выслушать, какъ о томъ впередъ быти, и къ вамъ ихъ отпустимъ незадержавъ и указъ нашъ съ ними пришлемъ; а что у васъ про воинскихъ людей, про крымскихъ и про нагайскихъ мурзъ какое вѣдомо есть, или што впредъ объявится, гдѣ нынѣ царь или царевичи, и что ихъ умышленья, и нечаять ли ихъ войною на наши украйны, и гдѣ нынѣ ногайскіе мурзы съ улусы своими кочуютъ, и чего отъ нихъ впередъ чаять, про тобъ есте про все провѣдывали подлинно; да будетъ у васъ прямыя вѣсти будутъ, что крымской царь въ наше въ московское государство войною пойдетъ, или царевичей и мурзъ съ воинскими людьми пошлетъ, и выбъ службу свою и раденье къ намъ великому государю показали, и на сакмахъ и на рѣкахъ по перелазомъ, надъ ними промышляли всякими мѣрами, съ великимъ радѣньемъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ, чтобъ вамъ своею службою и радѣньемъ надъ ними поискъ учинить и на наши украйны не пропустить; а къ ногайскимъ бы есте мурзамъ отъ себя писали и посылали кого пригожъ, чтобъ они помня свою прежнюю шерть, были подъ нашею царскою высокою рукою по прежнему и шлибъ назадъ за Донъ на ногайскую сторону и на наше бъ царское жалованье были надежны безо всякаго опасенья; а мы великій государь за вашу службу пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службѣ и радѣнью,—и о томъ бы есте о всемъ писали къ намъ къ Москвѣ наскоро, чтобъ намъ было вѣдомо; а каторые грамоты къ намъ великому государю посланы были отъ турскаго муратъ салтана съ турскимъ посломъ съ Томою Кантакузинымъ и наказъ Томинъ и всякое письмо, и выбъ тѣ грамоты, что будетъ у васъ, опечатавъ, и наказъ его и всякое письмо прислать къ намъ къ Москвѣ."

стали плавать безпрепятственно по морямъ Азовскому и Черному. Хотя султанъ воюя самъ съ Персіею, приказалъ татарамъ стараться о возвращеніи Азова, но ихъ усилія были ничтожны для казаковъ, которые всегда разбивали ихъ и на сухомъ пути и на море. Достойна вниманія одна подобная побѣда казаковъ, въ 1638 году одержанная: Піали паша съ большою ратью шелъ на освобожденіе Азова; казаки въ числѣ 1700 челов. встрѣтивъ его на Черномъ морѣ, имѣли бой упорный, и купили побѣду семью стами убитыхъ своихъ товарищей; непріятелей побили множество, прочіе всѣ разсѣяны(266)

Слѣдствія покоренія Азова. Покореніе Азова казаками имѣло спасительное послѣдствіе для Россіи: въ продолженіи пяти лѣтъ ни крымцы, ни ногайцы, не смѣли даже и показаться къ нашимъ украйнамъ, исчезла прежняя дерзость ихъ и грабежи перестали, ногайцы, за Дономъ и

(266) Дѣла Крымскія, въ столбцахъ 1638 г. № 1, статейный списокъ посланниковъ Астафьева и подъячаго Кузовлева.

„Да 147 году сентября въ 3 день, посланникомъ Дорофею Остафьеву, Олферью Кузовлеву сказывали переводчикъ Биллялъ Безергиневъ, да толмачь Лазарь Алышовъ про тѣхъ казаковъ, которые были на море, пришли де было тѣ казаки изъ Азова, хотѣли взять городъ Табанъ, а было казаковъ 30 струговъ, а людей было 1600 челов., и подмѣтилъ де ихъ на море каторжной Піяла князь, и подмѣтя послалъ вѣсть къ царю. и царь по той вѣсти пришолъ къ морю на берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ чаять казаковъ, на море бился и загналъ ихъ въ морскую заливу на островъ, и къ нимъ приступалъ, и куды изъ залива проходъ въ море, и то мѣсто каторжной князь загородилъ каторгами, и казаки де дождався ночи, струги свои на себѣ переволокли въ море, и неугодили подъ Азовъ уйти, прошиблись промежъ Керчи и Тамани и зашли въ другомъ мѣстѣ въ морскую заливу въ Духоню, и на берегу де у той заливы стоитъ городъ Казылбашъ, турскаго царя; а около того города, были запорожскіе черкасы, и видя что имъ дѣтся негдѣ, убояся учали переметываться къ царю и къ туркамъ, а казаки де дождався ночи, оружье все помѣтали въ воду, и сами пошли въ рознь на берегъ, и иные де ушли къ Азову, а иныхъ поймали по лѣсомъ и по камышу черкасы и татарове, и говорятъ де татарове и черкасъ добре много, давно де такого побою на татаръ не бывало.“

около Астрахани кочевавшіе, пребывали вѣрны Россіи

Вооруженіе Порты на казаковъ. Амуратъ IV, надмѣнный тиранъ Константинопольскій, готовился страшно наказать казаковъ за ихъ отважность. Россія по старому обычаю увѣряла Порту, что она не вмѣшивается въ дѣла своевольныхъ людей, которые отъ ней независимы; впрочемъ будетъ стараться склонить казаковъ къ возвращенію Азова; но казаки предвидя близкую грозу, болѣе и болѣе укрѣпляли этотъ городъ, запасались провіантомъ, порохомъ, артиллеріею. Султанъ оканчивалъ войну съ Персіею и среди приготовленій отмстить Донскимъ казакамъ, постигнутъ безвременною смертію. Слабый преемникъ его Ибрагимъ ввѣрилъ себя и правленіе сильному верховному визирю Магмеду-пашѣ, который въ числѣ главнѣйшихъ дѣлъ полагалъ возвратить Азовъ Портѣ. Болѣе года приготовлялся онъ къ этому предпріятію: старался утвердить миръ со всѣми иностранными державами: съ Цесаремъ, съ Россіею, Польшею, Венеціею, Персіею, строилъ и снаряжалъ флотъ сильный, но легкій, который бы свободно могъ пройти по мелководному Азовскому морю; собиралъ большую военную силу и въ 1641 году былъ уже въ возможности приступить къ дѣлу.—Турки, крымскіе и ногайскіе татары, горскіе черкесы, волохи, сербы, арабы, арнауты, собрались подъ знамена константинопольскаго повелителя, съ надеждою торжествовать побѣду на костяхъ Донскихъ воиновъ. Самъ верховный визирь хотѣлъ предводительствовать огромнымъ этимъ ополченіемъ, наконецъ поручилъ главное начальство силистрійскому пашѣ Гуссейнъ-Делію,—воину славолюбовому, опытному, но гордому и презиравшему силу казаковъ. Подъ нимъ былъ въ сухопутномъ войскѣ крымскій ханъ, начальствовавшій крымскими и ногайскими татарами и горскими черкесами. Флотомъ командовалъ Піали-ага-капитанъ-паша (адмиралъ), человѣкъ одаренный, какъ пишутъ, лучшими качествами военоначальника: прозорливостію и храбростію. Флотъ его состоялъ изъ 80 большихъ бѣломорскихъ

каторгъ и 90 мелкихъ морскихъ судовъ; 20 кораблей нагружены были огнестрѣльнымъ снарядомъ, пушками, порохомъ, ядрами; однихъ огромныхъ стѣнобитныхъ орудій было сто, ядра вѣсили въ полгора и въ два пуда, многіе суда везли провіантъ; отборныя янычары составляли морскихъ воиновъ. Все же это ополченіе простиралась до 150/т. чел. хорошо вооруженныхъ; въ числѣ оныхъ находилось нѣсколько европѣйцевъ, безъ сомнѣнія, наемныхъ,—французовъ, нѣмцовъ, италіанцовъ, свѣдущихъ въ инженерной наукѣ.— Казалось Порта собиралась воевать цѣлыя государства; по крайней мѣрѣ она твердо увѣрена была, что возвратить свои азовскія владѣнія и казаковъ Донскихъ искоренитъ вовсе съ лица земли. Но казаки не унывали; запасшись весьма достаточно военными и жизненными припасами, они старались умножить и число свое всякаго состоянія вольницею, звали и нанимали удалыхъ отвагъ; видѣли уже себя довольно сильными и повлялись умереть, или увѣнчаться новою славою(267).

(267) Изъ архивнаго сборника грамотъ, см. грамоту отъ царя на Донъ 1641 г. декабря 2 дня.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ, Осипу Петрову и всему Донскому Войску. Въ нынѣшнемъ . . . . октября въ . . . . писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Наумомъ Васильевымъ, да съ ясауломъ Ѳедоромъ Порошинымъ съ товарищи, что въ прошломъ году іюня въ день пришли подъ Азовъ войною отъ турскаго царя паши: Усеинъ-паша, Капитанъ-паша, Пела-паша, съ воинскими людьми и съ крымскимъ царемъ и съ царевичемъ и со многими землями въ судѣхъ моремъ, а конные полемъ, около города Азова обступили со всѣ стороны накрѣпко, и вы атаманы и казаки прося у Всемилостиваго Спаса милости, противъ ихъ вылазки чинили многія и на тѣхъ вылазкахъ у нихъ многихъ языковъ поимали, и тѣ языки въ распросѣхъ вамъ сказывали, что было турскаго салтана, и съ крымскимъ царемъ и царевичемъ, и съ буданскіе земли съ небольшимъ княземъ, воинскихъ людей, турская и крымская земля, съ бѣлопольскими князьями, и малой ногай со всѣми мурзами и со всѣми черными людьми, и волошскіе, и мутянскіе, и арабскіе, и французскіе и ласкіе земель многіе воинскіе люди и большаго ногая мурзы съ черными людьми, которые отъ Асторохани откочевали,

Положеніе казаковъ въ Азовѣ. Въ самомъ началѣ іюня мѣсяца и сухопутная и морская силы мусульманъ соединились подъ Азовомъ и окружили городъ, взоръ не могъ обнять становища ихъ, гремевшаго радостными кликами. У Донскихъ казаковъ въ это время былъ войсковымъ атаманомъ достойный Осипъ Петровъ, герой столь блистательно показавшій въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ военныя способности свои и необыкновенное безстрашіе. Смотря на многочисленныя силы непріятельскія, онъ

а всѣхъ ихъ было въ письмѣ и въ раздачѣ у жалованья двѣсти сорокъ тысячъ человѣкъ, а каторгъ большихъ бѣломорскихъ сто, да кораблей большихъ восемьдесятъ, да мелкаго морскаго девяносто судовъ, да съ порохомъ и съ ядры 20 кораблей большихъ, да стѣнопробитныхъ сто пушекъ привезено было къ городу, а ядры были у тѣхъ пушекъ вѣсомъ съ полтора пуда и въ пудъ и въ тридцать гривенокъ, и бои у васъ съ ними были всякіе: а съ пушекъ по городовымъ стѣнамъ и по васъ били, и изъ мелкаго огненнаго ружья и изъ луковъ, и городовые стѣны сбили по подошву, и земляные валы вели великіе, и подкопы подводили многіе, и вы атаманы и казаки, прося у Милостиваго Спаса милости и у Пресвятыя Богоматери и у Святаго Пророка Предтечи Крестителя Господня Іоанна и у Великаго Чудотворца Николы и у всѣхъ святыхъ помощи и заступленія, хотя пострадати за истинную православную христіанскую вѣру и за насъ великаго государя, надъ ними бусурманы промышляли всякими мѣрами, и съ ними бились, и кровь свою проливали, и подкопы подъ ихъ валы и подъ пушки вели многіе; а у подкоповъ и у промысловъ былъ атаманъ ты Осипъ Петровъ, и въ тѣхъ подкопѣхъ много ввстрѣчу сходилися и бои въ подкопѣхъ были, и на всѣхъ подкопахъ побито бусурманъ изъ мелкаго ружья 20 т. челов., и Турскаго царя большое знамя и съ нимъ семь знаменъ взяли, а рвовъ покопано было около города на пять верстъ и больши, опричь земляныхъ большихъ валовъ, чѣмъ васъ бусурманы хотѣли засыпавъ подавить. И въ то осадное сидѣнье, къ вамъ атаманомъ и казакомъ злочестивые съ великимъ своимъ лукавымъ прельщеньемъ и съ грозами перекидывали на стрѣлахъ многіе свои грамоты, а сулили на казака по тысячи талерей, чтобъ вамъ атаманомъ и казакомъ ту многую казну у нихъ взять, а городъ покинуть, и вы атаманы и казаки на ихъ бусурманскую прелесть непокусилися, и имъ во всемъ отказали, а служили намъ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Руссіи и сыну нашему благовѣрному государю царевичу Алексѣю Михайловичу всеа

могъ думать, что каменныя стѣны не спасутъ дружину его: побѣдить армію болѣе нежели 20 кратъ превышающую числомъ малую горсть его сподвижниковъ, была мысль отчаянная! Не много хитростей находилъ Петровъ противупоставить могуществу непріятельскому, но старался воспламенить своихъ воиновъ безстрашною отвагою, дабы смѣлыми нападеніями по временамъ уничтожать замыслы враговъ.

Вѣра, которую казаки чтили превыше всего земнаго, вселяла въ нихъ храбрость неодолимую: «вотъ храмъ Божій,

---

Руссіи, и милостію Божіею и Пречистыя Его Богоматери и Святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна и Великаго Чудотворца Николы и всѣхъ святыхъ молитвами и нашимъ государскимъ счастьемъ, вы атаманы и казаки отъ невѣрнаго бусурманскаго нашествія отсидѣлись въ четвертомъ земляномъ городѣ и въ земляныхъ избахъ, и съ тою своею службою, вы атаманы и казаки прислали къ намъ къ Москвѣ станичниковъ атамана Наума Васильева, да ясаула Ѳедора Порошина, да 24х-ъ казаковъ. И мы велікій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Руссіи, васъ атамановъ и казаковъ и все Донское войско, Осипа Петрова съ товарищи, за тою вашу службу, и за радѣнье, и за промыслъ и за крѣпостоятельство, что вы противъ турскихъ и крымскихъ и иныхъ многихъ земель стояли крѣпко и мужественно, и бились нещадя головъ своихъ, и многихъ бусурмановъ побили, и будучи въ осадѣ, всякую осадную нужу и голодъ терпѣли, и на ихъ бусурманскіе ни на какіе прелести не прельстилися, и отъ такихъ многихъ людей отсидѣлись, милостиво похваляемъ, и станичниковъ вашихъ атамана Наума Васильева, да ясаула Ѳедора Порошина съ товарищи, пожаловали нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ; а къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему Донскому войску, послали есьмя съ нашимъ государскимъ жалованьемъ и съ милостивымъ словомъ дворянина нашего Афонасья Желябужскаго, да подьячего Орефу Башмакова, да съ ними жъ отпущены къ вамъ изъ вашихъ станичниковъ казаки Прокофей Ивановъ съ товарищи, которые вышли изъ полону; а что вы къ намъ велікому государю писали, что вы нынѣ наги и босы и голодны, и запасовъ и пороху и свинцу нѣтъ, и отъ тое нужные осады, многіе казаки хотятъ идти въ розынь, а иные многіе переранены, и мы великій государь къ вамъ атаманомъ и казакомъ, осаднымъ сидѣльцомъ, за вашу службу и радѣнье и за осадное сидѣнье послали есьмя нашего государскаго жалованья съ тѣмъ же дворяниномъ нашимъ и съ подьячемъ пять тысячъ руб. денегъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота при-

защитимъ его или умремъ близь олтаря Господня—смертію за вѣру покупаютъ небо»,—этого довольно было чтобы возбудить въ каждомъ воинѣ совершенное презрѣніе смерти; разумный атаманъ укрѣплялъ ихъ надежду на помощь свыше. Казаки очищали себя постомъ и молитвою и забывая о жизни, думали только о Богѣ и побѣдѣ: «сражаться до послѣдняго дыханія, попавшись въ плѣнъ нислова несказать о состояніи города»—были главныя заповѣди, въ соблюденіи которыхъ казаки поклялись другъ другу. Въ такомъ видѣ противустали они врагамъ своимъ.

Политика Россіи. Опасаясь послѣдствій со сто-

детъ, и выбъ атаманы и казаки то наше государское жалованье у нихъ взяли, и впередъ на нашу государскую милость и жалованье были надежны и впередъ намъ великому государю служили, и радѣли, и промышли, и противъ бусурмановъ за истинную православную христіанскую вѣру стояли крѣпко и мужественно; а хлѣбныхъ и иныхъ запасовъ, и пороху, и свинцу, и суконъ, до вѣшніе полые воды, нынѣ зимнимъ путемъ послати къ вамъ немочно, то вамъ мочно и самымъ знати, и выбъ о томъ неоскорблялись; а какъ ажъ дасть Богъ на веснѣ ледъ вскроется, и къ вамъ атаманомъ и казакомъ наше государское жалованье, хлѣбные и всякіе запасы, и порохъ, и свинецъ, и сукна пришлемъ, и были бъ есте однолично на нашу государскую милость и жалованье во всемъ надежны. А что писали есте къ намъ о городѣ Азовѣ и бити челомъ приказывали атаману Науму Васильеву съ товарищи, и мы великій государь велѣли тому же дворянину нашему и подьячему, города Азова досмотрѣти и переписать, и на чертежѣ начертить, и о томъ нашъ царскаго величества указъ и повелѣнье будетъ вскорѣ, и выбъ атаманы и казаки службу свою и дородство, и храбрость, и крѣпостоятельство къ намъ великому государю къ нашему царскому величеству совершали и своей чести и славы не теряли, за истинную православную христіанскую вѣру и за насъ великаго государя стояли по прежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны; а дворянина нашего Афонасья и подьячего Орефу къ намъ отпустили бы есте безъ мотчанья, чтобъ имъ къ намъ пріѣхать вскорѣ и проводить ихъ велѣли до коихъ мѣстъ пригоже, чтобъ имъ пріѣхать здорово; а что у васъ какихъ вѣстей про турскихъ и про крымскихъ воинскихъ людей, и выбъ о томъ къ намъ отписали, чтобъ намъ было вѣдомо. Писанъ на Москвѣ лѣта 7150 декабря въ 2 день.“

роны Порты, Московскій дворъ, по пріѣздѣ Чирикова въ Москву, тотчасъ отправилъ въ Царьградъ грека Мануила Петрова, прибывшаго въ Россію съ Ѳомою Катакузинымъ, и присланнаго отъ него изъ Азова въ Москву еще прежде осады казаками Азова.

Съ нимъ государь послалъ къ султану грамоту, въ которой съ крайнимъ соболѣзнованіемъ и негодованіемъ на казаковъ, извѣщалъ его о убіеніи посла и о взятіи Азова; увѣрялъ, что городъ этотъ взятъ безъ его вѣдома, и что это наводитъ ему величайшее огорченіе, повторялъ прежнія увѣренія, что Донскіе казаки издавна воры, царскаго повелѣнія не слушаютъ, и ратей на нихъ послать нельзя: ибо живутъ *кочевнымъ обычаемъ*; описывалъ какъ они грубо обходятся съ посылаемыми къ нимъ царскими дворянами и какъ одного изъ нихъ Ивана Карамышева убили до смерти. «О взятіи Азова у насъ и мысли не было—писалъ далѣе государь—и прискорбно будетъ если за одно своевольство казаковъ ставешь имѣть *на насъ досаду*; хотя всѣхъ ихъ вели побить въ одинъ часъ, *я не постою за то. Мы съ вами, братомъ нашимъ, хотимъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви на вѣки неподвижно свыше всѣхъ великихъ государей и желаемъ вамъ на царствахъ вашихъ счастливаго пребыванія, надъ врагами побѣды, государствъ вашихъ приращенія и всякого добра вамъ хотимъ безъ хитрости, нося всегда въ сердцѣ нашемъ вашу любовь*».

Столько ласкательныхъ выраженій, хотя не допустили явнаго разрыва между Россіею и Портою, однако жъ султанъ не отвѣчалъ самъ царю Московскому, а прислалъ грамоту отъ каймакана Мусы паши, съ тѣмъ же грекомъ Мануиломъ Петровымъ, весьма незначущую и даже безъ упрековъ. Такой отвѣтъ прервалъ сношенія съ Портою до 1640 года.

Осада Азова. 7-го іюня началась дѣйствительная осада. Опытные казаки, прежде всего хотѣли узнать о состояніи и расположеніи непріятельскихъ силъ, и отрядили для этого легкія партіи, кои, подбѣгая съ разныхъ сторонъ

къ стану непріятельскому, взяли языковъ, отъ которыхъ казаки о всемъ подробно и развѣдали

Неудачные приступы турокъ. Скоро непріятель сдѣлалъ попытку къ штурму: сомкнулись ряды, приближены стѣнобитныя орудія и началась жестокая пальба. Казаки стояли открыто на стѣнахъ, отстрѣливались храбро, но кажется для того только, чтобы недопустить мусульманъ слишкомъ приблизиться къ стѣнамъ; главныя же усплія ихъ обращены были къ тому, чтобы нанести существеннѣйшій вредъ туркамъ вылазками. Съ этою цѣлію, по распоряженію расторопнаго атамана Петрова, казаки раздѣлены были на двѣ части: одни назначены собственно для вылазокъ, кои непрерывно со всѣхъ сторонъ нападали вездѣ, гдѣ только замѣчали оплошность, или слабость. Турки, непривыкшіе къ постоянной осторожности, каждый разъ были разбиваемы, теряли людей и, что всего важнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ армія ихъ часъ отъ часу приходила въ большую робость: они не умѣли объяснить себѣ отъ чего казаки имѣютъ поверхность. Другая часть Донцовъ день и ночь занималась подземными работами. Съ разныхъ сторонъ подвели казаки подкопы подъ самые ряды осаждающихъ и подъ ихъ артиллерію; зажгли оные и погубили многочисленные толпы враговъ.

Гуссеинъ-Дели предпринималъ еще четыре приступа всѣми силами своими; но оные были столько же безуспѣшны, какъ и первый, и еще гибельней для людей. На этихъ приступахъ убитъ кафинскій паша, много меньшихъ начальниковъ, и еще болѣе воиновъ.

Послѣ этого исчезла хвастливая надежда непріятельской арміи: уже не по собственной охотѣ, а по принужденію шли войска на приступъ. Скоро оказался еще и недостатокъ въ провіантѣ, ибо къ продовольствію столь многочисленной арміи въ пустыхъ степяхъ, нужны были способы чрезвычайные, а турки едва ли сколько нибудь обеспечили эту важную часть военнаго хозяйства.

Усиленіе турецкаго войска. 9-го августа не-

лучено въ Царьградѣ отъ главнокомандующаго настоятельное требованіе о прибавкѣ войскъ и артиллерійскихъ припасовъ: «воевать Азовъ не чѣмъ—писалъ паша—а прочь идти безчестно; подобнаго срама османское оружіе невидѣло: мы воевали цѣлыя царства и торжествовали побѣды, а теперь несемъ стыдъ отъ горсти незначущихъ воиновъ». Верховный визирь въ смятеніи и страхѣ скрывалъ отъ всѣхъ азовскія донесенія, даже отъ самаго султана, всѣхъ пріѣзжавшихъ изъ арміи гонцовъ и даже бѣглыхъ запирали въ особые домы, дабы они ничего неразглашали въ народѣ.

Между тѣмъ 15 августа визирь послалъ къ Азову требуемую помощь, какую наскоро могъ найти въ Царьградѣ, и приказалъ бѣломорскому Бекиръ-пашѣ готовить туда еще 16 каторгъ съ ратными людьми. Но не смотря на всѣ осторожности верховнаго визиря, въ Константинополѣ провѣдали о состояніи дѣлъ азовскихъ и ужасъ объялъ всѣхъ жителей; твердили, что имъ не усидѣть въ Царьградѣ и страхъ распространился на всѣ окрестности.

Продолженіе осады, подкопы казаковъ, послѣднія усилія осаждающихъ. Гуссенинъ-Дели, получивъ помощь, желалъ испытать послѣднее средство засыпать всѣхъ казаковъ землею въ городѣ; начались работы скорыя, дѣятельныя, и въ нѣсколько дней явился у самыхъ стѣнъ азовскихъ валъ вышиною въ 7 саженей. Устроивъ на ономъ артиллерію, турки начали бить изъ всего снаряду, продолжая стрѣльбу неумолкно день и ночь въ теченіи 16 сутокъ. Казаки сопротивлялись мужественно, подвели подъ валъ два большіе подкопа и, взорвавъ ихъ, истребили множество невѣрныхъ; проникли еще 28 подкопами подъ самые непріятельскіе таборы и произвели въ нихъ опустошеніе. Турки и татары съ своей стороны вели 17 подкоповъ подъ Азовъ, но казаки благовременно провѣдавъ о нихъ, подкопались къ нимъ и разрушили.

Однако-жъ поверхность сія не могла спасти казаковъ: турки производя безпрерывную пальбу изъ осадныхъ орудій,

сбили до основанія всѣ три городскія стѣны, разрушили башни и церковь Іоанна Предтечи; казаки врылись въ землю и дѣлая оттуда непрестанныя вылазки и засыпая подкопы, каждый день истребляли множество враговъ.

Ропотъ у осаждающихъ и бѣгство ихъ. Невидя конца этому дѣлу, непріятельское войско начало роптать и оказывать явные признаки бунта. Гуссеинъ-Дели думалъ еще предпринять новыя мѣры: мѣталъ на стѣны грамотки, въ которыхъ просилъ казаковъ уступить ему произвольно Азовъ, обѣщая знатную за то сумму. Казаки отвѣчали ему новымъ пораженіемъ. Между тѣмъ очистя себя постомъ и молитвою, вновь поклялись умереть всѣ до послѣдняго человѣка, а врагамъ неуступить одной пядени земли, и на утро 26 сентября готовились на рѣшительную вылазку. Но разсвѣтъ показалъ имъ одни слѣды бѣгущихъ враговъ: часу въ третьемъ по полуночи, они всѣ снялись съ мѣстъ своихъ и поспѣшно бѣжали. Казаки отпѣвъ молебенъ, преслѣдовали бѣгущихъ и довѣршили ихъ пораженіе.

Потери съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, соединенныя войска султана, посрамивъ его знамена, присвоили казакамъ громкую славу, которая займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ войнъ. Убито всѣхъ непріятелей болѣе 50/т. человѣкъ, ханъ крымскій тяжело раненъ и умеръ на дорогѣ, силистрійскій паша также не узрѣлъ своихъ областей, скончавъ жизнь на возвратномъ пути. Казаковъ побито около 6/т. человѣкъ, осталось въ живыхъ всего не болѣе 3/т. воиновъ.

Казаки предлагаютъ Азовъ государю. Принеся благодареніе Всевышнему Богу за одоленіе многочисленныхъ враговъ, казаки 9 октября отправили въ Москву станицу атамана Наума Васильева, съ подробнымъ извѣстіемъ о успѣхѣ своего оружія; они писали, что теперь всѣ казаки крайне изнурены, переранены, наги, босы, голодны и долѣе держать Азова не въ силахъ: «государь, мы его взяли своею кровію на счастіе благовѣрнаго сына тво-

его Алексѣя Михайловича, возьми отъ насъ этотъ городъ себѣ въ вотчину». Атаманъ Васильевъ объяснялъ лично государю и боярамъ, что имъ никакой нѣтъ возможности долѣе защищать Азова: ибо всѣ стѣны до основанія разрушены; но если государю не угодно будетъ принять отъ нихъ этотъ городъ, то они всѣ до единаго помрутъ въ немъ, а неуступятъ добровольно врагамъ земли облитой кровію ихъ товарищей.

Милостивая грамота государя къ казакамъ. Государь послалъ казакамъ самую милостивую грамоту и 5/т. руб. денегъ, и въ тоже время, 2 декабря, отправилъ на Донъ дворянина Афонасія Желябужскаго разсмотрѣть все азовское строеніе, сдѣлать чертежи и смѣты крѣпостнымъ поправкамъ и проч.

Между тѣмъ какъ съ Дону, такъ и изъ другихъ мѣстъ безпрерывно получались извѣстія, что султанъ готовитъ новое ополченіе на Азовъ, несравненно превышающее количествомъ прежнее и что онъ располагаетъ держать въ осадѣ городъ малыми силами, а всѣ прочія войска обратитъ на Россію.

Земскій соборъ державный въ Москвѣ объ Азовѣ. Въ генварѣ мѣсяцѣ 1642 года царь Михаилъ Ѳедоровичъ созвалъ въ Москву на Земскій Соборъ всѣ сословія государства для сужденія: принять ли отъ казаковъ Азовъ, или поступить съ нимъ иначе какъ. Соборъ продолжался до апрѣля, въ мартѣ мѣсяцѣ возвратился Желябужскій и донесъ, что въ Азовѣ ничего нѣтъ цѣлаго и всѣ построенія должны дѣлаться вновь. По совершенномъ обозрѣніи всего дѣла признано въ общемъ совѣтѣ что Россіи нельзя удержать за собою Азова.

Казаки оставляютъ Азовъ по повелѣнію государя. Въ слѣдствіе того, 30 апрѣля отправлена къ казакамъ грамота съ дворяниномъ Михайлою Засѣцкимъ, коею государь убѣждалъ казаковъ, чтобы они добровольно бросили Азовъ и пошли бы жить на прежніе свои юрты:

«сего требуетъ польза отечества—писалъ государь—и послушаніе ваше будетъ новымъ доводомъ вашей вѣрной службы ко мнѣ».

Засѣцкій прибылъ въ Азовъ въ первыхъ числахъ мая предъявилъ казакамъ царскую грамоту; *спросилъ войско отъ имени государя о здоровьѣ, и говорилъ рѣчь по наказу*. Выслушавъ царскую волю, казаки безпрекословно исполнили оную, и въ присутствіи государева дворянина вывезли, изъ Азова церковную утварь, всю артиллерію, имущество свое и сами всѣ вышли на Махинъ островъ([268]).

([268]) Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи,—выписано изъ рукописи, хранящейся въ Библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго подъ № 358.

Архивный сборникъ грамотъ, см. грамоту на Донъ 1642 г. апрѣля 30 дня.

. . . . . Въ нынѣшнемъ въ 150 году октября въ 9 день писали естя къ намъ съ атаманомъ съ Наумомъ Васильевымъ съ товарищи, что вы атаманы и казаки отъ бусурманскаго нашествія отсидѣлись въ четвертомъ земляномъ городѣ и въ земляныхъ избахъ, и съ тѣмъ прислали Васильева съ товарищи двадцати шести человѣкъ, чтобъ намъ великому государю городъ Азовъ у васъ велѣти принять и послать воеводу и ратныхъ людей для приходу воинскихъ турскихъ и крымскихъ людей, и вамъ атаманомъ и казакомъ Азова города держать не кѣмъ; а только приняти не велимъ и вамъ его покинуть и идти по старымъ своимъ куренямъ. И мы великій государь посылали къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему Донскому войску съ нашимъ государскимъ жалованьемъ и съ милостивымъ словомъ дворянина нашего Афонасья Желубяжскаго да подьячего Орефу Башмакова и велѣли есмя имъ города Азова досмотрѣти, и по ихъ досмотру городъ Азовъ отъ турскихъ и отъ крымскихъ людей разбитъ и разоренъ весь до основанія, а вскорѣ того города подѣлати никоторыми мѣрами нельзя, отъ приходу воинскихъ людей сидѣти не въ чемъ. Да вы жъ атаманы и казаки присылали къ намъ атамана Абакума Сафонова да асаула Романа Родіонова съ товарищи 17 человѣкъ, а съ ними къ намъ великому государю писали о томъ же, что вамъ города Азова держати не кѣмъ и чтобъ намъ велѣти городъ Азовъ приняти и воеводу и ратныхъ людей послати, а вы учнете жити по прежнимъ своимъ мѣстомъ. И нынѣ намъ великому государю вѣдомо учинилось подлинно, что у Ибрагимъ салтана изготовлены подъ Азовъ турскіе и крымскіе и иныхъ государствъ многіе ратные люди, больши прежняго, и идутъ подъ Азовъ моремъ и сухимъ путемъ вскорѣ; а осадя Азовъ, хотятъ идти во-

Такъ кончилось пятилѣтнее обладаніе казаками Азова:

евать наши украинные городы. И нынѣ намъ города Азова принять и воеводъ и ратныхъ людей послать не къ дѣлу и быти имъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ немочно, а велѣли есмя быти у бояръ нашихъ атаманомъ Науму Васильеву да Абакуму Сафонову съ товарищи, и.....тѣ турскіе и крымскіе вѣсти: и желѣя мы великій государь о васъ атаманѣхъ и козакѣхъ и о всѣхъ православныхъ христіанехъ, чтобъ кровь христіанскую уняти, городъ Азовъ велѣли покинути, и изъ нево вамъ вытти на старые мѣста свои, въ которыхъ мѣстахъ прежъ сего жили, чтобъ васъ невѣрные бусурманы, пришедчи не побили. А мы великій государь и впередъ учнемъ васъ атамановъ и казаковъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ по прежнему, какъ учнете жити на прежнихъ своихъ мѣстахъ. И атаманы Наумъ Васильевъ, да Абакумъ Сафоновъ съ товарищи, бояромъ нашимъ сказали, что вы, Донское войско, нашего государскаго повелѣнья во всемъ слушати ради и изъ Азова выйдете сейчасъ какъ наше царское повелѣніе къ вамъ о томъ придетъ и учнете жити на старыхъ своихъ куреняхъ по прежнему, и для скорые вѣсти отпустятъ они къ вамъ товарищевъ своихъ степью чрезъ Волуйку, чтобъ къ вамъ турскіе и крымскіе люди безвѣстно непришли и дурна надъ вами не учинили. И по нашему указу Донскіе казаки ясаулъ Романъ Родіоновъ съ товарищи пятнадцать человѣкъ къ вамъ на Донъ отпущены, а велѣно имъ для поспѣшенья ѣхати чрезъ Волуйску степью наскоро; а дано имъ нашего жалованья на лошади по тридцати лошадей человѣку, чтобъ у нихъ было по двѣ лошади добрыхъ. А съ сею нашею царскою грамотою посланъ къ вамъ съ ними же вмѣстѣ дворянинъ нашъ Михайло Засѣцкой. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбъ атаманы и казаки и все Донское войско по сему нашему указу городъ Азовъ покинули, а вышли-бъ есте жити по старымъ своимъ мѣстомъ, чтобъ васъ бусурманы пришедши не побили и нашихъ украинныхъ мѣстъ не повоевали. А мы великій государь васъ атамановъ и казаковъ учнемъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ по прежнему какъ учнете жити на прежнихъ своихъ мѣстехъ и наше денежное жалованье и запасы хлѣбные и пушечные учнемъ къ вамъ посылати и нужи вамъ ни въ чемъ не будетъ. А только вы атаманы и казаки и все Донское войско нашего государскаго повелѣнья не послушаете, изъ Азова до приходу турскихъ и крымскихъ воинскихъ людей нынѣ вскорѣ невыйдете и которое надъ вами учинится кровопролитіе, и то вамъ будетъ самимъ отъ себя, и нашего государскаго жалованья и запасовъ никакихъ къ вамъ въ Азовъ не пошлютъ потому, что вамъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ пробыти отъ такихъ многихъ турскихъ и крымскихъ воинскихъ людей немочно. . . . . да какъ вы изъ города Азо-

Оно истребило двѣ трети ихъ населенія, но покрыло вѣч-

ва на старые свои мѣста выйдете, и выбъ о томъ тотчасъ отписали къ намъ къ Москвѣ съ Михайломъ Засѣцкимъ и проводити его велѣли".

Грамота на Донъ 24 Іюля 1642 года.

„И какъ Михайло Засѣцкой поѣхалъ съ Волуйки на Донъ, и на Сѣверномъ Донцѣ ихъ черкасы погромили и побили, и нашу грамоту, которая послана къ вамъ и нашъ наказъ, каковъ ему данъ, взяли, и онъ Михайло съ достальными казаками къ вамъ на Донъ ушолъ, и пріѣхавъ къ намъ къ Москвѣ съ Дону, сказалъ, что онъ Михайло пріѣхавъ къ вамъ, нашъ государской указъ, что къ вамъ писано было въ нашей грамотѣ, вамъ атаманомъ и казакомъ и всему войску въ Азовѣ сказалъ, и вы по нашему государскому указу повелѣнье наше совершили, городъ Азовъ покинули и вышли изъ него при немъ Михайлѣ; да выжъ съ Михайломъ Засѣцкимъ прислали къ намъ станичниковъ своихъ: атамана Степана Иванова, да ясаула Герасима Иванова съ отпиской; а въ отпискѣ своей писали вы къ намъ тожъ, что и Михайло сказывалъ, что вы атаманы и казаки по нашему указу городъ Азовъ покинули и наше царское повелѣнье совершили и учали жить *на Михинѣ острову*. И мы великій государь васъ атамановъ и казаковъ и все Донское войско жалуемъ похваляемъ, и хотимъ васъ держати въ нашемъ царскомъ жалованье по прежнему и смотря по вашей службѣ, и станичниковъ вашихъ Донскихъ атамановъ Наума Васильева да Абукума Софонова да Степана Иванова да ясаула Герасима Иванова съ товарищи пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить на Воронежъ, а съ Воронежа къ вамъ на Донъ, и съ нашимъ царскимъ жалованьемъ послали есмя къ вамъ дворянина нашего Дениса Тургенева, а послано, къ вамъ нашего царскаго жалованья: двѣсти поставовъ суконъ настрафилю . . . . . двѣ тысячи рублевъ денегъ, да сверхъ того тебя атамана Оспина Петрова пожаловали есмя, велѣли къ тебѣ послати нашего царскаго жалованья сукно лундышъ да камку добрую. Да къ вамъ же велѣли послати съ Воронежа нашего царскаго жалованья хлѣбныхъ всякихъ запасовъ двѣ тысячи пятьсотъ четв., да двести ведръ вина, да къ вамъ же велѣли послати съ Тулы двѣсти пятьдесятъ пудъ зелья ручьного, да 50 пудъ зелья пушечнаго, триста пудъ свинцу; а послано то все наше царское жалованье съ дворяниномъ нашимъ съ Денисомъ Тургеневымъ, да съ атаманы Донскими съ Наумомъ Васильевымъ да съ Степаномъ Ивановымъ и съ ясауломъ и съ казаки. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбъ атаманы и казаки намъ великому государю служили и прямили и во всемъ добра хотѣли въ правду безо всякіе хитрости, и пословъ нашихъ и посланниковъ и турскихъ посланниковъ, кото-

ною славою.

рые нынѣ будутъ изъ Царя города пропущали безо всякаго задержанья, и ссоры никакіе нечинили, и съ турскими людьми, которые нынѣ въ Азовѣ будутъ, помирилися и жили съ ними смирно, задоровъ никакихъ нечинили и на море не ходили, и судовъ не громили, и селъ и мѣстъ турскаго не воевали. А какъ наши послы или съ ними турскіе послы или посланники учнуть приходити, и выбъ ихъ пріимали честно, и съ Дону ихъ отпущали по прежнему не задержавъ тотчасъ, и суды имъ и провожатыхъ давали какъ бы имъ пройти безстрашно. А мы великій государь учнемъ васъ и впредъ жаловати нашимъ государскимъ жалованьемъ смотря по вашей службѣ; а дворянина нашего Дениса Тургенева отпустили есте къ намъ къ Москвѣ безъ мотчанья и проводить ево велѣли до конхъ мѣстъ пригоже, чтобъ ему пріѣхать здорово. А что у васъ будетъ впередъ какихъ вѣстей, и выбъ о тѣхъ вѣстехъ къ намъ писали, провѣдавъ подлинно, съ легкими станицами, чтобъ намъ о всемъ, что у васъ учнетъ дѣлатся, про всякіе вѣсти подлинно было вѣдомо. Писанъ на Москвѣ лѣта 7150 Іюля 22 день.

17

Дѣла Донскія. Докладъ государю царю Михаилу Ѳедоровичу объ Азовѣ, въ Мартѣ 1642 года.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА

ИСТОРИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Стран.

Предисловіе.
Вступленіе.

Періодъ I. Отъ появленія казаковъ на берегахъ Дона до воцаренія въ Россіи Михаила Ѳеодоровича, въ теченіи 70 лѣтъ.

Глава I. Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія.—Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ *Полемъ*.—Жалобы двора московскаго царю крымскому и турецкому султану на разбои, производимые въ Полѣ.—Знаменованіе слова казакъ. Разныя наименованія казаковъ.—Первыя упоминанія о Донскихъ казакахъ, явившихся на Дону . . . . . 1.

Глава II. Подробности о происхожденіи Донскихъ казаковъ и о первоначальной ихъ жизни, и дѣйствія ихъ 1549—1579 г. . . . . 12.

Глава III. Разбои казаковъ по Волгѣ и покореніе ими Сибири 1553—1584 г. . . . . 28.

Глава IV. О происхожденіи Уральскихъ и Терскихъ казаковъ, и дѣйствія Донскихъ казаковъ 1584—1594 г. . . . . 52.

Глава V. 1598—1612 г. . . . . 90.

Глава VI. Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ.—Жилища ихъ.—Юрты.—Правленіе.—Военное устройство.—Нравственность казаковъ . . 100.

Стран.

Періодъ II. Отъ вступленія на Россійскій престолъ Михаила Ѳеодоровича до совершеннаго подданства казаковъ Россіи, или до возвращенія туркамъ Азова.

Глава VII. 1612—1620 г. . . . . 107.
Глава VIII. 1621—1630 г. . . . . 155.
Глава IX. 1630—1636 г. . . . . 219.
Глава X. 1637—1642 г. . . . . 263.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
3	41	нельзя.	нельзѣ.
4	16	керманѣ и	керманѣ или
6	9	призываемы	признаваемы
—	14	Украинскихъ	украинныхъ
8	24, 25	становъ	этаповъ
10	10	Боршовичу	Борисовичу
—	12	вамъ....	вамъ, пбо
—	21	Епифань, Сапожковъ,	Епифань, Ефремовъ, Сапожковъ,
—	22	Чернявскъ,	Черновскъ,
11	7	похочемъ	похочешъ
12	26	скихъ, а наиболѣ украинскихъ	скихъ и наиболѣе украинныхъ.
13	18	украинскихъ	украинныхъ
—	24	кочевую	кочевную
14	1	князь Ногайскій	князья ногайскіе
—	15	восока,	высыка,
21	20	1556 г.	1565 г.
23	1	разъѣзды,	разъѣзды
—	28	язь де	язь дей
—	—	и пришла де	, и пришла дей
—	29	зажгли де	зажгли дей
—	30	а дворы де	и дворы дей
—	31	й говорятъ де,	а говорятъ дей
—	37	всея	всія
—	—	Руссіи	Русіи
—	—	къ Донскимъ	Донскимъ
—	38	манамъ и казакамъ послали	маномъ и казакомъ. Послали
—	39	товарищи	товарыщы
24	6	и Россіи;	Россіи;
—	8	Крымомъ Россіею;	Крымомъ и Россіею;
—	26	послужите и съ Микитою	послужите, съ Микитою
—	27	Писано въ Москвѣ	Писанъ на Москвѣ лѣта
—	36	молилъ;	молылъ (молвилъ);
25	29	того	того:
26	28	лаховцы,	лаховцы,
—	29	Каряновцы....	каряковцы....
—	29, 30	Метюжане,	мстюжане,
—	—	Толмичи,	тотмичи,
27	1	отъ Баторія,	во власти Баторія,
—	10	Ливанской.	Ливонской.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
27	17	воеводо	воеводъ
28	8	остававшись	оставшись
29	—	мирзъ	мурзъ
30	16	Лачикову,	Лачинову,
—	44	Арземаскія,	Арзамаскія,
—	-	и Курмыринскія,	и Курмышскія,
32	16	Тайбучина	Тайбугина
—	27	Ибана и Ма-абуна,	Ибака и Ма-абука,
—	28	и онъ	онъ
—	34	части государственныхъ	части Собр. государственныхъ
33	7	и Угріи.	и Югоріи.
34	34	лис. 8	лист. 79.
35	35	описаніе	Исторія
37	2	проводить	приводить
—	17	къ нимъ 5 апрѣля 1579 г.;	къ нимъ. 5 апрѣля 1579 г.
—	23	описаніе	писаніе
38	8	*брашкомъ*	*брашномъ*
—	30	вождей	дали вожей
39	8	городокъ	городъ
—	10	Журавлю,	Жеравлю,
—	21	Конкора,	Канкора,
40	4	ванья, безъ нашего указу,	ванья; безъ нашего указу
—	30	Таузана,	Таузака,
41	1	Таузанъ	Таузакъ
43	13	крачали	кричали
46	34	месистая	мшистая
47	32	городахъ	острожкахъ
58	31	молвилъ:	молылъ:
—	32	воровами	воровали
59	21	а у меня	а у меня де
62	34	что живутъ	что казаки живутъ
—	37	ставится	ставятся
63	36	надо де	надо бе
64	33	лутихъ	лучихъ
68	1	за нѣсколько	за нѣсколько предъ симъ
69	13	крамцевъ	крымцевъ
70	32	казаками,	казаки,
72	27	а ссору	и ссору
—	33	турсковъ	турскова
—	38	турскову чеуши	турскова чеушу
—	41	Григорій Волконскій	Григорей Волконской
—	49	Конинскому	Конисскому
—	52	ляти	ляли

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
74	35	въ Астрахани въ крѣпости	въ Асторохани въ крѣпости;
75	29	даетъ	даешъ
77	20	укрыйны	украйны
—	26	по кромской	по крымской
—	—	къ Раздорымъ	къ Раздорамъ
78	1	Али и Али	Али и Аги
—	40	и будто	и будто ся
81	21	и отдадамъ.	и отдадимъ.
82	43	а что де вамъ	а что де къ намъ
83	1	17/т.	14/т.
85	24	есмя	естя
87	32	Турецк.	Турецк., кн. № 3,
89	25	и крымсніе	и крымскіе
92	2	чистолюбія,	честолюбія,
—	11	на Дону.	на Дону. Отправленіе въ Польшу казачьихъ пословъ. Послы сіи, а потомъ и все Войско Донское принимаютъ сторону самозванца.
94	18	Новогорода	Новгорода
95	7	500	5000
101	11	число	часто
105	3	по окры-	по откры-
107	27	или	и
109	1	саницею,	станицею,
—	14	за царя	за царя, отечество и православную вѣру,
110	16,18, 24,29, 32.	Россіи	Русіи
112	16	жигимонта	Жигимонта
114	2	Отъ второй строки 114 стр. слѣдуетъ читать 2-ю	
115	2	строк. 115 стр. и потомъ—1-ю.	
114	12	Россіи	Русіи
—	24	Астрахани	Асторохани
—	40	царскою	царскую
—	43	государемъ, а изъ Астрахани,	государемъ. А изъ Асторохани,
115	6	не отставили,	не отставали,
116	8	Россіи	Русіи
—	11	насъ,	носъ,
117	5	есьми	есьмя нынѣ
—	26	юртамъ,	юртомъ,
—	29	то	ты

Строк.	Стран.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
117	38	быти.	были.
118	14	Россіи	Русіи
—	28	длежитъ	лежитъ
—	29	пва	два
—	31	уодъ	подъ
—	32	ебити,	бити,
—	33	му	ему
122	29	прибудуть	придуть
125	39	Россіи,	Русіи,
128	10	султану	салтану·
—	13	Россіи	Русіи
—	40	молчанья	мотчанья
129	26	къ намъ	къ вамъ
131	16	Россіи	Русіи
134	29	Россіи	Русіи
135	13	проводили,	провожали,
—	40	и инымъ	и инымъ вашимъ
136	28	вашимъ	и вашимъ
137	18	1625 г.	1616 г.
140	5	православную	православную христіанскую
145	23, 25	Россіи	Русіи
151	19	Россіи,	Русіи,
152	34	Россіи,	Русіи,
153	8	по десяти	по девяти
—	13	Россіи,	Русіи,
156	37	Малыгинъ,	Шалыгинъ,
158	22	Послѣ слова: на Донъ, слѣдуетъ читать на стран. 160 строк. 1-ю.	
159	8	Послѣ 8-й строки, слѣдуетъ читать на стран. 160 строк. 2-ю.	
—	13	указу и	указу и ни
—	16	и не одинъ да	и не одинъ. Да
—	17	товарищими	товарищи
—	18	изъ запрогъ	изъ Запорогъ,
—	33	отъ насъ,	отъ васъ,
160	9, 10	повѣривши	повѣрили
161	10	Агусъ	Агу
—	31	и да его	и до его
—	35	съ пяти	въ пяти
162	15	разоренiи	разоренiи ими
—	17	въ городахъ	въ городкахъ
—	32	Булуклы	Булыклы
163	35	казаковъ,	карабановъ,
164	32	положилъ	положили

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
165	15	пероговоры	переговоры
166	25	съ 800	съ 800 пришли съ моря въ Монастырскій городокъ и того жъ,
167	18	рухляди. Сафьяновъ,	рухляди, сафьяновъ,
—	26	по 15 число.	по 5 число
—	31	говорили:	говорили
168	6	произошло	произошла
—	14	Какъ	Когда
—	21	на окупу	на окупъ
—	25	стругахъ	стругѣхъ
—	37	и на нашихъ	и на нихъ
—	40	слѣдующее	предъидущее
169	16	на себѣ	на себя
—	17	биды	обиды
171	21	мщенію	мщенія
—	35	всемъ	въ селѣ
—	36	желецкіе	жилецкіе
172	19	Россіи	Русіи
—	22	ихъ	имъ
—	26	къ нимъ	къ намъ
—	29	дуриа	дурна
173	12	въ дворь	въ дворѣ
—	18	(*)	(* выноска) Комага—купеческое мореходное судно.
—	33	тамошняго	Таманскаго
174	9	Видей,	Бидей,
—	14, 15	ворвалась	ворвалась къ нимъ
175	21	ушли	жили
182	32	въ уртехъ	въ юртехъ
—	40	прошли,	пролили,
184	16, 17	и татаровъ	и татаровя
186	2	Калѣ	калгѣ
—	7	привезенною	привезенную
187	28	и Ангазы де	и Ангазы де ага
—	—	мусаферъ Ага	Мусаферъ-ага
—	—	сердитца,	сердитуя,
—	36	Прочинщева	Прончищева
188	18	скову	сково
—	35	говорятъ	говорятъ хотя
190	2	уже	еще
—	—	города.	города
191	35	въ Калгу,	въ Калу,

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
192	12	Чуфутъ-кале	Калу (Чуфутъ-кале)
—	22	Шагимъ—	Шагинъ—
—	33	холопъ	холопъ вашъ
193	29	Россіи,	Русіи,
—	38	асторохань	Асторохань
194	3	подъ азовъ,	подъ Азовъ,
—	15	и къ москвѣ	и къ Москвѣ
—	25	Россіи,	Русіи,
—	26	войско	войско:
195	2	въ крыму	въ Крыму
—	13	года отъ	года. Отъ
—	14	Россіи,	Русіи,
—	28	рѣчи:	рѣчи;
196	16	Борисн,	Борисѣ,
—	33	не желѣть,	не ежелѣть,
197	21	и тѣмъ	и тѣхъ
—	35	пожалованъ	пожаловавъ
—	41	отпустите	отпишите
198	4	и разорили	и разрушили
—	9	не ослушаете,	не слушаете,
—	11	къ намъ	къ нимъ
—	15, 16	не слушались,	слушались,
—	44	Въ прошлое	Въ прошломъ
199	38	а тѣхъ де,	и тѣхъ де,
200	2	цареву,	цареву,
—	22	ру и	ру,
—	29	Би-Арасланъ	Би-Арысланъ
201	35	и вамъ	и вамъ бы
203	8	прислали	прислали, государь,
204	36	писали	имали
205	4	жишъ	жешъ,
—	—	желаишъ	желаешъ
—	25	сцѣна	сцѣпка
207	6	отпуски,	отписки,
—	17	и крымскаго	и отъ крымскаго
208	33	(137)	(138)
210	8	въ Азовъ, и какъ	въ Азовъ. И какъ
211	26	Русскіе	Русскіе люди
—	26	и любья	и не любья
—	42	отказалъ,	отказали,
212	4	Гирѣй	Гирей
—	5	ни далъ,	не далъ,
—	14	казаки	казаки пришли

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
213	22,23	Мамкулъ, тоже: на стран. 214 стр. 26—Мамкутъ, стран. 227 стр. 28—Мангутъ, стран. 228 стр. 34 и 38—Манчупъ, вѣроятно по опискѣ въ рукописи такъ называется «*Мапчупъ*».	
214	25	отпуски	отписки
—	38	7637	7137
215	29	на море	по морю
—	30	монастыня	монастыря
222	24	лубимая	любимая
224	18	клзу	казу
—	34	то	того
225	7	прекратить	на время прекратить
226	33	и бузы	и бусы
—	38	Тврка	Терка
228	9	города,	городка,
—	16	къ Козлову,	къ Козлеву,
—	19	запершись	заперлись
—	22	пристали	приставъ
—	26	Маметку	Маметшу
229	10	ърымскихъ	крымскихъ
—	28	царягорода	Царягорода
230	18	урта	юрта
—	36	приходили	приходити
234	13	прося,	проса,
236	28	или	шли
—	38	1633	7141
237	2	россіи,	Россіи,
—	13	и мать сына	и мать, сына
239	7	съ стрѣльцы:	съ стрѣльцы,
—	13	скмамъ	сакмамъ
—	29	пріѣлали	пріѣхали
—	30	Василій	Василей
—	35	нашу	на нашу
—	38	Колодничи	Колоднича
—	39	всходѣ	въ сходъ
240	1	на страфилю	настрафилю
—	8	атаманомъ и казакомъ,	атамановъ и казаковъ,
—	11	и на ченбашскихъ	и на челбашскихъ
—	20	Якмаметъ	Янмаметъ
—	41	и животныхъ	и живыхъ
—	42	и русскою	и русского
241	4	салтана	султана
—	35	отошлите;	отошлете;
—	41	и передъ	и впередъ

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
242	9	на Волгу и	на Волгу, а
—	20	руб. сереб.	руб.
—	21	на страфилю	настрафилю
—	23	толохны,	толокна,
—	36	и издобились	и издобылись
248	7	изъ усусовъ	изъ улусовъ
249	8	60 челов. татаръ	70 челов. татаръ.
251	23	тараръ	татаръ
252	35	дуванить	дуванить хотятъ
254	7	не дождался	не дождався
—	10	стоять	стоять на Азовскомъ морѣ
255	8	Ермаметъ	Енмаметъ
—	36	прикажите	прикочуете
257	16	въ улясахъ	въ улусахъ
—	26	Нигайскія, въ столбцу.	Ногайскія, въ столбц.
261	34	пошли до	пошли де
262	26	Векъ	Бекъ
264	20	нашу	нашу государскую
—	30	Донскихъ	Донскихъ атамановъ
266	26	прокрасться	прокрасться въ Азовъ
267	8	коцѣ	концѣ
271	3, 4	Степана	Потапа
275	9	6 лѣтъ	5 лѣтъ
288	17	сейчасъ	тотчасъ

ЦѢНА ОДИНЪ РУБ.

ПРОДАЕТСЯ:
Въ Канцеляріи Войсковаго Статистическаго Комитета и въ Типографіи газеты «Донской Вѣстникъ».

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ЗЕМЛИ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Печат. въ Област. В. Д. Типографіи.

НОВОЧЕРКАСКЪ.
1872.

Дозволено цензурою.

ГЛАВА XI.

Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ.—Царь подкрѣпляетъ казаковъ наборомъ вольницы въ украинныхъ городахъ.—Казакамъ велѣно воевать Крымъ въ соединеніи съ княземъ Пожарскимъ.—Война съ азовцами.—Разореніе улусовъ, кочевавшихъ по Ея.—Бой съ Нурадиномъ подъ Черкаскимъ городкомъ.—Разбитіе Нурадина на Кагальникѣ.—Похвальная грамота казакамъ и жалованное знамя.—Побѣгъ съ Дону новобранныхъ вольныхъ людей.—Набѣги казаковъ на приморскія области Тавриды.—Приступъ Азовцевъ подъ Черкаскій городокъ.—Казаки получаютъ вспомоществованіе.—Политика Московскаго Двора въ переговорахъ съ Турками и Крымомъ.—Набѣги казаковъ на приморскіе берега Тавриды.—Намѣреніе Крымскаго хана идти войною на казаковъ въ соединеніи съ Запорожцами.—Сынъ Хмѣльницкаго Тимофѣй съ 5,000 человѣкъ пришелъ къ Міусу.—Походъ Донскихъ казаковъ на Черное море.—Разореніе турецкихъ областей и предмѣстія Цареграда.—Намѣреніе турокъ и крымцевъ соединенными силами идти на казаковъ.—Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ о казакахъ.—Новый набѣгъ казаковъ на Тавриду и на турецкія области.—Казаки разоряютъ городъ Тамань и опустошаютъ многія селенія.—Неудачный приступъ казаковъ къ Азову.—Переговоры Россійскаго Двора съ Крымомъ о казакахъ.—Опустошеніе крымскихъ и анатолійскихъ береговъ.

Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ. Послѣ возвращенія Туркамъ Азова были отправлены въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1643 г. изъ Москвы къ крымскому хану посланники: Григорій Нероновъ и подъячій Никита Головинъ, для мирныхъ переговоровъ и увѣреній въ добромъ согласіи. Отъ двора ханскаго объявлены были имъ жалобы на казаковъ. И между прочимъ представлено, что султанъ турецкій, желая уничтожить всѣ покушенія казаковъ на турецкія владѣнія и на Крымъ, приказалъ разорить казачій *Монастырскій городокъ*; но что Государь Россійскій велѣлъ казакамъ возобновить этотъ городокъ и укрѣпить его попрежнему; приказалъ послать къ нимъ на помощь россійскія войска и калмыковъ, для нападенія на Азовъ, и большое количество провіанта, пороха и оружія; что все это противурѣчитъ обыкновеннымъ увѣреніемъ Государя Россійскаго будто

онъ Донскимъ казакамъ никакого вспомоществованія не дѣлаетъ.—Посланники увѣряли татаръ, что Россійскій Государь въ судьбѣ Донскихъ казаковъ никакого участія не принимаетъ, вспомоществованія не дѣлатъ, калмыковъ на Донъ не призывалъ, да и быть этого не можетъ, потому что калмыки Россійскому Государю не принадлежатъ; и если казаки возобновляютъ свой Монастырскій городокъ, то, безъ сомнѣнія, не по повелѣнію царскому, а сами собою и вѣроятно потому, что тотъ городокъ издревлѣ принадлежалъ имъ. Впрочемъ, если бы и дѣйствительно казаки послали просить Россійскаго Государя о вспомоществованіи деньгами, войскомъ и съѣстными припасами, то навѣрное просьба ихъ уважена не будетъ.

Невѣря этому, татары не переставали упрекать посланниковъ, что казаки по повелѣнію Россійскаго Государя задержали у себя турецкихъ пословъ, отправленныхъ изъ Константинополя съ Россійскимъ посломъ княземъ Ильею Милославскимъ; говорили, что за всѣ непріятныя дѣйствія Россійскаго Государя противу татаръ, турецкій султанъ приказалъ крымскому хану послать сильное войско на россійскія украины. Посланники, напротивъ, дѣлали сильныя увѣренія, что если турецкіе послы и задержаны у казаковъ, то, вѣроятно, по неудобству зимняго времени, въ которое нѣтъ возможности пройти съ Дону до Москвы попричинѣ пустыхъ мѣстъ. Но Магметъ-Гирей не удовлетворился словами: онъ приказалъ посланниковъ запереть въ жидовскій городъ, гдѣ они принуждены были сносить терпѣливо различныя огорченія отъ татаръ; а самъ пошелъ въ походъ на русскую украину.

Въ Москву прислалъ онъ гонцовъ своихъ съ требованіемъ отпуска турецкому послу, задержанному казаками въ ихъ городкѣ Раздорахъ. Но въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ 1644 г. Магметъ-Гирей отрѣшенъ былъ отъ ханства и принужденъ изъ похода возвратиться обратно въ Крымъ, а на мѣсто его возведенъ Исламъ-Гирей (269). Россійскій Государь отпра-

(269) Дѣла Крымскія № 15, статейный списокъ посланниковъ Григорія Неронова и подъячаго Никиты Головнина, бывшихъ въ Крыму, 1643 и 1644 годовъ.

вилъ къ новому хану пословъ Тимофѣя Караулова и подъячаго Грязнова Акишева съ поздравленіемъ о вступленіи его на Крымскій престолъ и съ выговоромъ за сдѣланное татарами вторженіе въ Россійскую границу. Посламъ велѣно было снова увѣрять крымскаго хана, что турецкіе послы были задержаны на Дону за невозможностію продолжать имъ путь къ Москвѣ, попричинѣ наступившей зимы, а не самовольно казаками, и что казакамъ за зимнее содержаніе пословъ отправлено жалованье, состоящее въ деньгахъ и хлѣбѣ.

Набѣгъ Крымцевъ на россійскіе предѣлы и осада Черкаскаго городка. Между тѣмъ татары, подъ предводительствомъ новаго хана Исламъ-Гирея, ворвались большими силами въ россійскіе предѣлы, разграбили окрестности Путивля, Рыльска и другіе уѣзды, плѣнили множество народа и возвратились въ Крымъ безъ всякаго препятствія. Донскіе казаки въ это время были заперты въ Черкаскомъ городкѣ азовцами и ногайскими татарами. Враждебные сосѣди эти расположились аулами около Черкаска и всю зиму 1645 г., до вскрытія весны, держали казаковъ въ осадѣ, приступая къ городку повременамъ большими силами: „мы цѣлую зиму, писали казаки къ Государю, будучи оставлены всѣми, сидѣли въ Черкаскомъ городкѣ окруженные ногайцами, темрюцкими черкесами и крымскими татарами; намъ нельзя было выйти изъ городка ни за рыбою, ни за дровами; въ сей крайности многіе изъ насъ померли отъ голоду и стужи“(270). Весною 1646 г. толпы татаръ откочевали отъ Черкаскаго.

---

(270) Дѣла Донскія, отписка Войска Донскаго, полученная въ Москвѣ 10 мая 1646 г. съ атаманомъ Иваномъ Каторжнымъ.

„А нынешнею де весною, марта въ 4 день, отпущены онѣ (россійскіе посланники Телепневъ и Кузовлевъ) изъ Кафы во Царь-городъ кораблемъ, а азовскій де, государь, Мустафа-бей со всѣми азовскими городовыми и съ черкасы темрюцкими и съ ногайскими воинскими людьми хотятъ идти къ намъ на приступъ, вскорѣ, подъ Черкаской городокъ большимъ собраньемъ—конные берегомъ, а судовые рѣкою Дономъ, и мы, государь, тово ихъ большаго приходу ожидаемъ къ себѣ вскорѣ, а помощи, государь, и заступленія, мы, опричь Спаса и Пречистыя Богородицы и тебя праведнаго Великаго Государя, ни отъ кого себѣ

Царь подкрѣпляетъ казаковъ наборомъ вольницы въ украинныхъ городахъ. Между тѣмъ еще въ 1645 г. Донскіе казаки получили свѣдѣніе о приготовленіи крымскихъ татаръ къ походу на ихъ городки, подъ предводительствомъ самаго крымскаго хана, имѣвшаго намѣреніе совершенно истребить казаковъ. Донцы послали въ Москву станицу съ просьбою о вспомоществованіи, какъ деньгами, провіантомъ и порохомъ, такъ и людьми. Россійскій Государь, желая отмстить крымцамъ за разореніе украины, а между тѣмъ подкрѣпить казаковъ, приказалъ дворянину Ждану Кондыреву набрать на Воронежѣ и по другимъ украинпымъ городамъ вольныхъ людей *три тысячи* человѣкъ и подъ своимъ начальствомъ привести ихъ въ Черкаской городокъ; изъ Астрахани же велѣлъ послать астраханскихъ и другихъ татаръ, Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ и другихъ народовъ, подвластныхъ Россіи, подъ начальствомъ князя Семена Пожарскаго; сверхъ сего, по веснѣ 1646 г. рѣкою Дономъ съ Воронежа послано казакамъ жалованье: деньги, хлѣбъ, вино, порохъ, свинецъ и проч. въ такомъ количествѣ, какого напредъ этого никогда не было посылано (271).

Всѣ эти войска прибыли къ Черкаскому весною 1646 г., именно: Жданъ Кондыревъ съ 3,037 человѣками и Петръ Красниковъ съ 1,050 челов., а князь Пожарскій съ астрахан-

---

не имѣемъ, а нынѣшнюю, Государь, всю зиму, мы, бѣдные и безпомощные холопи твои, сидѣли въ низовомъ Черкаскомъ городкѣ отъ ногайскихъ улусныхъ людей и отъ черкасъ темрюцкихъ и отъ крымскихъ воинскихъ людей въ осадѣ, выѣзду, государь, и выходу намъ вонъ изъ городка за рыбою и за дровами ни куды отъ нихъ не было, голоду и холоду мы холопи твои отъ нихъ натерпѣлись, и многіе, Государь, у насъ люди со стыда да и голодною смертію помирали; а кочевали, Государь, тѣ ногайскіе улусы во всю зиму въ нижнихъ нашихъ старыхъ юртахъ по Махину и кругомъ нашево Черкасково городка отъ насъ только въ верстѣ, а выныхъ мѣстахъ и меньше версты, и приходы, Государь, и приступы къ намъ были подъ Черкаской городокъ азовскихъ, и крымскихъ, и черкасъ темрюцкихъ и ногайскихъ улусныхъ людей частые, большимъ собраньемъ и бой и кровопролитіе было у насъ съ ними великое.

(271) Тамъ же, грамота на Донъ 15-го мая 1646 года.